

ТРИЗРАКИ ДЖЕЙН ЛОУРЕНС

КЕЙТЛИН
СТАРЛИНГ

ПЕРЕВОД
КИРЫ БУГАЕВОЙ

18+

роман

МИО

Red Violet. Жестокое уроки

КЕЙТЛИН
СТАРЛИНГ

ПРИЗРАКИ
ДЖЕЙН
ЛОУРЕНС

Перевод с английского Киры Бугаевой

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2022

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445.13
С77

На русском языке публикуется впервые

Старлинг, Кейтлин

С77 Призраки Джейн Лоуренс / Кейтлин Старлинг ; пер. с англ.
К. Бугаевой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. —
448 с.

ISBN 978-5-00195-714-0

Чтобы избежать давления общества, Джейн соглашается на фиктивный брак с доктором Августинсом Лоуренсом. И в первую же ночь в его особняке сталкивается с чередой странностей и, самое ужасное, — с призраками.

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445.13

В тексте имеются неоднократные упоминания наркотических веществ, внесенных в РФ в список запрещенных. Все упоминания приводятся автором исключительно с целью раскрытия творческого замысла. Ввоз, продажа, употребление и распространение данных веществ преследуются по закону. Употребление наркотических и стимулирующих веществ опасно для здоровья и жизни.

ISBN 978-5-00195-714-0

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

THE DEATH OF JANE LAWRENCE
Copyright © 2021 by Caitlin Starling
Печатается с разрешения
издательства St. Martin's Publishing
Group и литературного агентства
Nova Littera SLA.

© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022

Любителям

На манжетах доктора Августина Лоуренса виднелись пятна крови, макинтош не выдержал напора плотной мороси. Доктор выглядел промокшим, несчастным и напуганным.

И все из-за нее.

Джейн Шорингфилд посмотрела на доктора с едва уловимым превосходством. Она выйдет замуж за этого человека, если он сделает предложение, разумеется. Если удастся подвести его к этому решению.

Лоуренс застыл у дверного проема кабинета ее опекуна, Джейн сидела за столом, но тоже выглядела одеревеневшей. Даже издали было заметно, что она выше доктора на несколько сантиметров, что его темные, густые, слегка волнистые волосы подернулись сединой на левом виске, темно-зеленые глаза широко распахнуты, взгляд почти кроткий и грустный — возможно, ложное впечатление из-за освещения.

Джейн и не ожидала, что Лоуренс красив.

— Доктор!

Из коридора прогремел голос опекуна, и мужчина, вздрогнув, повернулся.

— Мистер Каннингем, — приветствовал он. — Простите, кажется, я потерял из виду вашу горничную и вот сам...

— Неважно, неважно. Хорошо, что вы пришли! Я, честно признаться, боялся, вы передумаете.

Джейн не видела мистера Каннингема, но четко представляла: седые волосы зачесаны назад, красивый, но удобный костюм, выразительные карие глаза, сам невысокий и худощавый — пожалуй, даже слишком для обладателя недюжинной харизмы и голоса превосходного оратора.

— Боюсь, мне едва ли удастся составить вам хорошую, даже сносную компанию. — Осторожно, будто с опаской, доктор бросил на нее взгляд. — Много вызовов на дом. И я был в операционной, не мог прерваться.

Ясно, почему манжеты в таком состоянии и почему доктор не мог прийти раньше. Джейн посмотрела на часы и поморщилась. Прошел уже час. Джейн заставляла себя не смотреть. Не была готова. Она еще сидела в очках и всей кожей ощущала пятно от чернил на виске. На столе лежали бухгалтерские книги мистера Каннингема.

Она в целом не могла произвести хорошее впечатление, и дело не только в костюме.

— Прошу вас, не беспокойтесь. — Мистер Каннингем приближался, но Джейн все еще не видела его. — Мы не ждем романтических ухаживаний.

Щеки доктора порозовели.

— Я понимаю, я немного подумал и пришел к выводу, что должен...

— Прежде чем вы продолжите, — перебил его Каннингем, — хочу отметить, что вы еще не слышали доводов Джейн. А послушать стоит.

Именно мистер Каннингем на прошлой неделе завел по ее просьбе разговор об их возможном союзе: в тот день, когда доктор зашел проверить его легкие перед значительным событием — переездом Каннингемов в Камхерст, столицу Великой Брелтании, до которого от Ларрентона день пути

верхом. Неважно, как опекун сформулировал свое намерение, — ему явно удалось, раз доктор пришел.

Выглядел он бледным и, казалось, нервничал. И будто мечтал поскорее сбежать.

— Прошу, позвольте мне объяснить, — заговорила Джейн, радуясь тому, что голос звучал уверенно и гораздо громче шепота.

Доктор повернулся к ней и, кажется, хотел что-то сказать или возразить, но сдержался.

Раздался смех мистера Каннингема, и наконец появился он сам.

— Теперь понятно, что вас задержало.

— Прошу простить... я вовсе не хотел... подглядывать, — забормотал доктор Лоуренс и склонил голову. — Мисс Шорингфилд.

— Доктор Лоуренс, — кивнула она в ответ. — Вы позволите мне изложить свои доводы?

Доктор перевел взгляд с нее на мистера Каннингема и отшатнулся — рефлекторный жест загнанного в угол животного.

Она все сделала неверно: следовало выбрать другое место и время для встречи, подошла бы гостиная, как и советовала прошлым вечером миссис Каннингем. Что ж, ничего не поделать. Все уже собрались, и собрались здесь.

«Помогите мне», — мысленно обратилась она к мистру Каннингему.

— Бренди? — предложил тот, чувствуя ее отчаяние. — Прошу, оно на барном столике.

Каннингем, посмеиваясь, удалился.

Джейн и доктор смотрели друг на друга, разделенные пространством кабинета. Джейн указала на кресло, стараясь быть гостеприимной. Поколебавшись, Лоуренс наконец неуверенно шагнул внутрь помещения, но остался стоять. Джейн спешно отвернулась и принялась наполнять стаканы.

Действуя машинально, она сосредоточилась на построении логичной цепочки доводов; следовало выбрать один, самый общий, не акцентировать внимание на частностях в ее непростой ситуации.

— Брак по большому счету — деловое соглашение, не имеющее отношения к сердцу и душе, — заговорила она, не оборачиваясь. — Лучше обозначить это в самом начале.

Даже в том, как он выдохнул, она почувствовала страх.

Все это слишком. Но она не знала, как еще подойти к сути. Шанс на знакомство по правилам и этикету упущен.

Не разворачиваясь к гостю, Джейн закрыла графин пробкой и продолжила:

— Я тщательно обдумала возможные для нас варианты, доктор Лоуренс. Опустим танцы, на которые у вас, как я полагаю, нет времени, и воспоминания о знакомых из детства, которых я не видела много лет. Получается, что у нас немного вариантов сценария для ухаживания. Предлагаю вернуться к нашим общим целям.

Она напряглась, опасаясь услышать удаляющиеся и набирающие темп шаги. Нет, ничего похожего.

— Общим? — переспросил он. — А какие у нас могут быть общие цели? Мы прежде не встречались.

Кажется, это прозвучало без насмешки или желания уколоть, скорее с настороженностью и любопытством. Стиснув стакан, Джейн резко повернулась, обошла стол и подала бренди с почтительного расстояния. Доктор осторожно взял стакан, старательно избегая прикосновений к ее пальцам.

— Мы оба достигли того возраста, когда наше одиночество вызывает вопросы. Мужчина с вашей внешностью и положением мог бы заполучить в жены любую девушку. Но вы холосты. По какой-то причине вы избегаете нормального брака, однако и мне он не нужен.

Джейн не сводила с доктора глаз, пытаясь понять, как онотреагирует. Сначала глаза вспыхнули — как ей показалось, от желания, — но быстро приобрели прежнее испуганно-настороженное выражение.

В чем же причина?

Джейн глотнула бренди, стараясь скрыть беспокойство.

— Я не могу на вас жениться, — произнес доктор.

Горло сдавило.

— Я никоим образом не хочу вас оскорбить, мисс Шорингфилд, — добавил он спешно, — но мне не нужна жена. Никакая.

— Но ведь вы не женаты, — смутившись, сказала Джейн.

— Не женат, — подтвердил он, и челюсти сжались, пока он обдумывал следующие слова. Взгляд изменился и уже не казался испуганным. Он стал глубоким, обращенным внутрь, словно к какой-то глубинной боли. — Прошу вас, мисс Шорингфилд. Я понимаю, вы хорошо все продумали, но ваши старания напрасны, и мне не хотелось бы доказывать это, поэтому скажу сразу, что не могу принять ваше предложение.

В такой ситуации самое правильное — вежливо извиниться, смириться с отказом и успокоиться. А потом перейти к следующему кандидату из списка мужчин, отвечающих ее требованиям, и надеяться, что он окажется сговорчивее. Джейн следовало сесть в кресло и улыбнуться, но она отчетливо понимала, что не в состоянии сделать ни того ни другого.

— Нет, доктор Лоуренс. — Она сильнее сжала стакан. — Это я вас *прошу*.

Он кивнул и не поднял головы.

— Мои родители умерли, когда я была совсем маленькой, тогда во время войны рузкане применили в Камхерсте газ. — Джейн замолчала, пытаясь унять дрожь в руках.

Не стоило ей касаться этой темы, она никогда и ни с кем не говорила о родителях. Однако признание подействовало. Лоуренс поднял подбородок и озабоченно сдвинул брови. Это подтолкнуло Джейн к действию.

— Они оставили меня на попечение мистера Каннингема, я также получила годовую ренту на содержание. Здесь, в Ларрентоне, суммы вполне хватало для покрытия моих расходов, даже после достижения брачного возраста. Однако приданого у меня нет. А теперь Каннингема в течение месяца должны переехать в Камхерст.

Джейн тщательно следила за голосом, стараясь не выдать эмоций.

— Если бы я решилась отправиться с ними, как они и настаивали, мои расходы превысили бы сумму ренты, даже если бы я отказалась появляться в обществе. Между тем это совершенно невозможно, если учесть, что мистер Каннингем получил должность судьи.

Мысль о том, что придется жить среди испещренных снарядами старых зданий и новых, построенных на замену разрушенным, пугала. Однако это слишком личное, чтобы поделиться с доктором.

— Они готовы доплачивать, но я не могу им позволить.

Мысли роились в голове доктора.

— Но вы не можете остаться здесь, будучи не замужем, абсолютно одна...

— Именно. Мне нужен муж, если я хочу остаться; иначе все будет даже сложнее, чем в столице.

Он помолчал, покачал головой и потом вновь поднял на нее глаза.

— Я понимаю ваше положение и сочувствую, мисс Шорингфилд, но ведь существуют и другие варианты. Определенно существуют. Вы... — На щеках его вновь заиграл румянец, как тогда, когда он смотрел на нее, склоняя голову

в дверной проем. Страх. Страх, вызванный ее предложением. Над ним словно навис меч, который опустится, если он ответит отказом. Сейчас Джейн казалось, что природа страха иная, не такая, как ей показалось сначала.

Доктор слотнул, дернув кадыком.

— Я уверен, вам не составит труда найти подходящего мужа.

— Вы идеально подходите на роль моего мужа. — Она собралась с силами и шагнула вперед. Они были теперь так близко, что слышалось его дыхание. Из глаз исчезла настороженность, и они стали привлекательнее. — Нет, я не прошу вас о милости, доктор Лоуренс. Вы можете использовать мои навыки.

— Навыки?

— До пятнадцати лет я училась в Школе для девочек Шарптон. Последние шесть лет занималась бухгалтерией мистера Каннингема. Также я веду журнал учета, работаю с банками, помогаю начислять и взыскивать налоги. Полагаю, в офисе врача пригодится человек с моими способностями.

От удивления он резко вздохнул.

— Вы предлагаете мне сделку?

— Полагаю, финансовое положение мое уж не так хорошо, чтобы брак был вам выгоден, но я человек организованный, умею систематизировать документы и хорошо знаю математику. Я могла бы заняться этим, а вы сосредоточитесь на медицине.

— Но вам ничего не известно о жизни врача, бизнесе или медицине.

— Я научусь, я хочу учиться.

Доктор отпрянул, ошеломленный, однако осторожно продолжил:

— Но медицина — это кровь, боль, ужас. Это тяжелый мир. — В его словах сквозило не предупреждение. Скорее

желание проверить ее реакцию или, возможно, подтолкнуть к действию. — Для этого необходимо призвание, а не просто навыки.

— Ваше призвание медицина, а *мое* — бухгалтерия. Остальное я выучу потом, главное — прийти к соглашению в целом.

— Жизнь ваша будет незавидной. Меня часто не бывает дома. Добавим еще ночные вызовы и...

— Но ведь это будет деловое соглашение, — прервала она его речь. — Я ничего не имею против частых отлучек и не стану предъявлять претензии. Вы мне подходите.

Она старалась увести разговор от профессионального аспекта к бытовому, и ей удалось. Теперь она смотрела на него, затаив дыхание.

Доктор глотнул бренди, завел глаза вверх, потом перевел на Джейн.

— Вы будете все время одна, — сказал он. — Я провожу ночи в семейном поместье, в нескольких километрах от города. У меня есть условие: вы никогда не должны там появляться.

От чувства облегчения колени подкосились. Он все же размышляет над ее предложением, не отверг сразу, на этот раз нет. Она заставила себя улыбнуться, хотя едва держалась на ногах.

— Как я уже сказала, вы *во всем* мне подходите.

Судя по тому, как он нахмурился, она снова его удивила.

— Вы знали?

— До меня дошли слухи.

Он практиковал в Ларрентоне чуть более двух месяцев, да и Джейн не была сплетницей, но Каннингемы что-нибудь да знали о каждом жителе города.

— Вы наняли посыльного, который вас находит. Большинство людей до сих пор уверены, что причина в частых

ночных вызовах. И лишь некоторые обратили внимание, что между звонком и вашим приездом проходит какое-то время, в любом случае приходится ждать.

— Вы наблюдательны, — отметил доктор, и она рассмеялась.

Эти новые звуки изменили его окончательно. Страх исчез, и в следующее мгновение он посмотрел на Джейн, расправив плечи.

— Мне не следует вступать с вами в брак, — повторил он скорее для проформы.

— Дайте мне шанс. Позвольте доказать свою пользу. Я приму все условия, если вы ответите тем же.

Поразмыслив несколько мгновений, он кивнул.

— Хорошо. Приходите в клинику. Прежде чем принять окончательное решение, которое обяжет нас обоих, изучите все вблизи. Вы поймете, что в моей работе много крови и сложностей. Она очень сложная.

— Когда я могу прийти?

— Завтра, но не ранним утром. Наденьте то, что не жалко испачкать. Необходимо заняться личными папками пациентов, финансовыми документами, а также отвечать на звонки. Возможно, придется стать кем-то вроде медсестры, если пациенты обратятся в мое отсутствие.

— Да, конечно, завтра я непременно приду, доктор Лоуренс. И постараюсь проявить себя с лучшей стороны. А вы можете делать что пожелаете, чтобы отпугнуть меня и заставить изменить решение.

Джейн быстро шагала к дому в центре города, где располагалась клиника доктора Лоуренса, от нее не отставала служанка Каннингемов Екатерина. Джейн общалась с ней с удовольствием, хотя больше слушала, чем говорила. Девушка жила в Камхерсте, потом переехала в Ларрентон, очень радуясь повышению в должности. Джейн ее понимала — не каждый в городе доверится рузканской девушке даже спустя столько лет после войны, — но сейчас изобразить интерес к разговору не получалось. Джейн не могла думать ни о чем ином, кроме доктора Лоуренса и его клиники.

Вчера вечером он, кажется, ей поверил, услышав истинные причины ее желания. Это хорошо. Миссис Каннингем, например, утверждала, что большинство мужчин не приняли бы ее идею брака как делового соглашения, исключающего интимные отношения между супругами. Однако доктора Лоуренса подкупило именно это. Просто чудо из чудес!

Когда Джейн поняла, что замужество — единственный способ остаться в городе, то дала себе слово, что согласится только на условиях, позволяющих сохранить определенную

дистанцию с мужем. Она ожидала от него учтивости, пусть и с оттенком безразличия, но точно не навязчивых прикосновений и целого выводка детей. Она создана не для близости, а для работы с числами. И для работы в целом.

Ее опекуны Каннингемы устроены иначе. При ней они держались вполне благопристойно, но нельзя было не заметить, какие взгляды бросал на жену мистер Каннингем, как они — словно невзначай — касались друг друга, встречаясь в коридоре. Они взяли Джейн в дом в разгар войны по просьбе ее родителей. Собственный младший ребенок пары был уже почти взрослым, а они сами влюбленными, как в юности. Джейн восхищалась этим, хотя понимала, что ее шансы на подобные отношения ничтожно малы. Она не умела выстраивать эмоциональные связи, которые становятся основой привязанности. Нет, традиционный брак не для нее. Она бы постоянно испытывала волнение, неловкость и досаду.

И все же выйти замуж было необходимо. Ей повезло, что нашелся мужчина, готовый позволить ей остаться самой собой. К тому же доктор Лоуренс жил далеко от города и нуждался в человеке, работающем с документами и бухгалтерией.

Несмотря на то что ему немного за тридцать, что он врач с частной практикой и весьма хорош собой, у него, как оказалось, тоже есть причины считать фиктивный брак вполне приемлемым для себя. Таким образом, они находились в равных условиях, сделка их взаимовыгодна.

— Мисс Шорингфилд! — крикнула сзади Екатерина. Джейн обернулась через плечо. Каким-то образом ей удалось оторваться от Екатерины на значительное расстояние, а ведь они миновали всего несколько улиц. Джейн дождалась, когда служанка подойдет ближе, и приготовилась

извиняться. — Выглядите взволнованной сегодня, мэм. — Щеки ее пылали.

Екатерина поступила на службу к Каннингемам шесть месяцев назад, но довольно быстро освоилась. Будь у Джейн другой характер, они могли бы сблизиться с милой и добродушной Екатериной, стать почти как сестры. Но Джейн не умела дружить. Вежливая, приветливая и старательная в работе, в личной жизни она тяготилась общением и светскими разговорами. Дружба давалась ей нелегко.

— Полагаю, — начала Джейн, сбавляя темп, — в клинике тебе все покажется скучным.

— О, я и не собиралась идти туда с вами, — весело отмахнулась Екатерина. — Отправлюсь за покупками, а потом провожу вас домой.

— Хорошо, — ответила Джейн.

Молодой обеспеченной женщине необходим сопровождающий, хотя мир остальных людей значительно изменился за последнее десятилетие. К тому же ей предстоит деловая встреча, а не свидание.

Девушки миновали еще несколько улиц. Между домом Каннингемов и клиникой доктора располагались в основном частные дома с магазинами на первом этаже. Одни старые, прошлого века, а то и позже, другие новые — не каменные или кирпичные, а бетонные и без мозолящих глаз обветшалых статуй-оберегов у окон и дверей.

Над входной дверью Каннингемов тоже висела голова с крыльями. В детстве Джейн смотрела на нее как замороженная: голова напоминала о резных водосточных трубах в ее доме в Камхерсте, — правда, те были покрашены, а деревянная голова покрыта лаком.

Джейн с Екатериной свернули за угол и вышли на одну из главных улиц Ларрентона с оживленной в такой погожий день торговлей. Фермеры и лавочники предлагали товары

многочисленным покупателям, как местным, так и заезжим. Ларрентон — небольшой город (одного врача достаточно), но все же процветающий.

К зданию на противоположной стороне подъехала переделанная под катафалк монастырская карета, из нее вышли несколько монахинь в черных одеяниях и направились к дверям пансиона.

Несколько мгновений Джейн наблюдала за их уверенной поступью, полы одежды развевались при каждом шаге. Если бы ее не взяли к себе Каннингемы, сейчас она могла быть одной из них. Сейчас монашествующие все меньше посвящают время молитвам и служению, а занимаются усопшими и опекают детей-сирот. Возможно, такая жизнь ей бы понравилась.

Екатерина, не обращая внимания на женщин, шла вперед. Джейн прибавила шаг, чтобы сократить расстояние между ними.

Вскоре девушки остановились у клиники доктора Лоуренса. Джейн медленно подошла к двери и повернулась к служанке.

— Вернешься через несколько часов? Полагаю, к этому времени я закончу.

По крайней мере, с привычной частью работы.

— Да, мэм. — Екатерина кивнула и поспешила обратно на оживленную улицу. Джейн проводила ее взглядом и переключилась на дверь.

Порог без ступенек, чтобы легче заходить больным и увечным. Высокий и широкий проем, дверь выкрашена красным, в тон кирпичным стенам. Над дверью голова с крыльями, как у Каннингемов, только с переплетенными ветками лавра и полустертыми, почти нечитаемыми надписями. Старое здание, принадлежавшее предыдущему доктору предыдущей эпохи со всей ее историей.

Доктор Лоуренс молод, он получил образование в Камхерсте и наверняка свободен от всяких суеверий. Интересно, велит ли он все это снять и закрасить?

Проверив, не выбилась ли прядь из-под черной широкополой шляпы, Джейн постучала.

Через мгновение дверь отворил пожилой привратник, возможно в прошлом чернорабочий или борец. Коренастый и мускулистый, с широким и грубым шрамом с одной стороны щеки, искажающим черты лица.

Мужчина улыбнулся, щеки порозовели от прохладного воздуха. Вероятно, у нее самой покраснел кончик носа.

— Мисс Шорингфилд? — спросил мужчина.

— Да. — Удивительно и приятно, что к ней обращаются по имени. — Доктор просил меня помочь ему сегодня.

Привратник отступил, жестом приглашая войти.

— Он заканчивает дела наверху. Просил передать, чтобы вы чувствовали себя свободно и огляделись, только ни к чему не прикасались в операционной. У меня есть чай, если не хотите сразу погружаться в работу. Посыльный из мясной лавки утром принес колбасу. Позвольте ваши пальто и шляпу?

Джейн улыбнулась в ответ, чувствуя, что заражается его приподнятым настроением.

Доктора Лоуренса в городе считали человеком спокойным и сдержанным, замкнутым, но в целом добрым и располагающим к себе. Неудивительно, что и его сотрудник обладал вполне приятными качествами.

— О, благодарю, но не думаю, что стоит сейчас подбрасывать в желудок топлива, — ответила Джейн, прошла в дом и, расстегивая бордовое пальто, огляделась, затем передала вещи привратнику.

Она старалась не обращать внимания на тошнотворный запах, но желудок предательски сжался. Книги. Она

предпочитала иметь дело с ними, а не с кровью. Но ведь большинство людей приходят сюда с несварением желудка или схожими проблемами, ее задача — лишь усадить их и найти папку с историей болезни. Тем же, кому совсем плохо, будут вызывать врача на дом.

Так, по крайней мере, она полагала.

— Как вас зовут? — Она повернулась к привратнику.

— Мистер Лоуэлл, — кивнул тот.

— И вы привозите доктора, когда он за городом, верно?

— Да, и еще я помогаю перевозить тяжелых пациентов, слежу за продуктами на кухне и всякое прочее. Хм, возможно, в будущем обязанности по кухне вы возьмете на себя.

— Он так сказал? — Джейн покраснела.

Мистер Лоуэлл усмехнулся.

— В некотором смысле. Да уж, честно говоря, не думал, что он почувствует к кому-то симпатию.

Симпатию? О нет. Живот снова отреагировал, но как-то иначе, и Джейн прижала к нему ладони, желая немного успокоить. Мужчина метнул взгляд на руки, и Джейн, невольно покраснев, опустила их. Нельзя давать повод для сплетен о причинах ее появления здесь.

— Признаюсь, прошлым вечером мы встретились впервые.

— Неужели?

Где установить границы откровенности? Он явно не в курсе, что она собирается замуж за Лоуренса, но теперь знает, что ребенка она не ждет, по крайней мере от доктора. Пожалуй, этого достаточно.

— Да, весьма странно. Я даже не помышляла, что стану медсестрой.

Джейн прошла немного вперед. Лучше всего сменить тему.

— Рабочий кабинет доктора на этом этаже?

— Да, первая дверь направо.

— Могу я войти?

— Он предупредил, сказал, что вы просмотрите книги учета.

Джейн едва сдержала улыбку. Его предусмотрительность — хороший знак. Приятно ощущать, что тебя ждали. Хочется верить, это так. Возможно, мистер Лоуэлл подозревает, что их отношения не ограничиваются рабочими, мужчину несложно заподозрить в привязанности, если он предугадывает желания молодой женщины.

— Благодарю, мистер Лоуэлл. Дальше я справлюсь сама. Не буду более вас задерживать.

— Все в порядке, мисс. — Мужчина поклонился и направился к входу, видимо, в операционную. Запах стал резче, но, к счастью, дверь быстро захлопнулась.

Джейн прошла по коридору. Пустые, как ни странно, стены, без портретов, лишь пара пейзажей около комнаты ожидания. Потом Джейн заметила несколько фотографий в рамках, изображение было нечетким, пришлось подойти ближе. Она несколько секунд озадаченно разглядывала корягу на первом фото, затем решительно прошла к кабинету доктора Лоуренса.

Дверь была открыта. Внутри ничем не примечательное и чистое помещение. На огромном столе — беспорядок из бумаг (куда хуже, чем у мистера Каннингема), но в остальном ни соринки, ни пятнышка. Перед столом — пара стульев, у дальнего окна — массивное кресло с приподнятой подушкой для ног. Стены и здесь голые, за исключением нескольких полок с книгами за рабочим столом.

Джейн надела очки и принялась разбирать бумаги. Вскоре она заметила в верхнем правом углу каждого листа

пометки крупными буквами. В ящиках она обнаружила папки с именами — видимо, истории болезней — и стопку бланков.

Ага. Окинув стол взглядом еще раз, Джейн отметила, что перед ней не просто листы, а те же бланки, аккуратно заполненные. Нет сомнений, доктор создал систему хранения информации и позже переносил на бланк записанное наспех. Довольно умно, ей будет проще.

К системе предстоит привыкнуть. Поразмыслив, Джейн принялась укладывать листы в аккуратные стопки, подняла несколько, ускользнувших на пол, и уже пожалела, что отказалась от чая, когда услышала деликатное покашливание.

— Доктор Лоуренс. — Джейн встала и потупила взгляд. Отчего-то ей стало стыдно, будто ее застали подглядывающей в ванной комнате.

Доктор совсем не выглядел недовольным или раздраженным. Пройдя к столу, он посмотрел на стопки собранных бумаг.

— Что ж, ваши навыки весьма полезны. Гипотетически. Если вас не испугало увиденное.

— Нет, разумеется. — Она пожала плечами. — Где найти журнал учета? Я о счетах пациентов.

— У меня его нет.

Джейн вгляделась в его лицо и нахмурилась.

Он поспешно поднял руки.

— Я собирался завести. Счета выставляются в конце года, я собирался просмотреть истории болезней и все подготовить.

— И это отличный способ потерять деньги, ведь получить с людей удастся не все. К тому же следует регулярно пополнять запасы медикаментов и расходных материалов. У мистера Каннингема статей расходов гораздо меньше,

но он выставляет счета каждые два месяца. Я настаивала, чтобы данные в журнал заносились ежедневно, это упрощало работу и позволяло точнее вести учет. Мистер Каннингем возмущался, что приходится записывать каждый шаг, но, уверяю вас, в вашем случае все будет предельно просто.

Лоуренс несколько мгновений смотрел на нее во все глаза, затем неуверенно произнес:

— Вы действительно в этом разбираетесь? В таких непохожих вещах?

— Непохожих, но нередко связанных.

Джейн покраснела от гордости и, желая это скрыть, развернулась и отошла к другому краю стола.

— У вас есть хотя бы список прописанных вами медикаментов?

— Они в досье пациентов.

— Я имела в виду отдельный список по порядку. Как же вы ведете учет на складе?

Лоуренс вскинул бровь.

— По старинке полагаюсь на глаз.

— Совсем не годится.

— Ассистента у меня никогда не было, а для меня, признаюсь, подобная деятельность — неэффективная трата времени. Я стараюсь выжить сам и спасаю жизни людей, мисс Шорингфилд. Такова реальность.

— Что ж, теперь у вас есть я.

Слова слетели с языка, прежде чем она успела подумать. Охватившее смущение и внутренняя дрожь заставили ее расправить плечи. Пожалуй, она позволила себе лишнее.

Доктор Лоуренс отвернулся и коснулся воротника сорочки.

— Вы, несомненно, убедили меня дать вам работу, — произнес он. — Что же касается замужества...

— По сути, это одно и то же.

— Однозначно нет. Не знаю, за кого вы меня принимаете, мисс Шорингфилд, но отношения — интимные — с ассистенткой я бы себе никогда не позволил. Это униЗИтельно.

По его виду она бы не сказала, что он так думает. Он был скорее взволнован, возбужден.

Возможно, растерян.

Определенно, со вчерашнего вечера он много думал о том, что даст ему брак. Джейн должна была бы обрадоваться его выводу, что близость в их случае неуместна и нежеланна, но вместо этого снова ощутила, как краска заливает щеки. Разумнее всего поставить точку в этом вопросе раз и навсегда.

Джейн сняла очки и потерла о платье.

— Насколько я понимаю, консумация необходима для подтверждения подлинности союза.

Доктор Лоуренс закашлялся, резко повернулся и посмотрел прямо ей в глаза.

— Полагаю, да, — пробормотал он.

— Уверена, мы найдем способ соблюсти закон и организовать жизнь так, как считаем нужным. Если же вы полагаете, что вчера вечером я неверно выразилась...

Ее заставил прерваться громкий стук во входную дверь, за которым послышались трезвон колокольчика и тяжелые торопливые шаги мистера Лоуэлла. Вскоре из холла донесся приглушенный крик. Волнение исчезло с лица доктора, — впрочем, как и остальные эмоции. Оно застыло, а взгляд стал острым и серьезным.

— Мисс Шорингфилд, — произнес он совершенно незнакомым голосом, — пожалуйста, отправляйтесь в операционную, оставьте обе двери открытыми. Там фартуки и халаты, приготовьте по одному для меня.

— Я...

Входная дверь с шумом распахнулась, послышался суровый окрик:

— Торопитесь, мисс Шорингфилд!

Джейн сразу попала на передовую. Мистер Лоуэлл оставил одну створку двери открытой, и Джейн распахнула вторую. Пытаясь отыскать глазами фартуки, она услышала, как женщина что-то объясняет путано и на высоких тонах. Фартуки висели на вешалке для одежды в углу, Джейн подхватила один и приготовилась бежать в прихожую, но стоны доносились уже от двери.

Мистер Лоуэлл и незнакомый мужчина внесли в кабинет пациента — крепкого, широкоплечего рабочего, который держался за живот.

— Сделайте что-нибудь! — кричал он. — Вытащите его! Я не хотел! — С пальцев стекала кровь, уже пропитавшая одежду, капли падали на пол.

Джейн покачнулась, стиснула зубы и приказала себе выдерживать.

Следом появились доктор Лоуренс и пожилая женщина, сжимавшая окровавленными руками его плечо.

— Я услышала крик из столярной мастерской, — говорила она. — Кажется, он что-то резал ножом, я не уверена...

— *Уберите его!* — заорал мужчина и дернулся так, что мистер Лоуэлл с трудом его удержал.

Доктор Лоуренс посмотрел на женщину, быстро произнес что-то неразборчивое для Джейн и кивком указал на дверь. Затем он медленно, отцепляя палец за пальцем, принялся убирать со своего плеча ее руку, и Джейн хотелось закричать, чтобы поторопить их. Наконец женщина удалилась в коридор, а доктор занял место рядом с Джейн. Мистер Лоуэлл и второй помощник уже поднимали пациента на стол.

Руки Джейн дрожали, когда она накидывала на доктора фартук. Он привычно повернулся одним боком, потом другим, чтобы она могла его застегнуть. Потянул ее к тазу в углу:

— Антисептик. Вымойте руки, мисс Шорингфилд. Очень тщательно. И под ногтями непременно.

Она сделала все, как он велел, и вернулась к операционному столу. Мистер Лоуэлл уже закрепил ремни поперек груди пациента, на щиколотках и запястьях. Прибывший с ним человек молча стоял и смотрел, как тот воет и корчится от боли. Мистер Лоуэлл убрал чехол с набора инструментов.

— Мистер Ривер, — произнес Лоуренс, и мужчина у стола перевел взгляд с больного на него. — Прошу вас выйти. Мисс Шорингфилд останется.

Только в это мгновение Джейн вспомнила, что не надела фартук. Одного взгляда на пациента хватило, чтобы понять, почему доктор ей не напомнил: у них не было времени.

Даже через прилипшую к телу и пропитанную кровью ткань рубашки можно было увидеть, что живот пострадавшего разрезан. Сверху наложили повязку, но пострадавший разорвал ее и частично вмял внутрь раны. Доктору Лоуренсу понадобились всего две секунды, чтобы оценить положение.

— Мисс Шорингфилд, мне нужны ваши руки. — Не дождавшись ответа, он потянул ее ладонь и зажал ею рану с одной стороны, разведя пальцы так, чтобы они расположились по рваному краю. Джейн с трудом удержалась в таком положении, когда мужчина закричал и дернулся. Вторую ее руку доктор расположил симметрично с другой стороны.

— Держите рану открытой. Мистер Лоуэлл, принесите грушу для промывки.

Взяв ножницы, доктор Лоуренс ловко разрезал рубашку, потом удалил попавшие внутрь раны куски ткани.

Джейн чувствовала, как дрожат залитые кровью руки, как она струится между пальцами, попадает под ногти и при этом отвратительно воняет. Черт подери, просто отвратительно. Она никогда в жизни не видела такого количества крови, горячей и скользкой, она все прибывала и прибывала с каждым толчком сердца, переливалась через края раны. Мужчина по-прежнему кричал и корчился, при каждом его вдохе и выдохе руки ее поднимались и опускались. Вернулся мистер Лоуэлл и протянул доктору стеклянную трубку с резиновым шаром. Лоуренс нажал на него, и вода с напором хлынула в рану, выталкивая кровь и заставляя ее переливаться через край. Джейн увидела нечто, похожее на смотанный жгут или оболочку колбасы. Во рту появился вкус желчи. Раньше она не представляла, как человек выглядит изнутри. Оказалось, как мясо. Отвратительное сырое мясо.

— Порезы очень глубокие. — Доктор Лоуренс не испугался, не отпрянул в ужасе. Его манеру речи можно было назвать отстраненной, но Джейн сочла ее сосредоточенной; он констатировал факты, помогая тем самым Джейн прийти в себя.

Он способен это исправить.

Он должен исправить.

Лоуренс прижал к лицу пациента пропитанную эфиром ткань. Пары долетели и до Джейн, обожгли ноздри.

Мужчина обмяк, дрожь прекратилась, громкий крик перешел в монотонный затихающий вой.

Доктор убрал от его лица ткань и повернулся к Джейн. У нее мелькнула мысль: *«Сейчас он спросит, справлюсь ли я. Не надо, пожалуйста, не надо»*. Если он спросит, придется признаться, что нет. Пусть лучше он молчит, и оба будут думать, что она способна на все и готова выполнить любое его поручение.

Доктор Лоуренс кивнул и встал на прежнее место.

— Мистер Лоуэлл, ретракторы, — негромко произнес он. В помещении зависла тишина. Все будто перестали дышать.

Мистер Лоуэлл передал два блестящих, изогнутых на концах металлических инструмента. Доктор поместил их под кожу, на которой лежали руки Джейн, и положил ее пальцы сверху. Сначала они чуть не соскользнули, но Джейн напряглась и удержала их на месте, ощутив облегчение от возможности больше не прикасаться к рваной плоти. По указанию доктора она чуть раскрыла рану, раздвинув края.

— Что тут у нас... — пробормотал Лоуренс. Он принялся исследовать внутренности, осторожно отодвинул в сторону блестящие кишки, затем переместил более толстую часть, и она легла сверху на остальные, беспорядочно спутанные. Джейн невольно подалась вперед и вытянула шею. Нет, она ошибается. Они только кажутся спутанными, на самом деле каждый кусок укладывался на свое место, однако ни в одном она не заметила дырки. Все внутренности сливались, казались ей единым целым.

— Что же ты с собой сделал, — прошептал под нос доктор Лоуренс.

Впервые в его голосе мелькнула растерянность, когда он сосредоточенно принялся отделять месиво исковерканной

плоти от окружающих тканей, обнажая большую часть более крупного органа, пока он не стал ровным и гладким. — Что ж, ему еще повезло... Задень чуть глубже, умер бы от септицемии примерно через неделю.

Лоуренс вытащил из живота пациента окровавленный кусок кишки и осторожно отложил в сторону, а затем взял иглоку и нитку. Джейн смотрела на врача во все глаза. Орган внутри живота еще функционировал, он был живой. Джейн показалось, она даже уловила движение, но потом все скрыла кровь.

— Мисс Шорингфилд, не отвлекайтесь, пожалуйста, тяните, следите за ретракторами.

Джейн заставила себя опустить глаза и принялась смотреть, как он зашивает поврежденную часть кишечника, вытягивает кусок кишки через рану, сделанную самим пациентом. Когда доктор велел, она убрала инструменты, и он удивительным образом быстро сшил короткими твердыми стежками все слои и наконец кожу.

Он казался ей похожим на умелого мастера, творца, уверенного в движениях и заворачивающего ими.

Мужчина на столе застонал, несколько раз дернулся. Действие эфира заканчивалось.

— Возьмите кусок ткани, — обратился к Джейн доктор Лоуренс, — смочите антисептиком и протрите кожные покровы. Сделайте так, чтобы они были максимально чистыми. Это ускорит заживление и выздоровление в целом.

Задание. Задания помогали. Джейн взяла ткань и протерла нижнюю часть грудной клетки мужчины, затем осторожно промокнула шов в том месте, где была рана. Потом она принялась очищать его руки, извлекать кусочки волокон из-под ногтей. Пациент спал, лицо осунулось от страданий и боли, но выглядело спокойным. Стерев грязь со лба, Джейн

повернулась к доктору. Он склонился над торсом больного, быстро дезинфицируя и зашивая множественные небольшие порезы. Внезапно, будто почувствовав на себе ее взгляд, Лоуренс прервался и поднял голову.

— Мы хорошо поработали, — сказал он и улыбнулся. — Вы помогли спасти жизнь.

В груди Джейн разлилось золотое тепло, изнутри стала бить дрожь — впервые с момента, как она зажала руками рану мужчины.

— О, — выдохнула она.

Доктор Лоуренс пропитал губку антисептиком и приложил к небольшой дырке на животе пациента.

Через несколько минут Лоуренс закончил и направился к раковине. Джейн пошла следом, не представляя, что еще делать.

— Вы хорошо справились. — Он открыл кран локтем и принялся смывать с рук кровь. — Подойдите, приведите себя в порядок. Следовало сказать вам, чтобы вы надели халат, но я, откровенно говоря, не думал, что вы... да. Многие спокойно могли бы это вынести, я предупреждал вас: медицина — грязное дело.

Джейн обернулась и посмотрела на операционный стол. Пациент спокойно спал. Сделанное доктором Лоуренсом казалось волшебством.

— Невероятно. — Она перевела взгляд на его лицо с четкими чертами, затем на руки. — Я не представляла, что такая операция возможна.

— Она невозможна в большинстве случаев, но меня учили лучшие мастера Великой Брелтании. — Он произнес эти слова без гордости и хвастовства.

— Что с ним случилось, что вы удалили?

— Толстую кишку, она деформировалась... по какой-то причине. Я приглашу для консультации специалиста.

— Но пациент будет жить? Теперь, когда кишка удалена и вы... — Джейн замолчала, не в состоянии подобрать слова, и просто кивнула в сторону мужчины на столе.

— Я оставил губку, чтобы продукты жизнедеятельности не попали в рану. Если содержать ее в чистоте, она скоро затянется, и он проживет еще много лет. Но эта операция не похожа, например, на ампутацию, где мы четко понимаем, что делаем, и пациенты чаще выживают, чем нет. Я надеюсь, он будет жить. — Доктор опустил голову, пальцы сжали край раковины.

Джейн подошла к нему, борясь с внезапным желанием ободряюще коснуться его плеча.

— Значит, мы хорошо поработали, — произнесла она в тон Лоуренсу.

Он посмотрел на нее, и губы его тронула благодарная улыбка. Сердце внезапно забилось порывисто и часто, что было непривычно и удивительно.

В операционной они остались одни, мистер Лоуэлл в какой-то момент незаметно удалился. Джейн постаралась сосредоточиться на неприятных запахах крови и плоти, на бьющей в нос остроте антисептика, до сих пор витающем в воздухе эфире — на чем угодно, лишь бы не смотреть на доктора, чья улыбка казалась чем-то интимным и опьяняющим.

— Как вы себя чувствуете? Если станет нехорошо, скажите, я усажу вас на стул. — Он взгляделся в ее лицо, заметив смятение, причиной которого определенно счел слабость. Вероятно, ждал, что она скажет, будто передумала становиться женой врача.

— Чувствую себя... — Невоспитанной. Неприлично так разглядывать человека. Но было и еще что-то... Она ощущала душевный подъем, внутреннюю легкость и одновременно усталость до мозга костей, а совсем глубоко

внутри — ужас от полученного опыта. Кожа на руках до сих пор горела в тех местах, где на нее попала кровь.

— Чувствуете себя живой, — закончил за нее доктор. — Это порой ошеломляет. Вам следует вымыть руки и посидеть немного в моем кабинете. Как только мистер Лоуэлл поможет мне перенести пациента в палату, pošлю его к вам домой за сменой одежды.

Джейн оглядела себя. Пятна крови расплзались, увеличивались, занимая все больше места на платье. Под ногтями темные дуги запекшейся крови, на ладонях она засохла и осталась в каждой бороздке. Джейн покачала головой, подошла к раковине и подставила руки под ледяную струю воды.

— Позвольте. — Доктор взял кусок мыла и ее ладонь. Его пальцы были слегка мозолистыми, ловкими и умелыми, и вскоре ногти и все руки Джейн выглядели почти так, как раньше. Джейн стояла затаив дыхание. Она ждала, сбудется ли ее отчаянное, постыдное желание: проведет ли доктор еще раз большим пальцем по костяшкам ее руки.

Этого не случилось. Он взял вторую ее руку, проделал с ней то же, что с первой, закрыл кран и протянул чистое полотенце.

А затем ушел, стянув через голову фартук и швырнув в кучу дурно пахнущего тряпья, зная, что мистер Лоуэлл непременно заберет его в стирку, как только закончит дела.

Джейн, застыв, проводила Лоуренса взглядом. Кабинет доктора в ее восприятии находился очень далеко, будто за несколько миль, а собственный мир сжался до размеров операционной, на столе которой лежал хрипящий пациент.

Она обошла его и замерла, увидев кусок кишки, вырезанный доктором Лоуренсом. Она не ожидала этого, полагая, что его уже бросили в бак вместе с окровавленными тряпками и разрезанной рубашкой. Но нет, кишка была здесь и казалась такой же, как во время операции. Она не сдулась, не уменьшилась, Джейн не видела никаких признаков смерти этого куса плоти. Она склонилась и подалась вперед, боясь даже моргнуть, — казалось, тогда она увидит, как выступает на перламутровой поверхности кровь, разгоняемая при каждом сокращении сердца.

— Мисс Шорингфилд. — В дверном проеме появился мистер Лоуэлл.

— Да? — Она перевела на него взгляд.

— Я пришел перенести мистера Рентона в палату.

— Вам нужна моя помощь?

— Нет-нет. Но прежде хотел спросить, не нужно ли вам чего? Чай? Или бренди?

— О нет. — Она сцепила руки и переплела пальцы, чтобы унять дрожь. — Я... тогда пойду в кабинет доктора. Ах да... скоро должна прийти Екатерина — наша горничная. Пошлите ее за моей одеждой: вы больше нужны здесь.

— Никаких проблем, но раз так, я ее подожду. Может, возьмете пока фартук, чтобы сесть на него? — Привратник кивнул и прошел к вешалке. Джейн покраснела от своей непредусмотрительности, взяла фартук (а могла бы надеть его раньше) и поспешила в коридор, а оттуда к кабинету мистера Лоуренса.

Его не было на месте. Издалека она услышала голос, но с такого расстояния разобрать слова не удавалось.

Джейн закрыла дверь и огляделась. Смогла бы она жить здесь и работать? Смогла бы справиться и помочь очередному мистеру Рентону в операционной? Или выдержать разговор с его родственниками в холле?

Она замечталась, вспомнив, как доктор прикасался к ее рукам, но быстро пришла в себя, смутилась и принялась раскладывать фартук на кресле у окна. Она не успела сесть и замерла, услышав шаги.

Теперь звуки слышались в операционной, в том числе и голоса людей, говоривших так тихо, что пришлось напрячь слух, чтобы разобрать разговор. Это были мистер Лоуренс и мистер Лоуэлл.

— Она сказала, что нашла это в круге из соли и мела, — произнес мистер Лоуэлл. — Следует ли нам сообщить в магистрат?

Соль и мел? Джейн тут же забыла о крови, прикосновениях доктора и сделала несколько шагов к двери, чтобы лучше слышать. Конечно, мел и соль — не преступление, о котором стоит извещать судью.

Лоуренс ответил не сразу, отчего Джейн засомневалась в верности выводов. Однако следующая фраза совершенно потрясла ее, тем более что была произнесена еще тише прежнего:

— Патологии в медицинском смысле не случаются из-за суеверий, мистер Лоуэлл. Но иногда становятся причиной безумия. В этом случае имело место, вероятно, непреднамеренное отравление.

— А увечья? — Не отступал мистер Лоуэлл. — Мог ли это быть какой-то... ритуал?

Джейн нахмурилась. Великая Британия отказалась от религии больше десяти лет назад, хотя, конечно, некоторые люди еще верили. Джейн знала, что некоторые клиенты мистера Каннингема вернулись к более ранним учениям и теперь совершали приношения богам с просьбами о богатом урожае, варили приворотные зелья и тому подобное. Неужели существуют и ритуалы с увечьями?

Нет-нет, должно быть, это лишь плод больной фантазии. Если бы подобные вещи имели место в обществе, в магистрате узнали бы в первую очередь.

— Он вспорол себе живот, сэр, — с нажимом произнес Лоуэлл.

Лоуренс откликнулся в этот раз быстро, говорил он твердо и даже немного громче:

— Проблемы с толстой кишкой не могли быть вызваны им самим. Это невозможно. Но могу утверждать, что деформация доставляла настолько сильную боль, что человек пошел на такой шаг. Понимаю, вы сомневаетесь в моих выводах, мистер Лоуэлл, но придется поверить. Нашему пациенту просто не повезло.

Мистер Лоуэлл промолчал. Вероятно, объяснения рассеяли его тревогу и сомнения, а уверенность доктора в своей правоте передалась Лоуэллу, как и Джейн.

Суеверия — вещь опасная по двум причинам: они толкают людей на безрассудные поступки и заставляют видеть то, чего не существует на самом деле.

— Да, доктор, — наконец послышался голос мистера Лоуэлла. — Мистеру Рентону необходимо тепло или холод?

— Тепло. Разожгите камин, пусть он начнет потеть, а потом сразу потушите пламя.

После все стихло, и Джейн опустилась в кресло.

Лоуренс — хороший врач. Она не догадывалась об этом, когда делала ему предложение, не знала, насколько он гениален, и не узнала бы, не стань свидетелем в операционной. От осознания этого на душе становилось спокойнее и теплее.

Нет, пожалуй, это ложь. Напротив, она ощущала невероятный подъем, который было непросто сдерживать.

Ясно, что мистер Рентон выжил только потому, что жил в Ларрентоне — городе, где открыл практику доктор Лоуренс. Только благодаря ему с пациентом все будет в порядке. Джейн казалось, что она никогда не забудет его истошный крик и ловкие движения рук доктора, его указания и поддержку. Они вместе отлично справились, наладили работу в организме мистера Рентона.

Медицина никогда ранее не казалась ей привлекательной, но теперь миссия врача стала понятнее. У них с доктором Лоуренсом похожие цели и задачи, они смотрят на мир с одинаковых позиций. Только она копается в цифрах, а он — в человеческих телах. Ей приходится разбираться с бездушными числами, а ему — с проблемами живых людей. Возможно, он и сейчас рядом с миссис Рентон. Джейн представила, как он придерживает даму за руку и дает рекомендации по уходу за мужем, здоровье которого так внезапно пошатнулось.

За мужем.

Совсем недавно она думала о мистере Рентоне как о лежащем на столе теле, а во время операции и вовсе как о куске мяса.

Она не женщина, а настоящее чудовище. Совсем не похожа на доктора Лоуренса; таким, как она, здесь не место. Умение отстраниться помогло ей устоять на ногах во время операции, помогло спасти человека, но теперь ее терзала вина за свои чувства. Он не тело, он мужчина. Живой. Способный дышать и мыслить.

Вновь слышались шаги, скрипнула дверь кабинета, но Джейн не отрывала от окна невидящего взгляда. Звон чашки и блюда заставил ее наконец повернуться.

Доктор Лоуренс поставил чайную пару на небольшой столик у подлокотника.

— Я говорил вам, что вы можете увидеть кровь, но не думал, что первый же день окажется таким захватывающим, — произнес он после долгой паузы.

— Такова жизнь врача, — произнесла Джейн, подняв чашку. Донышко ударилось о блюдо, коротко звякнув.

— Порой да. Но не всегда. Для вас, вероятно, это было чересчур?

Чересчур? Вот уж точно. Они еще не приняли решение насчет брака. Ей всего-то и нужно сказать: *«Да, это было слишком, поэтому я передумала»*. Или, например, повторить его же слова, сказанные накануне вечером: *«Мне не следует вступать с вами в брак»*.

Джейн поняла, что не сможет произнести ни то ни другое. Она не представляла, что сказать, но в то же время хотела продолжить беседу.

— Пожалуй, мне нужно подумать, — выдавила она из себя.

Интересно, что он чувствовал вчера, когда страх, легко читавшийся в глазах, все же не помешал ему принять

предложение? Она грубо обошлась с ним, проигнорировав его желания и навязав свои. Следовало принять его отказ сразу и смириться, что пошло бы на пользу обоим.

Ощутив на себе его взгляд, Джейн подняла глаза и увидела, что он смягчился. В нем не было нетерпения, осуждения за слабость, как и облегчения от осознания собственной правоты — она не соответствует его требованиям.

— О чем именно вы думаете? — спросил доктор.

О вас. Она отвернулась и принялась подыскивать подходящий ответ. Обсуждать оставшееся в прошлом она не умела.

— О пациенте, — сказала Джейн. Вполне близко к правде, а значит, не совсем ложь. — О ком же еще?

— Разумеется. О ком же еще. — Он сделал несколько шагов, сокращая расстояние между ними, и сел на подставку для ног. Фартук защищал его одежду, но не всю, поэтому на рукавах остались пятнышки крови — пустяки по сравнению с тем, как выглядит ее платье.

Она уже была готова извиниться, найти слова, чтобы отправить его к больному, рядом с которым ему следовало находиться, когда неожиданно услышала:

— Вы были великолепны.

Джейн похолодела.

Лоуренс залился краской и потер шею сзади.

— Для человека, не проходившего обучения, не имеющего практики... Вы сделали все правильно и не лишились чувств.

Что можно сказать на такое? Она интуитивно решила сделать комплимент в ответ.

— А вы виртуозно работаете иглой. — Некстати перед глазами возникла картинка, как он зашивал плоть. И вот опять мгновенный скачок мысли от живого человека к куску мяса. Джейн содрогнулась.

— Мисс Шорингфилд?

— Все в порядке. Это вышло лишь потому, что я перестала думать о нем как о личности, как о человеке. — Она вглядывалась в лицо, искала в глазах вспышку ужаса от услышанного, но не заметила. — Разве это не чудовищно? — добавила она, многозначительно подчеркивая слова.

Он посмотрел на нее нежно с покровительственной улыбкой.

— Едва ли. Я испытывал то же самое на первом году обучения в университете. Это помогало не переживать из-за того, что я вынужден причинять боль, облегчая страдания. Многие врачи так и не могут с этим справиться, хотя большинству удается. Такой подход позволяет решить проблему. Вы осознаете, что с вами происходило, — это хорошее начало.

Он излишне добр к ней. Они сделаны из разного материала.

Джейн нахмурилась и посмотрела в чашку.

— Я пригласил специалиста, — произнес доктор Лоуренс. — Надеюсь, она поможет мистеру Рентону в период выздоровления. А вы можете гордиться собой, мисс Шорингфилд.

Слова, выбранные с точностью хирурга, тронули Джейн, она почувствовала, что действительно гордится собой. С облегчением выдохнув и поддавшись минутной слабости, она произнесла:

— Можете называть меня Джейн. Если пожелаете.

— Буду рад.

Сердце пропустило удар.

— Выздоровление пациента. — Она поспешила вернуться к делам, на твердую почву, подальше от волнительного ощущения притяжения и тепла, удивительным образом возникшего между ними в операционной. — Каким оно будет?

— Несколько недель ему предстоит воздержаться от работы. Возможно, несколько месяцев.

Джейн сфокусировалась на цифрах. Несколько месяцев мужчина не сможет работать, не получит денег. Как же выживет семья? Счета останутся неоплаченными. В том числе доктора Лоуренса.

— Тогда он не сможет вам заплатить.

Возможно, она станет лучше разбираться в медицине, но как же цифры? Они константы в ее жизни, создают правила. Джейн впитала логику цифр, но они приводят к ужасным выводам. Жизнь не важнее суммы на бумаге, однако у нее есть цена, указанная на листе.

— Миссис Рентон заплатит, как сможет, — ответил Лоуренс, отлично видя, как скривилось ее лицо. — Сумма невелика, но я не стану брать с нее больше, я ничего не потеряю.

Пальцы ее крепче сжали чашку.

— Но цифры не обманывают. Я разделяю вашу морально-этическую точку зрения, однако вам надо платить за оборудование, аренду помещения. За еду и одежду. В противном случае вы не сможете работать врачом и спасать жизни людей.

Цифры лишены доброты и гуманности.

— Мы получим пожертвования. Так часто бывает в подобных случаях.

— Пожертвования поступают нерегулярно, — возразила Джейн. — На эти суммы нельзя полагаться.

Она уже заметила ежедневные несоответствия в gross-бухах, надо будет разобраться с каждым конкретным случаем.

— Извините, мисс Шорингфилд, Джейн. Я не собираюсь делать вид, что у меня на все есть ответ.

Она поморщилась и склонила голову.

— Я тоже. Но я доверяю цифрам. Полагаю, это привело бы к разногласиям, стань я вашей женой. К напряжению, недопониманию. Простите, я не подумала об этом, когда делала вам предложение. Работа всегда была для меня постоянной, а оказалось... может быть иначе.

Мне не следует вступать с вами в брак. Фраза была готова слететь с языка. Как глупо. Разлад между ними возник уже на следующий день после знакомства. На симпатию она даже не смела надеяться, но взаимопонимания и умения приходиться к соглашению вполне бы хватило.

— Я пойму, если вы будете настаивать, чтобы я носила другую одежду, — произнесла она. Упрямство и смущение не позволяли первой заговорить об отмене договоренностей.

— Я не стану этого делать.

Сердце ее подпрыгнуло.

— Честно признаться, — продолжал доктор, — я до сих пор совсем не уверен, что вообще хочу жениться. Однако если это случится, разве не естественно, что со временем мы научимся быстро приходиться к единому мнению?

Во рту пересохло, внезапно заболела голова. Она желала так много и сразу, что едва ли была способна взглянуть на все по отдельности.

— Как насчет других моментов? — спросила она, отбросив мысли. — Например, консумации?

Доктор потупил взгляд и покраснел.

— Полагаю, если мы решим, что брак должен быть подтвержден, то непременно найдем способ сделать это на условиях взаимного уважения. В нашем случае я рассматриваю вас скорее как сотрудника и готов уважать ваше желание держать дистанцию. Что скажете?

Логика подсказывала, что лучше хранить молчание, но она позволила себе пристально разглядывать его лицо. Что изменилось всего за одну недолгую операцию? Как получилось,

что они поменялись ролями? Теперь не он пытается найти аргументы против, а она ищет бреши в его системе защиты их отношений. Возможно, соглашение уже достигнуто на глубинном уровне, ей недоступном?

— Рассматриваете? Несмотря на то что я никогда не перестану говорить о счетах и затратах? — отважилась спросить Джейн. — И на то, что часто не смогу относиться к пациентам как к людям?

— Потому что знаю: в вас больше гуманизма, а не бредовых идей воспаленного воображения одинокого человека.

Гуманизма. Она открыла ему свои чудовищные мысли, а он на этом основании решил, что она добра и человечна? Он видит ограниченность ее плана, который она так тщательно продумывала. Впрочем, добиться встречи с ним все же получилось, а позже — и заложить основу для продолжения отношений.

— Как я вижу, вчера вы думали не только о представленных мною аргументах.

— Мысли появились сегодня. Примерно в середине разговора с миссис Рентон о послеоперационном уходе за мужем. — Он выглядел смущенным и по-прежнему не поднимал глаз. — Мне внезапно пришло в голову, что ваш основной довод вполне разумен. Брак — хорошо продуманная договоренность по большей части. Вы обладаете навыками, которые могут быть полезны в моей работе; кроме того, с вами приятно находиться рядом.

— Приятно находиться рядом, — повторила она. Джейн никогда не слышала, чтобы о ней говорили в таких выражениях.

— Таким образом, — продолжал доктор, — будь общение с вами неприятным, ваши навыки подтолкнули бы меня к предоставлению вам места, однако брак казался бы мне невозможным. Но поскольку это не так, я бы сказал, что

брак, в принципе, возможен, если условия никогда не выйдут за рамки довольно странной договоренности о приеме на работу и он останется лишь юридически оформленным соглашением. В этом случае, как мне видится, неважно, как это называется, пусть даже и браком.

— Понятно, — произнесла Джейн. И она действительно поняла, что он запутал все еще больше, чем было в ее изначальном плане, а границы теперь практически размыты. Впрочем, она еще могла возразить, могла отказаться от столь своеобразного ухаживания. Могла уйти и попробовать воплотить свой план с другим мужчиной, надеясь, что все будет менее запутанным и сумбурным.

Но ведь доктор Лоуренс ее *понимал*. Кровь ли, страх или просто работа — нечто помогло ему увидеть в ней то, чего бы она не хотела показывать, но при этом он не отвернулся. Не счел ребенком, ищущим защиты, какой до сих пор считали ее Каннингемы, или чудовищем из-за того, что ум ее рационален и принимает лишь логику, но не эмоции.

Джейн не подозревала, что такой исход возможен. Пусть границы размыты, какое это имело значение, если основная канва плана все же угадывалась? Они станут мужем и женой, их отношения будут ровными и вежливыми. Муж будет уважать ее и понимать.

— Приятно, что вы еще размышляете над моим предложением. Я... мне бы хотелось помочь мистеру Рентону.

— Да, — кивнул он. — Это было бы неплохо. Как вы сейчас себя чувствуете?

Джейн прислушалась к внутреннему состоянию и оглядела платье. На юбке засохшие пятна крови. Пальцы еще болят оттого, что руки долго находились в одном положении, удерживая ретракторы. Однако самое важное, что они помогали мужчине и он жив. И она тоже сыграла в этом роль.

— Горжусь собой, вероятно. — Ей потребовалась смелость, чтобы произнести эту фразу. — До этого состояние было скорее экстатическим. Причина, я думаю, в том, что я боялась навредить пациенту и опасалась, что разобраться в бухгалтерии будет невероятно сложно.

— Откройтесь позитивным эмоциям, сосредоточьтесь на них. Это лучшая часть работы. Кажется, что внутри светит солнце, позвольте ему согреть вас.

— Как вы это назвали? Ощущать себя живым?

Доктор поднялся.

— Да, живым. Это чувство существует благодаря тебе самому. Ты жив, и они живы, ты это чувствуешь, будто связан с ними, и эффект становится двойным по силе. Это дурманит.

Джейн поднялась с места. Ее и доктора разделяли всего несколько сантиметров. Эффект близости нельзя было скрыть.

— Дурманит? — переспросила она.

— Да, заставляет делать глупости. — Взгляд его скользнул по ее губам.

Джейн чувствовала, как сердце трепещет в груди совершенно против ее воли.

Лоуренс тряхнул головой, сделал шаг назад и потер затылок.

— Постарайтесь насладиться этим чувством и будьте осторожны по дороге домой. Сегодня можете не возвращаться.

— Вы меня отсылаете?

— Да. Но, согласитесь, так лучше. Нам обоим надо хорошенько подумать, у меня к тому же есть неотложные дела. Уверен, и у вас тоже.

— Я... да, разумеется. Когда мне нужно быть здесь снова? Завтра? — Сердце упало, когда она увидела сомнение на его

лице. — Так будет лучше, если считаете, что совместная работа поможет вам принять решение.

— Да, считаю. Надеюсь, мнения совпадают.

— Да, — ответила она, возможно слишком быстро.

Доктор Лоуренс улыбнулся, возможно слишком широко.

— Я пришлю за вами, как только смогу. А пока сосредоточьтесь на дилемме, связанной с финансами.

— Непременно. На этом и многом другом.

Джейн старательно приводила в порядок мысли до самого вечера и все следующее утро. Кроме того, она выставила последние счета клиентам мистера Каннингема и подготовила новую бухгалтерскую книгу для его деятельности. Каждый оформленный документ вызывал воспоминания о докторе Лоуренсе и брошенном им вызове. Сидя со склоненной над столом головой, Джейн поглядывала в окно напротив, оценивая походку каждого мужчины, выискивая шатенов в запятнанных пальто в надежде, что одним из них окажется доктор Лоуренс.

Она упрямо отказывалась признавать, не видя логического обоснования, что скучает по Лоуренсу. Они расстались на позитивной ноте; довольно странно, если учесть открывшиеся сложности с воплощением ее плана. Оставалось только ждать.

Но Джейн не желала ждать. Она вспомнила внезапное притяжение, возникшее между ними в последние минуты ее пребывания в кабинете. Тогда он говорил о дурмане. Если бы он не отступил на шаг, а подошел ближе, то мог бы коснуться ее щеки своими ловкими пальцами...

Мысль заставила ее вздрогнуть — ей хотелось, чтобы он ее поцеловал.

Вероятно, они совершили ошибку — перешли от споров о совместимости к разговорам о том, как им приятно общение друг с другом, и сочли это благоприятным признаком. Ей в самом деле приятно находиться с ним рядом. И вот, пожалуйста, уже возникло желание. Джейн не учла этого в плане, потому что не допускала такой возможности. Теперь же чувства пугали и сбивали с толку.

Она могла дать понять, что его финансовая этика кажется ей весьма своеобразной, но как объяснить такое? Это все далеко от того, о чем она говорила вначале, что обещала и предлагала. Пожалуй, и для доктора ее чувства станут неожиданностью. Выводы оказались болезненными. Неужели не существует других вариантов?

Никогда ранее Джейн не испытывала ничего похожего. Вдруг со временем это не пройдет?

Джейн переключилась на мысли о спасении жизни мистера Рентона. Вспоминала о крови на руках, о том, как выровнялось его дыхание после наркоза, — худшее тогда было уже позади. Она принесла пользу, помогла доктору Лоуренсу выполнить свою работу. Со временем, опытом и самоотверженностью все будет еще лучше.

Желание освоить новое дело и преуспеть будоражило кровь сильнее, чем нежность единственного кандидата в мужа. Джейн верила, что непременно победит.

Не стоит погружаться в странные фантазии. Скорее всего, она скоро потеряет к ним интерес, ведь черты, которые она не замечала ранее в себе, не могут стать ее частью навсегда. Разумнее сейчас сосредоточиться на работе. Она справится с непослушными и незнакомыми пока стремлениями и станет для доктора соратником, как и оговаривалось ранее. Все получится, нужно лишь

правильно поставить задачу. Пустые размышления не могут.

Отталкивая сомнения, Джейн вышла в коридор и натянула дождевик. Лоуренс так и не послал за ней; возможно, ожидание напрасно, да и Екатерина собралась обедать; нет, надо подождать или, по крайней мере, сообщить домашним, куда она пошла.

Надев шляпу, Джейн выскользнула на улицу. Утро плавно переходило в день. Небо стало серым, и жители торопились завершить дела до грозы.

На этот раз Джейн направилась через узкие извилистые улочки вдали от многолюдных проспектов. Здесь ее вряд ли увидят — мысль о том, что ее могут узнать, вызывала отвращение.

Джейн миновала небольшие домики с огородами у крыльца, затем пустынную площадь перед старой церковью и вышла к магистрату. Окна занавешены, суд не работал по утрам.

Джейн впервые приехала в Ларрентон, когда ее передали под опеку Каннингемов. Тогда на стенах еще виднелись фрески, старые, но яркие, за ними — и то лишь за половиной — плохо следили. Теперь все стены побелили. Когда работы закончились, мистер Каннингем радовался, что злобные фигуры исчезли.

С площади Джейн вышла на главную улицу. Раскаты грома уже не раз прокатились у горизонта, и толпа заметно поредела. Почти у самого порога она услышала за спиной грохот колес. Обернувшись, увидела непривычный для Ларрентона элегантный черный экипаж напротив клиники доктора Лоуренса. Сбоку красовалась малиновая эмблема, частично забрызганная грязью из-за дальней дороги:

УЧЕБНАЯ БОЛЬНИЦА КОРОЛЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Возница прыгнул и открыл дверцу кареты явно специалисту из Камхерста, в чьей консультации так нуждался доктор Лоуренс. Из кареты вышла невысокая и худощавая дама с выразительными скулами и гладко зачесанными назад волосами. Юбки образовывали вокруг ног чернильное облако, а медицинский халат был неуместно оторочен мехом. В руках дамы не оказалось медицинского чемоданчика, лишь сумка размером с книгу.

В ответ на ее пристальный взгляд Джейн приветственно кивнула.

— Вы специалист, за которым посылал доктор Лоуренс?

— Да, — ответила женщина. — Меня зовут Авдотья Семеновна Низамиева.

Рузканка. Акцент сильнее, чем у Екатерины, но Джейн подумала, что она говорит так специально, проверяя реакцию. Нет, зачем это доктору Низамиевой?

— Должно быть, вам пришлось ехать всю ночь, чтобы добраться так быстро.

Путь из Камхерста в карете занимал почти целый день, и это без учета времени на предъявление транзитных писем. Доктор прибыла с невероятной скоростью.

— Я выехала сразу, как пришел вызов от доктора Лоуренса. Здоровье ждет немногих, а смерть никого.

— Значит, вы хирург?

— Нет. Не хирург и не врач общей практики. Я управляю приютом, принадлежащим Короне.

— Приютом, — тихо повторила Джейн, стараясь не хмуриться. Зачем доктору Лоуренсу ее услуги? Потом она вспомнила о меле и соли. Безумные суеверия. Но ведь он принял решение послать за консультантом еще в операционной, до того как узнал о них от Лоуэлла.

Мужчина вспорол себе живот без видимой причины, возможно из-за боли, — вот самое простое объяснение.

— Полагаю, — произнесла доктор Низамиева сухим холодным тоном, — меня ожидают внутри. У меня нет времени отчитываться перед... медсестрой? — Дама оглядела Джейн с головы до ног, словно прикидывая, кто она.

Вероятно, она сама ненамного старше доктора Лоуренса, но из-за надменного вида определить точнее сложно. Похоже, она резка и своенравна.

— Не совсем. — Джейн расправила плечи. — Я бухгалтер. Прохожу обучение, чтобы стать ассистентом доктора Лоуренса.

— Ясно, — произнесла доктор Низамиева абсолютно равнодушно, без тени удивления, замешательства или насмешки. Затем она открыла дверь в здание и вошла. Джейн последовала за ней.

Когда за их спинами хлопнула дверь, из операционной вышел доктор Лоуренс.

Джейн подавила нахлынувшую радость, натолкнувшись на острый взгляд, который появлялся у него во время работы.

— Давайте же, скорее, — произнес он неожиданно резко. У Джейн упало сердце. — Мистер Рентон. Авдотья, подожди в моем кабинете, у нас...

— Я иду с вами. — Не хирург, но вошла в операционную уверенной поступью — такую, как полагала Джейн, ей никогда не выработать.

Но мистер Рентон. Почему он опять в операционной? Опять спутались кишки?

Джейн пошла следом и дрожащими руками взяла фартук.

Пациент обездвиженно лежал на операционном столе, но не от эфирного наркоза и не потому, что привязан. Похоже, у него не осталось сил. Доктор Лоуренс убрал губку и обнажил кровавое отверстие в животе. Кожа вокруг покраснела и отекала.

— Руки, — скомандовал доктор, и Джейн послушно обработала их, вытерла и вернулась к столу.

— Что случилось?

Доктор Лоуренс поднял на нее грустные глаза.

— Слабый пульс. Я сделал кровопускание и дал слабительное, но лучше не стало. Возможно, кишечное кровотечение, которое мы пропустили или спровоцировал я. — Он говорил неуверенно, хотя быстро выдавал факты. — Придется вновь резать. Ретракторы, если позволите, мисс Шорингфилд, опять воспользоваться вашей помощью.

Джейн нашла нужные инструменты, разложенные на подставке рядом. Через пару секунд она повернулась, и доктор разрезал по шву. Изнутри потекла тонкая струйка, дурно пахнущая смертью. Джейн ничего не поняла, лишь услышала, как Лоуренс выругался.

— Грушу! Промывочную грушу! Джейн, возьмите ее и налейте воды, простой воды.

Руки плохо слушались, когда она схватила прибор из тонкого стекла и резины и открыла кран. Где же та уверенность, которая появлялась в ней в обществе доктора? Умирает вместе с тем, кто лежит сейчас на столе, и от этого все внутри холодеет.

Она спешно передала грушу и принялась наблюдать, как черная жижа вытекает из живота больного с каждой впрыснутой порцией воды. Она лихорадочно искала ткань здорового розового цвета, но не находила.

Доктор Лоуренс погрузил руки внутрь живота и принался ощупывать органы, которые не мог увидеть.

— Если откачаем гной, а я найду прободение...

Грудь мистера Рентона еще поднималась и опускалась, но все реже и ниже. Затем реже, еще реже.

Лоуренс выругался.

Грудь мистера Рентона застыла.

Короткий путь от поверхностного дыхания до полного его отсутствия значительно изменил пациента. Лоуренс продолжал работать, но вскоре вытащил руки на поверхность. Они были черными.

— Ушел, — тихо сказал он.

Джейн перевела взгляд на врача. Внутри все замерло, сковало холодом, но на глаза навернулись обжигающие слезы. Она поспешно отошла к раковине и принялась мыть совершенно чистые руки, словно испачкала их в крови.

Закончив, обернулась и сразу увидела равнодушно-спокойное лицо доктора Лоуренса.

— Моя вина, — произнес он.

Стоявшая за ним доктор Низамиева приподняла бровь, но промолчала. Она сверлила Лоуренса острым взглядом. В чем причина? Джейн не знала. Будь она врачом, хирургом, все можно было бы объяснить осуждением, желанием превзойти, но это невозможно. Нечто необъяснимое, отчего Джейн беспокоилась еще больше.

— Я поспешил во время первой операции, — продолжал Лоуренс. — Вначале промыл рану, а в конце нет. Рана загноилась. Боялся упустить момент.

— Доктор Лоуренс, — тихо обратилась к нему Джейн.

Он прошел, не глядя на нее, к раковине и принялся отмывать щелочным мылом отвратительно пахнувшие руки.

— Могу я увидеть образец? — подала голос Низамиева.

— Пациент мертв, — бросил Лоуренс, выключил воду и резко повернулся к ней, сжав пальцами край раковины за спиной. — Так что нет. Если отправишься в путь прямо сейчас, до полуночи будешь в Камхерсте. Прошу простить, что вызвал без надобности.

Женщина, которую вызвали из столицы срочно, а теперь так же срочно и бесцеремонно просили убраться, могла бы выглядеть расстроенной или оскорбленной, но только не

доктор Низамиева. Труп рядом, как, впрочем, и все остальное, ее тоже не волновал.

— Ты послал за мной не просто так, Августин, — наконец прервала она затянувшееся молчание.

— Я говорил, что шанс невелик. — Лоуренс стал дергаемым и резким. Сорвав с себя окровавленный фартук, он швырнул его в бак для белья.

Доктор Низамиева покосилась на Джейн, хотя та не издала ни звука. Лишь сейчас она решилась пошевелиться и скинула фартук.

— А как же твоё исследование? — спросила Низамиева.

— Забросил. Прости, я сегодня едва ли составляю хорошую компанию, — тем же тоном произнес доктор.

— В следующий раз, — она оказалась рядом, сделав несколько странных скользящих движений, не совсем похожих на походку человека, — убедись, что пациент будет жить, и только тогда посылай за мной. Я не люблю приезжать, когда все неопределенно, когда ты сам не уверен. Ты хорошо знаешь, что я не люблю в игрушки играть.

Лоуренс сжал зубы, но промолчал, жестом указал на дверь и вышел проводить даму. Джейн направилась следом.

Уже в дверях Джейн услышала его громкий шепот:

— Я пригласил тебя развеять мои страхи, а не нагнетать их.

— Я приехала не тебя утешать, — парировала Низамиева.

Она поспешно вышла из здания и направилась к экипажу. Лоуренс смотрел ей вслед, коротко и тяжело дыша. Джейн хотела сказать о замеченной в Низамиевой странности, выяснить, в какой области она специалист, но так и не нашла слов.

Вчерашний триумф стал казаться жалким. Все пошло не так. Захотелось повернуть время вспять.

— Мне надо вызвать гробовщиков, — тихо и вежливо произнес Лоуренс. — И миссис Рентон тоже.

— Конечно. Я... мне тогда лучше вернуться домой?

Наконец он взглянул на нее и подался вперед, но затем вытянул руки вдоль тела.

— Джейн, я сожалею, что вам сегодня пришлось стать свидетельницей смерти. Мне очень, очень жаль, что я не смог его спасти.

— Это было бы чудом.

Он едва заметно вздрогнул.

— Не хочу вас задерживать.

Да, конечно. Она глубоко вздохнула, развернулась, чтобы уйти, но услышала за спиной:

— Но я слаб и прошу вас остаться. Вам не надо будет мне ассистировать и вообще работать, но... не думаю, что вам стоит оставаться наедине с этой потерей.

Его голос наполняла боль, доктор истекал ею, как кровью.

Она не собиралась его покидать, не сейчас. На то были тысячи причин, переплетающихся, произрастающих одна из другой. Кроме того, невозможно представить, что она вернется в кабинет мистера Каннингема с болью в сердце из-за кончины мистера Рентона.

— Разумеется, я останусь. — Джейн вновь повернулась. — Я даже могу отправиться с вами к гробовщикам.

— Не стоит. Да и погода снова меняется. Я зайду к ним, когда она станет лучше. — Облака на небе превратились в тучи, заслонили собой солнце и грозили пролиться дождем. — Сейчас надо убраться, подготовить операционную для других посетителей. Мистер Лоуэлл вернется в течение получаса и сменит меня, тогда я присоединюсь к вам. А пока отправляйтесь в мой личный кабинет, он наверху, справа от лестницы. Устраивайтесь, там есть виски и книги. Я скоро приду.

Джейн кивнула, но осталась на месте наблюдать, как он быстрой походкой направляется к дверям операционной.

Спасение мистера Рентона дало ей повод гордиться собой, но его кончина все изменила, вернула чувство бесполезности и запятнанности.

Джейн, пытаясь избавиться от этого ощущения, стала подниматься в кабинет.

Все стены в помещении занимали книжные полки. Рабочий стол меньше по размеру, но однозначно любимый. За ним, как и говорил доктор, Джейн заметила графин и два стакана и решительно налила себе виски.

Глотнув, она оглядела шкаф со стеклянной дверцей со странными вещами: несколько коряг с наростами на коре, камень с трещиной, из которой проглядывала сверкающая кристаллическая решетка, веревка, скрученная как кочан цветной капусты. Предмет, который она сначала приняла за красный цветок необычной формы, оказался анатомической моделью черепа человека, только без носа и кожи, сошедшей от болезни.

Все это казалось странным и ужасным.

Джейн собиралась отвернуться, но обратила внимание на предмет, совсем не покрытый пылью. Большая стеклянная банка с бледно-золотистой жидкостью с чем-то знакомым. Через мгновение она поняла, что это кишка мистера Рентона.

Значит, это и есть *образец*? Его хотела увидеть Низамиева?

Джейн нахмурилась, но не смогла отвести взгляд. Она помнила этот орган еще внутри пациента, когда тот живой лежал на операционном столе.

Доктор Лоуренс должен избавиться от этого куска плоти, раз больной уже скончался. Зачем держать его в кабинете?

Задаваясь вопросом, она уже знала ответ.

Он красивый.

Джейн внимательно разглядывала все изгибы, теперь уже вблизи и без страха и паники, охвативших разум тогда, в операционной. Она видела предмет, существующий сам по себе, не похожий на кусок каната, или колбасу, или завязанную веревку. Джейн не могла определить, где внутренняя сторона, где наружная, где его начало, где конец.

На лестнице раздался звук шагов. Джейн повернулась в тот момент, когда в комнату вошел Лоуренс, уставший, измученный, как прежде. Он молча оглядел ее и перевел взгляд на шкаф.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил он. — Признаюсь, я совсем забыл о коллекции, когда предложил подняться сюда.

— Для чего это? — спросила она отчасти с отвращением, отчасти с любопытством.

Лоуренс подошел ближе, налил себе немного виски, прислонился к столу и оглядел полки с корягами, камнем и банкой.

— Для самообразования. Я коллекционирую необычные вещи. Уже много лет. Все необычное, что встретилося в медицинской практике, просто в природе.

— Включая, — она кивком указала на кишки, — часть мистера Рентона.

— Да, его толстую кишку, — подтвердил Лоуренс.

— Вы оставите ее себе? И... после?

— Да. Я никогда не видел ничего подобного. Возможно, и не увижу. Вас это беспокоит?

— Нет, — поразмыслив пару мгновений, ответила Джейн. — Думаю, вовсе нет.

Все же она отошла от шкафа и поднесла ладонь к глазам. От нее пахло смертью, хотя она не касалась гнойной жидкости в животе пациента.

Мысль о его крови на руках прошлым днем заставила ее вздрогнуть. Она погружала руки внутрь раны. У пациента

началось заражение. Она дезинфицировала руки и мыла, но могла сделать что-то неверно.

Джейн задрожала сильнее. Еще одна ошибка. Еще один повод считать себя непригодной ко... всему этому.

— Что случилось, Джейн? — Лоуренс заметил ее волнение.

— Вы... считаете себя повинным в смерти мистера Рентона. — Она старалась не смотреть на него. — Разве мы оба не виновны в равной степени? Я неопытна, вам приходилось отвлекаться. Я...

— Нет, — с неожиданным жаром запротестовал он, потом отставил стакан, взял ее за руку и отвел подальше от шкафа. — Не думайте так, мисс Шорингфилд. Джейн. Дайте слово, что никогда не будете так думать.

— Доктор Лоуренс, — едва слышно произнесла она, ошеломленная теплым отношением и страстным взглядом.

— Джейн, если и есть в этом чья-то вина, то она моя. Это моя профессия. Более того, я в ответе за все, что происходит в операционной. Никогда не вините себя. Это опасная тропа, с которой, однажды ступив, уже не сойти. — Он посмотрел на нее с нежностью. — Я врач, и нести эту ношу мне, такова моя судьба. Я давал клятву. Вы же находились рядом из желания помочь и сделали все, что могли. Никто в мире не вправе требовать от вас большего.

— И от вас тоже.

— Возможно. — Он сжал зубы. — Но я все это выдержу, а вы нет. Я не могу просить вас об этом, даже будь мы помолвлены.

Джейн казалось, она не в состоянии дышать. Невозможно справиться и с чувством вины, и со страхом, и со смущением одновременно.

— Помолвлены, — произнесла она на выдохе лишь одними губами.

В голове нарастал гул — слишком много эмоций и впечатлений за небольшой период. Ей хотелось сбежать, скрыться, но еще больше — остаться здесь и дожидаться, когда он вновь посмотрит на нее так же.

Однако Лоуренс отошел на шаг и поправил манжеты.

— Именно. Я прошу прощения, несмотря на то что вы можете стать моей женой. Простите меня.

— Доктор Лоуренс...

— Мои мысли сегодня в совершенном беспорядке. — Он опустил голову, понимая, что из-под бледности кожи на щеках проступает румянец. — Мне не следовало просить вас остаться, мы ведь не...

— Августин.

Он замер, услышав свое имя.

— Да?

Надо все вернуть назад. С ее стороны неразумно приходить сюда лишь для того, чтобы повидаться. Импульсивный поступок. Она не позволит ему совершить решительный шаг, осознавая, что не оправдала доверия. Все остальное шло наперекор тому, чего оба желали.

И все же... она хотела, хотела больше всего на свете услышать от него еще раз это слово.

Джейн отставила стакан и сцепила руки с такой силой, что кожа побелела. Джейн жаждала противоположного, но с одинаковой силой.

— Вы сказали, помолвлены?

Оставив вопрос без ответа, Лоуренс прошел мимо нее к шкафу и выдвинул один из нижних ящиков, где на подложке из бархатной ткани лежали какие-то вещицы, в том числе два кольца.

— Одно из них предназначалось вам, — произнес Лоуренс. — Разумеется, не сегодня. Даже если бы мистер Рентон выжил, все равно было бы рано... а сейчас и вовсе

неподходящее время. — Наконец он поднял на нее глаза. — Простите меня, пожалуйста.

Джейн подошла ближе и внимательно осмотрела кольца. Не металл и без драгоценных камней. Резные, из нескольких частей белого матового материала.

Это же резьба по кости.

Она склонилась и провела пальцем по изгибу пористого материала.

— У меня был пациент, — зашептал на ухо Лоуренс, — в теле которого постепенно разрастались кости. Я сделал несколько операций, в частности удалил нарост, мешавший подвижности локтевого сустава. Из него он сделал эти кольца.

— Значит, кость человека. — Человека с необычной болезнью. Кажется, она начинала понимать, что это за кол-лекция.

Доктор взял одно из колец и принялся перекачивать на ладони.

— Его звали Джулиан Этридж. Человек с потрясающим чувством юмора, он просил у меня разрешения сохранить все, что я вырежу. Сказал: в некотором смысле он сотворил это сам. Я выполнил просьбу, и часть из костей он превратил в эти кольца. Изначально он хотел подарить их сыну и его жене, но их слегка шокировало. Тогда он предложил кольца мне, и я принял подарок.

И правда, хирург, чьи руки всегда в крови, вряд ли найдет для невесты что-то лучше кольца из материала, полученного собственным трудом. Было бы неплохо постоянно видеть его как напоминание о неизбежности смерти, это остудит ее лихорадочные мысли.

Джейн взяла с бархатной ткани второе кольцо и отметила тонкость и аккуратность работы. Одно легкое нажатие большим пальцем — и части пришли в движение, форма

и толщина кольца изменились. Только гений мог сделать вещицу, которая будет выигрышно смотреться в любое время на любом человеке. У мастера наверняка было прекрасное пространственное воображение, неплохо бы взглянуть на его чертежи.

Августин пристально наблюдал за ней. Надо что-то сказать. Возможно, поблагодарить. Или нет? Или да?

Решив выйти замуж, Джейн попросила миссис Каннингем составить список всех мужчин в городе младше ее не более чем на два года и старше не более чем на четырнадцать лет. Затем убрала из списка всех с доходом значительно больше или меньше, чем у Каннингемов. Ее выбор должен был быть идеален, поэтому для работы с перечнем кандидатов пригодились умение оперировать цифрами статистики и знание математики. Она не собиралась вступать в борьбу за самых желанных холостяков города, как и шокировать общество неравным браком с человеком низкого сословия; кроме того, предпочитала трудиться, но оградить себя от необходимости рожать девять детей владельцу фермы или торговцу.

В Ларрентоне и окрестностях проживали тринадцать человек, отвечавших ее требованиям.

Пока она сделала предложение только Августину — он первый в списке. Потом они познакомились, и вот уже два дня она не может мыслить здраво. Так хочется скорее сказать «да», но в этом и проблема. Откуда в ней, всегда сдержанной и предсказуемой, эксцентричность? Причина в Лоренсе.

Он вообще не собирался жениться, согласился рассмотреть предложение только из-за ее готовности отказаться от интимных отношений. Однако есть шанс, что она станет нормальной и он не обратит внимания на то, что с ней происходило. Но если все же заметит...

Кончиками пальцев она крутила кольцо, то раскрывая его, то складывая.

— Человек не постоянен, — задумчиво произнесла она. — Человек не идеален. Сотрудника легко заменить. У нас, разумеется, деловое соглашение, но жену заменить не так просто.

Глаза Лоуренса чуть потемнели. Возможно, он задумался о вдовцах, которых встречал за годы практики. А потом неожиданно произнес:

— Я не захочу заменять вас, Джейн.

— Вы уверены, — она подняла глаза, — что хотите на мне жениться?

— Я не могу ни о чем другом думать. — Он взял кольцо из ее рук и медленно, очень осторожно надел ей на палец. — Прошло всего несколько дней, а я совершенно потерял от вас голову.

Ах.

Значит, когда они рядом, сильнее бьется не только ее сердце.

— И вам не страшно? — ласково спросила она и положила ладонь на его грудь, туда, где сильно билось сердце.

Лоуренс шумно сглотнул и кивнул.

— До ужаса страшно. Но вам, я вижу, нет. К тому же я не могу не думать о вас.

— И я не могу, — прошептала Джейн и поцеловала его.

Они поженились меньше чем через неделю. Свадьбу сыграли скромную, без многочисленных гостей; собственно говоря, Августин вообще никого не пригласил, а Джейн — только мистера и миссис Каннингем, Екатерину и нескольких друзей семьи. Церемония тоже оказалась непримечательной. После разрушений и ужаса войны с ружканами государство окончательно отказалось от религии. Церкви ветшали и разрушались, индустриализация меняла уклад жизни, сметалось старое. Страшная машина войны лишь завершила процесс, уничтожив одним ударом то, что уже давно разъедала эрозия. Как-то в разгар войны три десятка человек решили укрыться от бомбежки в главном соборе Камхерста. Люди верили, что он не пострадает. Все погибли, а от храма остались лишь обгоревшие внешние стены. Да, вера еще жила, но с каждым днем теряла сторонников, прихожан, являвшихся ее плотью и кровью.

В церемонии осталось совсем немного религиозного: боязливая, вплоть до паники, вера в духов и волю небес и сковывающий ужас перед хаосом и конфликтами.

Августин и Джейн порознь прошли анфиладу маленьких комнат, разделенных драпировкой, чтобы избавиться

от всего негативного и, встретившись, направились в магистрат, где им по старой традиции предстояло подписать брачный контракт, составленный сухим юридическим языком — без единой лазейки для манипуляций и двоякой трактовки.

Кольца новобрачных положили в специальную чашу и подняли к самому шпилю здания суда, чтобы омыть лучами полуденного солнца, в то время как внизу зачитывали брачный контракт. На этом все закончилось.

Их объявили мужем и женой.

Почти все время Джейн думала об их первом — и пока единственном — поцелуе.

Она тогда сама поцеловала Лоуренса, а он робко, хотя и охотно, обнял ее. Неловкая, неуклюжая Джейн никогда раньше не целовалась. Вскоре Лоуренс осмелел, коснулся пальцами ее подбородка и провел кончиком языка по ее губам. Разум перестал слушаться, на несколько мгновений она забылась, и это казалось прекрасным.

Их прервали звуки из коридора: в операционную доставили пациента, и Джейн поспешно отстранилась, стараясь не показать огорчения. Августин смотрел на нее так, будто она вырвала из груди его сердце, потом внезапно улыбнулся и приглушенно засмеялся от неловкости. Они сбивчиво извинились друг перед другом, Лоуренс ушел и провел минут пятнадцать с пациенткой, а потом проводил Джейн до дома, стараясь держаться поодаль, чтобы ненароком не коснуться.

Августин переговорил с мистером Каннингемом, объявил о своем решении, а потом направился за гробовщиком для мистера Рентона.

В отрезвляющем напоминании Джейн совсем не нуждалась. Взаимное растущее влечение пугало, мысли смущали все больше. Это ей казалось ненужным. Они могли говорить

о временном помешательстве, но ни слова о том, чтобы изменить условия заключения их брака. Августина, кажется, тоже все устраивало. С тех пор они ни разу не оставались наедине.

Остаток недели Джейн работала с учетными книгами, просматривала записи пациентов за последние два месяца — кто и какое лечение получал. Большую часть работы она проделала дома.

Джейн вышла из-за стола лишь тогда, когда появились пациенты, осмотреть которых доктор пожелал в ее присутствии. Лоуренс держался на значительном расстоянии, из глаз исчез тот... соблазнительный задор, но Джейн продолжала любоваться: внимательный к пациентам доктор, при необходимости твердый и в то же время сострадательный.

Несколько дней подряд он появлялся утром с таким видом, будто за ночь не сомкнул глаз, хотя Джейн знала, что его ни разу не вызывали на дом. Она надеялась, что это никак не связано с мыслями о ней.

Таким Августин выглядел и сейчас, на площади, ослепленный солнечным светом после мрачного зала магистрата и оглушенный шумом, неожиданным для столь небольшой компании гостей. Джейн остановилась в дверях и разглядывала толпу приглашенных, которые занимали места вокруг кареты под руководством четы Каннингем. Затем в карету сели молодожены и двинулись в клинику доктора Лоуренса. Их приветствовали люди, в большинстве своем незнакомые, взявшиеся неизвестно откуда. Поднялась суматоха. Лошади испуганно вскинули головы, и Джейн спешно задернула штору и вжалась в спинку дивана. Внутри она чувствовала себя спокойнее.

— Что скажете, доктор Лоуренс? — каждое слово давалось ей с трудом.

— А вы, миссис Лоуренс? — переспросил он с хрипотцой.

Лоуренс смущенно оглядел ее наряд — ярко-синее свадебное платье, — улыбнулся заливчатски, по-мальчишески, потом смутился и перевел взгляд на окно.

— Их так много.

Джейн беспомощно пожала плечами. Карета покачивалась, Джейн ждала, когда стихнет шум толпы, но тщетно.

Они ехали по улицам города под крики гостей. Джейн выглянула в окно и покраснела. Она и раньше видела подобные процессии — родственники и друзья провожали молодоженов до дома. Некоторые в карнавальных масках, все пели или играли на музыкальных инструментах. Их цель — смутить, сбить с толку, дать возможность двум людям запомнить момент, когда изменился их статус, когда стали мужем и женой. Раньше Джейн думала, что с ней такого никогда не случится. Ужасно быть объектом массового внимания. Что делать? Как себя вести?

— Поверьте, я не представлял, что кому-то есть дело до нашей свадьбы, — произнес доктор Лоуренс. — И все же людей собралось немало. Этим утром я получил письмо от бывших коллег из Камхерста, они изъявляли желание приехать на церемонию. Я убедил их, что в этом нет необходимости, — поспешил добавить он, видя, как напряглась Джейн. Толпа и без дополнительных гостей казалась ей огромной.

Августин, похоже, испытывал нечто схожее, Джейн чувствовала его состояние, ведь они находились так близко друг к другу. Лоуренс бледнел по мере того, как нарастал шум снаружи, пальцы впились в сиденье так сильно, что побелели.

— Они желают нам добра. — Джейн старалась убедить их обоих.

Люди плотно окружили экипаж, возница не смог повернуть в нужном месте к клинике, и они понеслись дальше, к выезду из города.

Лоуренс издал странный звук и распахнул дверцу, не обращая внимания, что булыжная мостовая сменилась более грязной грунтовой дорогой.

— Мистер Лоуэлл! — выкрикнул он.

— Доктор Лоуренс! Миссис Лоуренс! — Тот почтительно приподнял шляпу, поздравляя.

— Мы же должны ехать в клинику! — Августин орал во всю мощь легких, стараясь перекричать толпу, которая, похоже, разрасталась с каждой минутой. Джейн вглядывалась в лица без масок, но не могла узнать и половину. Внутри появилась дрожь от слабости. Как со всем этим справиться? Они ведь делают это не для нее или Лоуренса, тогда ради чего? Довольны тем, что она уезжает?

Мистер Лоуэлл открыл рот от удивления и густо покраснел.

— А я... — замямлил он. — Я полагал, вы едете в Линдридж-холл, сэр. Первая брачная ночь и все такое... Саквояж миссис Лоуренс уже загодя туда отправили.

Августин замер, кажется лишившись дара речи. В какой-то момент Джейн показалось, что он готов выпрыгнуть. Она заметила, что он закрыл глаза, будто старался обуздать внутреннее волнение.

Джейн подалась вперед к открытой двери.

— Все в порядке. Мы велим поворачивать, а я пошлю домой еще за одним платьем. Вы нам поможете?

Мистер Лоуэлл теребил поля шляпы.

— Значит, вы собираетесь проживать в клинике... постоянно?

— Да. Я буду жить там. Доктор Лоуренс по-прежнему... как вы его назвали? Линдридж-холл?

— Да-да, Линдридж-холл. — Он изо всех сил старался не отстать и не позволить толпе оттеснить его от двери экипажа. Наконец он ухватился за поручень и запрыгнул на подножку, стараясь встать понадежнее. Люди продолжали выкрикивать поздравления, улыбаться Джейн, петь и при-танцовывать. Где-то в стороне нестройно заиграл настоящий оркестр: сбивающиеся с темпа духовые инструменты создавали какофонию.

Происходящее напоминало Джейн дурной сон.

Мистер Лоуэлл переключил внимание на доктора, который вцепился в ручку двери.

— Прошу прощения, сэр, но я решил... когда вы просили оборудовать еще одну спальню, что это для вас, вы иногда планируете здесь оставаться... может, вдвоем. Не сегодня, но... Я не знаю... — Он оглянулся через плечо. — Не знаю, получится ли у меня без последствий остановить такую огромную толпу.

Джейн не думала о последствиях, но среди этих людей находились ее опекуны. Они радовались за нее, гордились, и Джейн не хотела огорчить их.

Она замерла в поисках решения.

— Мистер Лоуэлл, — Августин заговорил первым, — вы отправили в поместье и продукты, заказанные мной для обеда?

— Да, сэр.

Доктор сел, отпустив ручку двери. Лоуэлл перехватил ее.

— Тогда, полагаю, придется ужинать сегодня в Линдридж-холле. Но я отправлю миссис Лоуренс в клинику на закате. Она сможет забрать вещи, и с толпой вам сражаться не придется.

Голос звучал странно, отчетливо чувствовалось необъяснимое напряжение, но Лоуэлл только кивнул:

— Да, доктор.

Затем он прыгнул на землю и закрыл дверь.

Джейн повернулась и вгляделась в лицо мужа. Отчего он так охотно согласился на их брак после того, как она заявила, что не пожелает близости? Они никогда не обсуждали это серьезно, даже когда заводили разговор о консумации, хотя флиртовали друг с другом, чего не предполагало деловое соглашение. Джейн казалось это странным, но она принимала происходящее в полной мере, как соответствующее тому, в чем нуждалась, не задавала вопросов, ведь сбылось далеко не все, что она планировала. Происходящее сейчас, учитывая, что сопровождение кареты доставляет неудобство им обоим, она совершенно не могла понять.

— Я не против провести ночь в Линдридж-холле, — заявила она. — Так всем будет проще. Можем сделать все, как требуют традиции, а завтра вернемся к соблюдению договоренностей.

— Нет. — Доктор посмотрел ей в глаза впервые с той поры, как они оказались в толпе гостей. Он не покраснел, даже не моргнул.

— Но ведь сегодня наша первая брачная ночь. — Джейн нахмурилась. — Со стороны будет казаться странным, если мы...

— Ты никогда не останешься на ночь в Линдридж-холле. — Лоуренс помрачнел. Таким Джейн никогда его не видела, даже в день кончины мистера Рентона. — Ты должна понять, — сказал он, сумев взять себя в руки. — Мы можем что-то поменять в нашем... соглашении, но *это* мы больше обсуждать не станем. Ты никогда не останешься на ночь в Линдридж-холле, а я буду ночевать только там.

— Но почему?

Августин рассеянно провел рукой по волосам. Рубашка и костюм успели помяться в долгой поездке. Он выглядел красивым и загадочным. Джейн захотелось опять поцеловать его и послать все препятствия к черту, но она сдержалась, не поддавшись порыву.

— Но почему, Августин?

— Если в клинику в мое отсутствие придет пациент...

— Мистер Лоуэлл придет за тобой сегодня, если понадобится, и я бы сделала так же.

Он ответил не сразу, молчал, оглядывая толпу. Взгляд блуждал, ни на чем не задерживаясь.

— Линдридж-холл тебе не подходит, — наконец произнес он. — Он много лет пустовал, я нанял кухарку и горничную, но они приходят не каждый день. Это очень мрачное место, тебе будет комфортнее в клинике.

— Тогда зачем тебе там жить?

Доктор болезненно скривился. Вдали от города дорога становилась ухабистее, карету раскачивало сильнее, но шум голосов поражал интенсивностью, несмотря на сложные условия передвижения.

— Это дом моей семьи, за ним больше никому присматривать.

— Можно сдать его в аренду. Или оставаться не каждый день на неделе.

Услышав о его условии впервые, Джейн не задумываясь приняла его как факт. Но теперь, когда они поцеловались, когда она лучше узнала самого человека, а не только его бухгалтерию, то, на чем настаивал Лоуренс, казалось нелогичным. Пусть дело и не в ней, но он должен находиться там, где нужен людям.

— У дома богатая история, — произнес он будто с неохотой. — Все непросто, Джейн. Считай это моей глупой прихотью. Скажи, мы ведь договорились, правда?

Беспокойство не утихало, но она смогла справиться с ним ради сидящего рядом мужчины, не желая усиливать боль, которую видела в его глазах.

— Конечно, — она кивнула. — Я уеду перед закатом.

По мере приближения к Линдридж-холлу Августин заметно менялся. Он нервно ерзал на сиденье и время от времени тербил манжеты. Озабоченный взгляд скользил мимо нее и гостей вдаль, к горизонту.

Джейн тревожило напряжение Лоуренса. Что страшного в заброшенном доме? Он не смог бы там жить, будь все очень плохо. Может, ей все же нужно что-то знать, вдруг нечто угрожает их счастью, их союзу...

Ничего удивительного, так бывает, если выходишь замуж через неделю после знакомства.

Джейн посмотрела в окно на мистера и миссис Каннингем. Опекун держал в руках барабан, лицо раскраснелось. Они рады за нее, не сомневаются в Августине и одобряют брак. Грело то, что они доверяют ей и ее решениям.

— Все хорошо?

Джейн растерянно посмотрела на мужа.

— Что, прости?

— Ты побледнела. Укачало? Поездка в карете может...

— Мне и раньше приходилось ездить в карете, Августин. — Джейн неожиданно для себя улыбнулась. — Все хорошо, но спасибо за беспокойство.

Он кивнул и поправил высокий воротничок. Казалось, он по-прежнему глубоко погружен в свои мысли, что делало его беспокойство более приятным.

Джейн воспользовалась моментом, чтобы завязать беседу.

— А как зовут твою кухарку?

— Миссис Лутбrait. А горничную — миссис Перл. Они обе из семей наших арендаторов, живут на фермах и каждый день приходят в дом.

— И тоже не остаются на ночь?

— Нет. У них свои семьи, да и я прекрасно засыпаю без помощников. — Он скупо улыбнулся. — Извини, должно быть, такое положение дел тебя нервирует. Но особняк и поместье действительно немного запущены, и я остаюсь там из чувства долга, а не ради удовольствия. Обещаю, в городе ты устроишься намного лучше. Кроме того, я не хочу, чтобы особняк видели... люди из нашего окружения.

О Августин. Сердце сжалось от того, как он стыдливо потупил взгляд.

— Не думаю, что опекуны тебя осудят, хотя впервые слышали о тебе несколько месяцев назад. Они полюбили тебя, надо это признать.

Карета резко остановилась, и Джейн наклонилась к окну, в которое виднелось трехэтажное здание. Видимо, это и есть Линдридж-холл. Особняк серо-зеленого камня с колоннами у входа, на стыках деталей по всему фасаду — причудливо-резные фланцы, часть окон закрыта ставнями, иные с разбитыми стеклами, и все пыльно-грязные. Джейн не могла не признать, что никогда в жизни не видела такого огромного дома. Толпа вокруг экипажа стихла. Взгляды людей приковал к себе дом и огород перед ним, зачахший, несмотря на благоприятное для садоводства лето.

— Это он?

— Он. — Доктор Лоуренс кивнул, открыл дверцу и вышел из кареты. Крики почти совсем стихли, те, что еще слышались, звучали наигранно — веселье затухало. Джейн ждала, что Августин подаст ей руку и поможет выйти, но он смотрел на толпу. После того как они обменялись кольцами на церемонии, Лоуренс ни разу не прикоснулся к Джейн. Эгоистично, но все же больно, и от этого кольнуло сердце. Впрочем, чего она ждала? Что он захочет ее успокоить?

Джейн натянуто улыбалась и шла за мужем по грязной дорожке к входу, попутно пожимая руки миссис Каннингем, Екатерине, мистеру Лоуэллу. Все хотели коснуться ее, дать наставление и совет, но были слишком озадачены увиденным. Настроение собравшихся заметно испортилось.

Лужайка перед домом заросла травой вперемежку с сорняками, она захватывала уже и тропинку, кустарники поодаль имели неухоженный вид. На всем пространстве грозной тучей лежала тень особняка. Гости махали руками на прощание, улыбались, опять махали и спешно удалялись группами. Ей должно быть радостно и легко, но вместо этого становилось... грустно и одиноко.

Миссис Каннингем ушла последней и почти не выглядела обеспокоенной.

Перед этим она поцеловала Джейн в щеку.

— Желаю счастья, дорогая, — сказала она, взяв ее за руки. — Дома без тебя станет очень тихо.

И она отправилась догонять остальных гостей, уже спускавшихся по пологому пригорку. Музыка зазвучала вновь, когда они вышли на главную дорогу.

За спиной Августин тихо переговаривался с возницей — просил задержаться, чтобы отвезти ее вечером в город. Облегчение быстро сменилось чувством вины. У них деловое соглашение, не подразумевающее чувств и близости, потому Джейн не представляла, чем себя занять.

Порядочность мужа погубит ее; казалось, она вскоре развалится на части, как и этот огромный особняк.

Августин подошел и встал рядом.

— Прости, я пытался сделать так, чтобы ты этого не увидела.

— Все не так ужасно, — заверила она и повернулась, заставив себя еще раз оглядеть дом. На этот раз она заранее позаботилась о том, чтобы придать лицу благодушное выражение, затем принялась изучать детали. Покатая крыша Линдридж-холла, со слуховыми стрельчатыми окнами по нижнему краю карниза. По углам невысокие острокопечные башенки. Вблизи и без сбивавшей с толку толпы гостей Джейн показалось: она видит математически четко выверенные расчеты пропорций.

Часть крыши западного крыла покрыта темным стеклом, стыки соединяли стальные полосы.

Августин указал на часть крыши, поросшую плотным мхом, на участок стены, разрушавшийся под натиском агрессивного плюща.

— Мои родители уже давно здесь не живут, два года назад уехал и я, когда нашел место в государственном учреждении. Мне очень... стыдно. Следовало рассказать тебе раньше.

— У вас никогда не работал садовник?

— Родители предпочитают тратить средства на другие вещи, например на проживание у моря. — Он пожал плечами и зашагал к двери, не подумав о такой мелочи, как предложить руку жене. — А я... Ты сама знаешь, как невелик доход сельского врача.

Да, она знала.

— Должно быть, когда-то тут было очень красиво.

— Восхитительно. Сейчас жилыми остались всего несколько комнат. Остальные либо пусты, либо в них гниет

мебель. Я непременно приведу особняк в порядок, но сейчас главное не это.

Джейн поднялась по каменным ступеням и прошла к главному входу. Двери перед ней торопливо распахнула невысокая женщина лет сорока в простом коричневом платье и чепце со сборками, из-под которого выбивались редяющие пшеничные локоны.

— Здравствуйте, миссис Перл, — кивнул Августин вежливым, чуть виноватым тоном. — Мистер Лоуэлл по ошибке отправил сюда вещи миссис Лоуренс, хотя следовало прислать в клинику.

Миссис Перл окинула Джейн оценивающим взглядом, потом улыбнулась доктору.

— Я не возражаю, хотя ваша комната...

— Она вернется в клинику после ужина, — быстро произнес он. — Столовая ведь подойдет для приема гостей?

— Разумеется, сэр.

— Мне бы не хотелось вас излишне задерживать.

— Сегодня особый случай, доктор Лоуренс, я не против. — Помедлив, она присела в реверансе перед Джейн. — Добро пожаловать, миссис Лоуренс.

Джейн открыла рот, чтобы ответить на приветствие, но миссис Перл уже скрылась в глубине дома.

— Что ж, — вздохнула она, — похоже, горничная...

— Мила и расторопна, — закончил за нее Августин.

— Да, пожалуй.

Наконец он повернулся к ней, взял за руки и посмотрел в глаза. Казалось, от зрительного и телесного контакта по телу пробежал электрический разряд, ударил в сердце и заставил его сжаться. Джейн подалась вперед, но услышала:

— Ты счастлива?

— Счастлива? — Мысли отступали на второй план перед натиском ощущений — гораздо более важным — от прикосновения к его коже.

— Ты ведь не сожалеешь о том, что произошло сегодня?

— Нет. Нет, разумеется, не сожалею. И да, я счастлива.

Он улыбнулся.

— Я рад. Что ж, надо, вероятно, устроить тебе экскурсию по дому, но, откровенно говоря, там не на что смотреть. И миссис Лутбrait наверняка захочет обсудить ужин. Хочешь, я провожу тебя в мой кабинет?

Он шагал довольно быстро, Джейн прилагала все усилия, чтобы не отставать.

— А как насчет оранжереи?

— Оранжереи?

— Помещение на последнем этаже со стеклянной крышей.

Августин рассмеялся.

— Ах это. Там вовсе не оранжерея, а библиотека. Но, к сожалению, без книг, их перевезли в дом на море.

— Можно мне все же туда подняться? — В его взгляде она заметила страдание, машинально коснулась его плеча, но отдернула руку. — Тебе не стоит смущаться, Августин. Если бы мне был важен ухоженный дом, я бы непременно это проверила. — Она помолчала, надеясь увидеть улыбку. Но увы. — Прогулка по дому может оказаться небезопасной?

— Пожалуй... — он осекся, но добавил после короткой паузы: — Нет, миссис Перл ни о чем таком не упоминала, но мне будет спокойнее, если ты воздержишься.

Джейн решила, что ведет себя слишком вольно, что лучше не настаивать и проявить сдержанность.

— Твой кабинет, он?..

— Наверху. Пойдем, я покажу.

Лоуренс повел ее вверх по лестнице. Ковер на ступенях местами потертый, но идеально вычищенный, перила навощены до благородного приглушенного блеска. Холл с арочным куполом высотой в два этажа, два марша лестницы наверх, а далее коридоры в оба крыла здания.

Августин и Джейн свернули в восточное, прошли по широкому коридору с окнами такого же бутылочно-зеленого стекла, что и крыша библиотеки. Джейн отметила про себя, что они пропускают мало света и что узор на металлических решетках разный. Она остановилась, чтобы разглядеть их, но Августин даже не сбавил темп.

Они добрались до первого поворота, и он указал на дверь, но не попытался ее открыть.

— Моя спальня. С детства. Унылая и ничем не примечательная, уверяю тебя. А кабинет за углом.

Они миновали еще несколько комнат. Наконец Августин распахнул перед ней дверь и пропустил вперед. Помещение оказалось просторным, значительно больше, чем кабинет в клинике, по стенам от пола до потолка шкафы с книгами. На некоторых полках вместо книг стояли предметы из коллекции доктора: банки с неизвестной субстанцией, восковые модели язв и наростов, несколько черепов с пустыми глазницами. Некоторые, без сомнения, человеческие. В другой части комнаты под газовой люстрой — единственным источником освещения — стояли два низких дивана и массивное кресло перед огромным, но потухшим камином.

— К дому подведен газ?

— Да, лет десять назад, я тогда учился в университете. Очень удобно в таких особняках. — Августин подошел к камину и принялся перекидывать в него сложенные рядом дрова.

— Представляю насколько. — Джейн встала в центре комнаты и огляделась.

Окна лишь по одной стене, все закрыты плотными шторами от сквозняков. Письменный стол в дальнем углу почти незаметен. — У тебя большая коллекция. Много путешествовал?

— Путешествовал, да. Часть из самой Великой Брелатнии, а что-то я купил у приезжих.

— Черепа?

Доктор расправил плечи и посмотрел на черепа так, будто только вспомнил об их существовании.

— Они тебя смущают?

— Пока не знаю. Я... раньше никогда подобного не видела. Только на картинках. Иногда в кухне, когда кухарка разделывала туши. Но совсем иное ощущение — смотреть на череп и понимать, что он когда-то принадлежал живому человеку.

Любопытство взяло верх, как и в случае с перекрученной кишкой мистера Рентона.

— Медицина привлекает странных людей и делает их еще более странными. — Он застенчиво улыбнулся и опять присел перед камином.

Джейн наблюдала за его движениями и думала, что в другом доме в камине разожгли бы угли, оставшиеся с прошлого раза или принесенные из другого камина, но Линдриджхолл не обычный дом. Язык не поворачивался назвать его домом. Это здание. Только так.

Неудивительно, что доктор просит ее уехать до заката. Жаль только, что он не хочет ехать с ней.

— Позвать миссис Перл?

— Я вполне способен сам разжечь огонь, — ответил он и взял огниво.

Джейн отметила про себя, что ей нравится его рельеф предплечья, на котором при каждом движении натягивалась ткань сюртука.

— Откуда эти черепа?

— Черепа животных в основном от друзей-охотников.

А человеческие... некоторые из коллекции моего учителя, принадлежали его пациентам. У каждого экземпляра либо необычный порок, либо необычная травма. Остальные же — поделки из гипса, но я нахожу их забавными. Как тебе тот, что на полке слева от окна, с рогами? Может служить доказательством того, что среди нас живут бесы. Это череп ребенка, а рожки козленка, покрытые смолой. Если присмотреться, видно, что на черепе пытались что-то вырезать в нескольких местах, но не стали продолжать...

Убедившись, что пламя разгорается, Августин отряхнул руки и поднялся.

— Вижу, моя коллекция не оставила тебя равнодушной. — Он подошел к ней так близко, что слышалось дыхание. У Джейн опять зароились греховные мысли, которые она тут же попыталась обуздать, чтобы не лишиться ясности ума.

— Мне нравится угадывать взаимосвязь. — Она подняла глаза, остановив взгляд на его губах и борясь с желанием подойти ближе. — У тебя блестящий ум, Августин.

Он внезапно рассмеялся.

— А я считаю, из нас двоих ты сообразительнее. А также решительнее, а еще способна быстро приспосабливаться.

— Я?

— В подобных условиях я не смог бы, как ты, принимать новое с таким спокойствием и сохранять любознательность. Если бы...

Джейн ждала, но он стоял, продолжая смотреть на что-то позади нее и не закончив фразу. Как и в карете, он мысленно перенесся куда-то далеко.

Линдридж-холл не похож на место, где живут счастливые люди. Потеряв терпение, Джейн коснулась его щеки,

заставляя повернуться. Ее пальцы слегка дрожали. Она не владела наукой флирта, не представляла, как онотреагирует, что она может или должна предложить. Но знала, что больше не может сдерживаться.

Августин вздрогнул от прикосновения, затем неожиданно закрыл глаза и прижался лбом к ее лбу. Кожа почти горела.

— Мне надо поговорить с миссис Лутбрайт, обсудить меню, — сбивчиво пробормотал Лоуренс.

Он прав, но мысль о расставании вызвала бурю эмоций. Опять остаться одной. А может, им это нужно? Чтобы понять, где место каждого из них, где ее место теперь, когда на палец надето кольцо. Чтобы дать себе время распутать клубок чувств в душе.

— Не уходи, — прошептала она.

— Джейн. — Он отстранился и, открыв глаза, принялся искать на ее лице объяснение происходящему.

Неужели она решится произнести это вслух?

— Осталась заключительная часть свадебного ритуала, — выпалила она. — Если ты не поедешь со мной в клинику...

— Я не могу.

— Если нет, — продолжала она, — тогда надо сейчас подтвердить наш брак.

В комнате стало тихо. Она стояла, потупив взгляд, боясь поднять голову.

— Да, *подтвердить брак*, — произнес он. Голос без ожидаемой грусти или раздражения. Внезапно Лоуренс рассмеялся. Приглушенно, хрипло. И обнял ее, едва касаясь. Неуверенно. Из таких объятий легко вырваться. Но Джейн прильнула к нему, явственно ощущая, как затрепетало сердце. Ладони легли на грудь.

Его слова с придыханием щекотали губы.

— Как романтично, миссис Лоуренс.

— Я прежде всего не романтик, а деловая женщина, мистер Лоуренс, — парировала она, не вполне понимая, дразнит он ее или нет.

Августин отстранился всего на пару сантиметров, но с довольным выражением лица.

— Ты запомнила?

— Было бы странно забыть. — Она пошевелилась, пальцы вцепились в жилет. — Я думала об этом. Часто.

— И я, — признался он, значительно понизив голос, отчего он стал неожиданно хриплым. Большим пальцем провел по ее щеке.

Джейн непроизвольно поджала закрытые туфлями пальцы ног. Желание поцеловать его стало непереносимо сильным, казалось, оно готово выплеснуться наружу. Но у нее еще оставались силы сопротивляться. Она торопит события. Стоит сначала все обсудить, находясь на безопасном расстоянии, решить, устроит ли обоим такое изменение в жизни. Джейн решила сдержать пыл. Она не поцеловала Лоуренса, но прошептала:

— Ты возьмешь меня?

Стук не дал ему возможности ответить.

— Да?

Щеки Лоуренса тоже залились ярким румянцем.

— Прошу простить за вторжение, доктор, но миссис Лутбrait ждет вас внизу.

Августин бросил на Джейн извиняющийся взгляд, она в ответ пожала плечами.

Какой у них повод отослать прислугу? Никакого. Августин мимоходом коснулся ее руки и скрылся за дверью.

Джейн прождала в кабинете более получаса, но вместо Августина за ней пришла горничная и проводила в столовую.

Муж слабо улыбнулся, помог сесть, отодвинув стул. Джейн не сводила глаз с непроницаемого лица. Казалось, он закрыл ставни и спрятался за ними. Прямота, с которой он смотрел раньше, исчезла. Причина крылась, как стало понятно при появлении миссис Лутбрайт с первым блюдом, в посторонних. Августин заговорил о погоде и вероятности грозы ночью, и Джейн сразу поняла намек.

Миссис Лутбрайт приготовила суп с жареным речным угрем и фенхелем и другие блюда — немного, но восхитительные.

Лоуренс и Джейн вели разговор на общие темы, пока кухарка сновала туда-сюда, и изредка прислушивались к громкому шепоту за дверью, где миссис Перл комментировала происходящее.

— Надеюсь, с ужином мы тебе угодили, — произнес Августин после десерта. — Мне следовало заранее расспросить тебя о предпочтениях.

— О, все было великолепно. — Она вглядывалась в его лицо, ожидая приглашения перейти в спальню или хотя бы

в гостиную, а сама размышляла над поводом остаться вдвоем.

— День выдался сложный, — вместо ожидаемого про-изнес доктор.

— Верно, — согласилась она и стала собираться с духом, чтобы сказать нечто решительное, но бросила взгляд за ок-но, даже не взглядевшись в свое отражение в нем. Солнечный диск медленно сползал за горизонт. Сгущающаяся темнота по ту сторону и яркий свет газовой люстры по эту сделали стекло почти непрозрачным.

У них не осталось времени.

Августин поднялся, обошел стол и подал руку. Джейн приняла ее с явной неохотой и одновременно огромным внутренним желанием, не представляя, когда сможет вновь к нему прикоснуться. Они вместе вышли в холл. Карета уже ожидала у входа, и Джейн обратила внимание, что саквояж загружен.

Августин остановился и посмотрел на нее, уже не скрыва-вая многообразия чувств. Что сейчас произойдет? Они по-жмут друг другу руки? Или поцелуются, как влюбленные молодожены? Джейн хотела прикоснуться к нему, жаждала, чтобы Лоуренс позволил остаться ей хотя бы на одну ночь.

— Увидимся утром, — произнесла она.

Августин кивнул и натянуто улыбнулся.

— Я очень жду этого утра. А теперь тебе лучше уехать.

Джейн наблюдала, как Линдридж-холл уменьшается, тьма поглощает его неухоженную территорию, фасад с фрон-тонами, и сердце сжималось от острого ощущения оди-ночества. Впервые с детства она проведет ночь вне дома Каннингемов. Мистер Лоуэлл казался вполне приятным человеком, но все же они едва знакомы. Впрочем, она едва знакома и с Августином, а он стал ее мужем. Без него, без

опекунов она женщина, предоставленная сама себе, подчиняющаяся лишь собственным желаниям.

К этому надо привыкнуть. В конце концов, она хотела именно этого.

Джейн прижалась лбом к стеклу. Карета, подпрыгивая, неслась по дороге. Джейн надеялась, что ухабы помогут вытолкнуть из головы сентиментальные пугающие мысли. Не стоит забывать, что ее не впервые отталкивают, вынуждая оставаться в одиночестве. Во время войны, когда фронт приблизился к Камхерсту, родители ушли добровольцами и отправили дочь в дом старого друга отца, мистера Каннингема. Она ехала в экипаже вглубь страны, трясясь от страха, а в голове еще раздавались звуки стрельбы, стихшей всего несколько дней назад благодаря соглашению о временном прекращении огня. Тогда ей казалось, что она одна в целом мире.

Она выжила и обязательно справится с одиночеством в первую брачную ночь.

Дождь пошел, когда они проехали по грунтовой дороге в Ларрентон около километра. Сначала раздались одиночные удары крупных капель по крыше, но вскоре сильные струи забарабанили даже по стеклам. Пелена скрывает приземистые горы, которые они миновали совсем недавно.

Карета покачнулась, резко замедлила ход и накренилась влево. Джейн машинально прижалась к противоположной стене, но ее веса не хватило, чтобы спасти экипаж от наклона, покачивания на двух колесах и, наконец, падения.

Снаружи послышалось ржание лошади.

От удара о землю Джейн отлетела и ударилась о сиденье, затем согнулась и обхватила голову руками. Карета продолжала двигаться, волочась по земле. Ровный ли это участок или с камнями и ямами, каких много у самых гор?

Еще сантиметр. Еще. Джейн согнулась из-за того, что в ширину карета оказалась значительно меньше, чем в высоту. Затем попыталась дотянуться до ручки двери.

В стекле мелькнула тень возницы, он же распахнул дверь снаружи, затем просунул вниз руки и ухватил ее. При каждом движении с шляпы и промокшей одежды лилась вода. С помощью мужчины Джейн выбралась из кареты и спрыгнула на землю. Волосы мгновенно прилипли к лицу, намочнув под дождем, — прическа, которую миссис Каннингем старательно сделала утром, испортилась. И холод, невероятный холод.

Джейн огляделась и попыталась расправить слои шелкового платья, превратившиеся в мокрый кокон. Кучер старался освободить лошадь. Оползень, сошедший с горы справа, повредил дорогу, и карета остановилась всего в полуметре от обрыва. Каждый следующий рывок коня приближал его к пропасти. Беспокойства добавлял поток воды с грязью и камнями.

Наконец животное удалось отвязать, конь испуганно вскочил и понесся вперед. Джейн с тоской смотрела на комья рыхлой земли, вылетающие из-под копыт.

Возница тихо выругался, покосился на нее, поправив на голове шляпу.

— С вами все в порядке, мадам? Сели в это время года нередки, этот я даже не сразу заметил.

— Да, в порядке, только ошеломлена. — Она оглядела экипаж. К счастью, он перестал скользить по грязи. — А ваш конь...

— Я найду его. — Мужчина подошел к карете, попытался покрутить одно из колес, прикидывая, сможет ли его починить, но оно не двигалось. — Вам лучше подождать здесь, мэм.

Темное небо рассекала яркая молния, следом раздался оглушающий протяжный грохот. Дождь усилился, а с ним

и ветер. Карета едва ли может стать хорошим укрытием, особенно в такой ливень.

Джейн повернулась и оглядела дорогу в Линдридж-холл.

Вряд ли Августин обрадуется, но еще больше расстроится, если она отдаст себя на волю стихии.

— Нет, мы недалеко от дома мужа, я пойду обратно.

— Вы уверены, мэм? — нахмурился кучер. — Погода совсем не для прогулок.

— Здесь тоже от дождя не спрятаться. Желаю вам найти коня и сухое укрытие, сэр. За меня не волнуйтесь.

Поколебавшись, возница приподнял шляпу, развернулся и быстро зашагал вслед за конем. Мужчина оглянулся дважды лишь мельком, и оба раза — на свою карету.

А саквояж? Он же привязан к карете сзади! Джейн оглядела со всех сторон карету, затем обочину дороги, после чего подошла к краю обрыва — никаких следов саквояжа. Наконец обнаружила его в некотором отдалении от места аварии.

К сожалению, внутри не оказалось ничего, что спасло бы от сильного дождя, кроме, пожалуй, шляпы, но Джейн решила не открывать саквояж, чтобы не намочить одежду. Она подняла его за ручку и сделала шаг.

За грудой камней и кусков горной породы, принесенных оползнем, дорога выглядела не лучше. Она превратилась в месиво, и грязь быстро налипла на мокрые сапожки и подол платья, значительно утяжелив их. Каждое движение требовало усилий, увязающие в грязи ноги едва удавалось поднимать. Джейн сошла на обочину, где трава могла защитить от вязкой почвы. Километр — совсем немного, когда выходишь на прогулку солнечным днем, но в темень, когда струи дождя хлещут по плечам, а в небе полыхают молнии, преодолеть даже несколько метров — уже победа. Вечерний

холод пробирал до костей, ужас сдавливал грудь. Джейн подняла саквояж и прижала к груди.

Наконец она миновала поворот и увидела очертания Линдридж-холла. Близилась ночь, свет горел лишь в одном окне особняка. Вспышки молний, подсвечивавшие серый фасад, помогли разглядеть тропинку и дверь. Джейн поспешно поднялась по ступеням, едва не запутавшись в промокших юбках, бросила саквояж и принялась стучать в дверь. От холодного воздуха легкие разрывались. Портик защищал от дождя, но не от ветра, и Джейн с каждой минутой все больше мерзла. Она снова забарабанила в дверь до боли в руках, затем, отчаявшись, вышла из укрытия и запрокинула голову. В окне по-прежнему горел свет, но не было видно ни теней, ни человеческих фигур, ни других признаков жизни.

Впрочем, это неважно, она уехала не более часа назад. Даже если миссис Лутбrait и миссис Перл ушли домой перед грозой, Августин все равно должен находиться в доме, он никому не позволит мерзнуть на его пороге. Но входная дверь оставалась закрытой. В какое-то мгновение Джейн стало по-настоящему страшно.

Положение более чем затруднительное. Холод сковывал движения, сердце билось сильнее. Необходимо как-то попасть внутрь, доктор никогда не услышит ее крики сквозь каменные стены.

Джейн отодвинула щеколду и нажала на дверь. Та неожиданно поддалась.

Она вошла внутрь, едва не плача от счастья, волоком втащила за собой саквояж. Ее окутала густая тьма холла. Дверь захлопнулась сама собой; вверху, над головой, переливались и мигали крошечные, словно точки, голубые огоньки.

Газовый светильник. Джейн пошла вдоль оклеенной обоями стены, ощупывая ее руками в поисках выключателя.

Он есть, непременно должен быть... Пальцы коснулись диска, закрытого богато украшенным орнаментом, повернули. Вспыхнул мягкий свет. Джейн с облегчением прислонилась к стене, затем спохватилась и отошла, боясь испачкать обои.

— Августин! — крикнула она, поежилась от холода и пошла к саквояжу. — Августин, это я, Джейн. Ты здесь?

Сверху послышался странный звук, эхом разнесшийся по холлу. Джейн подхватила саквояж, поднялась по лестнице и пошла по коридору к кабинету. Проходя мимо бра на стенах, она поворачивала диск, включая свет ярче, мысленно благодаря миссис Перл, которая не выключила их на ночь, а лишь приглушила. В душе зарождалась уверенность, что светилось окно в кабинете мужа, что звук тоже доносился оттуда.

— Августин! — выкрикнула она и опять не получила ответа. По телу побежали мурашки. Ей нужно лишь принять ванну и надеть сухую одежду. Если она доберется до комнаты, она ведь сможет сделать это и сама, верно? И все же почему Августин не спустился и не открыл ей дверь? Ведь на ее месте мог быть и пациент, нуждающийся в медицинской помощи. Или мистер Лоуэлл. Августин так предан делу, почему же он так поступил?

Из-за двери кабинета призывно струился мягкий свет, но внезапно потемнело.

Джейн поставила на пол саквояж и приложила ладони к двери.

— Августин, ты здесь?

А вдруг здесь не он?

Джейн вздрогнула и поежилась. Как нелепо! Она до сих пор не пришла в себя после аварии, к тому же продрогла до костей. Если бы Августин открыл дверь, она бы хоть немного успокоилась. Она бы... Дверь неожиданно приоткрылась.

Свет бра упал на белесое лицо Лоуренса. Глаза широко распахнуты, волосы взлохмачены. Пальцы вцепились в дверной косяк. Доктор напоминал загнанного, затравленного человека. Джейн растерянно моргнула, и Лоуренс снова стал похож на самого себя.

— Джейн?

— Дорогу развезло, — пробормотала она, провела рукой по мокрому платью и застенчиво потупила взгляд. — Я стучала, ты не открывал. Почему ты не открывал?

Он промолчал. Шевельнул губами, но покраснел и не издал ни звука.

Джейн задрожала всем телом.

— Так можно и умереть, — наконец пробормотал он. — Срочно нужна горячая ванна. Я подготавливаю.

Он дрожал почти так же сильно. Это стало очевидно, когда он, выйдя в коридор, поравнялся с ней, двигаясь как робот. Что произошло с ее мужем, который легко выносил ужасы в операционной, с которыми сталкивался постоянно? Более того, которые сам впускал в дверь клиники?

— Ведь вместо меня мог прийти по вызову пациента мистер Лоуэлл.

Августин остановился и медленно повернулся к ней.

— А с кучером все в порядке? — спросил он. Стараясь оградиться от нее, он использовал долг врача, будто щит. — Никто не пострадал?

— Мне ни о ком не известно.

— Ты в порядке? — Он принялся разглядывать ее лицо так, будто видел впервые.

— Да, только замерзла, испугалась и устала. Августин...

— Это хорошо. Да, горячая ванна, — произнес он гораздо увереннее. — А потом чай с бренди. И в постель, если ты действительно собираешься остаться здесь на ночь.

Эта мысль явно встревожила его, и Джейн невольно отпрянула.

— Ты ведь не отправишь меня в такую грозу в Ларрентон? Всего одна ночь и...

— Разумеется, не отправлю, — перебил ее Августин. Он старался держать между ними дистанцию, которая, впрочем, отличалась от его беспокойства в первый вечер в доме Каннингемов и расчетливого стремления держаться подальше после их поцелуя. — Прости меня, Джейн. Я сейчас сам не свой. Линдридж-холл не лучшим образом влияет на мое внутреннее состояние. И гроза тоже, особенно когда не уверен, что напор стихии выдержат все окна. Не волнуйся, в моей комнате окна крепкие, ты, разумеется, останешься в ней. Утром, если не прибудет моя карета, я одолжу лошадь у мистера Перла, съезжу, посмотрю, насколько серьезные повреждения.

— Я кричала, звала тебя, почему ты не отвечал?

Он уронил голову на грудь.

— Мне казалось... я был уверен, что это сон.

Сон. Значит, она разбудила его, оттого он выглядит странно. Ну конечно. Причина в этом. Туго затянутые узлы внутри чуть-чуть ослабли.

— Это не сон, — произнесла Джейн и хотела погладить Лоуренса по щеке, однако он увернулся. — Может, мое присутствие делает твое пребывание здесь хотя бы немного приятнее?

Он глухо рассмеялся.

— Боюсь, Линдридж-холл не изменить только приятной компанией.

Она наклонилась за саквояжем, пальцы одеревенели и не слушались. Затем прошла за доктором в просторную умывальную комнату с глубокой фарфоровой ванной. Августин обошел ее, повернул оба крана. Послышалась пара хлопков

в стене, и полилась вода. Он включил колонку для подогрева на стене, и от струи пошел пар.

Ее ждало блаженство.

Джейн медленно повернулась, не зная, что делать дальше.

— Где будешь спать ты? — спросила она после паузы.

— Думаю, в кабинете. Моя кровать мала для нас обоих.

— А другой в доме нет? Может, кровать родителей?

— Поверь, в моей комнате тебе будет удобнее, чем где-либо. И теплее. Что ж, я тебя оставляю.

Джейн не стала его удерживать, заметив, что он тяготится каждой секундой в ее обществе. *Он смущен.* Из-за своего дома и оплошности, когда не спустился ее встретить.

— Да, спасибо. Я очень замерзла. — Она смягчилась.

У двери Августин остановился и повернулся к жене.

— Мне до сих пор кажется, что все это сон.

Сердце ее подпрыгнуло.

— Нет, не сон. — Она коснулась его щеки так осторожно, как только могла.

Он на несколько мгновений сжал ее пальцы, отчего руке сразу стало жарко, а затем вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Через несколько часов Джейн проснулась от звуков голосов, доносящихся снизу из холла. Это не Каннингемы, не мистер Лоуэлл и не пациенты. В полусне Джейн не сразу вспомнила, где находится. Оползень. Нервозность Августина. Она иначе представляла свою первую брачную ночь. Конечно, ничего определенного, никаких фантазий, но точно не гроза, странное поведение мужа и страх. Все ли с ним в порядке? Может ли человек принять жену за видение?

Августин молод, значит, не воевал, что, впрочем, совсем не означает отсутствие воспоминаний, окутывающих ледяным саваном. Вот и она сама отказалась возвращаться в Камхерст. Столько лет она скрывала, что помнит ужасные бомбежки и газовые атаки, страдала от невозможности забыть! Даже сейчас ей порой снятся кошмары.

Возможно, когда она разбудила Августина, с ним происходило нечто похожее? Именно поэтому он отказывался ночевать в клинике, где любой увидит его слабость, заметит, как он бродит в темноте по коридорам, испуганный и потерянный? Или он старался скрывать эмоции, несмотря на мучившие его кошмары? Порой люди поступают вопреки здравому смыслу. Она, например, стремилась находиться

ближе к Лоуренсу, надеясь, что их чувства похожи. Их романтический период получился скомканным, а совместно установленные правила оба уже стали нарушать.

Возможно ли, что Августин остался здесь из-за сильных, вопреки всякой логике, чувств? И ему сложно их сдерживать?

Обратившись в слух, она поняла, что один из говоривших внизу — Августин. Солнце уже высоко; скорее всего, он собрался в Ларрентон.

Джейн натянула халат и пару домашних туфель, вышла из спальни и прошла по коридору до лестницы. У двери с саквояжем в руках напротив миссис Перл стоял Августин.

Она заметила Джейн первой, затем, проследив за ее взглядом, повернулся и поднял голову Лоуренс. И улыбнулся. Солнечный свет упал на его лицо, осветив здоровый цвет кожи. Значит, он хорошо отдохнул.

— Доброе утро, миссис Лоуренс, — произнес доктор. — Выспались?

— Да, благодарю. — Она стала спускаться, смущенная обращением *миссис Лоуренс*. Не дожидаясь ее приближения, миссис Перл поклонилась доктору и поспешила в сторону кухни.

— Дорогу расчистили?

— Пока нет, — ответил он. — Я поеду в город на лошади мистера Перла. Если к полудню будет безопасно ехать в экипаже, я пришлю за тобой. В противном случае придется провести здесь еще ночь.

— Это было бы совсем неплохо.

Поколебавшись пару секунд, Лоуренс спросил:

— Тебе прислать что-то из города?

У нее с собой два чистых платья, везти одежду без кареты неудобно. Она справится, хотя все же кое-что...

— Возможно, на мое имя уже пришла посылка из Камхерста. Математический трактат. Если миссис Каннингем привезла его в клинику... мне не терпится его увидеть.

— Конечно. И ты можешь пользоваться всем, что есть в моем кабинете.

Джейн не смогла сдержать улыбку.

— Миссис Лутбрайт накрыла для тебя завтрак в столовой, — сказал он и добавил: — Мне будет не хватать тебя сегодня. В клинике.

Казалось, он хочет вытянуть руку и коснуться ее. Джейн подошла ближе, подол юбки скользнул по мыску его ботинка.

— Прости меня, миссис Лоуренс, — тихо произнес он. — Я вчера ужасно себя вел. Я очень давно... не принимал гостей. Я уже забыл, как это.

— Я не гость. И никогда не стану тебя осуждать, — заявила Джейн.

Возможно, не вполне нормальные мысли, но она благодарилась грозу и оползень, ведь доверие мужа к ней возросло.

— Мне так хотелось вчера, чтобы ты была со мной, что, услышав твой голос, я решил, будто мне это чудится.

— Но я здесь. По-настоящему. — На мгновение ей захотелось рассказать обо всех своих страхах, о бомбежках, газовых атаках, обо всех детских страданиях. Она, конечно, сдержалась, разумно решив, что это ей не поможет, да и откуда это странное желание поделиться с ним?

Августин все же прикоснулся к ней. Прижал ладонь к щеке и стал поглаживать большим пальцем.

— Мне надо извиниться. Я рассуждал глупо, полагая, что твое присутствие в доме вызовет проблемы. На самом деле оно все упрощает.

Джейн ощутила прилив гордости.

— Я бы очень хотела остаться еще на ночь, даже если дорогу расчистят. Остаться с тобой. Ты согласишься?

Он колебался. Это угадывалось по его дыханию и секундному напряжению мышц лица.

— И все же я попрошу тебя вернуться в клинику, — произнес он мягко, надеясь не расстроить ее. — Мистеру Лоуэллу надо дать выходной.

Она приняла эти условия и будет следовать договоренностям, пока оба не решат, что в них нет необходимости.

— Я вернусь. Я все понимаю.

— У меня кое-что для тебя есть. — Он достал из чемодана тонкую книжицу. — Моя монография о мистере Этридже. Подумал, может, ты захочешь прочитать.

— С удовольствием. — Она взяла ее, открыла и посмотрела на титульный лист с именем мужа большими жирными буквами. — Как это ужасно. Я о болезни, не о твоём труде.

— Я бы не рекомендовал читать ее перед сном. Несмотря на то что многое из написанного существует лишь в теории, все это ужасно. Надо сказать, он всегда пребывал в хорошем настроении. Невероятно, если учесть, что все ткани в теле постепенно превращаются в кость, это вызывает движения и может омрачить жизнь даже в самый приятный день.

— Я учту, — кивнула Джейн. — Ты не поверишь, но у меня стальные нервы.

— Охотно верю. — Он заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос. От этого легкого прикосновения она совершенно опьянела. — Увидимся вечером.

— Буду с нетерпением ждать, — пробормотала она.

Он некоторое время стоял и смотрел на нее, словно на инопланетный предмет в холле своего дома. С таким выражением лица, как у пациента, которому впервые за несколько недель

дали бульон. Затем Лоуренс отвернулся, взял с вешалки дождевик и вышел.

Даже в солнечном свете Линдридж-холл оставался странным местом. Из-за замысловатых форм и количества коридоров здание казалось больше, чем предполагала Джейн. Потом она обнаружила несколько фальшивых дверей, озадачивших ее еще больше. Жестяной потолок на третьем этаже отличался чеканным замысловатым геометрическим, а не растительным, как принято, узором.

Несколько раз в течение дня Джейн выходила побродить по дому со связкой ключей от помещений, позаимствованной у миссис Перл. Она надеялась понять скрытый — определенно большой — смысл архитектуры дома, поэтому рассматривала каждую деталь, часто видимую лишь под определенным углом. Вероятно, это многое прояснит. И все, чего так стеснялся Августин, — газовые люстры, потрескавшаяся обшивка, потертые ковровые дорожки на лестнице — меркло при обнаружении еще больших странностей.

Джейн раздвинула плотные шторы, впустила в дом яркий солнечный свет и принялась разглядывать предметы, казавшиеся забытыми или намеренно оставленными: железный подсвечник с треугольником расплавленного воска на одной стороне, стопку нот... Все они казались частичками из прошлых жизней, давно закончившихся или изменившихся до неузнаваемости.

За исключением нескольких таких осколков истории, сырые комнаты пустовали. В западном крыле третьего этажа Джейн открыла последнюю дверь, ведущую в библиотеку, и в лицо ударил нестерпимый запах плесени и гнили.

На фоне пустых книжных шкафов от пола до потолка — покрытые пылью кресла и столы. Огромный купол зеленого стекла, на металлических перемычках образовался

конденсат, наполняя помещение влажностью. Некоторые рамы рассохлись, стекло отошло, вода во время дождя свободно проникала внутрь и скапливалась лужицами на гниющих досках пола. Остро пахло плесенью.

Но и до этого никому нет дела. Огромный особняк совершенно заброшен. Как это вышло?

Ах, как же здесь, видимо, было хорошо, когда через чистое стекло безмятежно проникало солнце, в нагретом им воздухе витали запахи тлеющих поленьев, бумаги и чернил! Она могла бы сидеть здесь часами, зарывшись в книги. Но сейчас комната производит удручающее впечатление.

На лестнице Джейн встретила миссис Перл с чем-то темным в руках, покрытым копотью, потрескавшимся, похожим на непрогоревшее полено, но другой формы.

— Странно, конечно, мэм, — заговорила горничная, заметив ее удивленный взгляд, — что я нашла это в старой хозяйской спальне. А я ведь точно знаю, что на прошлой неделе там убирала, и с той поры огонь не зажигали. Наверное, появилось недавно, хотя, судя по всему, зола в камине старая.

— Что это?

— Полагаю, саквояж доктора. Не представляю, зачем его сжигать? — Она похлопала по крышке, и внутри что-то заскрежетало, как будто по стеклу провели металлом.

Миссис Перл растерянно подняла глаза на Джейн, и та протянула руки.

— Давайте, — сказала она. — Я его отмою и вычищу.

— Не стоит утруждаться, мэм.

— Мне все равно нечем заняться.

Женщина переложила саквояж ей на руки. Он оказался тяжелым и холодным.

Джейн вошла в кухню, не увидела миссис Лутбрайт и прошла сразу к раковине. Застежку заело, и Джейн с трудом

открыла саквояж, сохранивший свою форму. Несколько карманов наполняло битое стекло, рядом лежали скальпели и другие хирургические инструменты, пока ей незнакомые.

Миссис Перл права: зачем это сжигать?

Инструменты в отличном состоянии, лишь слегка порченные огнем.

Джейн принялась доставать один за другим кусочки стекла и откладывать в сторону. Скорее всего, сумку уже не привести в порядок, но попробовать можно. Она извлекла еще несколько больших и маленьких инструментов, трубки, назначения которых не знала, зажимы — крупнее тех, что используют плотники; при мысли, что они касались человеческого тела, стало не по себе.

Каждый предмет она тщательно промывала кастильским мылом и водой из крана и откладывала сушиться, будто столовое серебро.

За последнюю неделю Джейн узнала от мистера Лоуэлла, как готовить инструменты для операционной. Она тогда ассистировала Августину, когда он делал рассечение зрачка.

Джейн наблюдала, как он поднес скальпель к глазу пожилой женщины, давно утратившему способность видеть из-за старой травмы, сделал надрез и поместил ретрактор. Сказал, что сделал щель, куда вставит новый хрусталик и таким образом восстановит зрение на несколько процентов.

Женщина стонала, ей было дурно от эфира, но, когда пришла в себя, долго благодарила доктора. Парадокс медицины: все рядом — боль и облегчение, жизнь и смерть.

Джейн мыла второй скальпель, когда тот внезапно выскользнул и полоснул по пальцу, а потом с грохотом упал в раковину. Она втянула воздух сквозь зубы, зажмурившись от боли, а когда открыла глаза, увидела раковину в красных

потеках и такую же воду, стекающую вниз в трубу канализации. Скривившись, Джейн сунула руку под воду, зажала рану на пальце и стояла так, пока кровь не остановилась.

Джейн оглядела оставшиеся инструменты и принялась отмывать их быстро, но внимательно, щадя пораненный палец.

Из холла Джейн оглядела лестницу и галерею наверху, намереваясь продолжить осмотр дома с того места, на котором остановилась. Из помещений на втором этаже она видела только спальню и кабинет Августина. Но оставался еще один коридор, уходящий влево. Даже представляя общий план здания, Джейн не понимала, куда он ведет. Она направилась вперед без колебаний.

Несколько комнат: спальни прислуги, кладовые, хотя миссис Перл пользовалась одной. Джейн собиралась повернуть назад, когда вдалеке, в тускло освещенном коридоре, заметила переливающийся металлический блеск. Оказалось, это закрытая дверь без оконного проема или зажженного бра рядом. И все же откуда-то поступал свет, увлекая ее и маня.

Дверь запиралась на три старых замка и один новый, именно он и сверкал в темноте. Его перекинули через две накладки весьма хлипкого вида, будто наспех прикрученных к двери и косяку.

Джейн принялась сосредоточенно подбирать ключи из висевших на связке. Врезные замки поддались сразу, в отличие от навесного. Она задумчиво взяла его в обе руки

и провела большими пальцами по поверхности. Повеяло холодом, который проникал в тело и вселял ужас. Джейн отдернула руки.

Связка ключей выскользнула и упала на каменный пол с неожиданным грохотом, разнесшимся по всему коридору.

Что же может быть за этой дверью? И зачем ее так запирать? Чтобы туда не заходили слуги?

Она не сводила глаз с замка, ожидая, что мозг подскажет верное решение или заставит рассмеяться и идти дальше. Вместо этого в голове возникала мысль оторвать накладки, открыть дверь и посмотреть, что же там, внутри.

Воздух. Ей необходим воздух, чтобы очистить голову от навязчивых мыслей.

Джейн заставила себя отойти от двери, а потом податься в спальню Августина. Там она решительно сняла домашние туфли и надела сапожки, все еще запачканные грязью.

Территория Линдридж-холла удручала. Беспорядочно разбросанные кусты, уже без листвы, опутывали голые прутья лиан.

К утру дождь прекратился, но почва все еще оставалась мокрой и рыхлой, а небо серым от горизонта до горизонта. Не слышались птичьи голоса, даже на краю леса у невысокого пригорка, на который забралась Джейн. Все вокруг будто замерло.

Ей не было и десяти, когда пришлось переехать в Ларрентон, и страх при воспоминаниях о творившихся в Камхерсте зверствах остался в сердце до сих пор. Джейн долго жила в квартире в столице Великой Брелтании и так и не привыкла к просторам.

Душа разрывалась от страха одиночества и беспомощности под этим грозным небом и одновременно ощущала

покой. С вершины Джейн видела на целый километр все стороны. Здесь никого нет, кроме нее, разве это не прекрасно?

Внизу, чуть поодаль, она заметила человека верхом на лошади. Августин.

Сердце подпрыгнуло от радости, последние тревоги мгновенно рассеялись. Она расскажет ему об инструментах и закрытой двери, а он, как человек разумный, непременно найдет всему объяснение. Конечно, посмеется над боязнью висячих замков у нее — той, которую не испугали даже черепа и прочие хранящиеся в кабинете находки. А потом они оставят эту тему и заговорят о более важном — о пациентах, планах и вещах, в высшей степени приятных.

И поедут в Ларрентон. Вместе.

Джейн поспешила вниз, к подножию холма. Несколько раз земля превращалась в скользкую жижу, но ей удалось устоять и даже не подвернуть ногу. Оказавшись на одном уровне с особняком, Джейн ускорила шаг. И ей удалось разглядеть, что человек на лошади у входа вовсе не Августин, а мистер Лоуэлл.

Джейн замедлила шаг и остановилась у небольшой лестницы, ведущей к главной двери.

— Мистер Лоуэлл. — Голос заставил его вздрогнуть и повернуться. — Все хорошо? Доктор Лоуренс уже должен был добраться до города.

— Ах да, он приехал, — закивал Лоуэлл. — Отправил меня принести извинения, мадам.

— Извинения? — Джейн нахмурилась.

— Сегодня он не вернется в поместье. Дороги не высохли, а он должен быть готов выехать к пациентам в любое время. Я здесь, чтобы вернуть лошадь мистеру Перлу и передать вам этот сверток.

— Как же вы вернетесь? Он ведь не заставил вас идти пешком?

— У фермы меня ждет карета. Дорога оттуда до Ларрентона, хвала небесам, не повреждена.

Помолчав пару мгновений, он продолжал:

— Если позволите предложить, мадам, я мог бы взять с собой и вас. Я много чего могу увезти. Но если вы пожелаете остаться дома...

Джейн хотела согласиться. Но облака над головой за несколько минут превратились в темные тучи, готовые пролиться дождем. Разумнее не рисковать, ведь с каретой опять может случиться авария. А Линдридж-холл — это все же дом, хоть и местами с прогнившей крышей, как удалось разглядеть с пригорка. Из всех опасностей здесь ее могут испугать лишь собственная впечатлительность и разыгравшаяся на нервной почве фантазия.

— Да, полагаю, разумнее остаться. Что прислал с вами доктор?

Мистер Лоуэлл улыбнулся и подошел к лошади, привязанной к ветке с облезлой корой высохшего, хоть и молодого деревца. Из седельной сумки он достал обернутый пленкой сверток.

Джейн почувствовала в руках привычный вес книги. Судя по объему, одна здесь точно есть.

— Он сказал, что вы настроены работать, — произнес мистер Лоуэлл, — потому я привез кое-что из клиники.

— Благодарю, — улыбнулась Джейн. Августин уже неплохо ее изучил, понял, что праздное существование — не ее стиль.

— Еще миссис Каннингем оставила для вас пакет.

— О, я так его ждала! Спасибо вам, мистер Лоуэлл.

Мужчина усмехнулся и коснулся кончиком пальца шляпы.

— Рад помочь. Вы точно не хотите вернуться в город?

— Не сейчас. — Джейн прижала посылку к груди. — Передадите мои наилучшие пожелания?

— Разумеется, мадам. Если повезет, к завтрашнему дню поврежденный участок дороги приведут в порядок.

Дождь зарядил менее чем через час.

Джейн устроилась в передней гостиной, куда долетали успокаивающие домашние звуки хлопотавшей по хозяйству миссис Лутбрайт. Несколько раз к Джейн заходила миссис Перл, приносила чай и подбрасывала поленья в огонь.

Мистер Лоуэлл привез ее новую бухгалтерскую книгу и список заказов, за которыми послали в Камхерст. Рядом лежали математический трактат и еще какой-то довольно тонкий блокнот.

Прежде всего, увидев знакомый почерк, Джейн взяла в руки письмо.

Сделав глоток чая, она сломала печать и разложила на столе лист. Надев очки, предусмотрительно прилагавшиеся, прочитала:

Нашей дорогой Джейн.

В день свадьбы ты выглядела чудесно, была полна жизни, чего мы не видели в тебе много лет. Прошу прощения за устроенный парад, могу предположить, зная твой темперамент, что он ошеломил тебя. Мы не могли позволить нашему последнему ребенку покинуть дом без праздника, как и рассказать о планах из опасений, что их отвергнут. Надеюсь, ты простишь нас за несдержанность.

Ты знаешь, как мы с мистером Каннингемом гордимся тобой. Ты одна из немногих молодых людей, которые ставят перед собой цели и работают, чтобы приблизиться к ним. Мистер Каннингем видит в этом свою заслугу, я же считаю

исключительно твоим достижением. Ты всегда была особенной.

Как дела у твоего мужа-доктора? Мы с мистером Каннингемом внимательно наблюдали за вами во время церемонии и парада, и нам кажется, что рациональности в этом браке меньше, чем вы оба думаете. Тебе ситуация видится уникальной, но в целом она довольно банальна.

Большинство людей в начале семейной жизни ничего не знают о второй половине, будь то союз по соглашению или нет. Так было у нас с мистером Каннингемом и у твоих родителей. Впрочем, так не считают те, кто женится по собственному выбору. Они уверены, что знают человека, даже если знакомы лишь месяц, если не видели возлюбленного во все времена года. Ты, моя милая, лишена иллюзий.

По моему опыту, совсем необязательно хорошо знать жениха, по крайней мере это однозначно не гарантия счастья. В нашем случае новые черты друг друга становились приятным сюрпризом, надеюсь, у тебя будет так же.

Умоляю, двигайся вперед с открытым сердцем и открытыми глазами. Мне понятен твой план стать для мужа чем-то большим, чем просто сотрудник. Математика всегда помогала тебе в жизни. Однако прошу последовать совету немолодой уже леди: будь терпеливой. И чаще слушай мужа — это способ узнать много важного.

*С любовью,
Дебора Каннингем*

Джейн провела большим пальцем по подписи миссис Каннингем и улыбнулась письму. Они всегда понимали друг друга. Эта искренняя, любящая женщина, конечно, не заменила ей мать, но стала близким и дорогим человеком. К тому же она обладала проницательностью, что в очередной раз

заставило Джейн покраснеть. Нет, это не просто деловое соглашение, уже нет.

Джейн собиралась убрать письмо, когда увидела на обратной стороне послесловие.

P.S. После вашего свадебного парада я говорила с некоторыми твоими одноклассниками из Шарптона. Кажется, доктор Лоуренс очень помог доктору Мортону, когда тот боролся с болезнью. Линдридж-холл гораздо ближе к Шарптону, чем к Ларрентону, поэтому они удивлены, что Лоуренс не вернулся к ним после работы в государственном учреждении, они все его очень любили. Не представляю, кого благодарить за такую удачу, но я рада, что доктор Лоуренс выбрал наш город, уже потому, что он может составить твоё счастье.

Шарптон. В последние годы она редко вспоминала об учебе. Удивительно, ведь они могли встретиться еще тогда, хотя бы мельком. Джейн вновь задумалась о том, как многого не знает об Августине. Не только о характере и предпочтениях, но и о прошлом. Ее удивило внезапное острое желание услышать его рассказ о жизни и поделиться собственными воспоминаниями.

Она еще немного помечтала и открыла книгу учета.

Во время работы она всегда чувствовала себя лучше. Вынужденная сосредоточенность прогоняла разные, не всегда приятные мысли, время текло быстрее. Дождь, хоть и не такой сильный, как накануне, не прекращался, смывая надежду на то, что к завтрашнему дню по дороге можно будет проехать. По вине туч солнце исчезло гораздо раньше заката. Миссис Перл зажгла газовое освещение, но и с ним Джейн скоро почувствовала усталость, закрыла чернильницу и потеряла глаза.

Миссис Лутбrait и миссис Перл готовили в кухне ужин и болтали. Джейн встала и прошла к столику с напитками. Она вовсе не собиралась подслушивать, просто стояла достаточно близко, чтобы разобрать слова.

— Мистеру Перлу не стоит приезжать, чтобы отвезти меня домой, я прекрасно могу дойти сама, — говорила миссис Перл. — Боюсь, однажды он либо собьется с пути, либо пострадает из-за этих дождей. Знаете, вот на прошлой неделе я уже легла в постель, когда он явился, проскакав на лошади отсюда до дома, и расспрашивал о «женщине с красными глазами», а от самого пахло виски. Я объясняла ему не раз, что никакой женщины нет, а если есть, ему лучше о ней не рассказывать.

— Это призрак, — сдержанно и важно сообщила миссис Лутбrait. — Надо надевать рубашку наизнанку, когда она проходит мимо, чтобы не околдовала.

— Так уж и призрак, — фыркнула миссис Перл. — Все призраки появляются только после кое-чего, сделанного из ячменя. Он сказал, что приходил сюда, хотел постучать в дверь, но свет в окнах не горел, поэтому он развернулся и ушел. А потом, как говорит, она на него посмотрела. Если бы в доме жило привидение, мы бы его видели, не так ли? Я лично никого не замечала ни в особняке, ни рядом, когда возвращалась домой.

Джейн не верила в призраков, но все же с трудом успокоила дрожь, возникшую при одной мысли о них.

— Воистину, это должно быть привидение, — заключила миссис Лутбrait. — Помнишь ту красивую карету, которая приезжала в поместье два года назад, а через несколько месяцев заперли главный зал?

— Тогда сюда все время приезжали красивые кареты, — со вздохом произнесла миссис Перл. — Разве упомнишь?

— Сюда въехала молодая женщина из Камхерста.

Джейн нахмурилась. Молодая женщина из Камхерста? Возможно, сестра. Или кузина? Или даже однокурсница, коллега-хирург например.

— И откуда, скажи на милость, тебе это известно?

— Миссис Янг только вчера рассказывала. — Миссис Лутбrait заговорила тише, и Джейн подошла ближе к двери, напомнив себе мотылька, летящего на огонь.

— Через несколько месяцев после ее переезда на главной аллее видели гробовщиков, хотя про похороны не слышали. А потом заперли зал, и вся семья, кроме доктора, уехала.

Молодая женщина, гробовщики и никаких похорон.

Под ложечкой словно возник ком из пепла. Возможно, все сказанное ничего не значило, но заглушенный работой страх разросся, угрожая стать семикратно сильнее прежнего.

— Никогда не слышала ни о чем таком, — пожала плечами миссис Перл. — Миссис Янг просто тебя пугает.

Миссис Лутбrait ничего не ответила, и некоторое время с кухни доносился лишь перезвон посуды.

— Однажды я кое-что видела, — наконец призналась кухарка.

— Что же? — Миссис Перл не удалось скрыть нетерпение.

— Не женщину.

— Уж ясно, не женщину, — усмехнулась горничная, и Джейн живо представила, как та, взволнованная темой разговора, склоняется к миссис Лутбrait, чтобы ничего не упустить.

— Какую-то тень. Тогда я оставалась в доме после заказа, потому что доктор еще не вернулся, а я не хотела, чтобы суп остыл. Я лишь на минуту зашла в столовую, чтобы

расставить отполированные подсвечники, и заметила, что по коридору кто-то прошел.

— Не может быть!

— Это правда, Женестьева. Истинная правда. Я своими глазами видела. Силуэт мелькнул в дверном проеме, и я еще подумала: может, доктор как-то тихо вошел? А потом через некоторое время он подъехал.

— Ты ему рассказала?

— Чтобы он меня уволил? Не глупи.

— Он бы так не поступил!

— Рисковать все же не стоило.

— Это верно.

Голоса стихли, хлопнула кухонная дверь.

Джейн забыла, как дышать. Все это пустая болтовня. Полуправда, слухи, выдумки пьяницы. Все части не складывались в одно целое, и обстановка влияла. Единственного ветхого особняка на возвышенности достаточно, чтобы у женщин, живущих обособленно, разыгралась фантазия.

Затем Джейн подумала об Августине и о грозе. Похоже, из-за нее у всех шалют нервы. Прошедшей ночью Джейн удалось выспаться, но сколько раз в жизни она просыпалась в холодном поту, не понимая, где находится, в голове крутились цифры и суммы из книг учета, непонятные, бессмысленные, меняющиеся сами собой. И тогда, и сейчас лучше всего — ждать, когда пройдет зыбкость и картинка обретет ясность.

Незамысловатый ужин прошел в тишине. Джейн подали запеченные яйца с подливкой. Пока она ела, миссис Перл закрывала дом на ночь.

Когда она закончила, за окном воцарилась темнота, на стол опустились длинные тени, света люстры не хватало на всю комнату. Джейн поднялась и потерла лоб.

Уже на полпути к выходу она заметила краем глаза какое-то движение. Повернулась, но не увидела ничего, кроме собственного отражения в окне. Сгорбленная фигура отчего-то ниже ее ростом. Озадаченная, она подошла ближе. И тогда увидела у своего отражения красные глаза.

Джейн моргнула, и глаза стали обычными, такими, какие она всегда видела в зеркале.

Она глубоко вдохнула и протяжно выдохнула. Истории о призраках явно отражаются на ней не лучшим образом. Впрочем, она не замечала за собой склонности пугаться без причины, не стоит позволять себе подобное и сейчас, иначе психическое состояние может ухудшиться. Работа, только работа — лучшее лекарство от боязливости, которая делает ее похожей на ребенка. Ей поможет сосредоточенность на подсчетах и суммах.

Джейн отнесла посуду в кухню, собрала книги и отправилась наверх, не забывая включать на своем пути каждый светильник. В кабинете она подбросила поленья на затухающие угли, потом еще и включила на полную мощность люстру. Вскоре в комнате стало тепло и светло, она села за стол, стараясь не обращать внимания на тени, отбрасываемые черепами на полках.

Работа с учетными книгами должна была занять не менее часа, но воображение разыгралось и не желало успокаиваться.

Джейн поднимала голову при каждом звуке, а вскоре поймала себя на мысли, что вздрагивает всякий раз при

виде своего отражения в окне. «Это просто глупые сказки о привидениях, — укоряла она себя. — Ты ведь никогда в них не верила».

Ни в духов, ни в призраков, ни в привидения. Родители и Каннингемы вырастили здравомыслящую девушку, понимающую, что не стоит бояться неизвестного, когда есть бомбы и солдаты. Она всегда дружила с логикой, с детства придерживалась правил, расписания и порядка. Ее раздражали нарушенные планы. Раньше ей никогда не приходилось испытывать страх, который мешал бы сосредоточиться. Что же сейчас происходит?

На последней странице бухгалтерской книги были заполнены всего три строчки, Джейн переписала их и устала на лист, будто ждала, что остальные появятся сами. Ей никак не удавалось уловить мысль из математического трактата, автор которого рассуждал о значении числа ноль и его роли в новейшей арифметике. Читать монографию Августина о мистере Этридже Джейн тоже не могла. И все же нужно занять мозг.

А что насчет тоненького блокнота, лежавшего в посылке под бухгалтерской книгой?

Беглый взгляд позволил понять, что это личные расходы и доходы Августина. Он все тщательно документировал с момента учебы. Записи корявым убористым почерком — так Лоуренс писал всякий раз, когда не хватало времени, например при первичном осмотре пациента. Джейн целую неделю ежедневно читала досье больных и теперь могла разобрать почти каждое слово. Расходы на посещение клуба с друзьями, на одежду, канцелярские принадлежности и ежедневное питание.

Из блокнота удалось многое узнать о муже. Она хорошо знала Каннингемов, ведя их бухгалтерию, хотя и не осознавала этого, теперь же, просматривая записи незнакомого,

по сути, человека, понимала, что вполне в состоянии определить основные черты его характера. Где и что он ел, предпочитал ли готовить самостоятельно (так и было, по крайней мере в юности, когда он редко питался в заведениях и отмечал особенно полюбившиеся заказанные блюда), куда он ездил, какую квартиру снимал — Джейн владела всей информацией.

Она рылась в жизни юного Августина, надеясь на получение не особо нужной индульгенции.

Она нашла записи двухлетней давности из Шарптона. Вспомнив рассказ миссис Лутбrait, перелистнула сразу несколько страниц вперед на время его переезда в столицу, а затем в город у самой южной границы — место государственной должности, о чем упоминала миссис Каннингем. И наконец, Ларрентон.

Прижав ленту закладки ближе к корешку, Джейн открыла книгу учета с конца и принялась переписывать данные, помечая каждую сумму инициалами. Возможно, ей пока не стоит заходить далеко: неизвестно, понравится ли Августину ее идея упорядочить данные или он захочет оставить все как есть. Ее вариант дает лишь общее представление, ему необязательно оставаться единственно верным и рабочим.

Покупка еды, чай для семей пациентов, пополнение запасов бинтов. Она переписала две строчки и...

Плата мистеру и миссис Пинкком, равная значительной части остатка дохода, обозначаемая словом *Элоди*. Отметка о выполнении платежа отсутствовала, хотя прошел уже месяц. Вернувшись к дню переезда Лоуренса в Ларрентон, Джейн нашла похожие данные в ежемесячных расходах. Но суммы не выплачены, словно Пинккомы отказались от чека.

Элоди.

Джейн поерзала на месте и принялась листать блокнот.

Статья расхода Элоди появилась чуть меньше двух лет назад. Два года назад, когда он покинул Шарптон, а в Линдридж-холле поселилась молодая женщина. Два года назад в поместье видели гробовщиков, а потом семья доктора спешно уехала.

Когда мистер Перл подошел к особняку вечером, на него из окна смотрела женщина с красными глазами.

Ты никогда не останешься на ночь в Линдридж-холле.

Джейн откинулась на спинку стула, конечности налились свинцом, по телу побежали мурашки. Возможно, время — случайное совпадение, хотя она не допускала подобного. Что-то произошло с молодой женщиной по имени Элоди — и произошло в этом доме.

Миссис Каннингем утверждала, что Джейн принимала решение о замужестве, не будучи сбитой с толку иллюзиями. Но ее иллюзии считались фактами, которые не подвергались сомнению. Джейн сразу заключила, что доктор Лоуренс — хороший человек, у него просто, как и у нее, есть свои причины избегать общества Ларрентона.

Неужели она настолько глупа, что обманулась собственным желанием и его внешней добропорядочностью?

Элоди. Она провела рукой по записям в блокноте Августа. Это уже неважно.

Чеки не обналичены. Похоже, ничто не угрожает его репутации и практике. Впрочем, могут быть и другие объяснения, не столь пугающие, но тоже довольно мрачные. Возможно, имел место роман с миссис Пинкком или ее дочерью Элоди. Или доктор платил борделю. Ее не касалось ни это, ни тем более история о призраке.

И все же Джейн чувствовала себя так, будто ее предали.

Ночью уснуть не удалось. Дождавшись восхода солнца, Джейн спустилась в столовую к завтраку. Золотой свет, заливающий

комнату, не смог разрушить щит, которым она закрывала еще не окончательно сформировавшуюся боль внутри.

Броня весьма потрепанная; она защищала Джейн сначала в Камхерсте от паники и страха перед едким газом, который неумолимо заполнял легкие, когда рузкане начинали атаку, а затем в Ларрентоне, когда она сидела вместе со всеми и собиралась узнать о своем сиротстве. Теперь и снаружи, и, кажется, внутри все успокоилось.

Днем Джейн гуляла по территории поместья, затем изучала коллекцию дикувинок в кабинете доктора. Пороки развития и необычные болезни. Что они значили для Августина? Раньше она считала это увлечением эксцентричного человека, но не слишком ли оно связано с жестокостью и темным миром смерти? Вот и первая причина не доверять ему. Она оглядела тоненькие крылышки приколотых насекомых, сдула пыль с мелких металлических предметов, о предназначении которых не догадывалась.

В течение дня она дважды поела и столько же раз пыталась избавиться от горечи обиды. *«Это не твое дело, — говорила себе Джейн. — Если бы ты послушалась его и вернулась в город до начала грозы, теперь не пришлось бы обо всем этом думать».*

Однако боль, как и защитная раковина, осталась на месте.

За несколько часов до заката Августин вернулся в Линдридж-холл.

Заметив, что он выходит из кареты, Джейн открыла записи блокнота учета расходов на том месте, где впервые упоминалось имя Элоди, — на тот случай, если быстро понадобятся подтверждения.

Дом притих, будто затаил дыхание, каждая дорожка на полу и лестнице напряглась в ожидании.

Джейн вышла на галерею второго этажа у лестницы как раз в тот момент, когда доктор справлялся у миссис Перл:

— Где миссис Лоуренс? Она еще здесь? С ней все хорошо?

Он ее не заметил, что давало возможность внимательно разглядеть его со стороны. Можно ли узнать тайны человека по изгибу скулы и плеч?

— Я ее сегодня почти не видела, — ответила горничная. — Велите позвать?

И вот тогда Августин поднял глаза и увидел Джейн. На лице расцвела яркая улыбка, она не видела в обращенном на нее взгляде фальши. Сжав перила, она подавила желание ответить искренней улыбкой, хотя уголки губ уже начали приподниматься сами собой.

Августин мгновенно помрачнел.

Знает, в чем его вина? Или просто обеспокоен? Это стыд за совершенный проступок или обеспокоенность за ее здоровье?

К горлу подкатила тошнота. Щит пошатнулся, но не рухнул.

— Здравствуй, Августин, — произнесла Джейн.

Миссис Перл пробормотала слова извинений.

— Джейн. — Он кивнул, сделал шаг вперед и протянул руку.

Она боялась прикоснуться к нему и в то же время мечтала оказаться в объятиях, ощутить уверенность, как за день до этого. Не понимая, к какому варианту склоняется, она спустилась по лестнице и сделала два последних шага, опираясь на его руку.

— Сожалею, что пришлось оставить тебя здесь одну так надолго.

— Я нашла чем себя занять.

— Надеюсь, ты не все время занималась расчетами?

Расчетами. Он ее проверяет? Или по какой-то причине не знает, что у нее все его личные записи?

Рука машинально сдавила его ладонь. *Дом с отражением женщины в окнах. Дом с запертой дверью.*

Она чувствовала, как Августин напрягся, будто мог слышать ее мысли.

— Нашла что-то для себя интересное?

— Миссис Перл нашла твой саквояж, — произнесла Джейн вместо всего, что вертелось на языке.

— Саквояж? — Августин нахмурился.

— В спальне на третьем этаже. — Джейн вела мужа в столовую. — Он был в камине, почти обуглился. Однако некоторые скальпели сохранились, я их отчистила и вымыла. Я подумала про пациента с серьезным заболеванием.

В спальне твоих родителей? То, что раньше казалось сомнительным, обрело логику и укладывалось в общую картину. Конечно, как же иначе?

— Да, — ответил он после короткого раздумья. — Да, это было несколько лет назад. Но как странно. Я и представить не мог, что камин не вычищали столько лет. — Он поспешил спрятать в карман другую руку, но Джейн заметила легкую дрожь.

Он не знал о сумке? Или не ожидал, что она ее увидит?

— Августин?

— Прости, это очень неприятный и сложный случай, — пробормотал он. — Тяжело вспоминать. — Остановившись у двери столовой, он повернулся и широко ей улыбнулся. — Я скучал по тебе. Очень.

— И я по тебе, — ответила Джейн, ненавидя себя за одновременное облегчение и желание.

Августин, видимо, заметил борьбу ее чувств.

— Внизу ждет карета. На подъездной дороге. Твои вещи собраны?

— Нет. Я намерена сегодня остаться.

— Но дороги расчищены. — Августин повернулся не в сторону входной двери, как она ожидала, а оглядел лестницу. — Джейн...

— Давай ужинать, — предложила она. — Я налью нам кларет.

Она прошла в комнату, оставив Лоуренса на месте со всеми выдвинутыми предложениями. Он покорно последовал за ней.

В столовой было чище, чем в день их свадьбы. Начищенные окна и раздвинутые шторы позволяли любоваться предзакатным солнцем. Никакой паутины и пыли в углах, даже обивка стульев тщательно вычищена. Бокалы для вина перемыли, и Джейн, наливая в них вино у буфета, надеялась испытать удовлетворение и гордость, однако ничего подобного не случилось.

Она молча прошла к столу и села, а через пару минут вошла миссис Лутбрайт с несколькими дымящимися блюдами. Августин тихо произнес что-то о необходимости отослать экипаж. Джейн сделала вид, что увлечена процессом, хотя ела без аппетита, куски не лезли в горло.

Как же начать?

Когда кухарка наконец удалилась, Джейн решила выдавать информацию в той же последовательности, в какой она ее получила.

— Знаешь, миссис Лутбрайт считает, что в доме живет призрак...

Вилка Августина слишком сильно стукнула по тарелке, когда он подцепил кусок тушеной оленины. Откинувшись на спинку стула, Лоуренс принялся пережевывать его совершенно спокойно, без спешки.

Сердце Джейн забилось сильнее.

— Не подозревал, что она верит в мистику, — произнес он, сделав глоток вина. — И ты тоже?

Джейн старалась не поворачиваться к окну из страха увидеть женщину с красными глазами.

— Я не знаю. Раньше об этом не думала.

— И миссис Перл разделяет опасения миссис Лутбрайт?

— Нет, не разделяет, — отчетливо произнесла Джейн. — Хотя упомянула, что ее муж несколько раз спрашивал, как ты развлекаешь гостей.

— Мистер Перл известен своим пристрастием к выпивке.

— Да, я слышала об этом. — Сейчас. Она должна спросить сейчас. Выпрямившись, Джейн чуть подалась вперед. — Кто такая Элоди?

Лицо Лоуренса словно окаменело, побледнело, как в тот день, когда мистер Рентон испустил дух прямо на операционном столе.

Не дождавшись ответа, Джейн, ведомая логикой, решила усилить напор атаки.

— Я закончила просматривать бухгалтерские книги. Мистер Лоуэлл привез также блокнот с данными о твоих личных расходах. Видимо, без твоего ведома. Что за платежи Пинккомам? За что, Августин?

Она ожидала, что он будет уклоняться от ответа, скажет, что ужин не лучшее время для серьезного разговора. Или, например, что это слишком личное, чтобы кого-то посвящать. Джейн это не волновало; она приготовилась наступать, загнать Августина в угол. Потому следом выдвинула одну из гипотез, которую сама считала нелепой.

— Она твоя дочь?

Глаза его округлились, а потом он захохотал.

— О бог мой, конечно, нет! — И покачал головой.

Джейн покраснела от смущения. Муж что-то от нее скрывает. Какая разница, если ее версия оказалась неверной. Что она знает о его характере?

— Что ж, — протянула Джейн, стараясь сохранить самообладание, — тогда кто она?

— Точнее сказать, кем она была. — Смех Августина оборвался, лицо превратилось в маску. — Пациентка, которой я не смог помочь.

— Пациентка, — повторила Джейн, видя, как лицо его опять становится таким же, как в день смерти мистера Рентона.

— Я и только я виновен в том, что с ней произошло. С той поры я не раз пытался примириться с ее семьей, но безуспешно. Я понимаю, они ненавидят меня, но не могу просто так все оставить.

— Это она жила в особняке какое-то время? И потом умерла? — спросила Джейн, хотя уже поняла, что упускает какое-то важное звено.

Брови доктора поползли вверх.

— Кто тебе рассказал?

— Слуги.

— Да. — Лоуренс нервно взъерошил рукой волосы. — Из-за нее сожгли саквояж. Причиной смерти стала ужасная лихорадка.

— Пациентка? Здесь?

Августин несколько секунд смотрел на нее, потом покачал головой.

— Она была дочерью давних друзей семьи. Они понимали, что не смогут сами за ней ухаживать должным образом, но не доверяли местным врачам. Я убеждал их, говорил, что едва ли смогу ей помочь, но они настояли.

— И она умерла в этом доме.

— Да. К моему стыду.

Стыд. Пожалуй, оба страдают от него.

Джейн, расслабившись, откинулась на спинку стула. Кажется, она все же не создана для праздного существования.

Утреннее предложение вернуться в клинику теперь выглядело все привлекательнее. Недолгая поездка поможет отвлечься от ощущения постоянной опасности.

— Пациентка, — повторила Джейн и принялась тереть виски, надеясь, что кровь отхлынет от пунцовых щек. — А я подумала, что у тебя есть тайна, что ты скрываешь от меня нечто очень плохое и важное.

— Неужели ребенка?

— Ребенка или... связь с любовницей, которая несколько лет назад перестала принимать от тебя деньги.

Ее слова вызвали у Августина настоящий приступ смеха. Потянувшись через стол, он взял ее за руку. Она отчаянно нуждалась в теплоте и заботе, в установлении близких отношений и обрадовалась жесту, хоть и приняла его с застенчивостью.

— Даю слово, в моем прошлом нет грязной истории, которая может стать для тебя неожиданностью.

— Это правда?

— Правда. — Он обошел вокруг стола и встал напротив нее, а она поднялась ему навстречу. А потом он осторожно и нежно прижал ладонь к ее щеке. — Я понимаю, начало у нас получилось не лучшим, но клянусь: я принадлежу только тебе. Каждая моя клеточка, которой стремится завладеть этот дом.

Губы их почти соприкасались. В глазах его горела страсть, будто только что высказанные подозрения ничего не значили. У Джейн перехватило дыхание, биение сердца ускорилось.

— Наверное, я поступила очень глупо, — тихо произнесла она.

Августин улыбнулся ее словам.

— Нет. Ты не глупа — скорее осторожна. Предусмотрительная и дерзкая — черты, вызывающие у меня восхищение.

Большим пальцем он обвел ее подбородок. Джейн ничего не могла с собой сделать, она таяла от каждого прикосновения, дарившего ощущение счастья и утешение.

Утешение, что она все же, вероятно, не глупа и не дала ввести себя в заблуждение, что Августин хороший и порядочный человек, а она не ошиблась в нем.

— Я боялась, что мне придется тебя возненавидеть, — призналась она, опьяненная его дыханием и жадным взглядом. — И злилась на себя за это.

Августин не ответил, лишь рывком преодолел оставшееся между ними незначительное расстояние и поцеловал, не беспокоясь о тех, кто мог подслушивать и подсматривать за дверью. В первое мгновение Джейн опешила: впервые он нежно коснулся ее утром после свадьбы — на этом все. После ей стало казаться, что подобного может больше не случиться, не говоря уже об откровенном проявлении желания.

Нет, все дело только в доме, он заставлял обоих нервничать и вставал между ними.

Августин целовал ее неспешно, однако с такой страстью, что подгибались колени, и она обхватила его за шею, будто опасаясь не удержаться в вертикальном положении. Рука его скользнула вниз, на талию, ниже на бедро, потом легла на ягодицу и надавила, прижимая к себе.

Чего она боялась? Бояться совершенно нечего; особенно сейчас, когда она познавала его, учась искусству поцелуя с каждым движением его губ. Внезапно он отстранился и пошел к выходу, увлекая ее за собой. И она пошла не колеблясь.

На лестничной площадке второго этажа он вновь привлек ее к себе и стал целовать, будто преодоление расстояния до спальни требовало огромного количества времени и сил, а прикоснуться к ее устам именно сейчас было жизненно важно.

Потом они оказались в спальне, где он долго возился с пуговками ее платья, а она — с его жилетом. Джейн забыла о стыдливости и своей наготe, когда скинутая сорочка открыла его плечи, ключицы и далее сантиметр за сантиметром все тело, составив полную картину. Она позволила вновь и вновь целовать себя, отнести на узкую кровать и положить на матрас, принявший ее в объятия и окутавший теплом.

Уже позже они лежали среди подушек, конечности их переплетались, и они не могли оторваться друг от друга. Она исподволь разглядывала его: темные волосы намочили от пота и прилипли к коже, а постоянная морщинка между бровями исчезла. Лоуренс выглядел таким же свободным и расслабленным, как и она. Джейн вытянулась на простыне и полной грудью вдохнула эту свободу.

Чего же она боялась?

Всему виной одиночество в доме, а вовсе не сам дом. Обуглившийся саквояж доктора, болтовня пьяного Перла... Она ведь не должна бояться.

Остался лишь один последний вопрос, вызывавший легкое беспокойство, странное и необъяснимое.

— Скажи, а что это за дверь? — спросила она, устраиваясь поудобнее рядом с Августином. — Та, с несколькими замками.

Он размышлял не больше мгновения.

— Она ведет в старый подвал, но спускаться туда опасно, — едва слышно произнес он и накрыл ее одеялом. — Своды могут в любой момент обрушиться.

Джейн чувствовала, как тяжелеют веки.

— А что там? — прошептала она.

— Ничего, — был ответ. — Совсем ничего.

Сон захватил ее, но ненадолго. Уже после полуночи, когда дождь барабанил в окна спальни, Джейн встала и натянула ночную сорочку. Она проснулась оттого, что рядом с мужем стало непривычно жарко на узкой кровати. Все верно, кровать не предназначена для двоих. Но все же она ловила себя на мысли, что ей приятно ощущать, как затекло от неудобного положения тело.

Еще несколько мгновений Джейн любовалась мужем. Он хотел ее, а она его, и это волшебно, замечательно, хоть и случилось не сразу.

Запахнув халат, она, шаркая, прошла по спальне к ведущей в коридор двери. Бросив последний взгляд на кровать, выскользнула из комнаты и нащупала выключатель газового освещения.

Диван в кабинете вполне устраивал Августина в качестве спального места, значит, подойдет и ей.

Он правда оказался удобным, но камин потух, отчего в комнате похолодало. Джейн пугали тени от черепов и прочих странностей, что вовсе не способствовало скорому погружению в сон. Прижав к груди математический трактат и монографию Августина о мистере Этридже, Джейн

отправилась на третий этаж. Библиотеку не оборудовали газовой люстрой — видимо, из-за сводчатого стеклянного потолка, — но у двери стоял канделябр. Джейн взяла его и зажгла свечи от бра в коридоре. В помещении ощущалась духота, все еще пахло плесенью, но не так неприятно, как раньше. Миссис Перл растопила здесь утром камин, чтобы просушить комнату, и, несмотря на сильный дождь, в помещении потеплело. Возможно, в гостиной было бы комфортнее, но спать совсем не хотелось, и Джейн решила, что будет читать так долго, пока не устанет настолько, что сможет заснуть в любом месте и положении.

Миссис Перл также натерла до блеска стол в центре библиотеки, который окружали идеально вычищенные стулья. Джейн поставила подсвечник, и зеленоватый свет полился на нее сверху, будто поток воды. Поразмыслив немного, она отложила историю мистера Этриджа — такое лучше читать днем — и открыла первую страницу трактата. Плотный шрифт, мелкие буквы, но рассуждения в одно мгновение захватили ее внимание. Единственное, о чем она сожалела, — об отсутствии пера, чтобы делать записи на полях. Вместо этого она принялась водить пальцем по строчкам. Дождь усиливался, дробь капель становилась громче и заполняла все пространство библиотеки под высоким потолком.

В книге описывались действия, казавшиеся невозможными в математике, — следствие деления на ноль. Ноль функционирует не так, как один, два или двадцать; ноль исчезает и расширяется за пределами реальности.

Автор утверждал, что человек мог использовать ноль, чтобы получить объем круглой тары без необходимости заполнять ее и замерить содержимое позже в более удобной емкости. Размеры могут быть ниже теоретической кривой, число их способно уменьшаться до бесконечной пустоты.

Таким образом, можно найти ответы, которые должны существовать, но которые так и не сумели с точностью получить брелтанские ученые.

Волшебство. Магия. По крайней мере, так казалось.

Добравшись до конца второй главы, Джейн оторвалась от книги и потеряла глаза.

Щупальца сна уже коснулись плеч, увлекая за собой, но Джейн не поддавалась. Она хорошо себя знала: если сейчас лечь, то через несколько минут она опять встанет, так и не заснув. Однако буквы прыгали вверх-вниз перед глазами. Выдохнув, она перевела взгляд на темные окна, и у нее сразу зашло сердце — там что-то было. Она пристально всматривалась, надеясь, что силуэт исчезнет.

— Августин? — Голос ее звучал не громче шепота.

Сердце забило сильнее, Джейн поднялась, взяла подсвечник. Создание, которое она видела, повернуло голову, и прядь золотых волос упала на плечо. Это были не волосы Джейн, поскольку она стояла неподвижно. Затем Джейн увидела страшные красные глаза и отступила на шаг, не в силах закричать оттого, что ужас сжал горло. Окружавшие ее пустые полки стали сближаться, давили, росли до угрожающих размеров.

Элоди.

Нет, это не Элоди, не могла быть Элоди. Но тогда кто?

Джейн принялась колоть ногтями кончики пальцев, пытаясь избавиться от видения. Силуэт не исчез. Он двигался, лицо расплывалось, но взгляд по-прежнему фиксировался на Джейн.

Надо найти Августина. А еще лучше — какое-то безопасное место, чтобы прийти в себя и подумать, как глупо она поступила. Призвав на помощь всю силу воли, Джейн оторвала взгляд от призрака и повернулась к хорошо освещенному коридору. Шаг, еще один, изо рта наконец вырвался крик.

На дальней стене заплясали тени. Три и очень высокие, выше любого мужчины. Головы странной формы, вытянутые, в головных уборах, похожих на полумесяцы рогами вниз. С них свисали вуали, скрывая черты, как и свободные облачения скрадывали странные тела. Разглядеть их не удавалось, виднелись лишь неестественно опущенные плечи и длинные конечности. Одно из существ махнуло чем-то, что явно не могло быть рукой. Ломаные линии, идущие от головного убора вниз к плечам, рисовали то, что лишь отдаленно походило на лицо и шею. Все трое в одно мгновение повернулись к Джейн.

Она отшатнулась и прижалась к полкам, прерывисто дыша. Руки тряслись, оттого воск свечей разлетался в стороны и капал на босые ноги. Пламя погасло, когда она опустилась на пол и села, прижав колени к груди, будто это как-то могло ее защитить.

Одна из фигур повернула голову к окну, туда же посмотрела и Джейн, уверенная, что увидит Элоди. Но та исчезла. Существа стояли неподвижно несколько мгновений, а потом двинулись по коридору к лестнице. К спальне Августина.

За стенами дома где-то вдалеке слышались раскаты грома. Какофония звуков дождя поражала синхронностью с ритмом пульса.

Они направляются к Августину.

Надо заставить себя встать, надо идти к нему, но страх сковал члены, плечи подрагивали от всхлипов. Джейн никогда не верила в привидений, даже в детстве, но кем еще могла быть Элоди? Тенью статуи?

Духи — существа за пределами ее понимания, она беззащитна перед ними.

Августин тоже беззащитен.

Внезапно она все поняла. Он знал. Он знал о призраках, потому и настаивал, чтобы она держалась подальше от дома, потому отсылал слуг на ночь.

Дело не в глупых безосновательных суевериях. Не в послевоенном неврозе. Опасность вполне реальна.

Надо добраться до Августина.

Когда она достигла двери, то заметила, что свет газовых фонарей в коридоре затухает, будто их приглушила невидимая рука.

Джейн двигалась на ощупь. Впереди, едва различимые во мраке, фигуры одна за другой спускались по лестнице. Не шли, а, казалось, стекали по ступеням. Дыхание сбилось, и она ухватилась обеими руками за дверной косяк так, что костяшки побелели. Ее напускная храбрость таяла, а вскоре, когда тени свернули в коридор, ведущий к спальне, исчезла совсем.

Если она будет кричать и звать Августина, он проснется? Привидения исчезнут?

Однако голос тоже пропал. Из горла доносились лишь отдельные звуки, больше похожие на прерывистые рыдания, к тому же Августин слишком далеко и вряд ли услышит. Медленно и осторожно, чтобы не привлечь внимание призраков, Джейн двинулась вперед, тихо ступая по ковру.

Фигуры прошли мимо двери спальни, не задержавшись ни на мгновение. Джейн застыла на месте, боясь дышать. Неужели она ошиблась? Призракам не нужен Августин?

Они свернули за угол, и Джейн поняла: Лоуренс не спит. Скорее всего, он в кабинете.

В отчаянии она толкнула дверь спальни и несколько секунд вглядывалась в пустую кровать.

Джейн бросилась бегом по коридору, свернула за угол и остановилась. В крошечной тьме лишь из-под двери кабинета сочился тусклый свет. Она встала перед ней, уверенная, что ее не открывали, чтобы впустить призраков. Легкий толчок — и дверь распахнулась.

Августин стоял в дальнем углу комнаты и смотрел прямо на Джейн. С растрепанными после сна волосами он выглядел совершенно обычно, но, разглядев маску ужаса, которая, должно быть, появилась на ее лице, внезапно побледнел.

— Джейн? — Он подошел и сжал ее еще дрожащие пальцы. — Что случилось, Джейн?

Она не могла объяснить, не могла подобрать слова, горло сдавило тисками. Хорошо, что они вдвоем и, кажется, в безопасности. Существа не приходили сюда.

Окно за спиной Августина чуть подернулось рябью, словно поверхность озера от порыва ветра, и тени стали исчезать, соединяясь с силуэтом умершей женщины.

Элоди поднесла палец к губам.

Перед тем упасть в обморок, Джейн почувствовала, что ее обнимают теплые руки Августина.

Джейн проснулась в постели Августина, одеяло смялось и съехало в сторону, открыв ее почти наполовину. В окна струился дневной свет. Платье неряшливой кучкой громоздилось на полу. Все оставалось на своих местах с прошлого вечера — аккуратно сложенная ночная рубашка, халат.

Прошлый вечер.

Нахлынула ледяная волна страха, и Джейн огляделась в поисках Августина. Последнее воспоминание — она в его кабинете смотрит на женщину с красными глазами в окне. Потом темнота. Ни картинок, ни даже ощущения прошедших часов. Половина кровати была пуста, но примятая подушка подсказывала, что Августин ушел недавно.

Джейн осторожно поднялась, вздрагивая от скрипа дерева и мелькания теней на полу. Даже при ярком свете она не могла заставить себя одеться должным образом. Спешно накинула халат, сунула ноги в тапочки и прошла к двери.

Джейн с трудом подавила желание позвать Августина: в конце концов, она не маленький испуганный ребенок. Уже утро. Дождь закончился. В комнатах горят люстры. Августин, скорее всего, в столовой за завтраком.

Уже пришла миссис Лутбрайт. И миссис Перл, разумеется, тоже.

Бояться совершенно нечего.

Приоткрыв дверь, Джейн выглянула в коридор. Все так, как должно быть. Джейн прошла по ковровой дорожке к лестнице и далее вниз. Дом поражал тишиной, и в столовую Джейн уже входила совершенно спокойная.

Из кухни доносились звуки. Джейн направилась туда, но застыла, услышав за спиной скрип двери.

— Доброе утро, миссис Лоуренс, — послышался голос миссис Перл. — Не предполагала, что сегодня вам понадобится помощь с одеждой. Если бы знала...

Джейн резко повернулась, изобразив на лице подобие благожелательной улыбки.

— О, не беспокойтесь, я привыкла одеваться самостоятельно. Я лишь... искала доктора Лоуренса. Он на вызове?

— Нет, мадам. Он гуляет, но скоро подам завтрак. — Горничная собралась уходить, но задержалась. — Простите, что вмешиваюсь, миссис Лоуренс, но миссис Лутбрайт и я, мы будем рады, если вы проведете еще одну ночь здесь с доктором.

— Вот как? — Джейн покраснела, вспомнив полную безумной страсти ночь.

— Дом большой, ночью лучше не оставаться одному, — произнесла миссис Перл и присела в реверансе. — Схожу за доктором, скажу, что вы скоро будете завтракать.

— Я позавтракаю сейчас.

Миссис Перл оглядела стеганный халат, но Джейн с невозмутимым видом села за стол и погрузилась в размышления о привидениях.

Всего через несколько минут в дверях появился Августин. Опрятно одет, выбрит, волосы тщательно уложены. Он выглядел в точности так, как в день свадьбы. В глазах

не было и следа беспокойства, что привело Джейн в замешательство. Он не мог не знать, что происходит в доме, и должен тревожиться, что вчера она была напугана.

— Доброе утро, Джейн. Как спала?

Она невольно нахмурилась. Как странно он себя ведет — так, словно она вчера не теряла сознание. Джейн перевела взгляд на дверь. Может, его вновь волнуют посторонние уши?

— Я... — Она не находила слов, поэтому молча наблюдала, как он усаживается напротив, ожидая уловить знак, подсказывающий, что он помнит о произошедшем прошлой ночью.

Его полуулыбка сменилась озабоченностью.

— Приснился кошмар?

Сердце ее упало.

— Нет, — пролепетала она. — Я спала хорошо. Как и ты, полагаю.

— Спал как младенец. Впервые за долгое время, надо признать.

Что-то происходит.

— Ты не спал. Я видела тебя. В кабинете.

Он нахмурился сильнее, потянулся к ней через стол, взял за руку и погладил большим пальцем.

— Этот дом вызывает странные сны, даже кошмары. Я был всю ночь в постели. С тобой. Определенно, тебе приснилось что-то плохое.

— Нет. — Джейн решительно тряхнула головой.

— Расскажи, что ты видела.

— Я... поднялась в библиотеку, чтобы почитать. И увидела людей, но это были не совсем люди. Они не обращали на меня внимания и шли к тебе. А я направилась следом и...

Произошедшее с каждой минутой виделось все более реальным, хотя казалось, она пересказывает сон.

— Я оставила там книги, — добавила она, понижая голос до шепота. — Мой трактат. И твою монографию о мистере Этридже.

— Миссис Перл не говорила, что нашла там книги, — пожал плечами Августин. — Я посмотрю, если хочешь.

Да, надо посмотреть. Если он прав, их там нет.

— Я испугалась, — шептала Джейн, качая головой. — Раньше мне не приходилось видеть такие ужасы.

Почему он не признаётся? Это был не сон, все реально, очень реально. Однако домашний халат нашелся там, куда она положила его вечером. Неужели монография окажется в кабинете? Она попыталась вспомнить прочитанное, но мысли путались и расплывались. Случившееся оставило такой след, что погрузиться в воспоминания было затруднительно. Проснувшись в постели Августина, она решила, что он сам перенес ее туда после обморока, но ведь она должна была очнуться раньше наступления утра.

Неужели он прав?

Три ночи назад она разбудила доктора, он тогда решил, что она ему приснилась. Возможно, с ней происходит нечто похожее. Увиденное ночью стало сильным потрясением, хуже всех самых страшных кошмаров...

— Тебе надо сегодня вернуться в город, — заключил Августин. — Я переночую с тобой в клинике. Тебе это поможет?

Поможет. Джейн закрыла глаза и прерывисто выдохнула. Августину лучше не находиться в доме, если это все же был не сон. В противном случае ей самой необходимо уехать подальше отсюда и желательно не оставаться в одиночестве.

— Да, спасибо.

Джейн привстала, мечтая хоть на мгновение оказаться в его объятиях и успокоиться, но села на место, услышав шаги.

— Вероятно, миссис Лутбрайт с завтраком. — Августин улыбнулся.

Но в комнату вбежала запыхавшаяся миссис Перл.

— Приехал мистер Лоуэлл, — выпалила она, задыхаясь. — Говорит, вызвали с фермы Мербека, там старший сын... э-э-э...

— У него непрекращающаяся рвота. — В дверном проеме появился сам мистер Лоуэлл. — Средний сын прибежал в город; по его словам, это началось прошлой ночью.

Августин тихо выругался.

— Я еду немедленно. — Он посмотрел на Джейн. — Мне надо спешить, к сожалению. Ферма довольно далеко от Ларрентона.

— Я поеду с тобой.

— Ты не успеешь одеться, к тому же неизвестно, что случилось с мальчиком Мербека, это может быть заразно.

— Но я могу пригодиться, — понизив голос, произнесла Джейн, покосившись на миссис Перл, не спешившую покинуть столовую. Мистер Лоуэлл уже удалился — наверняка чтобы подготовить лошадей к дороге.

— Будь это травма, я бы с радостью принял твою помощь, но дело определенно в чем-то другом. — Он посмотрел на Джейн пристально, твердо останавливая взглядом. — Возможно, мальчика придется везти в клинику, поэтому мистеру Лоуэллу придется остаться со мной. Надеюсь, это не составит проблему?

Джейн слегка качнула головой, замороженная немым диалогом.

Внезапно Августин привлек ее к себе, будто миссис Перл и не было в комнате, и поцеловал в губы.

— Жаль, что надо спешить, — пробормотал он. — Ночной сон, кажется, слишком тебя впечатлил.

— Все хорошо, — слабо произнесла Джейн. — У меня рациональный ум, все будет в порядке. — Ей удалось изобразить кривую улыбку.

Августин сжал ее плечи и вышел.

Через десять минут миссис Лутбрайт подала завтрак: тосты, соленую рыбу и овсянку. Джейн почти ничего не ела и не разговаривала с кухаркой, лишь послала миссис Перл за своим трактатом. Та вернулась через несколько минут и подтвердила, что нашла его в кабинете. Значит, Джейн никогда не приносила его в библиотеку? Произошедшее лишь ночной кошмар?

Несколько часов спустя Джейн окончательно пришла в себя благодаря солнечному свету и долгому пребыванию в тишине. Отложив книгу, она вновь задумалась. Логика заключений в трактате была настолько необычна, что пришлось засомневаться, что нечто похожее встречалось ей ранее. Она потеряла виски, мысленно посетовала о забытых очках и поднялась с места. Солнце перешло точку зенита. Выходит, за чтением прошла добрая половина дня, а следовало провести и больше, чтобы окончательно стереть из головы все воспоминания об Элоди, ее красных глазах и прижатом к губам пальце. Неудивительно, что девушка приснилась ей после того, как она узнала о трагических событиях в ее жизни. Однако сейчас надо оставаться сильной духом, ведь Августин нуждается в жене, которая будет помогать с пациентами, которая без колебаний останется с ним в доме, если потребуется, — в подруге жизни, на которую можно положиться. Джейн мечтала стать такой ради себя самой и ради Августина.

А потом, поднимаясь по лестнице в спальню, она увидела это. На ее левой ступне краснели пятнышки от ожогов каплями воска. Нет, произошедшее не было сном.

Августин ей ггал.

Джейн стояла в дверях спальни Августина и смотрела на смятую простыню. Казалось, все внутри онемело от неожиданного открывшегося факта.

Часть прошлой ночи они провели вместе, это было приятно, страстно и нежно; она с такой радостью доверилась ему, так была рада получить то недостающее, что наделяло происходящее между ними смыслом. А он, по мнению Джейн, должен быть во всем.

Почему Августин солгал, сказав, что она потеряла сознание в его кабинете? Она раздражалась еще больше. Августину неизвестно, что она видела.

Даже она не могла подыскать определение для увиденного. Призраки? Духи? Они не вписывались в ее рационально устроенный мир и определенно не могли существовать в мире мужа.

И все же он с самого начала возражал насчет ее пребывания в Линдридж-холле. Лоуренс выглядел очень странно в кабинете тогда, в их первую ночь после свадьбы. Возможно, тоже видел женщину в окне, а ей солгал намеренно и решительно.

Продумывая план замужества, Джейн отчего-то была уверена, что все получится легко и просто, в жизни не будет

места драме и неопределенности. Возможно, с другим мужчиной так бы и сложилось...

Сердце заныло. Оно желало не другого мужчину, а того, чтобы Августин стал таким, каким она его считала. Тот человек не стал бы лгать, а доверился жене, как в день смерти мистера Рентона, когда им удалось заглянуть друг другу в душу. Их объединили кровь и потеря. Глядя тогда в глаза Августину, она чувствовала себя в безопасности, особенной и нужной. Неужели и это ложь?

Нет. Нет, она что-то упускает, некую переменную величину, которую необходимо констатировать, тогда все придет в соответствие. Они будут смеяться, как прошлой ночью.

Джейн отвернулась, не в силах больше смотреть на кровать. Прошла вглубь комнаты и быстро оделась. Из-за резких движений едва не порвала тонкое кружево, которым был отделан ворот платья цвета сливы. По-прежнему не глядя на кровать, Джейн привела себя в порядок, взяла саквояж и вышла, плотно затворив дверь.

Дом цеплялся за нее, словно не желая отпускать, — края юбки то и дело попадали в щели половиц. Тени на стенах следовали за ней, принимая устрашающие формы, хотя очертания тех, из прошлой ночи, были почти забыты.

Это место не для нее. Она больше не желает находиться в Линдридж-холле, в этих обветшавших декорациях для отщепенцев, застрявших между мирами.

Еще вчера она уверенно держала щит, готовая к атаке, целью которой было выяснить, кто скрывался под именем Элоди. Теперь же он лежал, сломанный ее страстностью и доверчивостью, а она оставалась ничем и никем не защищенной. Время, проведенное в этом особняке, принесло лишь ужас и страдания.

По дорогам вновь можно проехать. Если послать за каретой в город, придется ждать слишком долго, наездница

из нее никудышная, поэтому воспользоваться лошадьёю мистера Перла тоже не удастся. Оставалось просить кого-то из фермеров отвезти ее в Ларрентон в телеге. Возможно, далеко отсюда, в городе с его особенным ритмом, боль предательства постепенно утихнет. Августин должен был объяснить, что происходит в доме, и она непременно бы поняла. Они пришли бы к равенству в тождестве, используя в качестве неизвестных сбивающую с толку ложь и искреннюю страсть.

Джейн спустилась в холл, сделала несколько шагов в сторону кухни и остановилась, ощутив, как напряглась спина между лопатками. Она медленно повернулась, ожидая натолкнуться на взгляд, который ощущала физически, но увидела лишь безлюдный холл и вдалеке ведущую в подвал дверь. Мир замер. Теперь она отчетливо слышала над ухом шепот Августина, чувствовала на шее его жаркое дыхание.

Ничего. Совсем ничего. Своды могут в любой момент обрушиться.

Ноги пришли в движение против ее воли, пальцы помнили прикосновение к ледяному замку. Если он так легко соврал ей о событиях прошлого вечера, как вообще относиться к его заверениям?

Верить нельзя, нет. Она не должна верить ему, особенно находясь в этом доме.

Полумрак холла давил со всех сторон, звуки постепенно стихали. Замок сверкнул, стоило ей приблизиться. Поняв, что связка ключей на боку бесполезна, Джейн придирчиво оглядела дверь из сучковатых досок. По непонятной причине внутри росло желание проникнуть за нее.

Она протянула руку и сжала замок, а в следующую секунду подпрыгнула от страшного грохота. Она огляделась, не сразу поняв, что стук доносится с той стороны. Джейн отпрянула и услышала еще удар, и еще. Дверь не шелохнулась,

хотя по ней били со значительной силой — бум, бум, бум. А затем в одну секунду все изменилось, действие стало развиваться не перед Джейн, а за ее спиной: она услышала смех, кажется, десятка, если не сотни мужчин, и одинокий женский голос произнес:

— Нас пригласили.

Женщина оказалась доктором Джорджианой Хант, с которой приехали семь лучших хирургов и врачей Брелтании.

Джейн укрылась в коридоре от возникшей суеты и впиалась ногтями в ладонь от досады.

Холл мгновенно наполнился багажом и смехом людей, совершенно не считающихся с миссис Перл.

Джейн старалась не расплакаться от всей этой неразберихи, которая для нее была сродни катастрофе. Она не в том состоянии, чтобы кого-то принимать, к тому же не хотела оставаться в доме, но не представляла, как выпроводить гостей, не обидев.

Будто услышав ее мысли, миссис Перл громко объявила:

— Прошу простить, госпожа доктор, господу доктора, но доктор Лоуренс не предупреждал о гостях.

— Как на него похоже! — выкрикнул один из мужчин и рассмеялся еще громче. Звуки отражались от сводчатого потолка, искажались и начинали казаться искусственными. Джейн поежилась, задетая нападками на мужа, но затем собралась, готовая защитить его.

Он сам сказал ей, что писал друзьям, уговаривал не приезжать!

И все же они здесь. Мысль заставила встряхнуться. Он солгал ей и в этом? Но с какой целью? Нет, она просто излишне чувствительна в последние дни, склонна к осуждению, а эти люди заносчивы и надменны, поэтому с легкостью проигнорировали возражения Августина.

Так поступила и она сама.

— Вы ведь не захотите остаться одни в загородном доме, господа? — Миссис Перл все еще не теряла надежды их выдворить, за что Джейн была признательна, хотя и понимала, что причина, скорее всего, в неудовлетворительном состоянии особняка. — У нас нет егеря, нет конюшни, в Ларрентоне вам будет гораздо веселее.

И в городе они будут проблемой Августина, не ее.

Заявление осталось без внимания. Контральто доктора Хант эхом раскатилось под сводами холла.

— А что же миссис Лоуренс? Ее мы бы тоже хотели увидеть!

Джейн похолодела и отступила еще на несколько шагов вглубь коридора.

— Я... да, она здесь, — ответила миссис Перл.

Джейн представила, как склоняется ее голова, когда она делает реверанс, хотя отчетливо слышала напряжение в голосе.

— Прошу в гостиную, доктор, господа, я ей сообщу.

Разговоры, неразборчивые слова, шаги — все становилось тише. Джейн прошла чуть вперед и даже разглядела тени удаляющихся людей.

Подобрав до колен юбки и стараясь двигаться как можно быстрее и тише, она взбежала по лестнице и остановилась только у двери спальни. Мысль, что придется войти внутрь, заставила содрогнуться, но ее не должны застать с саквояжем в руке. Это вызовет слишком много вопросов, на которые она не сможет ответить в присутствии

посторонних. Заставив себя открыть дверь, она поставила сумку, стараясь не смотреть на кровать, а затем побежала в кабинет: будет логичнее, если миссис Перл найдет ее там.

Переступив порог, Джейн внезапно вспомнила, как здесь Августин обнимал ее в день свадьбы. Тогда она отчетливо почувствовала его желание, спрятанное за смущенной улыбкой. Она невольно мысленно вернулась в тот момент, когда обнаружила в блокноте имя женщины. Своя реакция — шок и злость — сейчас представлялась странной. В окне мелькнуло собственное отражение, так похожее на то, что она наблюдала прошлым вечером.

Но это была она и никто другой.

Запавшие глаза, спутанные волосы, плотно сжатые губы. Все указывало на испытываемый страх. Джейн никогда не придавала большого значения своей внешности, за исключением случаев, когда хотела произвести впечатление. И вот такой момент настал.

Она принялась яростно щипать себя за щеки, чтобы убрать излишнюю бледность. Несколько мгновений неотрывно смотрела на свое отражение, пока не убедилась, что выглядит спокойной и приветливой. Отыскав себя прежнюю, она надела образ, словно новое платье.

Женщина в окне казалась вполне довольной жизнью. Джейн улыбнулась ей, отметив, что улыбка вышла хоть и слабой, но вполне естественной.

С лестницы донеслись шаги миссис Перл, Джейн поспешила сесть в кресло и открыла книгу учета. Аккуратные колонки цифр неожиданно вызвали отвращение.

— Мадам?

Джейн повернулась всем телом и посмотрела на горничную, не менее измученную и уставшую, чем она сама всего минуту назад. Первым желанием было броситься к ногам

женщины и умолять ее найти способ выбраться отсюда и уехать домой. Вместо этого Джейн спросила:

— Я слышала, подъехала карета. Это мистер Лоуренс?

Ложь осела горечью на языке, хотя фраза прозвучала удивительно спокойно. Испытывал ли Августин нечто похожее, когда обманывал ее?

— Нет, мадам. Похоже, — горничная натруженными пальцами покручивала фартук, — доктор Лоуренс пригласил коллег. Он предупреждал вас о чем-то подобном, миссис Лоуренс? Они намерены остаться на неделю, но у нас нет запаса продуктов, даже кроватей и... — Она замолчала от беспомощности.

Джейн отчаянно хотелось обвинить во всем Августина, хотелось, чтобы миссис Перл встала на ее сторону против хозяина, скрывшего правду. Однако проблему это не решит.

— Уверена, это недоразумение, — произнесла она вопреки всем мыслям. — Я поговорю с ними.

Джейн подошла к двери, и миссис Перл шагнула в сторону. Уже в коридоре она услышала за спиной деликатное покашливание горничной.

— Простите, мадам. Но вы не спросили, где их найти.

Джейн застыла на месте и опустила голову. *Ах, бездарный из меня лжец.*

— Я... я подумала, вы проводили их, — *в гостиную*, мелькнула мысль, — в столовую, там теперь так чисто.

— В гостиную, мадам. Только утром с божьей помощью вычистила там все шторы.

Джейн взглянула на нее через плечо и застенчиво улыбнулась — такое выражение может получиться только искренне.

— Да, очень удачно, — пролепетала она.

Миссис Перл улыбнулась в ответ, но радости на ее лице не было.

Джейн поспешила отвернуться и принялась спускаться по лестнице.

Они ждали ее; стоило ей появиться в дверном проеме, раздались восторженные крики.

— Миссис Лоуренс! — Навстречу ей из кресла (потертого, продавленного, но чистого) поднялась молодая женщина с блестящими медными волосами. Она прошла по комнате и вытянула обе руки. — Как мы рады наконец познакомиться с вами! Я доктор Джорджиана Хант.

Щеки дамы покраснелись от выпитого, глаза сверкали. Джейн заметила рюмку на столике у кресла. Дама заключила хозяйку в объятия и увлекла за собой в комнату.

На Джорджиане были брюки мужского кроя, сидящие по фигуре, блуза с высоким воротом и жилет, а также длинное пальто, определенно сшитое на заказ. Оно совсем не походило на халат хирурга, но отчего-то Джейн увидела сходство. И оно измялось из-за целого дня, проведенного в карете.

Откуда это стремление проделать долгий путь из Камхерста, несмотря на просьбу Августина не приезжать? И сразу после их свадьбы. Зачем? Ведь не для того же, чтобы познакомиться?

— Новая супруга Августина, господа! — объявила доктор Хант.

Очередной взрыв восторга. Семь человек — пятеро мужчин и две дамы. На одной наряд, похожий на одежду гробовщиков: черный камзол с высоким воротом и узкая юбка. Каштановые волосы — удивительно! — пострижены под мальчика. Второй гостьей оказалась доктор Низамиева — специалист из приюта в Камхерсте.

Мир пошатнулся, Джейн едва удержала равновесие.

Разумеется, доктор Низамиева должна быть среди сокурсников Августина, почему нет. К тому же они встречались совсем недавно.

Доктор Низамиева что-то сосредоточенно записывала в блокнот и совсем не обращала внимания на Джейн. Остальные же, напротив, не сводили с нее глаз, доктор Хант явно с нетерпением ждала, когда она заговорит.

— Рада приветствовать вас всех, — произнесла Джейн, помедлив мгновение. — Надеюсь, вы извините нас за состояние дома: мы не ждали гостей.

— Ждать официального приглашения от Августина не имело смысла. Мы хорошо знаем его характер. Однако были уверены, что он здесь, ведь в клинике никого нет.

— Он уехал на вызов. К ребенку. — Джейн покраснела из-за того, что собственные страдания заставили забыть о горе маленького мальчика Мербека. — Сильная рвота, длящаяся всю ночь.

— Гиперемезис, — серьезно произнес один из джентльменов, и Джейн не сразу поняла, что он не ставит диагноз, а лишь предлагает медицинский термин вместо ее пространного описания. Он поднялся, подошел к ней и доктору Хант и склонил голову набок. Мужчина был красив, широкоплеч, длинные пальцы, почти черные волосы, очень смуглая кожа и аристократические черты лица.

— Миссис Лоуренс, для меня честь познакомиться с вами, — произнес он с идеально выверенной улыбкой. — Я Эндрю Винг. Главный хирург частной клиники в Камхерсте. Мы с вашим супругом учились вместе в медицинском университете. Признаться, грустно не застать его дома. Вы уверены, что он у пациента?

Джейн оторопела.

— Простите?

— Боюсь, он сбежал из-за нас, — заключил доктор Винг. Они знали, что Августин привык лгать.

Нет, Августин не мог обмануть ее, сослаться на пациента и уехать. У него не было ни повода, ни возможности вовлечь

в комбинацию мистера Лоуэлла. Но все же из-за пациента он оставил ее в доме, от которого просил держаться подальше...

Однако у нее есть компания. Она должна следить за собой, вести себя соответственно ситуации, а не поддаваться паранойе.

— У меня нет сомнений, что он с пациентом, — уверенно сказала Джейн. — Он уехал в спешке утром; надеюсь, к вечеру будет дома.

Винг вздохнул.

— Он очень рискует, выезжая на опасные случаи. Руки, которые так отлично владеют скальпелем, надо беречь, а не расходовать в этой глуши. — Он церемонно поклонился. — Прошу простить, мадам.

— Не стоит извиняться, — отмахнулась Джейн, хотя ее обуревали совсем противоположные чувства. — Я лично была свидетелем его работы.

— Вот как? — Мужчина удивился.

— Да, на второй день после знакомства я ассистировала ему в операционной. Это был экстренный случай.

В нос ударил запах крови, показалось, что на ней то самое грязное платье, всплыли воспоминания о четких и быстрых движениях рук Августина, пришедшее следом пьянящее восхищение его мастерством. Ужас. Кошмар. От начала до самого конца.

— Вот как? И какой же? — Винг склонился к ней.

— А... абдоминальной хирургии... Э-э-э... мужчина с пороком развития кишки, — сказала она запинаясь, стараясь копировать легкость, с которой произносил эти слова Августин.

— Вы прошли обучение? Где же? Алмонт? Эдонбридж?

— Нет, — Джейн смущенно улыбнулась. — Я лишь присутствовала в операционной, доктору нужна была еще одна пара рук.

Винг оглядел ее с любопытством, а Джейн в свою очередь их — высокопрофессиональных хирургов и терапевтов. Очевидно, они ожидали увидеть здесь совсем другую женщину.

— Ясно, — произнес Винг и сдержанно улыбнулся. — О, я бы многое отдал, чтобы такое увидеть! Августин — настоящий кудесник. Серьезная практика вместо этой деревенской чепухи — и он мог бы стать профессионалом моего уровня или даже выше.

Джейн подташнивало от ощущения крови Рентона под ногтями, а этого человека интересовала только квалификация!

— Пациент скончался на следующий день.

Винг пожал плечами.

— Такое случается, — произнес он без сочувствия или сожаления. — Абдоминальная хирургия связана с риском.

— Да, полагаю, это так. — Ее корбила небрежность в высказываниях. Такой человек, как Винг, легко дистанцируется, она отчетливо видела это. По сравнению с ним Августин казался еще лучше и добрее. Доктором со щедрой душой.

Он никогда не пытался проверить уровень ее образования.

Следовало ли счесть это подсказкой судьбы?

— Вы сказали, на второй день после знакомства? — Винг смотрел на нее как на диковинку. Взгляд при этом стал таким острым, будто он готовился к вивисекции. По телу побежали мурашки. — И без образования медсестры?

— Без образования. Я бухгалтер. Веду учетные книги доктора Лоуренса.

Сказанное вызвало громкий смех доктора.

— Бухгалтер! А он нашел интересную жену. Он сначала вас нанял или?..

— В некотором смысле да, — ответила Джейн, приняла стакан с бренди, который Хант буквально вложила ей в руку, решительно сделала глоток и, к своему удивлению, не много расслабилась.

— Эндрю, ты намерен уморить миссис Лоуренс?

Тот пожал плечами.

— Я лишь ищу повод, чтобы миссис Лоуренс уговорила мужа вернуться в Камхерст. Будь вы медсестрой, мадам, я бы описал вам прелести работы в королевском семействе, медсестры им всегда нужны, но по поводу бухгалтера я не уверен.

«К тому же бухгалтера-самоучки», — подумала Джейн, но промолчала. Однако в гимназиях едва ли научат деловой хватке.

Она представила Августина — востребованного хирурга — в огромной операционной среди его самоуверенных сокурсников. Ах, если бы он был обычным человеком, не знавшим с призраками! Пусть у него будут тайны, но более прозаичные. Впрочем, такой мужчина мог не захотеть ее.

— Сомневаюсь, что он уедет так далеко. — Джейн надеялась, что ей удалось скрыть горечь.

— Жаль. Последние два года мы по нему скучали.

Два года. Два года назад в этом доме умерла пациентка. Джейн подняла стакан, но не донесла до рта. Казалось, взоры всех собравшихся обратились к ней, будто почувствовав, как замерли в тот момент ее мысли.

— На это время мы потеряли его из виду, — сказала Хант, усаживаясь на подлокотник кресла. Она закинула ногу на ногу и уперлась локтем в колено. — Его кандидатуру рассматривали на должность главного хирурга, но он внезапно пропал. Как выяснилось, отправился в южные графства, туда, где воздействие газа было самым сильным,

стал лечить вызванные им хронические заболевания. Все это очень неожиданно.

Ей же было известно лишь о государственной службе. Более ничего. Опять тайны!

— Я до сих пор не могу поверить, что он согласился на это место. — Винг вздохнул. — Отказаться от будущего... ради чего? Разумеется, я понимаю, смерть Элоди стала тяжёлым ударом.

Джейн замерла.

Элоди.

Винг продолжал, не обратив на нее внимания:

— Конечно, он...

— Вы ее знали? — выпалила Джейн, останавливая пустые разговоры о достижениях и их отсутствии.

Улыбка Винга походила на оскал, очевидно, его редко перебивали. Он бросил взгляд на Хант и поправил манжеты.

— Кого? Элоди? Разумеется, мы все ее знали. Джорджина присутствовала на свадьбе.

На свадьбе.

Свадьбе.

Стало трудно дышать. Джейн глотнула бренди, чтобы скрыть боль и охватившую ее панику.

— Она жила в доме со своей семьей, пока мы учились в университете, — продолжала Хант. — И была частым гостем на вечеринках, которые мы устраивали. Прекрасная женщина. То, что произошло, — ужасно. И, — Винг покосился на нее, — неудивительно, что это так глубоко ранило Августина.

Те выплаты были не пациенту, а его родственникам. А пациентом была собственная жена.

Джейн почувствовала, как из груди рвется наружу нечеловеческий вопль. Со всей силой воли она сдержалась, лишь вздрогнула и отвернулась. Пальцы задрожали, и Джейн обхватила стакан со спиртным обеими руками.

— А что произошло? — спросила она, не вполне представляя, естественно ли звучит голос. Кажется, чуть хрипло. Внутри нарастало желание схватить Винга за грудки и вытрясти всю правду. — Муж сказал лишь, что она болела. — И была не женой, а обычной пациенткой, а еще утверждал, что в доме все в порядке.

Гости, похоже, не замечали, что с ней происходит.

— Да, болела, — кивнул Винг. — Она умерла от желтой лихорадки. Они с Августинном переехали в этот дом, когда он временно заменял какого-то врача из Шарптона; позже, когда в его деятельности отпала нужда, он присоединился к нам на отдыхе. Жена недавно перенесла болезнь, потому осталась дома. Через неделю после приезда ему сообщили, что Элоди опять заболела, а к моменту его возвращения домой она была уже мертва. Даже если бы известие пришло на три дня раньше, сделать бы уже ничего не удалось.

Джейн перекатилась с мыска на пятку и придала лицу сочувствующее выражение, а внутри запылал огонь. Ложь порождает ложь. Она не желает в этом участвовать! Августин солгал о покойной жене, образ которой теперь мерещится ей по ночам в каждом окне. Именно его жена с красными от крови глазами смотрела на нее из-за спины Августина, прижав палец к губам.

Это казалось невозможным, но с каждым новым открывавшимся фактом все более реальным. Правда ли, что Августин не смог ее спасти?

Взгляд упал на окно. Солнце еще светило ярко, но до заката оставался час, самое большее — два. Внезапно ей захотелось остаться. Пусть останутся и гости, будут свидетелями того, что она видела прошлыми ночами, тогда они расскажут обо всем, и правда откроется. Это просто необходимо.

— Невероятная трагедия, — продолжал Винг с искренним сопереживанием. Элоди, похоже, принадлежала к их кругу, в отличие от Джейн. — Это скверная, страшная болезнь, она разрушает органы, образуются сгустки крови, и шить совсем нечего, потому мне непонятно, отчего он считал свою вину столь огромной, что даже уехал в глубинку, чтобы ее искупить.

Стыд и бегство определенно неспроста. Джейн села и провалилась в кресло, чуть повернула голову и оглядела дорогу, ведущую в Ларрентон. Она все больше убеждалась в своей правоте.

— Потому что ты бесчувственный, — ответила ему Хант. Они вели разговор, словно Джейн не существовало. — Если отбросить тот факт, что она была ему женой, не стоит забывать, что он стал врачом, чтобы спасти людей, как, надеюсь, все мы.

— Существуют границы человеческих возможностей. Если доктор не может принять уход пациента, не стоит заниматься хирургией и лечением в целом, даже несмотря на природный дар.

— Мне он сказал, — безжизненным голосом произнесла Джейн, — что я не должна винить себя, что наш пациент умер. Во всем виноват он один.

Винг фыркнул и отвернулся.

— Что за тяга к страданиям! Верните его в Камхерст, и мы быстро его исцелим.

— Не думаю, что смогу его уговорить, — покачала головой Джейн, чувствуя, что в виске возникла боль. Всего одну ночь тому назад все было иначе, намного проще. На мгновение она пожалела, что ложь открылась.

Впрочем, если не той ночью или прошлой, то это неминуемо произошло бы сейчас. Несмотря на попытки мужа держать друзей подальше от нее, они явились и все испортили

своей болтовней. Интересно, что сказал бы Августин, появись он сейчас в Линдридж-холле? Как бы поступил, обнаружив здесь сокурсников, как бы выкручивался и выгорал себя? Или не выдержал бы давления и сдался?

Судьба будто восприняла ее мысли как руководство к действию, потому что на дороге показалась карета. Джейн вздрогнула, и Хант встала рядом, чтобы проследить за ее взглядом.

— Наш добрый доктор? — произнесла она, увидев своими глазами экипаж.

После кивка хозяйки Хант подпрыгнула и закричала от радости. Джейн попыталась ухватиться за ее веселое настроение, надеясь, что и ей станет легче, поднялась и оглядела всех с легкой улыбкой на губах.

— Предлагаю вместе встретить моего супруга, — объявила она и повела присутствующих в холл.

Несмотря на множество экипажей гостей, оставленных на подъездной дороге, карета Августина каким-то образом проехала к входу. Он выскочил почти на ходу, волосы совершенно растрепались. Джейн не ожидала, что при виде мужа ощутит острый приступ желания. Затем появилась мысль, как приятно было бы стоять среди его коллег, держась за руки, чувствовать его защиту и поддержку. Она приготовилась к потоку гнева, но он, не сформировавшись, неуверенно замер, затаился внутри. Кроме того, усталость сделала ее уязвимой.

«Жена, — твердила она про себя. — Скончавшаяся жена».

Августин, видимо, догадался, что она обо всем узнала. Достаточно было взглянуть на нее. Это было очевидно ей одной, она видела его насквозь: Августин боялся приближающейся ночи, боялся, что ложь раскроется, боялся, что она оставалась наедине с этими мужчинами и женщинами, которым не хватило такта воздержаться от визита, раз хозяин им отказал.

Он неплохо скрывал чувства и эмоции благодаря большому опыту или хорошо развитой силе воли. Стоящим

рядом Хант и Вингу не было до этого никакого дела, впрочем как и остальным присутствующим. Они радостно выкрикивали приветствия, и только Джейн видела, как Августина охватывает паника.

Он подошел прямо к ней, взял за руки и привлек к себе.

— Как давно они здесь? — прошептал он. — Клянусь, я понятия не имел, что они появятся. С тобой все хорошо?

Джейн хранила молчание, поскольку единственное, что могла сказать: *«А почему их приезд так тебя пугает?»*

— Они не могут остаться на ночь, у нас нет кроватей и...

Растерявшись, он замолчал.

«Ну же, говори», — твердила про себя Джейн, но услышала совсем другое:

— Я со всем разберусь. — Августин склонился и поцеловал ее в щеку.

Она отпрянула, словно прикосновение обожгло, повернулась к гостям и произнесла нарочито манерно:

— А вот и наш добрый доктор, он непременно отужинает с нами, ведь миссис Лутбрайт, разумеется, позаботится об угощении.

Рука Августина сжала ее ладонь в немой просьбе или вопросе, затем он подошел к гостям.

— Мои дорогие друзья, — начал он, в одно мгновение став тем благородным человеком, каким она сочла его, увидев впервые. Казалось, он совсем не замечал высокомерия, которое стало для них буквально второй кожей. — Я приветствую вас, но сразу хочу просить в будущем внимательнее читать мои письма. К моему большому сожалению, в Линдридж-холле нет достаточного количества комнат для вашего комфортного размещения.

Хант весело рассмеялась, взяла его за руку и потянула к входу.

— Какие могут быть между нами церемонии? Мы прекрасно понимаем, что в Ларрентоне не найти таких условий, как в Камхерсте. Мы готовы потерпеть, если твоя любезная служанка — миссис Перл? — принесет одеяла.

Джейн подозревала, что в доме нет и этой малости. Она вошла в дом вслед за Августинном, размышляя, насколько прямолинейным он готов быть.

— Постоялые дворы в Ларрентоне неплохи, и я уверен, ваши кучера предпочли бы их. В Линдридж-холле нет конюшен, больше нет.

Лошади паслись на неухоженной лужайке, кучера поглядывали на темнеющее небо и, вероятно, гадали, успеют ли вернуться в город до ночи.

— Тогда я отправляю кучеров на постоялый двор, — заявил Винг, делая шаг вперед. — Утром они вернутся.

— Господа, — произнес Августин спокойным голосом, хотя должен был испытывать ужас, — мне бы хотелось продемонстрировать гостеприимство, прошу, позвольте мне это.

— Августин, нам не нужно ничего, кроме твоего общества. И разве мы когда-то спали ночью, когда игра ждет? — Хант широко улыбнулась.

Августин крутил большим пальцем обручальное кольцо, и Джейн заметила, как натянулась кожа на костяшке.

Что за игра?

— Вам лучше уйти, — произнес Августин, теряя терпение. Уже стоя в дверях, Винг повернулся к нему и расхохотался.

— Августин! Ты ведь не отправишь нас сейчас восвояси? И согласишься, твоя клиника — не место для такой компании: вряд ли кому-то захочется выпивать там, где пахнет гноем и кровью.

— Мы и не думаем тебя осуждать, — вмешалась Хант.

Джейн открыла рот, чтобы поддержать мужа, но вдруг заметила, что за ней следит доктор Низамиева. Именно за ней, не за Августином или за ними обоими. Следит как ястреб, высматривающий добычу. Джейн инстинктивно отшатнулась. Он стояла неподвижно, пока Хант, похлопывая Августина по плечу, уводила его в гостиную. Винг выскользнул на крыльцо, а остальные вернулись на свои места у камина или окна.

— Будьте внимательны, — прошептала Низамиева. Она замыкала процессию, будто специально отстала, чтобы ее слышала одна Джейн. — Вы ведь не хотите показаться неприветливой? — Юбки прошелестели мимо.

Щеки Джейн вспыхнули, пальцы задрожали. Она не потрудилась скрыть удивление и недовольство, забыла о самоконтроле в обществе беззаботных докторов. Пусть пристально наблюдавшая всего одна, но и та не должна понять причину разногласий между супругами. Она следила за Августином, разливавшим всем по новой порции бренди и одновременно убеждавшим миссис Перл поторопить миссис Лутбrait с закусками для легкого фуршета перед ужином, который, скорее всего, опустошит кладовые Линдридж-холла. Надо признать, Августин довольно быстро овладел собой и больше не подавал признаков беспокойства. Более того, уже посмеивался над своей прежней резкостью.

Встряхнувшись, Джейн надела привычную маску с приветливой улыбкой и вскоре погрузилась в беседу с одним из присутствующих, желавшим узнать все о ее семье и образовании. Она как раз говорила о знакомстве с миром цифр, когда в комнате появился Винг и направился к ней.

— Все экипажи я отправил в город, — заявил он. — Кажется, я начинаю понимать, почему вы с пессимизмом восприняли свою способность влиять на нашего Августина. Он совсем не такой, каким я его знал.

— Вот как? — Джейн отошла к буфету. Стакан ее где-то потерялся, но Винг нашел ей новый, немедленно наполнил и вложил в руку так, чтобы ненароком ее не коснуться. — Но я знала его только таким. Влюбленным в свою работу.

И еще умеющим отменно лгать.

— Он изменился. Стал ершистым и норовистым.

— Я ничего не знала об Элоди. — Джейн замолчала, ожидая реакции. Например, Винг мог сказать, что муж поступил плохо, и предложить способы решения. Однако он всего лишь пожал плечами.

— И я совсем не удивлен. Насколько мне известно, это расстроило его отношения с родными. Они относились к Элоди как к дочери и были готовы принять на себя ответственность за ее смерть. — Он фыркнул и выдержал небольшую паузу. — Им стоило бы винить в ее кончине местные болота, комарье и лихорадку, а еще врача, который приезжал в отсутствие Августина. Они могли винить себя за то, что променяли Камхерст на — простите за прямоту — это гнилое поместье. Но глупо винить Августина. Он ведь хирург по своей природе и образованию, между прочим, а вовсе не терапевт.

Джейн посмотрела на мужа. Тот перехватил ее взгляд и подошел, будто его притягивало к ней магнитом.

— Эндрю.

— Августин. Я и не представлял, что твоя супруга так очаровательна. — Поклонившись ей, он с улыбкой поднял стакан. — Она чудо.

Джейн почувствовала, как желчь поднимается к горлу.

Августин взял ее за руку.

— Осмелюсь просить тебя — даже умолять — проконтролировать миссис Лутбrait.

Хочет отослать ее подальше от Винга. Но по лицу неясно, боится он или ревнует.

Тот сжал плечо ее мужа и рассмеялся.

— Послушай, я уверен, на твоих слуг можно положиться.

— Они не привыкли к гостям, — отозвался Августин, не сводя взгляда с Джейн.

Она смотрела на него, размышляя, не задать ли вопрос об Элоди при свидетеле, но передумала. Винг уже пытался выгородить ее мужа; повторной его попытки уйти от ответа или солгать она не выдержит. Поэтому Джейн мило улыбнулась и поспешила в кухню.

Игра на этом не прекратилась. Каждый раз, когда Джейн возвращалась в гостиную, Августин обращался к ней с очередной просьбой. Попросить миссис Перл принести постельное белье из кладовой на третьем этаже, проверить, нашла ли миссис Лутбрайт хорошее столовое серебро. Он прерывал ее, стоило заговорить с кем-то из гостей, отчего подозрения лишь крепили. Войдя в кухню в третий раз, она попросила миссис Перл привести мужа в холл, чтобы они могли наедине обсудить, как разместить гостей на ночь. Солнце уже садилось, а горничная была сегодня угодливой.

Августин хмурился, стоя недалеко от двери кухни, где миссис Перл оставила его, не предоставив внятных объяснений. Он уже собрался уходить, когда Джейн вышла, быстро преодолела расстояние между ними по освещенному газовыми бра холлу и встала напротив мужа. Глаза его округлились от осознания, что он так легко попался в ловушку.

Подойдя достаточно близко, чтобы не позволить никому их услышать, Джейн прошептала:

— Я знаю, ты солгал мне, Августин. — Лицо его было так близко, что она уловила мгновение, когда оно едва заметно дернулось; дыхание, которое она ощущала подбородком,

стало прерывистым. С наслаждением она надавила сильнее: — Я отлично помню, что видела прошлой ночью.

— Джейн...

— Мне известно об Элоди, о том, кем она была. Разве пациенткой, Августин? Пациенткой, не женой?

Его лицо стало бледным и непроницаемым. Джейн ощутила торжество. Но Августин заметно напрягся, сжал челюсти и посмотрел прямо ей в глаза.

— Наш брак не должен был стать настоящим, Джейн.

Она попятилась, будто от удара.

— Ты предложила взаимовыгодное соглашение и ничего более, — продолжал Августин, понизив голос. — Я только потому и согласился. Кроме того, предупреждал, что ты не сможешь здесь жить, и это тебя устроило. — Он сдвинул брови и вытянул руки, будто намеревался сжать ее плечи, но передумал и позволил им безвольно упасть.

— Но все же я здесь, — выпалила Джейн. — Ты меня предал.

Августин поморщился.

— О чем ты, какое предательство? Может, причина твоей ярости — простая ревность? Ревность к Элоди? Оттого что часть меня тебе не принадлежит? Согласно нашей сделке этого и не должно случиться.

Он прав.

Чертово сердце не желало это понимать. От бессилия хотелось кричать. Но возражения и требования бесполезны: условия их брака были предельно ясны, и в них не входит откровенность и честность. Джейн и не требовала этого, лишь предполагала как само собой разумеющееся, а он ее не понял. Не вполне осознал, чего она хочет. Это ее просчет. Ее ошибка.

На плечо легла рука Августина. Прикосновение было скорее нежным.

— Предполагалось, что ты никогда об этом не узнаешь, — произнес он. — Это не должно было тебя затронуть.

— А сегодня утром? — спросила она, по-прежнему не желая отказываться от мысли о предательстве, ведь его острое лезвие застряло в сердце. — Ты заставил меня предположить, что я схожу с ума. Вычеркнул из реальности.

Августин вздрогнул, но заговорил не сразу. Тон его был мягким, почти ласковым.

— Я все делал для твоего блага.

— Я их видела. Видела Элоди, Августин.

Он резко втянул воздух, не разжимая зубов.

— Я хотел сделать тебя свободной, убедив, что это лишь дурной сон.

Сердце ее грохотало, звук отдавался в ушах.

— Свободной от чего?

Августин размышлял над ответом, когда в коридоре слышались шаги. Он поспешно отступил в сторону, поправил жилет и повернулся на звук. Из-за угла появилась Хант.

— Боюсь, мы прикончили графин, — заявила доктор и сразу добавила: — О, простите, что прерываю.

— Мы лишь говорили о приготовлениях, — смущенно, но без колебаний ответил Августин. В интонациях не было и намека на страх, и Джейн заключила, что ей следует у него поучиться. Он ни за что не покажет друзьям свою слабость.

Джейн повернулась к Хант, надев маску с милой улыбкой, которой встречала клиентов мистера Каннингема.

— Я пришлю миссис Перл с новым, — пропела она и, кивнув доктору, удалилась.

Оставшись одна, Джейн опустила голову и спрятала лицо в ладонях, желая хотя бы на несколько мгновений

укрыться от этого мира. Она устала, событий слишком много. Кроме того, ей нужны ответы. И план, чтобы идти вперед.

Когда она, убрав руки, подняла голову, муж уже входил в гостиную.

Миссис Лутбрайт удалось устроить пир из ничего. Казалось, стол не выдержит бесконечной вереницы блюд. Чтобы выиграть время, подавали по очереди полдюжины корнеплодов, приготовленных различными способами. Рагу из вяленого мяса в отчаянной спешке вымочили в вине, убрав неприятный привкус с помощью недавно высеянных молодых трав. Спиртное добавляли в каждое блюдо, чтобы добавить изысканности и избежать критики.

Джейн коснулась плеча миссис Лутбрайт и прошептала горячие слова благодарности, но улыбку на лице кухарки вызвало лишь последующее обещание лично перемыть всю посуду.

Наконец миссис Лутбрайт с облегчением вышла из дома в темноту. За ней шла менее довольная миссис Перл, которой, как и ожидала Джейн, не удалось найти спальное место для каждого гостя.

Джейн сидела рядом с мужем во главе стола. Хант достала из своей сумки бутылку заграничного вина — сухого игристого. Темы разговоров менялись, фразы сплетались над столом в витиеватую паутину.

Винг начал описывать операцию на кишечнике у одного пациента, травмированного на рабочем месте. Бедняга страдал от боли, несмотря на эфир, но пять хирургов, трудившихся три часа, все благополучно зашили. (Пережил ли пациент ночь, не уточнялось.) Затем Хант завела разговор о механизме передачи инфекций, потом гости сплетничали об отсутствующих друзьях и ненавистных соперниках, обсуждали, кто, на что и какое финансирование получает и что еще Корона потребует от врачей.

Несмотря на внутреннее состояние, Джейн была очарована гостями. Перед ней успешные, хорошо образованные специалисты. Она тоже хотела быть такой. Она могла бы с легкостью рассуждать о математических теориях с позиции человека с университетским образованием. Вскоре присутствующие погрузились в философские дебаты, не устоял даже Августин. Ум Джейн принял вызов, и вскоре она вступила в спор на тему логики. Горячий и великолепный.

Ради прекрасной компании Джейн отбросила все мысли о событиях прошлых ночей, о высоких фигурах и бывшей жене Лоуренса с красными глазами. Она решила передохнуть и на два часа приковала к себе взгляды присутствующих, — желаемое, но невозможное стало на время реальным. Казалось, будь она способна поделить мир на ноль, получила бы все, о чем и не смела мечтать.

Ужин закончился, и гости переместились в гостиную. Собрав посуду, Джейн понесла ее в кухню, заметив в воздухе клубившийся табачный дым. В темных окнах Линдриджхолла не появились призраки, в коридорах ярко горели бра, она проходила сквозь огонь, радуясь новой реальности.

Вернувшись в столовую за четвертой партией посуды, Джейн увидела на месте Августина доктор Низамиеву. Та наблюдала, как Джейн неловко складывает грязные тарелки.

Поднявшись с места, женщина неслышно подошла к ней — она будто скользила по полу, как во время первой их встречи в клинике. Джейн внезапно вспомнила о фигурах в библиотеке, и в животе появилась тяжесть, будто желудок наполнился свинцом.

— Доктор Низамиева. — Она не сразу смогла собраться, чтобы посмотреть на гостью так, как следовало.

— Новая миссис Лоуренс, — протянула та, склонив голову набок. Взгляд ее при этом блуждал по лицу Джейн. С момента кончины мистера Рентона прошла всего неделя, хотя все так изменилось, что казалось: минуло не меньше половины жизни. Беспокойство Джейн при виде доктора Низамиевой росло, что неудивительно, если учесть происходящее в Линдридж-холле. Интересно, почему именно ее Августин вызвал тогда из Камхерста?

— Как вы находите жизнь в браке?

Джейн почуяла в вопросе ловушку.

— Ново, я бы сказала.

Доктор Низамиева рассмеялась. Резко, отрывисто. Джейн показалось, что это хорошо отработанный смех.

— Да, пожалуй. Вы наблюдательны — хочу поговорить о вашем муже.

— Я... Да, разумеется, хотя не уверена, что могу поделиться чем-то новым для вас.

— Я могу.

Джейн опешила.

Почва под ногами шаталась. Все казавшееся верным разрушилось, но она готова попытаться принять новую реальность, используя сохранившиеся величины. На этот раз она не единожды проверит, все ли поняла верно, не упустила ли чего.

В дверном проеме в мягком свете соседней комнаты мелькали силуэты гостей, слышался смех Августина.

Но Джейн все же присела. Доктор встала рядом, изучая лицо хозяйки.

— Не думала, что он снова женится, только не после Элоди.

Вновь сердце кольнуло от неожиданной боли. Станет ли она когда-нибудь легче?

— Признаюсь, он не собирався, — ответила Джейн. — Но все же решился.

— Полагаю, брак ваш не совсем... обычный, учитывая нашу первую встречу.

Она говорила отрывисто и четко, каждое слово и звук казались осмысленными и выверенными холодным аналитическим умом. Манерой она напоминала Джейн саму себя во время разговоров на деловые темы. Раньше это никогда не коробило, однако теперь по спине побежали мурашки.

Доктор Низамиева что-то заметила. Даже к происходящему здесь она относилась как к работе. Но почему?

— Да, — кивнула Джейн. — Он не совсем обычный.

— Вы часто бываете в Линдридж-холле? Оставались здесь на какое-то время до свадьбы?

Джейн сжала ткань юбки, невольно повернулась к окну за спиной доктора, почти уверенная, что увидит там следящую за ней Элоди. К счастью, взгляд натолкнулся лишь на собственное отражение.

Низамиева склонила голову и стала походить на сокола, рассчитывающего расстояние для атаки.

— Так вы знаете, — произнесла она через несколько мгновений. — Что-то видели.

Что-то видели. Неразумное заявление для работника приюта. Джейн не сдержалась и подалась вперед.

— И вы знаете? — спросила она, ощущая, как быстрее забилося сердце. — Он вам сказал?

— Да. Мне он сказал.

Прекращение разговора теперь потребовало бы не меньше усилий, чем переезд к Каннингемам в Камхерст.

— Есть некоторые вещи, которые вам необходимо знать. — Доктор Низамиева отодвинула стул и села рядом.

— Но почему? Почему вы решили мне рассказать?

— Разве вы не хотите понять? Мне вы кажется дамой любопытной, но никак не трусливой.

— Разумеется, хочу. — Джейн с вызовом вскинула голову.

Доктор откинулась на спинку стула и самодовольно улыбнулась.

— Когда Элоди заболела, — начала она, намеренно понизив голос, чтобы никто не подслушал, — ваш муж был на ретрите с друзьями. Они занимались магическими практиками.

Джейн похолодела и отшатнулась.

— Я определенно кое-что видела в доме, но...

Но что?

Если духи настоящие, а в окне действительно появлялась жена Августина...

Нет. Очищение обручального кольца солнечным светом, ношение рубашки наизнанку — это не колдовство, это надежда. Миром управляют логика и мышление, а не потусторонняя сила. Магия — вещь вымышленная, фантазии, основанные на древних суевериях.

Внезапно она вспомнила о мистере Рентоне, перешептывание с мистером Лоуэллом о меле и соли.

— Магия — не фантазии, она существует, миссис Лоуренс, — твердо заявила Низамиева. — Но то, чем они занимались на том ретрите, называется иначе. Они играли, как обычные сокурсники, встретившиеся после нескольких лет разлуки. В университете нас объединяло одно место — столовая, ставшая для нас клубом, там мы собирались,

проводили ритуалы и делились тайнами. У человека и в нашей стране, и за ее пределами много таковых в юном возрасте, но большинство в лучшем случае надуманно. Мы ничем не отличаемся от остальных и собрались тогда, чтобы вспомнить дни ранней молодости.

— А потом пришла весть, что Элоди Лоуренс смертельно больна. — Джейн придвинулась еще ближе, желая знать все. — И он уехал, хотя спасти ее так и не смог.

— Верно. Что было дальше, мне неизвестно, но он поделился некоторыми деталями, когда обратился за помощью три месяца назад.

Перед самым переездом в Ларрентон. После того как на некоторое время исчезал, о чем сетовал Винг. Джейн отчетливо ощущала, как растет давление.

— И что он вам сказал?

— Что буквально обезумел после смерти Элоди, в которой его обвиняли обе семьи. Он был в отчаянии, поэтому нашел заклинание, чтобы исправить ошибку.

По телу Джейн побежали мурашки, она невольно сторбилась и поежилась.

— Он хотел... вернуть ее?

— Да.

Это невозможно. Но она видела Элоди, прижимавшую палец к губам. И определенно, миссис Перл и другие тоже видели.

— Однако у него не получилось. Элоди здесь нет. Он... он женат на мне.

— Вы правы, у него не получилось, — услышала Джейн ответ доктора, и на глаза навернулись слезы облегчения. Оказалось, она не закончила. — Потому что преобразования такого рода невозможны. Не представляю, где он нашел заклинание, но оно в лучшем случае позволило бы ему говорить с духом Элоди, однако не заставило бы тело даже

шевелинуться. В реальности же не произошло ничего. О его попытках узнали родные с обеих сторон и возмутились, что он осквернил дом. Поэтому они уехали.

Джейн скрупулезно вставляла кусочки новых фактов в портрет мужа, словно собирала мозаику. Они подходили идеально.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она. Доктору Низамиевой не свойственен альтруизм, у нее какая-то цель. Но Джейн не видела ее за острыми краями правды Августина.

— Вы умны, миссис Лоуренс; позвольте поделиться фактами, а сложившуюся картину вы опишете мне сами.

Горло перехватило, но Джейн кивнула: *продолжайте.*

— Заклинание не помогло уму добиться желаемого, однако это не значит, что обошлось без последствий.

— Призраки, — прошептала Джейн.

Низамиева кивнула.

— Он пытался от них убежать, пока не заболел. Он пришел ко мне три месяца назад и тогда едва держался на ногах. Врачи не могли поставить диагноз. Он пришел ко мне, а не к Джорджиане Хант или остальным, потому что боялся, что его тайна откроется. Я же более... осмотрительная и опытная.

— Опытная? Вы... маг?

Доктор Низамиева улыбнулась, и ее лицо оживилось. Джейн только сейчас отдала себе отчет, что во время рассказа оно не выражало ничего, ни одной эмоции.

— Я изучала людей, занимающихся магией, и тех, кто думал, что занимается магией. Это мое хобби, мне стало любопытно после разговоров в столовой.

— Мистер Рентон, — протяжно произнесла Джейн, и глаза ее распахнулись, когда в голове все встало на свои места. — Он вызвал вас к мистеру Рентону, чтобы применить магию.

— И отправил меня обратно, потому что не желал знать, что произошло, хотел лишь решить с моей помощью свою проблему. И еще потому как я подозреваю, что он злился: я не смогла помочь ему, когда он обратился в первый раз.

Джейн повернулась в сторону гостиной, во рту внезапно пересохло.

— Позвольте, я приведу Августина. Вам лучше сказать все ему, а не мне.

— С ним я уже говорила. Он отказался от моей помощи.

— Отказался? — нахмурилась Джейн.

— По какой-то причине он решил, что должен принять любое наказание, которое ждет его в этих стенах. — Дама пожала плечами. — Что ж, таков его выбор. Но если вы тоже видели нечто потустороннее, то имеете право защищаться.

— Используя магию? Вы это хотите сказать? — *Невозможно, никак невозможно.*

— Да. Или убедить его сделать это.

Что это? Беспокойство о ней? Джейн вгляделась в лицо женщины и увидела лишь ледяное спокойствие. Нет, главная цель не в том, чтобы спасти Джейн и Августина, она в другом, о чем доктор молчит.

Со стороны Джейн глупо верить доводам Низамиевой. Та для убедительности одобрила их благословением действовать — в день смерти мистера Рентона этого не было и в помине.

— Заранее прошу простить, если слова мои покажутся вам нелепыми. — Джейн встала и расправила юбку. — Но могу ли я вам доверять? Поверить во все, что вы рассказали?

— Мои коллеги умеют выявлять абсцессы и переломы, а я всегда вижу страх. Вы напуганы, миссис Лоуренс.

С этим трудно спорить. Впрочем, все неважно.

— Сегодня вечером я вернусь в клинику и больше никогда не приеду в этот дом. Мне не следовало тут находиться.

— Неужели? — спросила доктор Низамиева.

Джейн собиралась ответить, когда из соседней комнаты донесся крик Августина, выбившийся из монотонного гула голосов. Послышался скрип передвигаемой мебели. Джейн повернулась к окну — темное... Ночь вступила в свои права.

Появились призраки.

Джейн бросилась в гостиную, уверенная, что увидит образ Элоди с красными глазами, но вместо этого обнаружила пунцового Августина, а рядом ухмыляющуюся Хант.

— И это самое слабое заклинание, — произнесла она. — Может, вернемся к тому, что использовали раньше?

— Все и так затянулось, — фыркнул Августин и оттолкнул руку Хант, будто ее прикосновения прожигали плечо. Он явно был в ужасе. — Мне... нам приятно твое общество, Джорджиана, но пора образумиться!

Восхищение сползло с лица женщины.

— Не говори со мной как с ребенком, Августин! — Она вскинула подбородок.

— Вы являетесь сюда, несмотря на мои возражения, добавляете хлопот слугам и жене, к тому же отказываетесь воспринимать наше вежливое предложение вернуться в Ларрентон...

В следующую секунду Джейн решительно переступила порог комнаты. Августин замолчал и поднял на нее круглые от ужаса глаза.

— Я, по крайней мере, уезжаю в клинику, я нужен пациентам.

Он намерен сбежать.

От нее? От гостей? Впрочем, неважно. Августин оказался в затруднительном положении и отверг помощь. Если верить доктору Низамиевой, он выбрал путь страданий для них обоих, хотя мог все исправить, сделать так, чтобы ей не

пришлось встретиться с призраками. Эгоистичный и неумный человек.

— Мой муж говорит правду, — заявила она, заметив краем глаза, как он облегченно выдохнул и плечи его опустились. — Один из нас должен быть в клинике.

По комнате пробежал ропот: присутствующие гадали, возможно ли, чтобы она уехала, оставив доктора с ними. Однако Джейн совсем не хотела уходить. Казалось, она балансирует на краю пропасти: с одной стороны, ответы на все вопросы, с другой — блаженное неведение.

Для состояния блаженства в груди слишком жарко пылал огонь.

Подойдя к Хант, она протянула ей руки ладонями вверх. Они не дрожали, потому что Джейн изо всех сил напрягла икры, вжала ноги в туфли так, что, казалось, они могли приклеиться к полу.

— Если Августин не желает участвовать, могу ли я занять его место?

— Нет, Джейн! Не надо!

— Почему? — спросила она, глядя на него с такой искренней наивностью, какую только могла позволить увидеть окружающим. *Скажи, что я могу на тебя положиться. Скажи, что ты все уладишь.* — Доктор Низамиева рассказала мне о вашей игре.

За спиной послышалось шуршание по полу юбок доктора. Хант спешно оторвала взгляд от Джейн и перевела его на рузканку, подняв бровь.

— Ты меня опередила.

Августин шевелил губами в поисках слов.

Откуда-то слева послышалось приглушенное:

— Она не прошла инициацию.

Винг похлопал говорившего по плечу и встал рядом с Хант.

— Мы будем очень рады, — сказал он. Над его рукой клубился дым зажатой в пальцах сигареты.

Джейн надеялась, что совладала с собой и не выказала удивления. Улыбку на лице мужчины она расшифровала сразу — она предназначалась не ей, он желал лишь поддеть Августина.

— Нет, ей не следует, — слабо произнес Августин. — Джейн, прошу тебя...

— Она уже здесь, — перебил его Винг. — Все просто. Видеть тебя, Августин, для нас, разумеется, большая честь, но все мы понимаем, как важен долг перед пациентами. Ты единственный врач на много километров отсюда. Иди, спеши к своим недужным, только позволь воспользоваться подвалами.

Джейн мгновенно вспомнила о запертой двери. Он сказал ей, что в подвале рушится потолок, находится там опасно.

Мышцы горла дернулись, и Августин поспешил наполнить дрожащей рукой бокал.

— Подвалов нет, — сказал он после паузы.

Джейн оторопела от такого заявления.

— Элоди сказала нам другое, — возразил Винг.

Августин долго сидел, понуро опустив плечи и голову, но наконец заговорил:

— Вы ошибаетесь. Элоди инициировали в библиотеке. Едва ли родители выкопали несколько комнат под домом, чтобы практиковаться в магии.

От открывающихся новых подробностей голова шла кругом. Значит, его родители тоже занимались магией? Кажется, им не нравилось увлечение сына. Элоди тоже принимала участие в ритуалах и умерла где-то в этом доме.

О подвалах Августин лгал. К своему ужасу, она знала это совершенно точно.

— Тогда мы воспользуемся библиотекой, — примирительно заявила Хант. — Нет нужды так расстраиваться, Августин. Это лишь игра. Мы немного повеселимся.

— Игра, — отозвался тот. — Повеселитесь. Во вселенной, где пациенты могут обождать, пока мы заняты. Тогда возвращайтесь в Камхерст! Играйте там! Джейн, — он повернулся к ней, — эти их веселья ужасно глупые, тебе не стоит оставаться. А вы все, прошу... Я пришлю за вами экипажи и найду место для ночлега в городе. Только умоляю, не надо больше этих сумасшедших выходов в моем доме.

— Августин, — пролепетала Джейн, и он сразу склонился к ней, будто в каждом звуке имени скрывалось внимание. Вспышка отчаяния подсветила черты лица изнутри. Джейн заметила и надежду. Надежду на то, что она поверит и встанет на его сторону.

Внутри все задрожало: так всегда бывает, если сопротивляешься соблазну пойти легким путем. Подойти ближе, взять его за руки, принять версию, которую он так упорно отстаивал.

— Возвращайся в Ларрентон, Августин, — произнесла она. — Мы приедем утром.

Когда стих стук колес кареты Августина, гостиная погрузилась в тишину. Хант сидела у камина. Нахмурившись, она смотрела в дальнее окно. Джейн помедлила несколько минут, обдумывая вновь открывшиеся детали, но подошла и встала рядом.

— Что значит инициация? — спросила она.

Доктор дернула плечом.

— Это еще с университета — ритуал для вступления в клуб. Ряд заданий, обязательные знания.

— И Элоди была иницирована?

— Да, как я, Августин и все остальные. Это необходимо для участия в магических ритуалах.

Теперь, когда Августин уехал, Джейн хотела отказаться, но не смогла.

— Мы все сделаем быстро, — сказала Хант. — Вы ведь уже здесь, с нами.

— Согласен, хотя все не так просто, — заметил Винг.

— Непросто, — кивнула Хант, — и просто одновременно. Ваше присутствие в доме указывает на то, что это будет ценный и важный опыт. Подобное притягивает подобное, подобное резонирует с подобным. — Слова женщины казались неубедительными, но можно ли ее за это винить? И они с Джейн совсем не похожи. — Такие небольшие клубы, как наш, существовали всегда, их число всегда неуклонно росло. Те, кому должно познать великие тайны, непременно встанут на этот путь. Инициация обеспечивает правильный доступ к ним, помогает верно смотреть на новые истины. Когда приходит время, жизнь сама создает условия для познания — вне зависимости от степени подготовленности.

— Понимаю, — сказала Джейн, хотя не понимала ничего. Слова казались абсурдными, нелогичными, хотя присутствующие наверняка видели в этом великий смысл.

Джейн осталась вовсе не по собственному желанию, а лишь потому, что ее пригласила Хант, потому, что Винг жаждал выпроводить Августина в город.

Причина и во лжи мужа, и в призраках. Если происходящее ныне в доме (то, что так тщательно скрывает Августин) — последствие инициации Элоди, Джейн непременно пройдет ее путь и все узнает.

— Получается, мне суждено это сделать, — заключила Джейн.

— Именно. Приятно, что вы начинаете понимать.

Хант повернулась спиной к Джейн, лицом к друзьям и захлопала в ладоши. Все врачи теперь смотрели на нее, даже Низамиева.

— Тогда вперед, в библиотеку! Авдотья, ты с нами?

Та в ответ мотнула головой.

— Нет, подожду здесь, пока вы закончите.

— Конечно. — Хант перевела взгляд обратно на Джейн. — Ведите, миссис Лоуренс.

Джейн совсем не привлекала идея находиться в библиотеке после захода солнца и в отсутствие Августина. Может, ей набраться смелости и отвести их к двери подвала? Убедить их взломать замок будет легко, учитывая, что они ссылались на слова Элоди. Интересно, что же там, за дверью?

Джейн пошла вверх по лестнице, свернула в коридор, зажигая по дороге бра. Все они ярко и живо вспыхивали, никакие тени при этом не появлялись. Ковровая дорожка под ногами была гладкой и вычищенной, — видимо, миссис Перл успела наскоро прибраться перед уходом.

— Однако прежде чем мы начнем, — произнес Винг, догоняя ее на площадке второго этажа, — признавайтесь, чем Авдотья забила вам голову?

В руке он держал саквояж, как и другие мужчины.

— Она лишь сказала, что вы занимались этим раньше. В чем я, признаться, совсем не уверена.

— Это заявления вашего взрослого рационального ума, — донесся из-за спины голос Хант. — Они вытеснили правду, известную нам с младенчества. Дети, как все мы знаем, часто видят духов, многое чувствуют. Но им не хватает опыта, а понимание возникает именно из сочетания видения и опыта. Вам ясно?

Нет. Она никогда не видела в детстве ничего подобного, все ее воспоминания связаны с бомбежкой. Духи

и призраки — создания из другой эпохи, там им и следует находиться, как и связанным с ними суевериям и ритуалам.

— В некоторой степени, — произнесла Джейн, когда они уже добрались до третьего этажа и направлялись к закрытой двери библиотеки. Поколебавшись лишь пару мгновений, она отперла дверь.

В помещении было прохладно, но пусто, благословенно пусто. Джейн внимательно оглядела каждую стеклянную плиту потолка, каждую створку окна, но ничего подозрительного не заметила. В стекле она увидела лишь собственное отражение. Тихо переговариваясь, в комнату вошли гости. Они достали из саквояжей светлые мантии, которые надели поверх дорожной одежды. Мантии женщин — Хант и доктор Риз — были темными, с вышивкой, напоминающей карту звездного неба.

Джейн тяжело вздохнула.

— Бойтесь? — раздался над ухом ласковый голос Винга. — Поспешу вас успокоить — у нас ни разу не получилось. Мы так и не разобрались, что к чему.

Джейн медленно повернулась. Странно слышать признание в слабости от столь горделивого человека.

— Но вы верите? Что однажды получится?

— О, разумеется. Всей душой. Я уже видел... кое-что, — добавил он, будто оправдывался. — Кроме того, немало прочел о том, что в мире существуют вещи, к которым мы не можем прикоснуться. Веками люди писали о чудищах, привидениях, монстрах — о том, что выше нашего понимания. С течением времени это забывается, ведь прогресс неумолим, хотя у каждого явления непременно есть корни. Сегодня здесь будет только зрелищное действо для близких по духу людей.

— Значит, все не по-настоящему?

— Вовсе нет. — Винг поджал губы. — Скажу, что мы медленно, но верно продвигаемся по пути, известному многим

поколениям прошлого. Туда, откуда начинались эти магические истории. Делая очередной шаг, мы приобретаем опыт, учимся лучше понимать истинную суть вещей.

Джейн подумала о доказательствах математических теорем, принадлежащих великим умам. Она разбирала их, но никогда не понимала с первого раза. Здесь, вероятно, то же самое.

Что ж... вполне логично.

Комната наполнилась весьма своеобразным ароматом благовоний. Одновременно насыщенным и мягким, едким и сладким. С пустых полок теперь свисали полоски ткани удивительных ярких цветов, виднелись выложенные в необъяснимом порядке знаки и символы, которые Джейн смутно помнила из посещений церкви в детстве, а некоторые видела потом в магистрате. Казалось, это примеры иконографии всех народов, размещенные согласно определенному принципу. Геометрические фигуры переплетались с изображениями фантастических существ, одно вытекало из другого, следуя некоей логике, неподвластной ее пониманию, но принятой в каком-то ином мире с другими законами.

Доктор Риз начертила мелом круг на деревянном полу.

«Мел», — вспомнила Джейн. У нее перехватило дыхание, когда Хант взяла ее за руку и подвела к краю круга, а потом подтолкнула в самый центр, к столу, за которым она читала прошлой ночью.

— Встаньте на колени, — велела доктор. Джейн подчинилась, шумно сглотив. В руке Хант откуда ни возьмись появился квадратный кусок газовой ткани серебристого цвета, которым она накрыла Джейн, будто вуалью.

— Вы будете выступать в роли новопосвященного, — объяснила Хант. — Поскольку сейчас не ночь посвящений, вам не откроются тайны, но будет позволено смотреть сквозь завесу и видеть многие вещи, хоть и не вникать в детали.

Следуйте указаниям моего голоса — и окажете нам неоценимую помощь в достижении цели.

Джейн поежилась. Винг утверждал, что это лишь зрелищная игра, но с каждой секундой в это верилось все меньше. Действо слишком сложное и продуманное, к тому же весьма реалистичное.

— А с какой целью нарисован круг? — спросила она.

— Их много, — ответила Хант. — Сдерживание, защита, фокусирование.

И в центре она, Джейн. Взгляд невольно скользнул по ближайшему окну. Сквозь вуаль неплохо проглядывалось стекло — по-прежнему темное.

Присутствующие выстроились в линию. Громкие хмельные разговоры прекратились, не слышалось ни бормотания, ни шепота. Все отложили сигареты и стаканы. Мужчины задвигались, торжественно и сосредоточенно, будто выступали на сцене. Хант взяла в руки керамическую чашу с носиком. Встав в круг, она обратила взгляд наружу, и губы ее зашевелились. Затем она двинулась по кругу, высыпая что-то.

Соль.

Обойдя круг, Хант передала чашу мужчине, стоявшему к ней ближе всех.

Она и Риз прошли от края круга к его центру и встали по другую сторону стола, напротив Джейн. Теперь из-за вуали и столешницы ей было видно их хуже.

Джейн стала разглядывать свечи на столе. Одна, поменьше, уже прогорала, вторая, большая, еще оставалась незажженной и выглядела чистой и непорочной. Комната наполнилась тишиной ожидания, почти звенящей, реально существующей, живой.

— Да направит она светом своим на пути к достижению цели, — произнесла Риз глубоким четким голосом, звуки которого разнеслись по всему помещению. Она поднесла

что-то к догорающей свече, подожгла и перенесла руку к фитилю второй свечи. — Да наполнит сила света круг и сферу, принявшую нас, да поможет она достичь цели, убережет и придаст сил.

Джейн думала о том, что должна их остановить. Мистер Рентон участвовал в этих играх с мелом и солью, а закончил жизнь на операционном столе. Все это очень опасно, неправильно. Все это надо немедленно прекратить.

— Движение чувств да поможет нам стать ближе к исполнению. Принося дары сии, мы получаем право ступить на путь приближения к цели.

Хант подожгла содержимое чаши, и поднявшийся над ней дым сначала потемнел, а потом расцвел множеством оттенков из-за сильных искр и языков пламени — столь ярких, что ослепляли даже сквозь ткань. Послышался резкий треск. Несколько мужчин подпрыгнули от неожиданности, когда чаша упала и раскололась, явив тлеющие угли.

Джейн отчетливо ощутила запах крови.

Она попыталась подняться, но обнаружила, что не может пошевелиться. Привкус железа стал отчетливее, дым разнесся по помещению. Он заполнял все пустоты даже в черепе. Джейн покачнулась, оставаясь на коленях.

Кто-то пострадал, должен был пострадать, например из-за разбитой чаши. Она вытянула шею, пытаясь разглядеть что-то поверх стола — руки Хант или другой женщины, — но мир внезапно стал меркнуть. Будто издалека донеслись слова Риз:

— Нарушение равновесия откроет нам путь к другу, которого нет сейчас с нами. Разум его затуманен горем, руки лишились уверенности из-за сомнений. Движение текучей воды этой даст нам видение и возможность присоединиться к силе, указующей цель, путь, его начало и завершение.

Они пришли, чтобы забрать Августина домой. Все это ради Августина.

Ее они поместили в центр. В качестве чего? Приманки? Жертвы?

Запах крови стал невыносимо сильным, от него кружилась голова. Джейн попыталась закричать, но не смогла. И вдруг увидела Элоди. Та растянулась прямо перед ней на белой каменной плите. Кровь заливала ее глаза, губы, скрывала черты. Густая багряная жидкость просачивалась из-под еще живого тела. Грудь вздымалась от дыхания, хотя и прерывистого. Джейн застонала про себя, но не смогла ни повернуться, ни пошевелить рукой.

Видят ли это остальные?

Где доктор Низамиева? Она очень сейчас нужна.

Вместо Элоди появился образ Августина в дорожной одежде. Библиотека стала растворяться, превращаясь в незнакомую комнату со стенами из грубого камня. В нее и вбежал Августин. Джейн попыталась мысленно докричаться до него, умоляла остановиться. И он повернулся к ней. К ней и к Элоди. Не обращая внимания на расплывчатые очертания собравшихся в круге, он бросился к столу. В сердце Джейн шевельнулась радость: ему удастся спасти Элоди. Она не могла говорить, но отчетливо видела, как он достает скальпель и...

Нет. Все это неправильно. Это не операционная, здесь нельзя помочь умирающей жене. Лицо Августина не выражало ни сопереживания, ни нежности, как и присущей врачам уверенности, позволяющей не сомневаться в спасении.

Ничего. Лишь лихорадочный взгляд. Трясущиеся руки разрезали ночную сорочку спереди. Затем, не выдержав, он вскрыл ее грудную клетку.

Элоди была жива. Слаба, но жива. Она боролась, кричала, звала, Джейн видела текущие по ее щекам слезы. От плечи ощущался холод камня, долетали капли крови.

Руки не слушались. Джейн подалась вперед, но не могла оторвать колени от пола. *Нет! Нет! Ты убьешь ее!*

Она изо всех сил старалась прокричать это Августину, но звуки не слетали с губ. Она слышала лишь биение собственного сердца и хруст костей Элоди во время конвульсий.

Августин погрузил пальцы в рану. Джейн не могла не вдыхать запах крови, заливавшей тело Элоди и камень под ней. Рука Августина была в ее груди, рыдания перемежались со смехом. Куда делись уверенность и спокойствие, его импозантность, как во время операции? Он выглядел растерянным.

Джейн изо всех сил закричала. Остановись! Она должна его заставить!

Что он наделал?

Сильные руки сжали ее плечи, Джейн застонала и попыталась вывернуться. Вуаль сползла с лица, в нос ударил затхлый воздух библиотеки.

Больше она не чувствовала кровь. Стоило моргнуть, и картина перед глазами рассыпалась. Ее крепко держали Хант и Винг, перешептывались доктора в мантиях, походивших на театральные костюмы. Она вгляделась в их лица, и тело начало трястись, словно в лихорадке.

— Миссис Лоуренс? — послышался голос Хант. — Вы к нам вернулись?

— Я видела...

Она вскрикнула и затряслась сильнее от пронзившей ее боли.

Августин солгал ей, скрыл историю Элоди, заставил потерять доверие к собственным воспоминаниям, но она не считала его чудовищем и никогда не боялась, что он окажется подонком. Впрочем, ей хотелось совместить образ Августина из видения с тем, который она наблюдала в реальной жизни, не говоря о том, каким бы хотела, чтобы муж стал.

Этот образ совсем не соответствовал тому жалкому человечку, только что стоявшему у нее перед глазами.

Хант, Винг, Низамиева — все они чисты. Элоди уже умерла, когда приехал Августин. Какой бы ритуал он ни проводил, как утверждала Низамиева, это все произошло после ее кончины. Возможно, нечто похожее на то, что провела сейчас Хант.

Невероятно, но все увиденное казалось реальным, и это Джейн не могла себе объяснить. Вспомнилось заклинание, произнесенное Риз: *«Движение текущей воды этой даст нам видение и возможность присоединиться к силе, указующей цель, путь, его начало и завершение»*. Они пытались пробудить чувства Августина, вернуть его привязанность, а вместо этого открыли ей...

Что?

Ей помогли встать на ноги и спуститься в гостиную. Хант устроила ее в кресле и вручила стакан с бренди. Из разговоров за спиной удалось выхватить отдельные слова: *восприимчивая, проницательная, настоящий медиум*.

— Мне жаль. — Хант коснулась ее плеча.

— Прошу, оставьте меня, — пробормотала Джейн.

— Пейте бренди.

Она покорно сделала глоток, пролив часть напитка из-за дрожжи в руках. Посмотрела на край стакана, затем подняла глаза выше на окно и впиалась глазами в собственное отражение. Она ждала, что черты лица изменятся, серые глаза покраснеют. Она желала увидеть Элоди, чтобы та наконец все ей объяснила, сказала бы хоть *что-то*.

Рядом вновь послышался голос Хант: она обсуждала с одним из врачей возможные диагнозы и варианты лечения. Они разбирали ее на составляющие, чтобы понять, что происходит и что делать. Эта мысль показалась отвратительной.

— Освободите пространство вокруг миссис Лоуренс.

Перед ней встала Низамиева, кусок юбки закрыл окно. Джейн подняла голову. Доктор Низамиева бросила на Хант бесстрастный взгляд, и та без возражений удалилась. В конце концов, доктор Низамиева лучше других разбирается в сумасшедших.

Голоса стихли: все удалились в холл. Возможно, они решат уехать. Джейн подалась вперед. *Нет, нельзя оставаться здесь одной на ночь.* Низамиева удержала ее за плечо и заставила откинуться на спинку. Сама она, не отводя взгляда от Джейн, опустилась на низкую банкетку рядом. Джейн повернулась к ней.

— Вы что-то видели, — заключила доктор.

Очередной кошмар.

— Я не понимаю, — пробормотала Джейн, крепко сжав стакан. — Не понимаю, что видела.

— Ритуал мог оказать воздействие. Сила внушения, разновидность гипноза.

— Нет. — Она потянулась и сжала руку женщины. — Расскажите мне, что сделал Августин. Расскажите все о том магическом ритуале.

— Прежде вы должны мне кое-что обещать. — На коленях доктора Низамиевой лежал открытый блокнот, в котором она быстро делала записи. Прочитать их Джейн не удавалось.

— Разумеется, — ответила она, чувствуя, как по телу бегут мурашки. — Но что?

— Вы безоговорочно будете считать верным все, что я скажу. Это непросто, но необходимо для понимания общей картины мира, иначе я потрачу время зря.

— Обещаю, — торопливо и четко произнесла Джейн.

Низамиева положила перо между страницами блокнота, но не закрыла его.

— Хорошо. Итак, мне точно неизвестно, что сделал Августин, пытаясь вернуть Элоди из мертвых, — начала она. Это признание разозлило Джейн, но, видя ее недовольство, Низамиева подняла руку, пресекая возможные комментарии. — Он рассказал мне о результатах, что позволял предположить действия.

Линдридж-холл погрузился в безмолвие, будто засыпал. Свет люстры стал тусклым. Лишь они вдвоем оставались в ярком круге, за пределами которого воцарилась темнота.

— Я вас слушаю.

— Вы бухгалтер?

— Именно.

— Вам будет проще понять, что такое магия, если представить ее как систему изменения чисел. Так же меняются и предметы, становятся чем-то другим. Алхимики пытались превратить свинец в золото, воду в вино. Но это не просто замена двойки на тройку в столбце, магия — это изменение того, что представляет собой двойка.

— Я не совсем улавливаю суть, — произнесла Джейн, поймав себя на том, что невольно придвинулась ближе к говорившей, соблазненная понятной математической логикой. — Вы хотите сказать, что фактически слово «два» обозначает три предмета, но двойка всегда остается двойкой?

— Странная логика, — сказала Низамиева, будто пасуя перед ней.

— И все же я не понимаю. — Джейн сосредоточенно нахмурилась.

— Помните, вы обещали, Джейн. Вот еще один способ: изменить арифметическое действие. Например, сложение означает прибавление одного к другому, нечто присоединяют к одному и еще одному.

— Это уже можно отнести к семантике.

Появившаяся недавно головная боль усилилась и теперь пульсировала в виске. Стоило чуть отвлечься от разговора, как она начинала слышать крики Элоди. Семантика не может ее остановить. Семантика не спасет ее саму. Семантика не может стать новой истиной.

— Это нереально.

— Потому я и не владею магией. Это считается невыполнимым.

— Так и есть! — воскликнула Джейн, голова ее непроизвольно дернулась.

— Если практикующий верит, что магия работает, ему под силу изменить законы мира. Но убежденность должна выходить за рамки обычной веры, обычного принятия. Магия должна неизменно присутствовать в каждом моменте жизни, а это уже измененное состояние бытия.

Глаза доктора Низамиевой странно сверкнули, напомнив Джейн взгляд голодного хищника. Теперь она не просто наблюдала за Джейн, она выслеживала, ждала. Вероятно, знака. Или промаха.

— Это же безумие, — не сдержалась Джейн. Ум ее работал все быстрее, осмысливая.

Свойства числа ноль не проявляются сами по себе. Деление на ноль иррационально. Однако, если верить трактату, эта иррациональность позволяет получить по-настоящему верные ответы. Площадь изогнутого предмета, объем фигуры, неправильные формы. В тексте даже нашлось подтверждение тому, что, если допустить деление на ноль, возможно доказать: одно число может быть равно другому. Как раз об этом и говорила сейчас доктор Низамиева. Разница лишь в том, что свойства нуля можно проверить, а действие магии нет.

— Это же безумие, — тихо повторила Джейн.

Доктор Низамиева вскинула бровь.

— Безумие, — медленно произнесла она и чуть отстранилась. — Да, возможно.

Джейн стало холодно.

— Вы охотитесь на безумных. — Вот в чем дело. Доктор Низамиева расставила сеть, чтобы в нее попала Джейн — сумасшедшая, которую необходимо изолировать от мужа, увести из его дома. Но Августин не выказывал желания от нее избавиться, и у Низамиевой нет повода считать ее своей пациенткой. К тому же она требовала обещания принять за истину сказанное; едва ли ее цель — скомпрометировать хозяйку дома.

— Я как раз изучаю безумие. — Губы доктора слегка изогнулись. — И практическую магию. Как я уже говорила, это стало моим хобби. Безумие — работа. — Она помолчала несколько мгновений и дернула плечом. — Вам доводилось случайно узнавать факты, которые в корне меняли ваше восприятие мира?

— Разумеется. — Джейн вгляделась в глаза Низамиевой, пытаясь понять, шутит ли она, но ничего не увидела. Джейн подумала: еще в детстве она выучила, что площадь треугольника можно найти по трем сторонам с помощью формулы. Измеримое помогает вычислить размеры неизмеримого. А потом она вспомнила об Элоди.

— На данный момент будем считать истиной невозможность изменить законы Вселенной.

— Договорились.

— Тогда маг — человек, доказавший способность делать то, что не могут другие, тот, у кого наблюдается специфическая форма безумия. Такая формулировка вас больше устраивает? Их вера в невозможное настолько сильна, что им удается концентрировать энергию на предмете и менять его восприятие у других людей, не объясняя, что они сделали. Их действия меняют мир, хотя материя остается прежней.

— А призраки, которых я видела? — Джейн сжала стакан. — Вы хотите сказать, их создала направленная энергия Августина?

— Именно.

— По логике последующее вытекает из предыдущего. Если призраки существуют, значит, Августин может творить чудеса. Если он может творить чудеса, значит, он и есть причина существования призраков. А вдруг все совсем иначе?

Совсем иначе. Пальцы Августина погружены в грудную клетку Элоди...

— Упрощенные концепции идей не всегда точны, — заявила Низамиева. — Призраков не существует. Это постоянная величина в нашей задаче. Все остальное лишь предположения. Скорее всего, верные, но все же предположения.

В голове пульсировала боль, настолько сильная, что Джейн предположила, что ударилась о пол библиотеки, и усердно потеряла виски.

— Если дело лишь в вере в невозможное, почему Августину не удалось вернуть жену из мертвых? Почему не она сейчас здесь, рядом с ним?

«Причина в том, что он совершил нечто гораздо худшее, чем хочет открыть ей доктор Низамиева, — разум подсказывал такой ответ. — То, что ты видела, не напоминало действия человека, отчаянно пытавшегося спасти жену».

Горло сдавило, оттого Джейн не смогла произнести мысль вслух. Если сильное желание способно сделать воображаемое реальным, у нее тоже может получиться.

— Магия по своей природе есть познание реальности, отличной от той, что мы видим. Главное — вовсе не желание получить конечный результат, иначе каждый из нас мог бы стать магом. Маг должен понимать каждый элемент, подвергающийся трансформации, чтобы результат получился именно таким, как задумано. Каждое действие должно быть четко выверено, одно перетекать в другое. Изменения, необходимые для воскрешения, являют собой целый комплекс знаний, слишком сложных для человеческого ума.

— Вместо этого... ее дух оказался в ловушке времени?

— Возможно, если он неверно выстроил найденный ритуал. Воля мага — движущая сила ритуала, она подкрепляет знания практикующего о мире, позволяет понять, за какую нить потянуть, значение какого числа изменить.

В голове что-то словно взорвалось, и элементы мозаики встали на свои места.

— Доказательство. Ритуалы подобны математическим действиям, — озадаченная идеей, произнесла она. — Доктор Винг говорил, что, исполняя их, необходимо раз за разом повторять определенные действия, познавая их на практике. Это схоже с изучением тригонометрии. Но не возможно ли с такой же простотой совершать нечто бессмысленное? Воспроизведение чего-либо в определенном порядке не гарантирует достижения результата.

Доктор Низамиева одобрительно кивнула:

— Именно. Неверно рассчитанный ритуал может сбить мага с пути. Он всегда получает то, о чем просит, хочет того или нет.

Что же просил Августин? О чем молил с руками по локоть в крови?

Джейн задрожала всем телом, опустила голову, внутри у нее все сжалось.

— Расскажите, что там произошло? — спросила Низамиева, понизив голос, но отнюдь не смягчившись.

— Они просили показать, что заставило Августина отказаться от прежней жизни. А потом я увидела ее, Элоди. — Джейн шумно сглотнула.

— Такой, как раньше?

— Нет. Раньше она появлялась в окне и всегда молчала. На этот раз... она словно находилась в комнате, совсем рядом, и кричала. Августин... Августин... я так и не поняла, что он делал.

— Расскажите подробнее, — прозвучала команда. Джейн, вздрогнув, невольно отпрянула.

Ей совсем не хотелось впускать эту холодную, чуждую женщину в темное нутро дома, но больше было не к кому обратиться. Она не сможет так просто вернуться утром в клинику и с улыбкой приветствовать мужа.

— Что за ритуал, — проговорила она слабым голосом, — может заставить мужа вскрыть грудную клетку жены и достать еще бьющееся сердце?

Доктор Низамиева резко выдохнула. Впервые за весь вечер она позволила себе эмоции, впервые что-то проступило сквозь маску безразличия.

— Вы должны понимать: то, что вы видели, — сказала она, — не может буквально отражать реальность.

— Но... если это было именно так?

— Мне нечего ответить.

— Все очень странно, — прошептала Джейн. — Я видела его в операционной с пациентом. Он чуткий, добрый и опытный хирург. Я не представляла, что в нем есть такая жестокость. Да, он может лгать, может манипулировать, но никогда не причинит вред.

— Я тоже никогда не замечала подобного, — согласно кивнула Низамиева. — Потому задаюсь вопросом, не может ли это быть селективным восприятием?

— Что вы имеете в виду?

— Элоди бывала здесь, — женщина встала и обвела рукой комнату, — в этих помещениях. Из этого следует, что у нее могла сохраниться некоторая связь. Мысли, воспоминания, чувства. Из векового опыта нам известно, что призраки запоминают самые яркие события и эмоции — это могут быть страх, грусть, замешательство. Что, если вы увидели не то, что происходило, а картину, нарисованную чувственными переживаниями духа Элоди? Обрывочные воспоминания, собранные воедино и образовавшие нечто, противоположное реально произошедшему.

— Я не хочу рисковать. — Пальцы Джейн вновь сжали ткань юбки.

— Как же вы поступите? — спросила Низамиева. — Ночные кошмары не станут доказательством для магистрата.

Глядя прямо перед собой, Джейн потянула ткань, выдерживая ногтями нитки. Какие у нее есть варианты?

— Почему вы интересуетесь магией, если не собираетесь ею воспользоваться?

— Мне легче, когда все имеет объяснение и смысл, — пролепетала Джейн. — Я лишь...

Ее прервало появление в дверях Винга.

— Пардон, — произнес он, даже не взглянув на Джейн. — Авдотья, ты не видела мой чемоданчик с инструментами?

Джейн поднялась с места и нахмурилась.

— Что случилось? Кто-то ранен?

— Небольшой инцидент, — прозвучал ответ. — Пустишки. Джорджиана взяла стакан, а он разбился. Где же этот чертов чемодан?..

Доктор Низамиева промолчала и повернулась к Джейн.

— Ваш чемодан я не видела, но в доме есть инструменты, — сказала та. — В старом саквояже Августина. Только на днях я привела в порядок содержимое. Если верно помню, он в кухне.

— Очень кстати, — скупно улыбнувшись, произнес мужчина, но не двинулся с места и внезапно побледнел.

— Доктор Винг?

Тот не отрывал взгляда от темного окна.

Джейн спешно повернула голову, но увидела лишь отражения присутствующих.

— Ты никогда не был пугливым, Эндрю, — произнесла Низамиева.

— Не ожидал услышать столь громкий крик сегодня вечером. Не хочу вас обидеть, миссис Лоуренс.

— Я бы и сама предпочла, чтобы меня миновала сия участь. Говорите, разбился стакан? — Она жестом пригласила его следовать за ней в кухню. От них не отставала доктор Низамиева. Там в углу, на столешнице, они нашли

разложенные скальпели и прочие инструменты. Рука Винга зависла над ними в воздухе и через пару секунд подхватила изогнутую иглу.

— Никогда не видел ничего похожего. Стакан развалился на части, как та чаша для подношений. Риз убеждена, что завершила ритуал не совсем корректно из-за вашей истерики. Сейчас направилась в библиотеку, пытается что-то исправить. — Он тихо усмехнулся. — По моему мнению, все это полнейшая чепуха. У вас найдутся нитки для шитья, миссис Лоуренс?

— Где-то наверняка есть, — ответила Джейн и принялась открывать один за другим ящики, надеясь, что миссис Перл хранит принадлежности для шитья вместе с вещами миссис Лутбрайт.

— А где саквояж Августина? Там есть все необходимое.

— Он частично сгорел.

— Сгорел? — Доктор, видимо, напрягся.

— Я нашла его уже обуглившимся наверху в камине.

Винг выругался и уронил иглу. Она с грохотом покатилась по дну раковины.

— Обуглившимся? Августин это видел?

— Нет, но он объяснил, что бросил сумку в огонь после особенно сложного случая.

— Да, случая Элоди, — фыркнул Винг. — Эти инструменты не годятся, вдруг еще можно заразиться смертельной инфекцией.

— Но ведь не спустя несколько лет...

— И все же рисковать не стоит. — Он взял посеревшее от долгого использования полотенце для посуды и вышел, а за ним и Низамиева.

Джейн оглядела инструменты. Металл в некоторых местах потемнел от огня. Она склонилась ближе, вспомнив, как поранилась лезвием скальпеля, попыталась разглядеть

пятнышки крови на ткани, на которой лежали инструменты. Разумеется, пятен не осталось, все тщательно вымыто. Инструменты не отличались от тех, что она видела в операционной. Они хранили воспоминания о сотнях пациентов и прошлом не меньше, чем этот дом.

Выйдя из кухни, она нашла всех врачей в холле изучающими содержимое своих сумок. Хант с туго перевязанной рукой слегка покачивалась. Рассвет еще не скоро.

— Что случилось? — Джейн нахмурилась.

— Заклинание, — произнесла Риз, закрывая саквояж. Она уже сняла мантию — они все сняли, — но выглядела несколько отстраненной, как и когда находилась внутри круга. Внезапно она настороженно посмотрела на Джейн. — Мне не стоило ничего исправлять.

— Довольно! — рявкнул один из мужчин. — Ты все действуешь на нервы своими разговорами о спиритизме. Времени до прибытия экипажей еще достаточно; если кто-то из вас хочет спокойно заснуть, нужно закончить разговоры о случившемся. Всем надоело это развлечение, Риз.

Та нахмурилась, а Хант визгливо рассмеялась:

— Надоело, потому что вы осознали реальность произошедшего.

— Смотрите! Любуйтесь тем, что наделали! — бросил ей в лицо мужчина.

— Господа, — вмешалась Джейн, хотя внутри все дрожало. — Этот дом — не самое комфортное место для ночлега, как мы с доктором Лоуренсом вас предупреждали.

Здесь небезопасно; надо немедленно уходить.

Воспоминания позволили вновь услышать звуки барабанищего по крыше дождя над головой, колеса кареты скользили, приближая ее к обрыву.

Оставаться рискованно, но уходить по-настоящему опасно.

— Могу предложить устроиться всем в гостиной; я принесу нам пледы. Ваше беспокойство объяснимо, но поверьте: вам ничто не угрожает.

Духи атакуют только ее.

Надо верить, что она выдержит.

В гостинной не было ни теней, ни призраков, как высоких, так и прочих, и все же гости не смыкали глаз. Сумки и саквояжи ни у кого не пропадали, хотя офтальмолог доктор Гернси целых пять минут верил, что у него с шеи украли галстук. Впрочем, позже он смущенно признал, что распустил его и тот мог соскользнуть и сам.

Периодически по комнате пробегал легкий шепот, а Риз оглядывала присутствующих, широко распахнув глаза, уверенная, что подвергла всех опасности. Хант была на грани истерики, остальные, кажется, колебались, считая произошедшее то затянувшейся игрой, то настоящей угрозой, склоняясь то к одному варианту, то к другому. Доктор Низамиева спокойно сидела у двери в холл. Она не вступала в разговоры, не выдвигала предположений, которые могли бы сформировать мнение, не делала намеков и не давала указаний, просто что-то писала в блокноте. Джейн нервно на нее поглядывала.

После того как она принесла пледы, с ней никто не разговаривал, лишь Риз проверила зрачки и провела тест на равновесие, желая исключить признаки возможных нарушений. Как только объявили, что Джейн здорова — если не душой,

то телом, — интерес к ней пропал. Она была очень благодарна и за то, что, будучи не одна, чувствовала себя в безопасности, и за то, что, потеряв к ней интерес, гости подарили ей приватность. Тем не менее она задавалась вопросом, не боятся ли гости хозяйку.

Стоило солнцу подняться на небосводе над затянутыми туманом холмами вокруг Линдридж-холла, появились миссис Перл и миссис Лутбрайт и, извинившись, сообщили, что на завтрак могут подать лишь чай и хлеб. Напряжение в доме немного спало, но не исчезло. Винг убеждал миссис Перл незамедлительно отправить мужа в город за их каретами, не обращая ни малейшего внимания на возражения, что тот уже работает в поле. Джейн подметила, как небольшая сумма денег легла в ладонь горничной, и та поспешно выскользнула за дверь.

Вскоре гости сели завтракать. Джейн покинула их, направившись в спальню, чтобы умыться и переодеться. Один взгляд на кровать вызвал раздражение, мелькнула мысль попросить миссис Перл приготовить ей отдельную спальню наверху. Впрочем, нет, она не собирается оставаться в доме, в этой атмосфере безумия.

По-видимому, кареты прибыли, когда она закончила застегивать платье. Похоже, она слишком глубоко погрузилась в раздумья и провела так больше времени, чем казалось. Встряхнувшись, Джейн вышла в коридор, прошла к лестнице и стала наблюдать с площадки, как гости собирают свои пожитки, затем спустилась, расправила юбки и приблизилась к Хант. Женщина повернула к ней голову с растрепанными вьющимися волосами и подняла мутные глаза.

— Где вы остановитесь в городе? — спросила Джейн.

— Нигде.

Джейн стало стыдно из-за радости и облегчения.

— Вы уверены в своем решении?

— В вашем убогом городишке нам едва ли найдут место лучше сеновала. — Хант фыркнула, но, видя, как ошеломлена ответом Джейн, расправила плечи, сунула руки в карманы брюк и посмотрела на нее более миролюбиво. — Вы разумная женщина, — произнесла она, все же избегая прямого взгляда, — и знаете, что такое логистика.

— Знаю. Но как же Августин?

— А что с ним? — Щека ее заметно дернулась. — Вчера он довольно ясно дал понять, что нам лучше уехать.

— Он просил не приезжать без предупреждения.

— И был прав. — Она наклонилась и резко выпрямилась, подняв с пола саквояж. — Говоря о магии и всем остальном. Настало время двигаться дальше; он явно сделал свой выбор: хочет, чтобы его практика в провинции загнивала, как этот особняк.

Джейн следовало ответить, но она застыла от гнева. Сердце кольнуло от обиды за Августина, а в следующую секунду — из-за отвращения к самой себе.

— Поехали с нами, — кивнула Хант. — Доведем вас до клиники. Не следует вам здесь оставаться.

Нет.

На удивление пылкая и внезапная мысль. Совсем недавно Джейн мечтала выбраться отсюда, отдохнуть, ощутить себя в безопасности. Однако она не готова к встрече с Августином, не готова задавать вопросы и слушать ответы. Отвращение закипело с новой силой, страх лишил возможности размышлять здраво. Если придется ехать в город с Хант, она не сдержится и непременно ее придушит.

— Пожалуй, я останусь, — сухо произнесла Джейн. — Как вы точно заметили, я разбираюсь в логистике, поэтому мне надо помочь слугам привести в порядок дом после вашего вторжения.

Фраза прозвучала резче, чем она планировала, но Хант выдержала, не дрогнув. Она уже перенесла события в раздел пережитого, как письмо, просмотренное и отложенное в ящик для прочитанных. Нерадушный прием и мрачный дом в глуши остались в прошлом.

Остальные доктора, выходя, наскоро приподнимали шляпу или коротко прощались; впрочем, некоторые обходились и без этого.

Наконец экипажи один за другим отъехали от дома. Джейн вернулась в гостиную и начала расставлять по местам мебель. Она не слишком деликатно обращалась с резным деревом, но выпустила пар.

Лишь через две минуты Джейн поняла, что за столом сидит доктор Низамиева.

— Значит, вы решили остаться? — не очень вежливо поинтересовалась Джейн.

— Нет.

Джейн не почувствовала ничего и одновременно слишком много, оттого решила, что лучше выбрать ничего.

— Тогда я попрошу вас оставить меня одну.

Доктор Низамиева встала и протянула ей небольшой сверток в тонкой хрустящей бумаге.

— Возьмите, — сказала она.

В нем обнаружили несколько толстых фотографических карточек.

Поколебавшись, Джейн все же достала первый снимок. Молодой человек лежит на койке, уставившись в потолок. Похож на обычного пациента или свежий труп. Джейн вопросительно посмотрела на доктора.

— Это маг, — объяснила та. — Доставили поздней ночью с запиской, приколотой к рубашке: всего несколько слов — объяснение, что он участвовал в ритуале вызова того, кого называл сатаной. Вероятно, что-то пошло не так: мужчина

ни разу не пошевелился за все три года, что находится под моим наблюдением.

— Доктор Низамиева...

— В моей больнице целый этаж отведен для уникальных случаев.

Джейн взяла следующую карточку: на ней женщина горько плакала и царапала лицо руками, защищенными толстыми кожаными перчатками.

— В основном практикующие маги или подозреваемые в этом, — произнесла Низамиева. — Я финансирую их содержание и взамен получаю право наблюдать их как врач. Судя по тому, что я видела, магия разрушает человека. Каждый маг приходит к той черте, переступив которую начинает вредить себе и другим. В таком случае их редко удается исцелить.

— Чудовищно, — прошептала Джейн, вспомнив о мистере Рентоне и его патологии кишки. — Чудовищное зверство — держать этих людей взаперти.

Низамиева ничего не ответила. Этот факт явно ее не тревожил.

— А тот наш пациент. Если бы он выжил, вы бы?..

— Возможно, — ответила Низамиева.

— Он вспорол себе живот. Повредил органы.

— Вам повезло воочию увидеть, как велик риск. Немногие маги знают об этом. А те, кто знает, считают себя особыми, непохожими на остальных.

— Доктор Хант? Доктор Винг?

— Они оба видели моих пациентов. Я бы отнесла их к категории самонадеянных, но не безграмотных. Как и вашего доктора Лоуренса до недавнего времени.

— Я никогда не стану использовать магию, если вы об этом.

Джейн не сомневалась, что слова ее вызовут гнев, однако Низамиева сохраняла спокойный тон:

— Вы обещали мне считать верным все сказанное; вижу, вы так и поступили. Не знаю, что вам нужно сделать, чтобы разобраться со всем происходящим в доме, но у вас определенно есть некоторые задатки мага.

Джейн непроизвольно вздрогнула.

— Но вы сказали: все знали, что у нас ничего не получится.

Доктор Низамиева улыбнулась.

— Логика полезна во многих смыслах. Доктору Лоуренсу как минимум надо непременно продолжить практиковать, если он желает излечиться от горя.

Джейн покачала головой.

— Если вы так уверены, зачем показываете мне все это? Зачем меня пугаете?

Доктор постучала пальцем по фотографическим снимкам, и Джейн взяла последний. На нем на первый взгляд — висящее в петле тело. Только без петли. Тело женщины парило в воздухе, от пальцев ног до пола оставалось расстояние в пару сантиметров. Голова повернута, будто женщина смотрела на стену.

Это невероятно. Невозможно.

— Этот мир существует, миссис Лоуренс, — произнесла Низамиева, и от холодного, лишённого эмоций тона по спине Джейн вновь побежали мурашки. — В этом доме живут призраки, и они не уйдут по одному лишь желанию обитателей. Не исчезнут, если будете стараться их не замечать. Теперь, после того как вы их видели, не удастся вернуться к прежнему пониманию мира.

Джейн слотнула, подняла голову и посмотрела прямо в глаза женщины. Та рассматривала Джейн, наблюдала, подмечая каждую мельчайшую черту. Изучала ее. Разбирала на составляющие до клеточного уровня. Словно может настать день, когда Джейн окажется среди пациентов доктора, чего бы та очень хотела.

— На обратной стороне первой карточки я написала свой адрес. У меня немало материалов исследований, вы можете их увидеть, если пожелаете.

— Странно, — нахмурилась Джейн, — что вы взяли снимки с собой на вечеринку. Они предназначались Августину?

— Нет. Он тоже видел этих людей.

— Откуда же вы знали, что снимки пригодятся?

Доктор Низамиева подхватила сумку и прошла в сторону холла, будто и не собиралась отвечать. В какой-то момент она остановилась, изящно повела плечом и произнесла:

— Джорджиана рассказывала о принципе синхронности, верно? Объясните это так, если хотите.

Джейн застыла, сжимая в руке фотокарточки, и ждала, когда закроется входная дверь, а от дома отъедет последняя карета. Голова кружилась от усталости. На глаза навернулись слезы. Она зажмурилась и увидела бледную женщину в полубессознательном состоянии на залитой кровью каменной плите. Джейн задрожала и передернула плечами.

Доктор Низамиева права. Жизнь ее больше не будет по-прежнему простой и понятной.

Джейн неторопливо покинула гостиную, оставив позади удушливые запахи старого одеколона, пролитого бренди и в целом, не считая некоторых деталей, приятного вечера. Приехавшие издалека друзья; их рассказы об Августине; короткий танец с ним и его попытки доказать, что при других обстоятельствах он мог бы сыграть свою роль супруга лучше. Однако с самого начала было ясно, что ночь выдастся нелегкой.

Скорченные в муках тела на снимках Низамиевой напомнили о тенях в коридоре, воспоминания вызывали удушье. Если на пути Джейн и попадались слуги, она их не заметила. Она думала о том, что не может существовать во Вселенной, и о математическом доказательстве этого; в голове

всплывали слова Риз. Мир распадался на части. Страх. Гнев. Отчаяние. Чьи это чувства — ее или Элоди?

Джейн остановилась у двери в подвал. Навесной замок, внушительный и неподвижный, словно бросал вызов. Ледяной ужас, похожий на тот, что она ощущала на днях, поднимался волной от пола, окутывал икры и пробирал до самого сердца. На этот раз Джейн отчетливо поняла смысл — ей откроется знание. За последней запертой дверью в доме находится еще одна тайна. Августин разозлился на просьбу Хант воспользоваться подвалами. Не потому ли, что хотел увести жену по дальше от осознания глубины его погружения в магию? Или подвалы выглядели совсем не так, как он утверждал? Он все так легко и разумно объяснил — *своды могут обрушиться*. Джейн поверила бы, не будь тех следов от капель воска на ноге. Поверила бы всему, что Августин сказал перед гостями. Как и тому, что видела: рукам в алой крови глубоко в теле.

Джейн шла по коридорам в сторону библиотеки, и головная боль неотвратимо усиливалась. Доктор Риз забрала принадлежности для ритуала, но здесь, уже за пределами очерченного мелом круга, остался подсвечник, которым Джейн в тот день собиралась обороняться от призраков Линдридж-холла. Подсвечник из металла хорошего качества благодаря усилиям миссис Перл не заржавел и отдавал в руку приятной тяжестью.

Замок поддался через несколько минут, после трех сильных ударов по дужке, и с грохотом упал на пол. Ни криков, ни охов, ни шума из кухни или с лестницы. Джейн осторожно вставила свечи в гнезда и зажгла их от ближайшего газового бра. Страх внутри холодил грудь, а металл — ладонь.

Помедлив мгновение, Джейн распахнула дверь.

Внутри царила кромешная тьма, стены у двери без выключателей приборов газового освещения. Похоже, эту часть дома не модернизировали. Придется полагаться на единственный

источник света, что у нее в руке. Джейн решительно шагнула вперед. Недлинный коридор вывел ее к деревянной лестнице, но уже через несколько ступеней Джейн заметила, что и лестница, и стены сделаны из белого камня. Уже знакомого белого камня. Над полом стелился холодный влажный воздух, он медленно обволакивал тело, прогоняя остатки утреннего тепла, успевшего опуститься ей на плечи. Прохлада неожиданно обрадовала, поскольку заставляла подсобраться. Стойкость пригодится: помещение перед Джейн оказалось вовсе не ветхим подвалом, а криптой.

Над головой простирались высокие сводчатые потолки; резные стены ниши из того же белого камня. Вдоль стен тянулось несколько таких ниш, как и залов, пока скрытых тьмой. Джейн не сомневалась, что крипта старше особняка: она совершенно ему не подходила и казалась древней и фундаментальной.

Выбрав наугад направление, Джейн вошла в длинный зал. Пламя свечи выделило из мрака стоящий спинкой к ней стул. Еще несколько шагов, и Джейн разглядела большую часть огромного стола для банкетов с несколькими похожими стульями — все из того же белоснежного блестящего камня. Сердце неожиданно зашло от ужаса, и она вцепилась обеими руками в канделябр, будто надеясь, что он поможет успокоиться. На столе не было ни единого красного пятнышка, а в ее видении отсутствовали стулья, но она узнала отполированную поверхность столешницы и на секунду снова увидела край подола ночной рубашки Элоди. На одном из сидений были вырезаны буквы и цифры. Джейн медленно подошла ближе, чтобы прочесть, и холод побежал по спине.

ИЕРЕМИЯ ЛОУРЕНС

1714–1769

Джейн обошла все, и на каждом увидела имена предков Августина. У последнего сиденья Джейн остановилась. *Элоди Лоуренс*. С момента смерти прошло уже два года, ей было всего двадцать четыре.

В дальнем углу комнаты неожиданно шевельнулись тени. Глаза Джейн широко распахнулись, свободная рука легла на спинку стула Элоди, помогая устоять на ногах. Августин? Слуги? Или того хуже — странные фигуры, как ночью?

Взгляд ее метался, пытаясь угадать, откуда появилось шевеление, боясь и желая разглядеть вытянутые тела с головами неестественной формы. Вместо этого из темноты выплыла фигура человеческого роста. Грудь Джейн сдавило, при выдохе воздух выходил толчками, пальцы изо всех сил сжали подсвечник. На мгновение ей показалось, что перед ней Августин со скальпелем в руке, но потом она заметила присущие лишь женщинам черты.

Элоди.

Ночная сорочка ее развевалась, резко пахло кровью. Джейн отшатнулась, костяшки пальцев побелели. Элоди шла вдоль стола, теперь скользкого от разлитой крови. Он блестел и переливался, частички плоти отбрасывали искаженные тени. Теперь стол больше походил на операционный. Джейн вскрикнула, поспешно обернулась и вытянула руку с подсвечником в сторону проема, но тот исчез. За ней находилась поразительно гладкая стена. Но ведь она точно пришла отсюда! Свободной рукой Джейн принялась ощупывать камень, искать, искать, искать... Безрезультатно. Ни намек на щель, углубление или угол, на то, что здесь была дверь. Она несколько раз безнадежно всхлипнула и двинулась в сторону вдоль стены, надеясь отыскать проход, но опять тщетно.

Дойдя до угла, Джейн прижалась горячим лбом к каменной стене, боясь оглянуться. Ни шагов, ни шелеста ткани, как и хриплого до свиста дыхания, не было слышно. Не может

быть, чтобы за ней стояла мертвая женщина. Мертвые вообще не могут ходить, это галлюцинации, видения — таково единственное объяснение.

Отсутствие звуков не позволяло определить, как близко призрак. Кровь пульсировала в висках, в ушах отдавалось биение пульса, пока Джейн ждала момента, чтобы с уверенностью сказать, что Элоди рядом, на расстоянии вытянутой руки. Дернувшись, она резко повернулась, понимая, что все равно не справится с паникой.

Элоди стояла всего в нескольких сантиметрах от нее. Даже на таком расстоянии черты ее были нечеткими, лицо подвижным, будто отражалось в дрожащей водной глади. Удалось разглядеть лишь, что щеки запали, синие губы потрескались. Глаза красные, как кровь, пропитавшая рубаху, ее капли падали с оборванного подола, будто вытекали из каждой мышцы и кости, образовывали дорожки и бежали вниз по обнаженным рукам.

Джейн медленно стала опускаться на колени.

Ей надо поговорить, необходимо понять. Если перед ней Элоди, тело которой кровоточит так, что заливает пол подвала, тогда она просто обязана ей помочь. Обязана совершить то, что сделал Августин для мистера Рентона. Прочь сомнения! Ведь перед ней не чудовище.

— Что мне сделать? — обратилась к ней Джейн, наблюдая, как свободная рука будто сама собой тянется к окровавленной сорочке Элоди, в то время как другая сильнее сжимает канделябр. — Что тебе нужно от меня? Расскажи, что он сделал, я все исправлю.

Элоди с болью смотрела на нее сверху вниз, беззвучно открывая и закрывая рот. Тело оставалось неподвижным, грудь не вздымалась от дыхания, чему Джейн была очень рада, ведь тогда грудная клетка могла бы раскрыться, и кровь вырвалась бы наружу еще из одной раны.

— Скажи, — с мольбой в голосе попросила Джейн. — Все говорят, что ты умерла до того, как он вернулся. Он пытался вызвать твой дух, но я видела прошлой ночью... Скажи, это правда?

Элоди поморщилась, склонилась и ухватила Джейн за волосы. Та инстинктивно махнула рукой, в которой держала подсвечник. Пламя скользнуло по плечу призрака, и фигура замерла, словно превратившись в камень. Свечи выпали из железных гнезд и повалились на пол, затухая; слабо горела лишь одна, упавшая к их ногам.

Руку внезапно пронзила боль, подсвечник выскользнул из пальцев, когда Джейн коснулась ледяного кулака Элоди. Призрак женщины шевельнулся, ухватил Джейн за подбородок, прижав большой палец к щеке. Затем стал склоняться ниже и ниже к ней, не отводя красных глаз, где продолжали лопаться сотни сосудов. Пальцы скользнули на горло и легли на пульсирующую артерию; в каждом прикосновении отчетливо ощущалась угроза.

Джейн безуспешно пыталась встать, колени скользили по мокрому от крови полу, ноги путались в юбках, разрывая в некоторых местах ткань. Сознание помутилось, она неожиданно отчетливо ощутила запах газа, увлекающий в наползающую тьму, как в подвале родительского дома. Значит, ей суждено умереть здесь. О небо, защити! Ее имя тоже появится на одном из этих стульев? Это Элоди ее?..

В голове застучало, когда сердце стало биться вдвое быстрее. Что сделает Августин, обнаружив ее здесь? Просто пожмет плечами? Будет ли скучать? Осознает ли, что сам во всем виноват?

В груди вспыхнул огонь отчаяния, следом появилась уверенность, что она не может просто так умереть и не умрет. Чувство стало казаться объемной массой, давящей на живот и диафрагму, оно принялось выжимать из нее крик,

подтолкнуло вверх. Джейн начала подниматься, опираясь на бедра Элоди, пальцы утопали в теле, как в мякоти гниющего фрукта.

Давление на горло стало ослабевать, Джейн закричала еще громче, отшвырнула от себя Элоди и поползла за свечой. Пламя мерцало, но, вспыхнув, разгорелось в ее руках, будто вняв немой мольбе. Джейн принялась размахивать свечой перед собой, но Элоди уже исчезла.

Пол под ногами не был залит кровью, ноги не скользили по камню. Она завела руку за спину, и пальцы сразу наткнулись на дверной косяк.

Джейн попятилась и вышла из помещения, положив ладонь на стену, вдоль которой могла добраться до лестницы. Темнота стояла столь плотная, что невозможно было что-либо увидеть дальше полуметра, куда ни повернешься, но рядом больше не было ни призраков, ни других существ из потустороннего мира.

Нашупав лестницу, Джейн стала подниматься.

Она остановилась лишь в холле. Расплавленный воск залил руку, колени саднили, но острая боль исчезла, как и сукровица, пропитавшая ее юбки.

Безуспешно пытаясь открыть задвижку входной двери, Джейн раз-другой повернулась, оглядела холл и обветшалый марш некогда величественной лестницы. Потом дверь неожиданно поддалась, появилась щель, Джейн надавила и вырвалась на крыльцо, едва не упав на каменный пол. Ее сразу окутал липкий и влажный полуденный воздух.

Вдали виднелся палисадник с увядающими цветами, с другой стороны — некошенная лужайка, а на ее границе — высохшие кусты.

Шатаясь, Джейн пошла по подъездной дороге, вдоль которой высились едва живые деревья, увитые сухими прутьями лиан. Она чувствовала, как немощь и боль сползают по фасаду

особняка, ложь цепляется за края черепицы на крыше, а из подвала вот-вот вырвется угроза. В нос ударил запах застарелой крови. Августин убил Элоди; Элоди могла убить ее; Элоди говорила правду; Элоди лгала. Мысли невозможно было отсортировать, но и отказаться от них не было сил.

Джейн вышла на дорогу в город.

Главное сейчас — выбраться отсюда.

Выбраться. И дойти.

Через несколько часов Джейн добралась до Ларрентона. Ноги нестерпимо болели, домашние туфли разваливались на части. Юбки приходилось поддерживать, чтобы скрыть прореху спереди. Шум города давил и оглушал, она сторонилась людей, спешила отвернуться от тех, кто проходил слишком близко. Она страстно желала укрыться где-нибудь скорее, но подходящего места не было.

За время в дороге она заставила перегруженный мозг поработать над логическими цепочками и составить некое подобие плана действий. Возвращаться в клинику нельзя, в этом она была уверена. Живот скрутило при мысли о встрече с Августином. Она не представляла, как себя вести, что говорить. Он обещал все ей объяснить, но можно ли вообще объяснить, что она видела? То, отчего на ее щеке красуются синяки?

Нет, сейчас она не готова к встрече с мужем. Возможно, не будет готова никогда. Не сможет жить в пропахшей кровью клинике, как и в Линдридж-холле.

Будь сейчас время молодости Каннингемов, она, скорее всего, направилась бы к священнику. Но время шло, мир менялся, и таких людей почти не осталось, в них отпала

надобность. Их заменил магистрат, из которого ее с огромной долей вероятности, даже не выслушав, отправят в приют или к мужу.

Впрочем, существует еще один вариант — вернуться к Каннингемам, положиться на их доброту, остаться на ночь или две, а потом просить разрешения уехать с ними в Камхерст. Памятуя о случившемся в Линдридж-холле, она готова даже на переезд.

Брак с Августинном консумирован, а потому не может быть расторгнут, но мистер Каннингем наверняка знает способ этого добиться. Они ведь захотят ей помочь, верно?

Джейн шла по улице, опустив голову, и мысленно составляла список доводов, которые представит опекунам. Никаких призраков и магии. Тогда, может, грубость и черствость? Или подозрение в неверности? Достаточно ли этого?

Она отвергла мольбы Каннингемов поехать вместе в Камхерст, твердо решив идти своим путем. Они, конечно, ей помогли, да, но все же...

Добравшись до переулка, где прожила много лет, Джейн ускорила шаг и наконец подняла голову. К дому она почти бежала. Тягостные думы о необходимости объясняться ушли, сердце трепетало от облегчения и радости оказаться дома.

Поднявшись на крыльцо, постучала.

Никто не ответил.

Несколько минут она разглядывала окна второго этажа, надеясь заметить движение — хлопчущую миссис Каннингем или Екатерину, разбирающую постели. В доме было тихо, а вот из-за спины доносился шум улицы: обрывки негромких разговоров и даже крики, грохот проезжающих повозок. Она оглядела барельеф над дверью — глаза смотрели куда-то в сторону. Дом располагался в самом центре:

удобно для стряпчего и его клиентов. Джейн сгорбилась, будто ощутив десятки глаз за спиной, оценивающих, осуждающих. Странная подопечная Каннингемов почти сломалась, лишившись их поддержки.

Она стучала снова и снова, но так и не услышала шагов за дверью.

Куда они могли уйти? Сегодня не базарный день. Может, с визитами? Они могли послать Екатерину за покупками, а сами поехать даже в соседний город, выпить чаю и проститься с друзьями перед отбытием в Камхерст. Ах, они так нужны ей сейчас!

Сердце забилося сильнее, когда она толкнула дверь и та неожиданно поддалась.

В доме было пусто.

Джейн шагнула в темноту, зажав ладонью рот, и дождалась, когда за спиной захлопнется дверь. Жители дома исчезли, а с ними и мебель, к которой она привыкла с детства, все предметы интерьера, которые полюбила еще в юности. Кабинет опекуна встретил ее голыми стенами, не осталось даже ковра, сохранившего вмятины от ножек тяжелого стола. С широко распахнутыми глазами Джейн обошла все комнаты. В душе теплилась надежда, что в Камхерст отправили лишь первые несколько повозок с вещами, а спальни оставили в привычном виде. Это означало бы, что к ночи хозяева непременно вернутся. Однако и в спальнях Джейн увидела лишь деревянный пол и крашенные стены с гипсовой лепниной.

С трудом сдержав стон, Джейн опустилась на пол своей бывшей комнаты и вытянула ноги вдоль половиц, потертых у самого входа, где ногами всегда задевали ковер. Поискала глазами разводы от протечек на потолке, которые разглядывала по ночам, проснувшись от кошмара с шумом от взрывов в ушах. Но ничего не было: потолок покрасили во время ремонта после отъезда.

Как им удалось так быстро все сделать? Ведь не прошло и недели с ее замужества. Опекуны были рады избавиться от нее? Нет. Скорее всего, дело в назначении на важную должность, именно это заставило их спешно отправиться навстречу новой жизни.

Но ведь они могли уехать, а за вещами вернуться позже. Недели мало. Как им хватило недели? Им следовало быть здесь. Хотя бы для того, чтобы проститься. Глаза щипало, и Джейн вскинула подбородок, чтобы слезы не пролились на щеки. Крушение надежд стало последней каплей после аварии с каретой, едва не свалившейся в пропасть, разногласий с Августином, его гостями, их насмешек и болезненных укулов, событий в Линдридж-холле, а также встречи с Элоди.

Дав волю рыданиям, Джейн легла на пол и прижалась лбом к доскам пола. Она совершила ошибку, и не одну, напрасно решив, что замужество станет лучшим выходом из сложившейся ситуации. Если бы не список потенциальных мужей, она уехала бы с Каннингемами в Камхерст, как они желали, и была бы сейчас счастлива. Если не счастлива, то, по крайней мере, не в столь плачевном положении. Она никогда не удостоилась бы чести служить при королевском дворе в Камхерсте, пришлось бы всем кланяться и улыбаться, по ночам снова одолевали бы воспоминания о войне, воскрешая прежние страхи, но все это было не так ужасно по сравнению с происходящим сейчас. Подобные трудности предсказуемы, с ними можно совладать.

Но как поступить с мужем, у которого руки в крови, как справиться со злобным призраком? Что делать там, где работает только магия?

Джейн лежала на полу, жалея себя, кляня за самоуверенность и страхи. Она не заметила, как золотистые лучи за окном стали меркнуть, — до захода солнца оставалось

не больше часа. В голове мелькнула мысль переждать какое-то время здесь или в клинике. Августин наверняка уехал из клиники или скоро уедет. В этом случае находиться там будет безопасно, ведь ей нужна лишь кровать. А утром, до его прихода, она оплатит место в почтовом дилижансе и отправится в Камхерст.

Да, ей будет тяжело оставаться в этом доме в крошечной тьме. Призраков и страшных воспоминаний здесь не меньше, чем в Линдридж-холле, к тому же ее могут выгнать за незаконное вторжение. Выглядела она ужасно: волосы выбились из пучка на затылке и растрепались, платье грязное и местами рваное.

Джейн села, дрожащими пальцами распустила волосы и вновь собрала в прическу. Привела в порядок платье, насколько это было возможно.

А потом вышла из дома и пошла по улицам Ларрентона к клинике своего законного мужа.

Джейн шла очень быстро, попутно вспоминая, как бежала по улицам навстречу Августину во второй день знакомства и в третий, желая проверить свои силы, убедиться, что находится в хорошей форме. Она увлеклась им с самого начала, была очарована, сосредоточена только на нем. Даже сейчас в душе робко шевельнулась радость при виде входной двери клиники.

Но в трех шагах от нее Джейн замерла, бездумно глядя на фасад. А если он не ушел? Что она ему скажет? Что потребует? Сможет ли, смирившись, жить дальше, дав обоим возможность игнорировать переполнявший ее гнев? Надо продержаться всего один день, неужели это так сложно?

Она справится, сможет. Притворяться короткий период времени несложно, вот вечность она бы не смогла.

Джейн толкнула дверь и переступила порог. Дверь в кабинет Августина была закрыта, хоть и неплотно, через щель до нее донесся приглушенный разговор. Значит, у него пациент. С облегчением выдохнув, она направилась в кухню. Надо сообщить мистеру Лоуэллу, к тому же

после ужина наверняка осталась какая-то еда. Можно лишь надеяться, что Августин не заглянет туда перед уходом.

В кухне никого не было. Джейн с тоской посмотрела на чайник и опустила на стул.

Всего на несколько минут. Ей необходимо всего несколько минут, потом она пойдет наверх и умоется. Ужин ждет.

Она проснулась от хлопка входной двери. Поморщившись, наклонилась вперед и потеряла шею. Должно быть, она задремала, прошлая бессонная ночь ее измучила.

Она ошиблась, решив, что пришел мистер Лоуэлл или ушел Августин.

— Джейн?

Муж стоял на пороге кухни и, судя по выражению лица, не ожидал увидеть ее здесь.

Гнев вспыхнул с новой силой, а за ним пришли страх и недоумение. Должно быть, сейчас она похожа на загнанного в капкан зверька, поскольку совсем не готова к такому повороту событий. Не готова видеть его, говорить с ним. Проклятие, почему он не в своем искалеченном доме, полном тайн и призраков?

— Здравствуй, Августин. — Ей с трудом удавалось говорить спокойно и сдержанно. Быть вежливой совсем не хотелось. Хотелось вопить. — Где мистер Лоуэлл?

— Уехал, чтобы забрать тебя домой.

Джейн покраснела. Ей внезапно стало стыдно, но она промолчала.

— Как ты сюда добралась, Джейн?

— Пешком.

Августин смотрел на нее во все глаза. Казалось, он не сразу заметил, что одежда ее потрепана, юбка в грязи, а щеки обветрены.

— Не вставай, — велел он, поставил на плиту чайник, а затем вышел и вернулся через несколько минут с бинтами и всеми необходимыми средствами.

— Не надо, Августин.

— Должно быть, ты совсем без сил, путь ведь неблизкий.

Он встал перед ней на колени, потянулся к лодыжке и удивленно вскинул брови, когда она отпрянула, будто руки его до сих пор были в крови.

— Джейн?

Он ведь не знал, что она видела, что случилось в особняке. Лучше бы ему не говорить, никогда, но она одна не справится. И все же она отпрянула от него, несмотря на то что он врач, в чьей помощи она нуждается.

Джейн едва сдержалась, чтобы не бросить в лицо все, что накопилось, но перевела дыхание и положила ногу на протянутую ладонь.

Лоуренс осторожно убрал ошметки развалившихся домашних туфель и вымыл распухшие, покрытые волдырями ноги. Только сейчас она поняла, как сильно болит. Терпеть и сдерживать слезы удавалось с большим трудом. Августин действовал уверенно и молча, не сказав ничего по поводу выбора обуви и бегства из Линдридж-холла.

Смыл грязь. Кровь постепенно остановилась.

Издалека донесся звук открываемой двери. Затем шаги на лестнице, хлопок закрывшейся двери комнаты, стук и вновь шаги. Августин не поднял голову, когда в дверях появился мистер Лоуэлл.

— Доктор, я... ах, миссис Лоуренс. — От удивления он выпустил из рук шляпу. — Я привез ваши вещи из Линдридж-холла.

— Благодарю, — кивнула Джейн, глядя перед собой, чуть выше склоненной головы Августина. Смущение и стыд не позволяли ей посмотреть мужчине в глаза.

— Я бы приехал раньше, — продолжал тот, — однако было...

— Ничего страшного не случилось, — остановила она, преодолев спазм в горле. — Ничего страшного.

Мистер Лоуэлл залился румянцем. Вероятно, происходящее на его глазах представляло странную картину.

— Велите готовить ужин?

Джейн едва смогла вздохнуть от жара в груди.

— Думаю, мы справимся, — произнесла она, хотя думала совсем другое.

Мистер Лоуэлл удалился, вновь хлопнула входная дверь. Августин отошел к печке и подбросил поленья, одновременно поправляя небольшую дровницу.

— Мне не следовало оставлять тебя там, — произнес он. — Это было трусостью с моей стороны.

Из трусости ты лгал мне, из трусости затащил в постель, чтобы заставить забыть о вопросах, из трусости заставил поверить, что мне приснился кошмар, вместо того чтобы признать, что я невольно узнала твои тайны. Лишь огромная сила воли заставила Джейн промолчать. Она прикрыла чистые и забинтованные ступни юбками и прошептала:

— Да.

Августин не проронил ни слова и принялся за ужин — жарил рыбу, замаринованную в пряностях и вине.

У Джейн мелькнула мысль о побеге, но организм диктовал свои правила: недавно она заснула на стуле от усталости, сейчас желудок напомнил о голоде. По кухне разносились дурманящие ароматы, манил вкус вина в бокале, что Августин поставил перед ней.

Еды оказалось с избытком, видимо с расчетом на нее и мистера Лоуэлла, но Августин положил большую часть ей, оставив себе лишь самую малость.

Джейн проглотила пищу буквально за считанные минуты.

— Джорджиана и остальные по-прежнему в Линдридж-холле? — спросил он, когда на тарелке ее остался крошечный кусочек. К своей рыбе он едва прикоснулся.

Джейн отложила приборы, откинулась на спинку стула и сделала хороший глоток вина, чтобы прочистить горло.

— Нет. Они уехали утром.

Августин посмотрел на окно, за которым сгущалась ночь.

«Иди, — мысленно произнесла Джейн. — *Уезжай в свой кишащий призраками дом, к ужасным ритуалам, туда, где творят отвратительную магию*». Внезапно она увидела кровь на его руках, а затем сцену, в которой он убивал Эло-ди. Та словно повернулась к ней, горло будто вновь сжали ее пальцы, и от этого давления гнев угас до легкого возмущения. Еда показалась безвкусной, как пепел.

Джейн возила остатками по тарелке.

— Каннингемы уехали, — произнесла она, когда молчание затянулось. — Даже не простились. Ты знал?

— Нет, — нахмурился он. — Впрочем, два дня назад на твое имя сюда пришло письмо.

В тот день, когда она решила не покидать Линдридж-холл. Если бы тогда уехала, смогла бы попрощаться. И никогда бы не узнала пугающих тайн дома. Ей следовало уехать. Всему виной проклятые любопытство и подозрительность.

— Я сегодня останусь здесь, — произнес Августин.

Джейн подняла на него глаза, но промолчала.

— Помочь тебе подняться в свою спальню?

Джейн хотела встать, однако ноги отозвались болью. Поморщившись, Джейн опустилась на сиденье и кивнула.

— Да, пожалуй, помощь мне понадобится.

Августин подхватил ее на руки и вынес из кухни.

Сквозь ткань рубашки она ощущала тепло его тела, — пожалуй, даже жар, будто оно горело в лихорадке. На лбу Августина проступил пот.

— Тебе нехорошо? — не удержалась она от вопроса.

Он рассмеялся и стал подниматься по лестнице.

— Нехорошо? Джейн, по-моему, это очевидно.

На втором этаже он открыл ногой одну из дверей и вошел в небольшую уютную спальню. Разожженный огонь хорошо прогрел ее, в воздухе витал чудесный аромат сухоцветов, оставленных, видимо, для того, чтобы изгнать поселившийся в доме запах человеческих страданий.

Саквояж с вещами Джейн стоял тут же, у входа.

Августин положил ее на кровать и на мгновение прикоснулся к лицу, от которого веяло нездоровьем. Он нежно провел руками по телу Джейн, отпустил ее и выпрямился. Разница между искренней заботой и неожиданной прямоотой потрясла ее больше всего.

Августин сделал несколько шагов, но у двери остановился и взглянул через плечо на ее забинтованные ступни.

— Джейн... почему ты решила идти пешком? Что произошло в Линдридж-холле?

Еще несколько минут назад у нее были силы сдерживаться, но сейчас желание услышать объяснения победило — она сдалась.

— Доктор Низамиева рассказала мне о магических ритуалах, о заклинании для воскрешения мертвых.

Августин побледнел, но промолчал. И к счастью, не посмотрел с неискренним сочувствием, как в тот день, когда убеждал, что ей приснился кошмар.

— Что еще?

— Я видела тебя. Они провели сеанс магии, и я видела тебя, в крови, рядом с умирающей Элоди. Ты держал в руках ее сердце.

Он крепко зажмурился, словно от боли, но и этого не стал отрицать. Не возражал, не извинялся и не лгал, что придало Джейн сил, и она, осмелев, расправила плечи.

— Августин, я видела ее в подвале. Она была вся в крови, она душила меня, Августин, хотела убить. — Голос срывался от гнева и досады, что она даже не пыталась скрыть. — Мы вышли далеко за пределы наших соглашений. Прошу, скажи мне, что ты совершил?

Ответом ей стала лишь тишина. Снаружи доносились звуки оживающих вечером насекомых, приглушенный шум города, столь отличный от тишины в Линдридж-холле. Она затаила дыхание, ожидая увидеть, как Августин поспешно удаляется.

— Я солгал тебе, — неожиданно произнес он. — Я держал в ладонях сердце Элоди и призывал на помощь умерших. Причина этого отвратительного действия — растерянность и страх. — Он говорил без эмоций, даже не подняв глаз.

— В первый же вечер, когда мы познакомились, я сказал, что не могу на тебе жениться. Однако я слаб и сдался, стоило тебе чуть надавить. В моей жизни есть вещи, которых я стыжусь и никогда себе не прощу, Джейн, они будут вечно терзать мою душу. Вчера я усугубил свою вину, убедив тебя в том, что было ложным. Это несправедливо, и я сожалею о содеянном.

Джейн закрыла лицо руками и в следующую секунду слышала торопливые шаги, ручка резко распахнутой двери ударилась о стену, а потом Августина стошнило.

Ему нехорошо.

Все, что она узнала, правда. Ей следует забыть о муже, хорошо выспаться, а завтра утром идти к судье. Теперь, когда у нее есть его признание в убийстве, брак можно расторгнуть.

Внутренний голос предательски нашептывал, что ее муж не убийца. Она знает его, он не мог совершить преступление, от этого нельзя так просто отстраниться.

Проклятие.

Джейн сползла с мягкого нового матраса и поковыляла в коридор. Боль при каждом шаге была сравнима, пожалуй, с агонией.

Дверь в кабинет была открыта. В крошечной тьме Джейн пошла на звук дыхания Августина — к столу, за которым он сидел, согнувшись над керамической чашей. А затем мимо, к дивану, где впервые поцеловала его, решив свою судьбу.

— Расскажи мне все, — произнесла она. — Я хочу понять. Мне казалось, я узнала тебя достаточно.

Августин не ответил, лишь утер рукавом губы, поморщившись, будто преодолевая боль. Он закрыл глаза и запрокинул голову, прислонившись к стеклянной дверце шкафа — собранию редкостей, — где хранилась кишка мистера Рентона.

Джейн терпеливо ждала.

— Я любил Элоди, — наконец услышала она. — Наши родители дружили, и мы с детства знали, что поженимся. А когда повзрослели, я влюбился в нее по-настоящему. Вскоре после свадьбы она заболела, но потом поправилась. Я хотел отменить поездку с коллегами, но Элоди уговорила меня поехать, опечаленная лишь тем, что не сможет отправиться с нами. Я оставил ее в Линдридж-холле с моими и ее родителями. Тогда все собрались по случаю ее болезни и возмутились моим решением оставить не вполне здоровую жену. Все, кроме Элоди. А потом я получил сообщение, что она снова при смерти. Если бы я умел превращаться в птицу, то прилетел бы так быстро, как только смог. Дорога заняла три дня. К моему приезду Элоди едва дышала. Я сделал все, чему меня учили, и гораздо больше, но пульс ее слабел,

а сердце едва билось. — Он до скрипа сжал зубы. — Но человек не умирает, когда останавливается сердце, есть еще несколько мгновений, их можно позаимствовать у Вселенной. Я видел, как это делают, как запускают сердце.

Движение жизни словно замедлилось. Глаза Джейн защипало.

— Августин, — прошептала она, но он продолжал говорить:

— Я вскрыл грудную клетку и стал сжимать ее сердце, чтобы заставить работать, ведь она сама не могла. Я старался, чтобы оно вновь начало сокращаться и перекачивать кровь. Это могло помочь. Могло, Джейн. Но она умерла. Именно я убил ее.

По щекам Джейн катились горячие слезы, и она не понимала, по кому она плачет. По Элоди? Она наверняка хотела умереть спокойно, но вместо этого столкнулась с жестокостью из-за отчаяния мужа. Или по Августину, который ненавидит себя всякий раз, когда теряет пациента и вспоминает о той, самой важной, потере? Может, по себе самой, потому что узнала то, что предпочла бы никогда не слышать?

— Если бы я смирился тогда, — вновь заговорил Августин после долгой паузы, — возможно, когда-нибудь смог бы себя простить. Но произошедшее задело мое самолюбие врача, мою совесть, горе не давало возможности размышлять здраво, и я обратился к магии. Ты знаешь, что Элоди была инициирована, как и наши родители. Мы собрали немало книг о магических ритуалах, о древних культах, знаниях, учениях. Все это в моей голове смешалось с догмами разных религий и практиками, но я в это свято верил. И еще верил, что родные меня поймут. В подвале я провел ритуал, который должен был ее вернуть.

— Но воскресить умершего невозможно, — прошептала Джейн.

— Невозможно. Да, ты права. Но возможно ненароком открыть врата для некой силы и наполнить дом призраками тех людей, которых ты не смог спасти в операционной. Их будет все больше с каждой новой смертью на столе. А потом родные найдут тебя в том подвале, склоненным над телом женщины с вскрытой грудной клеткой. Женщины, ставшей для них дочерью, о которой они всегда мечтали. Они обвинят тебя во всем и откажутся от сына. Я бежал, не желая переступить порог дома, не желая снова и снова принимать наказание за каждую сожженную свечу и произнесенное слово заклинания. Воспоминания вызывали у меня тошноту.

Джейн внимательно посмотрела на Августина, на покрытый испариной лоб, прислушалась к дыханию, ощутила всю тяжесть и причину недомогания.

— Тебе надо вернуться в Линдридж-холл, — сказала она.

Она вспомнила, как в один из вечеров его мучила головная боль, отметила про себя тарелку с нетронутой едой сегодня. В голове пронеслись слова Низамиевой о странных симптомах. Как он мог раньше долго находиться вдали от дома, если у него рвота и жар всего после двух дней отсутствия в Линдридж-холле?

Августин поморщился и кивнул.

— С каждым новым днем, проведенным вдали от поместья, мне становится хуже. Прости меня, Джейн; я старался рассказать, что мог, когда понял, что с моей стороны будет недопустимой слабостью оставить тебя в неведении. В какой-то момент мне показалось, что мы можем стать счастливыми, если будем оба жить по твоим правилам, ты получишь от жизни все, о чем мечтала. Я надеялся, что твоего решения будет достаточно. Что всего будет достаточно. Я хотел уберечь тебя любым способом.

Джейн вцепилась в ткань юбки и сжала кулаки.

— Но я не хотела следовать собственным правилам. А потом эта авария с каретой...

— Ты вернулась и в ту ночь ничего не увидела, хотя до твоего приезда я слышал вой мистера Рентона из холла. Следующей ночью меня не было рядом, я не мог помочь тебе, но все было тихо, что вселило надежду. Я ненадолго допустил, что они перестали приходить ко мне, Джейн, ведь с того дня, как ты осталась в Линдридж-холле, я никого не видел.

— Но я видела. Ты солгал, сказав, что мне приснился кошмар, но я все отлично помню. Я видела Элоди в крипте.

— Вот это совершенно мне непонятно. — Он подался вперед и склонился над столом. — Ведь ее я не видел. Ни разу. И ни один призрак не попытался навредить мне. Пугали меня, да, преследовали, заставляли погрузиться в омут стыда, вспоминая собственные ошибки. Но чтобы *схватить*...

Джейн поднялась, опираясь на спинку дивана, и встала так, чтобы Августин видел порванную юбку, потом запрокинула голову, показывая синяки.

— Я бежала почти всю дорогу в Ларрентон. Ты видел мои ноги, пустяк не заставил бы меня так поступить. Тем вечером, — продолжала она, глядя, как Августин повесил голову, — я не видела твоих пациентов. Не видела мистера Рентона. Только странные нечеловеческие фигуры на пути к твоему кабинету, и я бросилась тебя защищать. Решила, тебе грозит опасность, а вместе мы сможем справиться.

— Джейн, — прошептал он, хмурясь, словно от боли.

— Надо бороться. Слышишь? Тебе надо бороться. Нельзя так жить. Ты должен что-то сделать, Августин, иначе призраки Линдридж-холла убьют меня.

Должен что-то сделать ради нас обоих.

Он помотал головой.

— Это мой приговор. Исправить ничего не удастся. Ты просто не станешь бывать в Линдридж-холле, а мне суждено терпеть это и дальше. В отличие от Джорджианы и Эндрю, я не считаю, что дипломированные врачи не могут ошибаться, что они равны богам. Такие врачи, сделав что-то неверно, винят пациентов, погоду, находят сотни других причин. Они уверены, что заниматься магией — их право по рождению, это игра, в которой они могут участвовать. Но я понимаю, что делаю. Знаю, чем это закончил.

Гнев вспыхнул, будто ее ударили хлыстом, она сжала зубы, чтобы сдержать рык.

— Ты слышишь себя, Августин? Да, ты — не они, ты их отражение. И тоже считаешь себя подобным богу, уверен, что можешь вылечить любую болезнь, восстановить поврежденную часть тела, если будешь все делать правильно и прилагать должные усилия!

Лицо его побагровело, затем вновь стало бледным.

— Это не только излишняя самонадеянность, Августин, но и трусость. Если считать во всем повинным только себя, можно закрыть глаза и не видеть, что мир жесток и непредсказуем, происходящее невозможно подчинить себе, своим желаниям! Здесь смерть всегда побеждает, Августин, этот закон тебе не по силам изменить. Этот процесс тебе не остановить.

— Ты не понимаешь. — Он покачал головой. — Не можешь понять.

— Мои мать и отец мертвы, и я не смогла бы предотвратить неминуемое, сколько бы ни плакала, ни молила не уходить на фронт. — В груди вспыхнул огонь, и Джейн решительно шагнула вперед, уверенная, что обязана достучаться, обязана сказать так, чтобы он услышал. Печально, но Августин не желал этого.

— Да, смерть побеждает, — произнес он, — везде, кроме мира, где это не принимается за аксиому. Однажды я приблизился к тому, чтобы изменить мир, но не вышло. За это теперь несу наказание и принимаю его не ропща.

Смерть побеждает везде, кроме мира, где это не принимается за аксиому. Возможно ли, что он прав? А она недостаточно умоляла и плакала, чтобы родители остались дома? Тогда сейчас надо приложить больше усилий, чтобы убедить Августина прислушаться, сделать все, что поможет стать нужной ему. Изменить границы мира, вложить нечто иное в голову вместо того, что он считает истиной, загнивающей, калечащей его мозг. Неужели ей не удастся сделать такую малость для человека, который попытался отсрочить смерть, изменить законы мироздания?

Она отчаянно мечтает стать счастливой рядом с ним. Хочет строить будущее, действуя, а не безропотно принимая.

— Взгляни на кольцо на своем пальце.

Его слова прервали бурный поток ее мыслей, и Джейн сжала руку, ощутив, как края кольца впиваются в кожу.

— И что?

— Я о мистере Этридже. Ты читала монографию?

— Нет. — Джейн устыдилась, что не успела.

— В молодости форма его позвоночного столба стала искажаться. Через несколько месяцев после первых изменений Этриджа сбросила лошадь, и он сломал ногу. Несмотря на правильное лечение, костная ткань разрасталась в колене, на всю оставшуюся жизнь лишив сустав возможности сгибаться. Затем недуг поразил мышцы. Его травмы, вместо синяков, как у обычных людей, приводили к обширным изменениям в тканях. Я испробовал все: срезал излишки костной ткани и прижигал ростки, углубившиеся в мышцы, заставлял пить слабительное, назначал на несколько недель ту или иную диету, потом рекомендовал есть жирную

и калорийную пищу. Ничего не помогало. Эта редкая у взрослых болезнь, хотя Этридж не первый, кто с ней столкнулся. Дети обычно умирают до совершеннолетия. Никто так и не понял причину недуга и почему у мистера Этриджа болезнь развивалась не вполне привычным образом. Никто, кроме меня. Этридж признался мне, что в молодости нашел книги и проводил магические ритуалы, пока не ощутил, что в нем растет нечто новое. Обнаружив первые наросты, он понял свою ошибку и все же занимался магией до самого дня смерти, пытаясь все исправить. У него ничего не получилось, Джейн. Его постигла неудача. Он умер в муках, страдая от голода и пневмонии, закованный в темницу собственного тела. И причина всего — магия.

Джейн не могла произнести ни слова, замороженная удивительными образами.

Затем она вспомнила о фотографиях доктора Низамиевой, на которых мужчины и женщины из лечебницы казались изолированными от мира и не обращали на него внимания, пребывая в ловушке сознания в одном им известном месте.

— Теперь ты понимаешь? — спросил Августин, смягчившись. — Понимаешь, насколько все опасно? Мне повезло, я получил не очень суровое наказание. Оно постоянно напоминает о запрете выходить за границы человеческого понимания.

Сказанное ужасно, но не лишено логики. Осмысление долго снисходило на Джейн свинцовой пеленой. Зачем бороться? Зачем стремиться к чему-то большему, великому? Однако она хотела, чтобы Августин шел этим путем. Помнила его одухотворенное лицо, уверенность во время той операции мистера Рентона. Джейн ощутила ладони Августина на своих бедрах. Вспомнила, как ловко он работал скальпелем. Вспомнила, как начала тогда медленно оживать, почувствовала, что с ним рядом мир становится совсем

другим. До его появления она не догадывалась, что может любить и быть любимой.

Он должен рискнуть. Непременно должен.

— Джейн... — пробормотал он и замолчал. — Я сразу сказал тебе, что наш брак нецелесообразен. Ты в любой момент можешь уйти, если захочешь. А можешь остаться. Но знай, я не изменюсь, всегда буду мучиться, буду стараться сделать все от меня зависящее, чтобы спасти пациента. Любым способом, пусть он даже убьет меня. Я был честен с тобой, и теперь ты... можешь сделать выбор. Это единственное, что я могу для тебя сделать.

— Ты ничего не смог для меня сделать, — прошептала она и быстро вышла из кабинета.

Джейн лежала одна в спальне, но сон не приходил. Стоило закрыть глаза, в носу появлялся запах крови, горло сжимало ледяная рука Элоди, кто-то говорил, что Августина опять тошнит в туалете. Ум лихорадочно работал, пытаюсь упорядочить события новой жизни. Магия и смерть, ложь и страсть — это перевернуло с ног на голову все, во что она верила. Заставляло переосмыслить, как и роль нуля в математике.

Августин убил Элоди. Да, она умерла бы в любом случае. Да, он отчаянно пытался ее спасти. Но в последние мгновения жизни вскрыл ей грудную клетку и вынул сердце. И ничего не добился.

Когда Августин делал что-то руками внутри живота умирающего мистера Рентона, Джейн видела в нем героя, а не мясника. Несмотря на то что мистер Рентон скончался, она не испытывала отвращения к Августину. А вот после того как узнала о произошедшем с Элоди — увы.

Доверяла ли ему Элоди? Сознвала ли, что он делает все ради ее блага?

Допустим, Августин никого не лишал жизни, но оставался лжецом, хотя это меньший грех, чем убийство. Все

уже свершилось, ее боль неважна. Он мог поступить гораздо хуже. Да, урок болезненный, но Августин его усвоил.

Джейн никто не удерживает, она вольна сделать выбор и идти своим путем, начать жизнь, которая во всем устроит. Со временем забудутся призраки и женщина, которой она ничем не могла бы помочь. Забудутся разговоры и события, связанные с магией. Ни в чем произошедшем она не повинна.

Джейн пришла к выводу, что не испытывает ненависти к Августину, и это нехорошо. С каждым новым его откровением ситуация выглядела трагичнее и затмевала понимание, как стать с ним счастливой. И все же ненависти не было. Куда проще бояться его.

Джейн долго не отрывала взгляд от страницы математического трактата, доставленного вместе с платьями. Он схож с учениями о магии, о которых рассказывал Августин. Джейн надолго погрузилась в мир цифр и уравнений, осмысливала логические заключения, изучала сноски, изредка отвлекаясь на собственные размышления, и вскоре заполнила целую стопку бумаг комментариями, предположениями, пометками об исследованиях и методах. Как и в Линдридж-холле, в книге полно невозможного.

Джейн не следовало увлекаться подобными вещами, даже интерес проявлять опасно.

Она решительно отложила книгу и выключила свет.

Ей снилось, что она спит в объятиях Августина. Снилось, что гноящуюся рану в его душе удалось залечить, страдания закончились, когда Линдридж-холл сторел дотла, Элоди упокоилась с миром, и это компенсировало ужас, который она вынесла из-за приверженности Августина к магии.

Снилось, что Элоди нежно кладет ладонь ей на щеку, губами касается лба, а ее пропитанные кровью одежды

прилипают к телу Джейн, несмотря на то что она пытается вырваться.

Во сне она видела много крови.

Кровь.

В панике вскочив с постели, Джейн не сразу разделила сон и явь, избавилась от образа Элоди и тошнотворного запаха крови. Джейн оперлась на комод, молясь, чтобы все скорее прошло само собой. Взглянула в окно: уже утро. Перевела дыхание, прогоняя остатки кошмара. Однако запах крови в носу остался. Джейн боязливо приоткрыла дверь спальни и сразу увидела на лестничной площадке мистера Лоуэлла.

— Вы нужны в операционной, мэм.

Значит, у них пациент.

Джейн с трудом преодолела желание отказаться. От усталости дрожали руки, распухшие ноги болели. У нее нет образования и необходимого опыта; выходя замуж, она собиралась лишь вести бухгалтерию клиники.

Но как отказать в помощи немощному? Августин не послал бы за ней, не будь на то срочности, и запах крови слишком сильный, что говорит о непростом случае.

— Да, разумеется, — произнесла она и поспешно вернулась в комнату. Надела самое простое платье, пропустив часть пуговиц. Волосы, заплетенные на ночь в косу, растрепались, несколько прядей вырвалось из плена. Сунув ноги в туфли, Джейн бросилась вниз, уговаривая себя не думать о боли.

Стоило толкнуть двери операционной, как они распахнулись. На столе лежала женщина, моложе Джейн. Лицо бледное, неестественно бледное. Веки тяжелые, а глаза мутные. Сорочка задрана к самой груди, живот залит кровью. Женщина умирала.

Перед глазами Джейн возникла прежняя картина — Элоди и рядом Августин, погруживший руки внутрь ее тела.

Ладонями она ощутила толчки сердца, выбрасывающие новую партию крови, будто сама была рядом и держала Элоди. Ей понадобилось все самообладание, чтобы не наброситься на мужа, одетого в черное, всего в крови, не заставить оторваться от женщины, как от Элоди, умирающей на столе, похожем на жертвенный алтарь.

Нет, это не Элоди. Не Элоди... Это их пациентка, находящаяся на грани жизни и смерти. Ей нужна помощь.

Джейн спешно надела фартук, вымыла руки и встала рядом.

— Что мне делать?

— Ретракторы, — произнес Августин, и она содрогнулась от грустной иронии: в случае с мистером Рентоном все начиналось так же.

Медицинские инструменты, окровавленные, уже лежали на операционном столе, Джейн взяла их и посмотрела на разрез, который Августин сделал на животе женщины. Тот выглядел раздувшимся, неестественно большим. Она беременна!

Августин отложил скальпель, погрузил пальцы внутрь и принялся давить на что-то и вытягивать. Он бормотал проклятия, и Джейн посмотрела на него с испугом, отметив желтоватый оттенок кожи и круги под глазами. На лбу застыла испарина.

Августину нехорошо. Рассвет, по-видимому, не принес облегчения.

Пальцы его дрогнули, когда он взял иглу и стал шить что-то в глубине быстрыми и четкими движениями. Выучка и мастерство победили, по крайней мере сейчас. Джейн сосредоточилась на том, чтобы поддерживать в надлежащем виде разрез для хирургического вмешательства. По требованию доктора она промыла рану грушей, изменила угол наклона, чтобы обеспечить лучший доступ с одной стороны.

Ах, все так похоже на операцию мистера Рентона! Она вспомнила его лицо, даже услышала стон. Нет, сейчас перед ней не он. И не Элоди.

— Джейн, отвернись, не смотри, — тихо произнес Августин.

— Я...

— Прошу, отвернись.

Она неохотно подчинилась, слушая его шепот, по мелодике похожий на молитву. Ощутила, как сместился ретрактор, когда под него скользнула его рука, затем что-то захлопало и дернулось под ее ладонью. Тошнота подобралась к самому горлу.

— Почему она не кричит?

— Из-за эфира, большой потери крови и общего истощения, — ответил Августин.

Ретрактор снова задержался, — видимо, Лоуренс снова шил, проклиная неизвестно что. Наконец сантиметр за сантиметром он сшил кожные покровы и с тяжелым выдохом отстранился от стола. Потянувшись, вытер лоб и оставил кровавую полосу на щеке. Джейн казалось, что фартук насквозь пропитан кровью. Августин медленно пошел к раковине. Только сейчас Джейн увидела, как он устал. Она отвела взгляд и принялась смывать кровь с живота женщины. Грудь ее поднималась и опускалась с большими интервалами. Вытерев бедра женщины, она нашла простыню, чтобы прикрыть ее наготу, а затем тщательно обработала шов.

Джейн обошла стол, чтобы подойти с другой стороны. Взгляд ее наткнулся на керамическую миску, и она прикрыла рот, чтобы удержать крик, рвавшийся с губ. В посудине лежал крошечный несформированный младенец, а рядом — окровавленное нечто, похожее на кусок сырой печени. Мир померк, Джейн отошла на несколько шагов, оперлась спиной о стену и согнулась, не в силах сдерживать рвотные позывы.

Из крана неподалеку перестала литься вода.

— Беременность несколько месяцев, но началось сильное кровотечение, — спокойным голосом объяснил Августин. — Муж сказал, что небольшие кровотечения случались на протяжении всей беременности, но без боли. Сегодня утром они отправились на прогулку верхом, тогда и началось сильное кровотечение, которое уже не прекращалось. Я решил, что может случиться выкидыш, но, когда попытался вызвать преждевременные роды, кровотечение усилилось, и боль тоже. При пальпации выяснилось, что плод развивается не в матке.

— Не в матке? — прошептала Джейн.

— Матка повреждена, ее уже не восстановить. Плацента приросла к наружной стенке и оторвалась во время прогулки. Произошел разрыв, это означало, что для спасения ее жизни необходимо удалить все. Я надеялся спасти ребенка, однако...

Августин покачал головой, и Джейн вспомнила неподвижное тельце на дне миски. К горлу подступила желчь, но она сдержалась и повернулась к мужу, стоявшему за столом, чуть поодаль, встретила с ним взглядом и сделала шаг вперед, потом еще шаг. Стараясь не смотреть на останки ребенка, принялась уверенными движениями смывать кровь с кожи женщины.

— Вероятно, она не выживет, — мягко произнес Августин.

Джейн тряхнула головой, борясь с желанием зажать уши руками.

— Не говори так. Она ведь может нас слышать.

— Эфир затуманивает разум. Если и услышит, потом не вспомнит. Джейн...

— Если она будет хоть на толику верить, что умрет, особенно находясь в таком состоянии, так и случится, — выпалила она, не считая нужным сдерживаться.

Он посмотрел на нее в упор, предельная усталость на лице уступила место удивлению.

Джейн не сразу поняла, что высказала основной принцип магии, который упоминала доктор Низамиева. До сего момента это казалось пустым, безумным утверждением, но на глазах медленно обретало смысл.

— Скажи, очень опасно переносить ее в мою комнату?

— В твою комнату?

— Там ей будет удобнее.

Августин покачал головой.

— Лестница слишком узкая. Мы отнесем ее в палату для выздоравливающих.

Послеоперационная палата выглядела голой и убогой, рациональной с точки зрения врача, но совершенно некомфортной.

— Она заслуживает лучших условий.

Он сжал челюсти и кивнул.

— Посмотрю, может, устроим ее в моем кабинете.

— Хорошо. Тогда займись этим.

Он поднял на нее глаза и несколько мгновений смотрел не отрываясь, а затем вышел.

Кожа женщины выглядела мертвецки бледной, но не из-за того, что та редко бывала на солнце, а из-за большой кровопотери. Приложив руку к верхней части живота пациентки, Джейн ощутила слабый пульс.

На пороге появился мистер Лоуэлл, позеленевший, вероятно, от испуга. Он совсем не похож на человека, способного оказать помощь.

— Ей необходимо согреться, — сказала Джейн. — Вы не могли бы подняться в мою комнату? В шкафу найдете домашний халат.

— По всей видимости, у нее еще будет идти кровь, — заметил мистер Лоуэлл.

— Ничего страшного, — отмахнулась Джейн.

Мужчина посмотрел на пациентку, слотнул и кивнул. Не дойдя несколько шагов до двери, он остановился и вновь взглянул на нее.

— Эту женщину зовут Абигейл Ю. Я рад, что вы вернулись, мэм.

И Джейн осталась с пациенткой наедине.

Абигейл Ю.

Они же учились вместе в школе, поняла Джейн. Теперь, когда весь кошмар позади, у нее есть время взглянуть в лицо Абигейл. Рыжеватые вьющиеся волосы прилипли к мокрому лбу, рот приоткрыт, губы слегка потрескались от эфира. Они не были близкими подругами, Джейн держалась вдали от одноклассниц. Однако несколько лет они провели в одном здании, а чуть больше года назад Джейн даже присутствовала на свадьбе Абигейл. Разумеется, ее пригласили из вежливости, но все же она знала девушку, которая сейчас оказалась ей незнакомой.

Неудивительно, что Каннингемы уехали, не оповестив ее. Вероятно, посчитали, что она занята своей жизнью и не станет утруждать себя прощальными визитами.

Джейн стянула вниз рубашку Абигейл, убрала со лба мокрые волосы. Женщина застонала, повела глазами под закрытыми веками. Джейн взяла в ладони ледяную руку, надеясь таким образом передать ей хоть часть внутреннего тепла.

Скрипнула дверь, и вновь появился мистер Лоуэлл. Джейн жестом попросила передать стеганный халат, они вместе завернули в него Абигейл, стараясь уберечь вещь от крови, но тщетно: та заливала и стол, и помещение в целом.

— Давайте перенесем ее в кабинет, — попросила Джейн.

Мистер Лоуэлл взял женщину на руки и поднял так легко, будто тело ее было не из плоти, а соткано из невесомой

паутинки. Джейн сняла окровавленный фартук и последовала за ним по коридору. Августин уже соорудил подобие кровати из двух кресел и скамеечки для ног с мягкой обивкой. Длина оказалась достаточной, Абигейл устроилась как в люльке. Удалившись, Августин вернулся через несколько минут с теплым одеялом и помог тщательно укрыть женщину.

На непроницаемом лице Джейн заметила легкую настороженность и поняла все, что хотела знать: Абигейл стало хуже. Доктор считал, она умирает, предвидел, что вскоре появится еще один дух, который будет преследовать его.

— Мистер Лоуэлл, после того как уберетесь в операционной, можете прогуляться, проветрите голову. Зайдите куда-то выпить стаканчик-другой.

— Печальное, грязное ремесло, — пробормотал мужчина и вышел в коридор.

Джейн устроилась на подлокотнике кресла рядом с головой Абигейл и провела рукой по ее лбу. Августин стоял рядом и наблюдал за ними обеими. Он тоже снял фартук и почти отмыл руки и лицо, но пах как мясник на бойне.

Джейн словно существовала в двух днях одновременно: сегодня и когда мистер Рентон отправился к праотцам. Сегодня она сидела в кресле и баюкала в руках голову Абигейл Ю, но слышала и разговор о суевериях в холле. Теперь она знала, что означали слова «мел и соль», почему Августин вызвал доктора Низамиеву, когда увидел немыслимо перекрученные кишки Рентона.

— В ее случае тоже виновата магия, Августин? — Ее слабый голос дрожал. — На платье были следы мела?

— Джейн...

— Или у нее была необычная патология? Болезнь? Как у мистера Этриджа или мистера Рентона? Видимо, как у мистера Рентона. Порок развития, нечто, выросшее не на своем месте.

Он размышлял несколько мгновений, потом произнес:

— Не думаю. И мистер Ю ни о чем подобном не упоминал. А подобные вещи известны медицине — эктопическая беременность. Проще говоря, внематочная.

Джейн подумалось, что страшные осложнения может сотворить само тело, будто проведя магический ритуал. Принять такое непросто.

— Разве ты не должен сейчас находиться рядом с мистером Ю? — спросила она, отгоняя мрачные мысли.

— Он ушел, когда я сообщил, что надо оперировать.

Она не поняла сказанного, нахмурилась и подняла взгляд на мужа.

— Ушел?

— Да. Он ушел. И не сказал, вернется ли.

— Он нужен Абигейл. Кто-то обязан оставаться рядом. Как маяк в океане, ориентир... Неужели о такой малости нужно просить?

Августин выглядел опечаленным, опустил голову и уставился в пол, словно не знал, что ответить.

— Тогда это буду я. — Она нашла руку Абигейл под одеялом, переплела пальцы и крепко сжала.

— Для выздоровления потребуется много дней, возможно недель, — произнес Августин.

— Значит, так тому и быть. У меня все равно нет более важных дел.

Через три часа после операции Абигейл Ю была жива. Мистер Лоуэлл приготовил наваристый бульон из рыбьих голов, оставшихся после ужина. Джейн вливала его по капле в рот лежащей женщины, уговаривала сглотнуть и вливала следующую порцию, не отрывая взгляда от носика поильной чаши, бледных губ и двигающегося горла.

Каждые полчаса в кабинете появлялся Августин, измерял пульс пациентки, и Джейн мысленно благодарила его, что он не комментирует ее состояние.

Труд сиделки казался ей ритуалом. Женщины теперь дышали в унисон, хотя и с разной силой, но Джейн чудилось, что и этим она помогает поддерживать жизнь. Велик был соблазн заставить себя верить, что Абигейл выживет и поправится, но Джейн воздерживалась от подобных мыслей. От пустых мечтаний добра не жди, полезнее сосредоточиться на настоящем, пусть происходящее вовсе не обнадеживает.

В клинику приходили и уходили больные. Августин предоставил кабинет в их с Абигейл распоряжение и принимал людей в кухне. Время от времени она слышала, как он нетвердой походкой идет по холлу, а как только ушел

последний пациент и хлопнула входная дверь, до нее донесся протяжный стон мужа. День близился к концу, но Джейн была полна сил, в отличие от супруга. Руки его дрожали, когда они вместе меняли повязку. Он осмотрел швы и заключил, что все идет неплохо и пульс вполне отчетливо различим.

За все время Джейн отошла от Абигейл лишь в уборную и вынести ее судно. Во второй раз она случайно столкнулась в коридоре с Августинном. Они стояли и молча смотрели друг на друга. Муж выглядел бледным и больным. Серьезно больным.

— Поезжай сегодня вечером в Линдридж-холл.

Он скривился в ответ.

— Но миссис Ю...

— Я беру ответственность за ее здоровье на себя, — отрезала Джейн. — Тебе надо отдохнуть. Завтра будут еще пациенты.

Что, если приступ рвоты застигнет его в операционной? Или он лишится чувств во время приема или процедур? Это будет ужасно для всех. Ларрентону нужен хороший хирург.

Ей показалось, что Августин готов возразить.

— Ты боишься?

— Боюсь? — Он нахмурился.

— Призраков. Или встречи с Элоди.

Он побледнел еще больше, что казалось совершенно невозможным. Вдруг у него лихорадка?

— Нет, не боюсь, но вот оставлять тебя здесь одну кажется мне... — Он отвернулся и сжал кулаки.

— Мы договорились в самом начале, что я ночую здесь, а ты там, верно?

Он согласно кивнул и отправился собирать вещи в дорогу.

Августин уехал, не попрощавшись, чему Джейн обрадовалась. Вскоре мистер Лоуэлл принес ей ужин и бульон для Абигейл, а потом закрыл клинику на ночь. Джейн задернула шторы на окнах и устроила рядом с больной лежанку из принесенных из других комнат подушек. Она медленно ела, потом громко читала вслух.

Тишина опустевших помещений, размеренное дыхание женщины — все это умиротворяло. Ей было спокойно одной. Никакой опасности, все просто и понятно. Она спала крепко и проснулась на рассвете. Абигейл была жива.

Мистер Лоуэлл прибыл, когда Джейн уже умылась и оделась. Он открывал помещения, а она вновь устроилась у изголовья Абигейл. Вскоре появился Августин. Открыв дверь, он замер и первым делом взгляделся в ее лицо, лишь после этого пройдя к импровизированной кровати.

Джейн наблюдала, как он измеряет пульс, осматривает повязку и ногтевые пластины — уже не такие бледные, — пытаясь найти подтверждения того, что пациентке стало лучше.

Абигейл еще не пришла в себя, но что-то бормотала и тихо стонала, вероятно при острых приступах боли.

— Ты совершила чудо, — сказал Августин.

И Джейн едва не рассмеялась, но сдержалась при виде его лица. В глазах застыл благоговейный страх, и стало понятно: это была не похвала и не фигура речи. Августин констатировал факт, говорил *о магии*.

— Вовсе нет, — возразила Джейн.

— Иначе она не пережила бы ночь. Здесь не обошлось без магии, о таком мечтает каждый хирург, я сам хотел овладеть этим мастерством, но не получилось.

— Августин...

— Ты вырвала эту женщину у смерти. — Лоуренс склонился к Абигейл и взял ее руку. — Как ты это освоила? Помогли мои книги?

Джейн перевела взгляд на книгу, открытую со вчерашнего вечера. Обычный роман.

— Я ничего не изучала. — Она вновь повернулась к нему. — Ты опять видел следы мела и соли? Что до меня, я лишь проявила заботу и внимание. А еще верила, что она достойна остаться в живых.

Нельзя даже сказать, что она сильно того желала. Или все же?.. Может, важна не только сила воздействия, но и направленность? Накануне вечером она не думала ни о чем другом, кроме выздоровления Абигейл, не позволяла сомнениям поколебать веру. Возможно ли... Нет, конечно, нет.

— Я помню твои предостережения по поводу магии, — прошипела она, подходя к нему вплотную, чуть не нависнув над ним. — Помню о рисках. Почему Линдридж-холл воздействует не только на тебя, но и на меня? Вчера мне все стало предельно ясно.

Он отпрянул, глаза стали круглыми от удивления.

— Нет. — Он поднял руку, будто сопротивляясь. — Нет, я вовсе не имел в виду...

— Лицемер, — выпалила Джейн.

— Ты не можешь винить меня в том, что он существует, тот мир, о познании которого я мечтал, в том, что он реален, — бросил он ей в лицо.

О, она может, очень даже может.

Абигейл вновь тихо застонала, голова ее повалилась на бок — первое движение, если не считать приподнимающейся от дыхания груди.

— Ей нужен лауданум, — заключила Джейн, довольная тем, что можно сменить тему и очистить от энергий противостояния и гнева атмосферу помещения, где женщины должны выздоравливать.

— Только не лауданум: это седативное средство, оно может угнетать дыхание, и без того поверхностное. — Необходимость

принять решение и возразить придала ему уверенность, сделала вновь похожим на хирурга. — Впрочем, можно добавить в бульон отвар коры ивы, это должно помочь.

Джейн кивнула, нехотя отошла от Абигейл и поспешила в процедурную. Августин вышел за ней.

Оглядев полку с лекарственными растениями, она достала горшочек с порошком коры ивы. Августин встал рядом и потянулся к склянке с белой пудрой. Послышался удар ее дна о столешницу, затем звон стекла, когда он открыл крышку. Руки сильно тряслись, значит, ему не лучше.

— Мне необходима твоя помощь, — резко произнес он, как ей показалось, чтобы скрыть неловкость. — Я не могу принимать пациентов в таком виде. Смешай четверть от объема с водой.

— Кокаин*? — Джейн подошла ближе и разглядела этикетку.

— Благодаря ему, надеюсь, смогу продержаться, — Августин глядел на нее совершенно спокойно.

— Разве ты не ночевал сегодня в Линдридж-холле?

— Ночевал, но твое появление, похоже, разозлило духов. Джейн опешила настолько, что отступила на шаг и вытаращила глаза.

— Что? — воскликнула она.

— Они не дают мне побыть в покое, — сокрушенно произнес Августин и потер глаза. — Раньше я мог спать ночью, если это можно так называть. Они мучили меня, но потом уходили, и несколько часов я отдыхал, а потом еще

* Здесь и далее исключительно с целью раскрытия автором творческого замысла упоминаются наркотические вещества, внесенные в РФ в список запрещенных. Ввоз, продажа, употребление и распространение данных веществ преследуются по закону. Употребление наркотических и стимулирующих веществ опасно для здоровья и жизни.

дремал в карете по дороге в город. Но прошлой ночью они устроили нескончаемое шествие.

— И ты винишь меня?

— Но других изменений в доме не случилось. Если повезет, со временем они успокоятся, вернутся на свои места, как птицы, которых спугнули с ветки. Обещай, что ты не будешь приближаться к Линдридж-холлу ради спокойствия нас обоих. И поможешь мне с пациентами.

Она неотрывно смотрела на баночку и представляла, как он вводит иглу в вену. Это лекарство, решение вынужденное и необходимое.

— Ты же видела, с каким трудом я провел операцию миссис Ю. Как измучился.

Он прав. Будь прокляты призраки Линдридж-холла за такую реакцию на ее появление! Они не только заставили ее страдать, но и сделали причиной страданий других.

Возвращайся. Поезжай туда, измени все в корне. Тебе надо навести порядок. Но Джейн не решилась произнести слова вслух.

Августин многого не знал, не умел и боялся пробовать. А ей самой не стоит даже пытаться вмешаться.

И все же, приготавливая раствор для инъекции, наблюдая, как он вводит его в вену, и позже, отпаивая горьким бульоном Абигейл, которая не должна была сейчас жить, Джейн размышляла, нет ли у нее еще какого-то способа помочь.

Вечером, вопреки своим убеждениям, Джейн написала письмо Низамиевой. Она спрашивала, как помочь Августину, как ему прикоснуться к магии и не нарушить неведомые законы, не остаться до конца дней парящим в воздухе. Глаза мужа в то утро, когда он решил, что она совершила волшебство, горели страстью. Он определенно жаждал

продолжения, но что же еще хотел изменить? Малейшей помощи будет достаточно, чтобы подтолкнуть Августина к действию, но она должна быть предметной, содержащей подсказку.

Джейн отправила письмо перед самым приездом Августина из Линдридж-холла. Доктор выглядел опустошенным. После дозы кокаина он принимал пациентов, однако без прежней полной отдачи его работа не казалась безупречной и блестящей. Руки тряслись, он то и дело ронял инструменты, забывал об ожидавшем в кухне человеке, бормотал что-то под нос, обсуждая с самим собой научные гипотезы и неудачи. Помогать людям ему удавалось, по-видимому, лишь благодаря врожденному дару исцеления и хорошему обучению.

Джейн не спускала с мужа глаз, помогала по мере необходимости и ждала, очень надеясь, что ответ из Камхерста придет уже с вечерней почтой.

Однако надежды не оправдались. Августин попросил подготовить для него дозу лауданума, чтобы он смог проспать всю ночь. Она надеялась, что это поможет. На закате он уехал, а Джейн понесла миску с остывшим бульоном в его спальню, ставшую временной палатой для Абигейл. Та пришла в сознание еще утром, не понимала, где находится, но сразу вспомнила свое имя. Цвет кожных покровов улучшился, конечности согрелись. В середине дня Августин с мистером Лоуэллом перенесли женщину в комнату доктора.

Абигейл почти не двигалась, но выпила бульон, а затем вновь провалилась в полусон; лоб все еще морщился от боли, но щеки заметно порозовели. Джейн вышла в коридор, оставив дверь спальни открытой, и потерла ладонями лицо. Она повторяла себе снова и снова, что спасение Августина не входит в ее обязанности, но никак не могла

избавиться от тяжести, появившейся после того, как увидела Августина с пациентом. Может, ему стоит бросить практику и закрыть клинику? Пусть Ларрентон найдет другого хирурга, а этот уедет в Линдридж-холл и будет жить, мучаясь до последнего вздоха. А главное, заболевших, раненых и умирающих будет принимать врач, которому можно доверять.

Предложение чудовищное, но самое ужасное, что Лоуренс может согласиться.

Джейн не заметила, как оказалась напротив двери кабинета. Она вошла и оглядела разложенные на полках диковинки; какие из них увековечили память об умерших магах? Все ли служат постоянным напоминанием о понесенном наказании? Оглушающий стук пронесся по всем помещениям клиники, когда она уже потянулась к ручке.

— Мистер Лоуэлл! Мистер Лоуэлл, сюда, скорее!

Не услышав шагов, она вспомнила, что его здесь нет: он уехал навестить семью, вернется не раньше чем через час, а то и позже. Она здесь одна.

Открывая дверь, Джейн ожидала увидеть окровавленное тело, переломанные конечности с торчащими костями, ребенка с язвами оспы на коже, но перед ней стояла пара без видимых повреждений, но с безумным взглядом.

— С ее сыном беда, — произнес мужчина. — Страшная, страшная болезнь. Она хотела подождать до утра, но его невозможно сюда привезти и он ничего не видит. И его рвет, выходит нечто ужасное. Прошу, скажите, доктор здесь?

Джейн выпрямилась — она должна вести себя достойно.

— Его нет. — Женщина заплакала, а мужчина выругался. Джейн раздумывала всего пару мгновений. — Но я его привезу; пожалуйста, скажите, где больной?

Пока она надевала плащ и шляпу, они объяснили, как проехать к ферме.

— Задержитесь здесь на час, если можете. — Ум напряженно работал. — Передохните, поешьте. Скоро вернется помощник доктора, отвезет вас на ферму, посмотрит, чем сможет помочь.

Они согласно закивали, и она провела их в кухню, где сразу поставила на плиту чайник. Нервы будто оголились, их коснулся вспыхнувший внутри огонь, чувства не удавалось сдерживать. Джейн побежала вверх по лестнице проверить Абигейл. К счастью, женщина крепко спала, что придало Джейн сил. Затем она поспешила к соседу, который возил Августина в Линдридж-холл и обратно, и заплатила ему, попросив проделать путь еще раз. Она поклялась себе никогда больше не приближаться к поместью, но иного выхода нет — жизнь человека висит на волоске. Да и чего ей бояться?

Дорога подсохла, и они довольно быстро выехали из города и стали подниматься в горы. Даже внутри кареты Джейн озябла, плотнее запахнула плащ и принялась размышлять, как встретит ее Линдридж-холл. В ясном ли сознании Августин или в наркотическом дурмане? Одолевают ли его призраки? Набросятся ли на нее, как только она переступит порог?

Лошадь замедлила ход, и вскоре карета остановилась. Джейн вышла и дала вознице еще несколько монет, попросив подождать полчаса. Присутствие постороннего человека, как ни странно, придавало уверенности, и она спешно пошла по дорожке сада, полного мертвых растений, стараясь не думать о нарастающем внутри парализующем страхе. По мере приближения к входу внутренний холод заполнял все ее тело, но она старательно переставляла ноги, не сбавляя темп. Дверь открылась, стоило толкнуть ее, как и в тот вечер с грозой.

Горел свет. Люстра отбрасывала тени. Однако дом казался неживым, Августина тоже не было. Джейн решила

окликнуть его, открыла рот, но звуки застряли в горле. Пожалуй, не стоило кричать: от того, кто мог ответить, делалось еще страшнее.

Джейн поднялась по лестнице и направилась в кабинет мужа. Она шла медленно, прижав руки к груди, будто могла унять бешеное биение сердца, и оглядываясь по сторонам, выискивая глазами тени с вытянутыми головами или мелькнувший за углом край ночной рубашки. С ее отъезда ничего не изменилось. Призраки появлялись после полуночи, в другие часы только в подвале; еще хватало времени до того момента, как за окнами начнет сгущаться непроглядная тьма. Внезапно ветер усилился, от его порывов застонали стекла в рамах.

Дверь кабинета была закрыта, как и в день свадьбы, но сейчас Джейн не раздумывала, не звала мужа и не стучала, а распахнула ее и вошла.

Августин лежал на низком диване и даже не пошевелился. Всему виной лауданум. Страх и усталость заставили его принять дозу, вероятно, сразу, как он сел в карету или переступил порог особняка.

Она встала перед ним, сжала плечо и с силой тряхнула. Августин застонал, веки дернулись, но он не проснулся.

— Августин, — произнесла Джейн. — Августин, вставай.

— Уходи, — протянул он едва слышно.

— Ты нужен пациенту! — прокричала она ему в ухо.

На нее давили книжные шкафы у стен. Казалось, они склонились, окружили их и разглядывали. Перед глазами возникла ясная картина идущей по лестнице Элоди. Кровь капала с ее рук и одежды, образуя лужи на полу, они становились все больше...

Внизу хлопнула входная дверь. Джейн отпрыгнула от Августа и вскрикнула. Это помогло Августину прийти в себя, он сел, скользнул по ней взглядом, явно не понимая,

что происходит. Затем повернулся и посмотрел прямо ей в глаза.

— Нет, — пробормотал он, — ты мне снишься. Тебя здесь нет. Ты знаешь, что приходить сюда не надо.

— Несчастье с мальчиком на ферме Торнделла, — произнесла Джейн, взяла мужа за руки и попыталась поднять. Она поддался и побледнел еще сильнее. — У него рвота, он ослеп. Ты должен ехать, Августин, как можно быстрее.

Карета ждет внизу, но кучер не знает, что происходит. Если в ближайшее время никто не выйдет, он уедет, и мальчик останется без помощи врача до самого утра.

— Эта ферма рядом с Мербеками, — произнес Августин и нахмурился. Он стоял на ногах, немного пошатываясь. — Я же недавно там был.

— Тебе надо ехать. Сколько лауданума ты принял?

— Я в порядке, — заявил он, хотя выглядел совсем иначе. — Если это то же самое, ребенку срочно нужна помощь. — Он посмотрел на нее выразительно и пылко, хотя глаза еще оставались мутными. — Где мистер Лоуэлл?

Хорошо, что он может передвигаться и говорить. Джейн вывела мужа в коридор, потом помогла спуститься по лестнице. Свет над их головами мерцал, будто грозил погаснуть.

— Он навещает родных. Я освободила его от работы на вечер. Должен скоро вернуться, мать мальчика ждет его в клинике, но прежде всего им нужен ты.

На площадке третьего этажа мелькнули тени. Джейн огляделась и увидела несколько за спиной. Фигуры еще не появились, но это вопрос времени.

Необходимо скорее добраться до выхода. Августина может стошнить в карете из-за того, что он покинул дом так спешно, но все же она доставит его на ферму Торнделла. А там станет его руками, если только его разум будет способен работать.

Входная дверь не поддавалась ни ей, ни Августину.

— Когда я приехала, она была открыта.

— Не знаю, я этого не делал...

Тень выросла из подвала и набросилась на них внезапно. Джейн вскрикнула от ужаса и отшатнулась, Августин помог ей устоять.

— Надо добраться до кухни, — неожиданно твердо произнес он, понизив голос. Его рука в ладони Джейн задрожала, но он потянул ее к двери под лестницей, ведущей в переднюю гостиную и столовую. — Я... я начерчу защитный круг, это даст нам время подумать. Идем скорее.

— Опять магия? Ты собираешься применять магию?

— Разве мы можем обезопасить себя по-другому? Я готов терпеть их глумление, но они могут напасть на тебя. Умоляю, Джейн.

И они вдвоем побежали в кухню.

Пустое и темное помещение. Новые запахи и предметы. С потолка свисали пучки засушенных трав, местами почти касаясь головы.

— Мел и соль, — бормотал Августин. — Мел и соль.

Он выпустил ее руку и стал лихорадочно перебирать содержимое ящиков.

Джейн прошла дальше и похолодела. На столе лежал черный, потрескавшийся от огня саквояж доктора.

— Где же эта чертова соль?! — выкрикнул Августин, захлопывая очередной ящик.

У них почти не оставалось времени; в холле один за другим стали гаснуть огни. Августин открыл следующий ящик и внезапно замер.

— Джейн, — прошептал он и повернулся к двери. — Джейн, ты это слышишь?

Она ничего не слышала.

— Мистер Рентон, — прошептал он и попятился. — Ты слышишь его голос? Он кричит, умоляет, я слышу каждый звук. Джейн. Джейн.

Она взяла мужа за руку, привлекла к себе и потянула в центр помещения. Она ничего не слышала, но в следующую секунду закричала сама. Перед ней выросла фигура, на удивление реалистичная, не зыбкая или похожая на тень, но странной формы. Голова с шляпой в форме полумесяца заполнила собой дверной проем. Августин тихо застонал. Он пытался держаться, но его охватывала сильная дрожь. На пороге появились еще три фигуры, каждая значительно выше человеческого роста, все непропорциональные, с полумесяцем на голове и плоскими лицами без черт. Они не приближались, просто стояли и смотрели. Наблюдали.

— Мистер Рентон, — прошептал Августин. — Мистер Рентон, мальчик Мербеков, мистер Этридж. Все они здесь. Пожалуйста, простите меня...

Джейн сжала его запястье и помогла удержаться на ногах, когда он начал сползать на пол.

— Нет, Августин, — шепотом возразила она. — Это совсем не они.

— Ты только посмотри!

— Августин, это не то, что ты думаешь. Это не твои пациенты, а нечто совершенно иное. Совершенно.

Он повернулся, окинул помещение безумным взглядом и внезапно замер. Глаза его изменились, он выругался и взял ее лицо в ладони. Она попыталась вырваться, но он сжал крепче и впился в нее взглядом.

— Джейн, посмотри на меня.

Она мотнула головой, освобождаясь.

— Один из нас должен за ними следить.

Августин переместил руку ей на горло, в точности так некогда держала ее Элоди. Надавив большим пальцем

на точку, в которой прощупывался пульс, он принялся считать, шевеля губами. Голова Джейн закружилась, она попыталась дернуться. Он отпустил ее так же внезапно и попятился к столу за спиной. Раздался щелчок, и ей стало ясно, что открылся саквояж.

Глаза ее резко распахнулись. Это определенно сумка, которую миссис Лутбrait решила выбросить. Только с чистыми и блестящими, совершенно неповрежденными боками. Может, это саквояж Винга, который потерялся в доме? Августин разительно изменился, сейчас он выглядел так же, как в операционной, — рассудительным и сосредоточенным.

— Положи его, — произнесла она, отступая на шаг, и покосилась на тени. — Августин!

— Почему ты мне не рассказала? О головных болях, усталости и тошноте? Понимаю, я сам виноват в том, что ты мне не доверяешь по многим поводам, но это, Джейн, ты не должна была скрывать. — В руке он держал что-то еще, но в полумраке не удалось разглядеть, что именно. Сейчас она видела перед глазами только ланцет и тень.

— Августин, уверяю, со мной все хорошо. — Да, у нее иногда болит голова, но это связано со стрессом, не с болезнью. — У нас нет времени, прошу, соберись!

— Таково течение лихорадки, — приглушенно произнес он, голос при этом стал мягким и ласковым, будто он говорил, поглаживая лошадь. — Тебе кажется, что все хорошо, уже становится лучше, но это не так. — Он запнулся и помолчал. — Несколько дней иллюзии выздоровления, а потом скорый конец.

Он описывал болезнь, унесшую жизнь Элоди. Джейн затоснило, когда она вспомнила, как порезала скальпелем палец. На кончике до сих пор остался след — едва заметная розовая полоса. Винг тогда сказал, что к сумке опасно прикасаться. Винг сказал...

— Августин, все в порядке, — сказала Джейн и перевела взгляд на фигуры. — Утром сделаем анализы, — уверенно добавила она, стараясь не поддаться панике. — Но, Августин, посмотри на тени!

— Для меня здоровье жены важнее магии и призраков, — отозвался он, но не повернулся к ним, не отвел от нее взгляд.

— Вспомни о ферме Торнделла. Нам надо выбраться из дома. Все остальное подождет.

Он медленно убрал ланцет в саквояж и закрыл замок.

Джейн повернулась к неподвижным существам. Отчего-то стало не по себе — она спешно опустила голову. Из всех сил она пыталась справиться со своим состоянием и даже не обратила внимания, как Августин встал у нее за спиной.

Она вышла из ступора, лишь когда он зажал ей рот и нос куском смердящей ткани. Джейн подалась вперед, пытаясь вырваться, но Августин другой рукой крепко обхватил ее и прижал к груди. Будучи на несколько сантиметров ниже ростом, Августин определенно превосходил ее по силе. Джейн запрокинула голову в отчаянной попытке схватить ртом свежий воздух, но эфир уже проник в дыхательные пути, оставив сладковатый привкус на языке и задней стенке глотки. Сознание затуманилось, обрывками стали всплывать воспоминания и образы, но не Августина в залитом кровью фартуке. Она видела себя сидящей на коленях матери, ожидающей, когда кончится атака. Отравляющий газ намного хуже жгучего эфира, он более едкий. Она вспомнила, как морщила нос, не понимая, что происходит, когда он клубился по полу вокруг маминых ног. Но мама хорошо понимала. Она громко позвала отца Джейн и поднялась с места, несмотря на то что подвал дома сильно сотрясся. Потом подняла верхнюю юбку и накрыла ею дочь. *Дыши неглубоко, милая, неглубоко.* Она повторяла слова снова

и снова. Но у маленькой Джейн не получалось дышать поверхностно. Сейчас она отчетливо ощутила страх, который испытывала той ночью в подвале дома, пол которого ходил ходуном от бесконечных залпов орудий. Джейн принялась вдыхать часто и неглубоко, но ощущала во рту тот же сладковатый обжигающий вкус.

Здесь тени, нельзя терять сознание. Собрав силы, Джейн ударила Августина пяткой по ноге, но на ней была обувь с мягкой подошвой, поэтому он лишь хмыкнул и прижал тряпку к ее рту плотнее.

— Прости меня, — прошептал он ей на ухо. — Но я не могу потерять и тебя.

Перед глазами темнело, легкие горели, не позволяя закричать. Призраки любили глумиться над Августином и придумали себе новую забаву. Она бы ему все объяснила, если бы он только отпустил ее.

Мир постепенно отдалялся, а Джейн погружалась в яму небытия. Картинка перед глазами тускнела. Тело обмякло, и Августин подхватил ее на руки.

— Я здорова, — произнесла она, напрягаясь из последних сил, но губы саднило, говорить было больно. Неужели их сжег эфир?

— У тебя глаза пожелтели, — ответил муж.

Он прислонил ее к столу, и обгоревший саквояж коснулся ее живота. В нос ударили запахи огня и дыма. Саквояж горел. Его хотели сжечь. В нем не могло быть склянки с эфиром.

Августин вновь взял ее на руки, и голова Джейн безвольно откинулась назад. Она хотела положить ее на плечо мужа, но тело не слушалось.

— Начинается кровотечение из носа.

Она ощущала лишь пену на губах, появившуюся из-за газа.

— Скоро начнется рвота черной массой, и я уже ничем не смогу помочь.

— Нет, — прошептала Джейн. — Со мной не случится того, что с Элоди. Августин, умоляю, поверь, это сделали призраки. Они обманывают тебя.

— Какие призраки?

Она застонала, опустила веки и прижалась к нему лбом. Августин сделал шаг. Он ступал тяжело, шел неуверенно, пошатывался, но Джейн даже в таком состоянии понимала, что они выходят из кухни. Их окутала тьма, но это не оставило мужа.

— Я не болела неделю назад, здорова и сейчас. Августин, они запутали тебя, исказили видение.

Удивительно, но силы возвращались — действие эфира ослабевало.

— Джейн, дай мне шанс помочь, я не хочу потерять тебя, как Элоди.

Они добрались до островка света и получили передышку от давящей темноты. Огни вели их в холл, куда Августин без колебаний и направился. Восторг быстро улетучился, когда она осознала, что он идет в крипту.

— Августин, остановись. Умоляю, не ходи туда.

— Это жар заставляет тебя так говорить, — бормотал он, совсем как одержимый.

Дверь в подвал оказалась открытой. Свечи в канделябрах на стенах из белого камня освещали их путь вниз.

Джейн сопротивлялась из последних сил, но не смогла освободиться, и Августин, пройдя под арочными сводами в первое помещение, положил ее на каменный стол. Спине мгновенно стало холодно, твердая ледяная плита, казалось, намеревалась вытянуть все тепло и силу тела до последней капли. Джейн извивалась, не хотела сдаваться, пыталась сесть. Стоило ей приподняться, Августин вновь прижал к ее

лицу пропитанную эфиром тряпку. Она выгибалась всем телом и сопротивлялась до тех пор, пока не обмякла.

Непонятно, стали новые ощущения благословением или проклятием, но страх и паника в душе затихли. Голова покорно опустилась на холодный камень, Джейн вытянулась и немного успокоилась: призраков не видно, как и Элоди. Неужели ей изначально было суждено испытать все это?

Августин поставил саквояж на стул Элоди, и Джейн перевела затуманенный взгляд на него, на извлекаемые оттуда инструменты для кровопускания и скарификатор. Сжав ее руку, он потянул ее к полу.

— Остановись, Августин, — взмолилась Джейн, наблюдая, как он закатывает рукав платья, и пошевелила пальцами ног, проверяя реакцию.

Муж ее не слушал. Он вел себя как настоящий врач — мягкий, тактичный, но уверенный и твердый. Опыт позволил преодолеть страхи и тревоги. Августин поднес инструмент к вене на сгибе руки со спокойным, даже умиротворенным видом. Раздался скрип, и прибор разрезал кожу тремя идеальными линиями. Джейн слабо всхлипнула. Капля за каплей густая кровь потекла на гладкий камень, в воздухе появился тошнотворный запах.

На этот раз ее крови.

Джейн отчетливо ощущала запах и липкость. Все в крови — под ней, на столе и на Августине. Совсем недавно здесь, на ее месте, лежала Элоди с вскрытой грудной клеткой.

— Было бы легче, если бы ты стояла, — неожиданно произнес Августин. — Но я не должен тебе доверять, ты едва ли будешь послушной без эфира, а под его воздействием можешь упасть.

— Августин, пожалуйста, — прошептала она. На этот раз пальцы ног шевелились активнее. — Там карета... снаряды. Если откроем дверь, сможем вернуться в клинику.

Августин освободил руки, подошел к ее голове и принялся измерять пульс.

— На это нет времени, Джейн. И холод крипты тебе сейчас полезнее. Лучший способ борьбы с этой лихорадкой — сделать тебя слабее. Болезнь процветает в человеке сильном. Потому и забирает лучших из нас: портовых грузчиков, солдат, атлетов. Она забрала Элоди. Джейн, ты ведь очень сильная, неудивительно, что она выбрала тебя.

— Я не больна, — отчетливо произнесла Джейн, глядя прямо ему в лицо.

Августин провел рукой по пряди ее волос, в глазах мелькнуло сострадание.

— Люди возвращаются к работе, решив, что выздоровели полностью. Затем начинается рвота. И они падают замертво еще до полудня. — Он склонился и прижался лбом к ее лбу. — Прощу тебя, пойми. У Элоди появились небольшие симптомы еще до того, как я уехал в охотничий домик. Через неделю ее не стало.

Они оба физически ощущали, как тяжел и велик его стыд. *Стыд*. Чувство захватило его, влияло на все, что он делал.

Внезапно Джейн показалось это важным, разум неспроста уцепился за мысль. Но по мере того как кровь вытекала из вены, думать становилось все труднее.

Августин доставал из саквояжа инструменты, которые она точно не мыла: зажимы, пилы и прочие, используемые при вскрытии тела.

— На всякий случай, — произнес он, перехватив ее пристальный взгляд. — Я должен быть готов ко всему.

Он и ее сердце готов взять в руки, чтобы она умирала в муках?

— Нет. Нет-нет. Я не больна, я... я... Умоляю, не делай мне больно!

— К счастью, мы заметили болезнь на ранней стадии, любовь моя. Я стараюсь все предусмотреть. Боюсь, следующее средство понравится тебе еще меньше — хлорид ртути, он очистит твое тело.

Нет. Еще немного, и она погибнет.

Джейн перевела взгляд на дверной проем — никаких теней и фигур, способных перегородить путь. Необходимо заставить себя встать и бежать прочь. Она должна быть наверху, чтобы их разделяла запертая дверь подвала.

Джейн уперлась свободной рукой в стол и оттолкнулась, одновременно поджав ноги. Ей удалось сесть. Августин не заметил — он сосредоточенно перебирал флаконы в саквояже. Доносившийся перезвон заглушил ее шумное дыхание. Джейн зажала рукой рану, спустила ноги на пол и осторожно встала. Она почти добралась до лестницы, когда муж наконец отыскал нужную склянку и поднял голову. Выругавшись, он нашел ее глазами, поставил на стол пузырек и неожиданно проворно бросился за ней.

Пронзительно закричав, Джейн побежала по лестнице, дальше по коридору к тяжелой двери. Захлопнула, надавила, прижавшись всем телом. Ключи, где же ключи? Она держала ключи. Одна дуга в косяке, за которую цеплялся замок, сорвалась.

— Джейн! Джейн, открой дверь! — Августин бился в нее с обратной стороны. Ей едва удавалось устоять, ноги скользили по полу, и она ухватилась за дверную раму.

— Прости, Августин, — сказала она и, закашлявшись, согнулась пополам. Легкие горели от долгого воздействия эфира. Поперхнувшись, она несколько раз глубоко вздохнула. В спину ударили толчки в дверь.

— Джейн, пожалуйста!

— Со мной все хорошо, — прошептала она. Силы иссякали. Картинка перед глазами расплывалась и почернела

по краям, сохранять вертикальное положение становилось все труднее. Скользя по двери, она стала оседать. Оглядела рану, из которой понемногу сочилась кровь. Ах, если бы связка была с ней! Силой воли удалось бы повернуть ключ в замке. Джейн всхлипнула, ощутив очередной толчок. Затем стало тихо. Она отдалялась от мира, хотя, кажется, слышала отголоски собственного имени, шаги вниз по лестнице, истошный крик, после которого и потеряла сознание.

Джейн проснулась ранним утром одна от раската грома. Резко села и поморщилась от боли в голове, потянулась, приложила к ней руку. Через несколько минут полегчало, она огляделась и поняла, что до сих пор находится на полу у двери в подвал. Августин не добрался до нее, не уложил на каменный стол, не сделал больше ни одного разреза на теле. Опираясь на дверной косяк, она медленно поднялась, но вскоре обнаружила, что ладонь ее лежит не на косяке, а на стене из белого камня. На месте двери в подвал со множеством замков, в том числе висячим, теперь красовалась гладкая стена из того же камня, что в крипте.

Джейн отступила на несколько шагов и оглядела холл. Остальные двери не изменились, как и стены. Но все стало... неуловимо другим.

Главное, исчезла дверь, за которой находились каменный пьедестал, доктор и Элоди.

Джейн приблизилась, неуверенно положила ладони на поверхность каменной стены, а потом прижалась щекой и позвала шепотом:

— Августин.

Звуки рыданий эхом разносились в пространстве, ограниченном каменной преградой.

— Августин! Августин, это я! — Она заскребла поверхность ногтями.

Дверь так и не появилась, но с той стороны, издалека, до нее донеслись звуки голоса мужа, полные страданий и боли.

«Ты в безопасности. Ему до тебя не добраться», — убеждал внутренний голос, но Джейн старалась его не слушать, ведь Августин сам не осознавал, что делал, его околдовали. Джейн мечтала лишь вывести его из дома, потом он поймет, в какую опасность попали они оба.

Как случилось это невозможное преобразование? Очередная выходка духов? Или Элоди решила свести счеты, потеряв власть над Августином?

Дрожа от ужаса, Джейн еще раз оглядела место двери в стене, не представляя, что это для нее значит. Здесь не стоит оставаться. Разумнее позвать на помощь.

За стенами Линдридж-холла бушевала гроза. Ветер завывал и бился о камни, скрипели оконные рамы. Джейн шла через холл, пространство которого, казалось, дышало, словно единый организм. Дрожащими пальцами потянула щеколду в сторону — она поддалась, дверь открылась. Сильный порыв ветра пытался выбить ее из руки, но Джейн держала крепко. Кареты, разумеется, уже нет, расплылся даже след от колес. Интересно, отправит ли мистер Лоуэлл экипаж на ее поиски? И сколько его ждать? А потом к кому она может поехать? К доктору Низамиевой? Потребуется не меньше суток, чтобы добраться до Камхерста, а ответов можно и не получить. Кроме того, сейчас нельзя ехать в Камхерст. Джейн вспомнила о мальчике на ферме Торнделла, и стало так стыдно, что сжалось сердце. Возможно, он сейчас умирает в одиночестве и страхе. Ему необходим врач — Августин. Но она не может предоставить ему

врача и даже мало-мальски разумное объяснение причины. Мальчик умрет, потому что она вернулась в Линдридж-холл, вина целиком ляжет на нее.

Джейн плакала, вытирая слезы с опухшего лица, когда внезапно увидела на склоне холма две женские фигуры, укрывавшиеся куском местами порванной промасленной ткани. Миссис Перл и миссис Лутбрайт. Джейн забежала обратно в дом, взлетела по лестнице, не сбавляя темп, добралась до спальни и крепко закрыла за собой дверь. Стараясь отдышаться, она размышляла, почему женщины здесь в такую грозу. Из-за них не удастся разобраться с возникшей проблемой и дверью в подвал.

Дрожащими руками она смыла засохшую кровь с руки, а затем раскатала рукав платья, чтобы скрыть три коротких надреза на сгибе. Что она им скажет? Как объяснит свое появление и отсутствие доктора?

И еще: как удалось открыть дверь, которую запечатали эти невозможные призраки?

Джейн сползла на пол у кровати, обхватила поджатые к груди ноги и тихо застонала. Из труб в ванной комнате донесся будто порожденный эхом схожий звук. Августин, которого поглотил этот проклятый дом. Несчастный, напуганный, страдающий Августин.

Но он мог бы убить тебя. Большая удача, что удалось сбежать и дверь исчезла.

И все же легче ей не становилось. Невозможно не тревожиться за мужа.

Джейн легла на живот и поползла в ванную комнату, где прижалась ухом к трубе.

— Августин, — прошептала она. — Поговори со мной, Августин. Скажи, где ты? Как мне найти тебя?

Металлические конструкции завибрировали, потом заскрежетали. Снизу отчетливо послышался женский крик.

Джейн поднялась на ноги, вышла в коридор и дошла до лестничной площадки, откуда проглядывался холл.

— Основной! — кричала снизу миссис Лутбrait. — Перекрывай основной вентиль!

Порыв ветра распахнул входную дверь, дождь хлестал, струи его, теперь горизонтальные, проникали прямо в помещение.

Джейн заметила, как мелькнул кусок юбки, и услышала ответный крик миссис Перл.

— Не поддается!

— Сильнее! Поворачивай сильнее!

Не раздумывая, Джейн бросилась вниз. Борясь с ветром, она подбежала к стоящей у входа миссис Перл. Та отчаянно старалась повернуть металлическое колесо. Вдвоем им вскоре это удалось — воду перекрыли. Затем женщины побежали в кухню, на победный клич миссис Лутбrait, стоявшей, как оказалось, посреди помещения по щиколотку в воде из-за прорвавшейся у раковины трубы.

— Милосердный Создатель, — выдохнула миссис Перл и запнулась, увидев предостерегающий жест кухарки. — Думаете, дело в грозе?

— Не знаю, — отозвалась та и повернулась к Джейн.

— Миссис Лоуренс! Доктор о вас не предупреждал.

— Его нет. Чрезвычайная ситуация, — произнесла Джейн, не успев себя остановить.

— Конечно-конечно. Благодаря вам ему есть чем гордиться. — Миссис Перл улыbnулась и покосилась на миссис Лутбrait, выбиравшуюся из воды с хмурым лицом.

— Ну, теперь и у нас чрезвычайная ситуация. Водопроводной воды не будет, пока не пригласим из города мастера.

— Разумеется. Я могу помочь?

— Не мешайте и ждите, пока утихнет гроза.

Джейн оторопела и поспешила удалиться в кабинет, откуда просматривалась дорога. Наблюдая за бурей за окном, Джейн мечтала, чтобы это оказался лишь страшный сон и она могла бы сейчас проснуться. Только ночной кошмар, иного объяснения нет. Стена с дверью не могла превратиться в каменную. Голос не мог быть заточен в водопроводных трубах. И все же...

Джейн стояла на том же месте у окна и два часа спустя, когда на подъездной дороге показался всадник — широкоплечий мужчина в шляпе. Стены внезапно стали давить на нее. Это же *мистер Лоуэлл*.

Кажется, через мгновение она спустилась и прижалась ухом к тому месту, где находилась дверь в подвал. Пальцы царапали поверхность на границе камня с деревянными панелями стен холла, теперь без малейшего зазора. Джейн вновь нашептывала просьбу, будто заклинание. Стена не двигалась с места. Джейн так хотела проникнуть в подвал, что даже задумалась о магии.

— Августин, ты им нужен, — шептала она, уже слыша скрип петель входной двери. — У меня не получается, не получается...

— Миссис Лоуренс! Сюда, скорее!

Она словно потерялась во времени и пространстве.

Поежившись, Джейн нехотя отошла от стены. Собрав всю волю, попыталась придать лицу спокойное и отстраненное выражение — так она старалась себя вести, когда впервые увидела мистера Рентона.

Все зря, тогда у нее плохо получилось. Джейн направилась к входу навстречу судьбе.

Мистер Лоуэлл раскраснелся, будто всю дорогу от города проскакал он, а не лошадь. Несчастное взмыленное животное, между прочим, осталось на улице в непогоду. Миссис Лутбрайт вышла, чтобы дать лошади сена, однако

удостоилась не ее внимания, а лишь раздраженного топания копытом. Мистер Лоуэлл, в свою очередь, смотрел только на Джейн и так же не замечал стоящую поодаль миссис Перл.

— Где доктор? Он очень нужен.

— Чрезвычайная ситуация, — ответила горничная словами Джейн, и та смогла лишь кивнуть в подтверждение, понимая, что голос ее подведет.

— Но его нет в Торнделле, — выпалил мистер Лоуэлл и взглянул наконец на миссис Перл, словно намеревался направить свой гнев на пожилую женщину. Та попятилась и нахмурилась. — Миссис Лоуренс, прошу вас, мальчику хуже с каждой минутой.

Джейн чувствовала, как затряслись губы. Что она могла сказать? Какое найти оправдание врачу, когда речь идет о жизни ребенка?

— Его здесь нет, — пролепетала она.

Дом издал гулкий стон.

— Его нет, — повторил мистер Лоуэлл. — *Его нет?*

— Он уехал еще вчера вечером. — Пальцы сжали ткань юбки. — Мне неизвестно куда.

Мужчина тихо выругался.

— Тогда остаетесь только вы, мадам.

— Что? — Джейн отшатнулась и побледнела.

— Я один не справлюсь, а вы тоже из клиники Ларрентона.

— Я не врач. — Она повернулась к миссис Перл, ища поддержки, но та уверенно закивала, а за ней и миссис Лутбrait.

— Но вы справитесь, — уверенно сказал мистер Лоуэлл.

— Вам известно лучше меня, что...

— Мое дело — переносить больных, — перебил ее мистер Лоуэлл. — И убирать в операционной.

— А мое — вести учет!

— Ребенок при смерти, миссис Лоуренс. Мы должны попытаться. *Обязаны.*

Соппротивление казалось слабым, а главное, бесполезным. Она закрыла лицо руками и опустила голову. Надо дышать глубоко и ровно, думать о мистере Рентоне и необходимости сохранять стойкость. Впрочем, следующим утром он скончался.

Но она спасла Абигейл. Она выживет — обе женщины это понимали.

Что ж, если необходимо, если иного выхода нет... Джейн подхватила шляпу, висевшую у входа. Видимо, ее повесили туда после того, как нашли в кухне. Вздвогнув от легкого запаха эфира, который еще сохранился на ткани, Джейн спешно водрузила ее на голову. Миссис Перл вручила ей дождевик Августина из промасленной ткани. Вскоре она покинула Линдридж-холл, сидя на лошади за спиной мистера Лоуэлла. Им обоим с трудом удавалось удержать равновесие, когда лошадь раздраженно шарахалась из стороны в сторону.

Джейн радовалась тому, что удалось выбраться из поместья. Пришло облегчение, а за ним ощущение покоя, и она с трудом сдержалась, чтобы не прижаться к широкой спине мистера Лоуэлла. Лошадь с трудом шла вперед по размытой дороге, размеренный шаг окончательно успокоил нервы. Да, она не врач, даже не медсестра, но непременно что-то придумает и сможет помочь. Абигейл — тому доказательство.

Мальчик лет десяти лежал у очага на свернутых одеялах. Он покрылся испариной, щеки покраснелись. Заметив в дверях мистера Лоуэлла и Джейн, мать подхватила и вынесла керамический таз с маслянистыми темными рвотными массами.

— Доктор Лоуренс здесь, — шепнула она сыну и погладила по мокрым волосам. — Теперь все будет хорошо, просто лежи спокойно.

У Джейн кольнуло сердце.

Мистер Лоуэлл уже снял шляпу и теперь нервно покручивал ее в руках.

— Мне жаль, мадам, но доктор Лоуренс не приехал. — Он потупил взгляд. — Должно быть, с ним что-то случилось по дороге, о нем нет вестей с прошлого вечера, мы не можем его найти.

Похоже, мистер Лоуэлл придумал за нее оправдание, пока они ехали. Она должна быть благодарна, но вместо этого ощущала боль, словно внутри зияла рана.

— Не можете найти? — воскликнула женщина.

Джейн слотнула и оглядела мальчика.

— Я приехала вместо него, чтобы помочь вам, — прозвнесла она. — Я... у меня есть опыт.

«Совсем небольшой», — прошептал рациональный ум.

Джейн подошла ближе, из-под одеяла появилось костлявое плечо, покрасневшее и с мелкими волдырями. Потянувшись, она провела рукой по коже, из-за сыпи похожей на наждачную бумагу. Сильный жар. Мальчик вздрогнул от ее прикосновений.

— Надо убрать его от огня, — сказала Джейн.

Мать помотала головой.

— Нет, у него ведь озноб.

— У него лихорадка, он перегрелся.

— Пропотеть — лучший способ избавиться от лихорадки, который я знаю, — заключила мать.

У Джейн так мало знания и опыта, что она не стала спорить.

— Скажите, что он ел? Что пил?

— Ничего.

Женщина стояла в дверях, собираясь вынести таз, но не хотела оставлять сына наедине с незнакомкой. Положение спас мистер Лоуэлл: он осторожно взял таз и вышел на улицу.

— Пожалуйста, расскажите все, что знаете, и очень подробно, — попросила Джейн.

— Пурпурная лихорадка, — ответила женщина. — По словам доктора, пурпурной лихорадкой страдал Бен Мербек, а теперь мой Оррен.

Бен Мербек. Будь они в клинике, она непременно бы изучила записи Августина и его рекомендации мальчику. Старательно скрывая дрожь, она отошла к двери, где стоял саквояж. Может, мистер Лоуэлл захватил и записи Августина?

Джейн присела и открыла кожаную сумку, юбки легли на утрамбованный земляной пол.

Выстроенные в ряд склянки с надписями, сделанными аккуратным почерком Августина. Джейн достала их все и выставила в ряд. Ей нужны блокнот или бумаги. Ах, вон они, на самом дне! Целая пачка!

Она схватила их и впиалась глазами в каракули, которыми он позволял писать заметки, предназначенные только для самого себя.

Сердце внезапно сжалось. Его записи. Его почерк.

Мальчик за спиной захныкал. Мать взяла его на руки и принялась укачивать. Джейн напомнила себе, что должна искать способ помочь ребенку, а не просто сопереживать. И тут почувствовала, что на нее смотрит не одна пара глаз, а несколько. Оглядевшись, увидела дверь во вторую комнату небольшого домика фермера, из-за которой высовывались несколько детских голов. Вероятно, там стоял и отец Оррена.

Вернулся мистер Лоуэлл и протянул таз женщине. Очень вовремя: тело ее сына как раз начало сотрясаться от позывов.

Джейн перевела взгляд на листы. Похоже, мистер Лоуэлл наспех собрал то, что увидел на столе доктора.

«*Мербек, Мербек*», — бормотала она, гадая, как пишется имя, пытаясь выискать в этих кривых строчках нечто полезное. Ничего не нашлось, и она решила искать словосочетание «рвотные массы». Опять ничего. Внезапно взгляд выхватил самое длинное слово на четвертой странице — гиперемезис. Корявые буквы будто пульсировали. Она знала это слово. Джейн нахмурилась, читая содержащий его абзац.

Вот. *Мербек*. Нашла!

Если бы Винг тогда не использовал этот термин...

Времени на эмоции не оставалось. Облегченно выдохнув, Джейн прочитала страницу от начала до конца, не забыв похвалить себя за то, что внимательно отнеслась к расшифровке всего написанного в блокноте личных расходов Августина, что узнала о болезни Элоди, — это тоже могло сейчас пригодиться.

Вот и перечень симптомов: жар, рвота, мелкоточечная сыпь. Следует убедиться, ведь рекомендованные меры пугали. Прежде чем подвергнуть ребенка испытанию, надо быть уверенной, что Августин видел раньше именно эти признаки. Сжав в руке листок, она подошла и присела напротив матери с мальчиком на руках.

— Оррен, можешь открыть рот?

Он смотрел перед собой остекленевшими глазами.

— Он вас не слышит, — ответила мать и всхлипнула. Затем взяла сына за подбородок и опустила челюсть.

Джейн подалась вперед, но света из окна не доставало, а в очаге лишь тлели угли. Нужный ей симптом будет трудно разглядеть. Джейн переместилась, сокрушаясь, что в хижине нет газового освещения. Это ферма, а к ним еще не подвели газ. Повертев голову ребенка из стороны в сторону,

она наконец увидела то, что искала, — отчетливые красные и белые полосы на задней стенке глотки.

— Видите? — спросила она, крепче сжимая лист бумаги. — Эти полосы на задней стенке означают, что у ребенка пурпурная лихорадка.

Мать Оррена заглянула и закрыла рот сына.

— А я что сказала?! — возмущенно прошептала она.

Джейн услышала скрытый болью вопрос: *«Сможете ли вы помочь?»*

— От этой болезни доктор Лоуренс, — она запнулась и разгладила листки на коленях, — рекомендует первейшее и наиважнейшее средство — кровопускание.

Раны на сгибе внезапно заболели, Джейн пожалела, что упомянула о методе. Но разве можно так поступить с ребенком, который борется за жизнь? Разница между ними в том, что она здорова, а он болен. Мистеру Каннингему иногда пускали кровь, да и миссис Каннингем тоже. Возможно, и ей самой в период болезни, хотя она не помнила, когда это случилось.

Мать Оррена кивнула, принимая ее слова за неоспоримую истину. Мистер Лоуэлл достал из саквояжа и протянул ей футляр. Она взяла его не сразу, несколько минут смотрела, будто не понимая, ей ли он предназначался. Перед матерью Оррена нельзя показать свою слабость. Страх следует заглушать, противопоставлять ему силу и уверенность. Джейн взяла коробочку и вытащила тот же инструмент, что использовал вечером Августин.

Пальцы дрожали, когда она извлекала его из углубления, видя отражение собственного ногтя в хромированной поверхности. Пользоваться им довольно просто. Стоило несколько раз нажать, и пружина втянула лезвия внутрь корпуса. Очень осторожно она взяла руку мальчика и поразилась, какой она оказалась горячей, но при этом безжизненной.

Так же, как делал Августин, она прижала инструмент одним концом к локтевому сгибу и нажала.

Ребенок вскрикнул, и по руке его потекла кровь. Мать положила сына к себе на колени и прижала к груди, глядя, как ползет вниз красная струйка. Так они сидели в полной тишине, пока кровотечение не остановилось. Их окружили все члены семьи Оррена, наблюдая за происходящим с надеждой и тревогой.

Джейн повторила процедуру на другой руке. К счастью, предписания Августина очень четкие: *кровь не следовало останавливать до тех пор, пока не побледнеют щеки и с губ не сойдет краснота*. Сердце Джейн сжималось всякий раз, когда она брала в руку скарификатор, она с трудом переносила запах крови, но не останавливалась. Мать Оррена прошептала ей, что жар спадает и рвота уже реже.

Но мальчик не увидел, как гроза за окном утихла.

Он умер на руках матери.

Джейн пребывала в оцепенении. Будто не понимая, что происходит вокруг, она забралась с помощью мистера Лоуэлла на лошадь и даже не подняла глаз, когда он на середине дороги повернулся и спросил:

— Вы поедете в Линдридж-холл или в клинику, мадам?

Джейн сосредоточилась и решила ехать в поместье. Августин нуждается в ней, хотя, конечно, провести ночь в клинике было бы предпочтительнее. Кроме того, сегодня судьба дала понять, что нельзя пытаться помочь больным самостоятельно, значит, она не имеет права оставаться одна там, куда могут прийти пациенты. Не надо обманывать себя, думая, что может быть иначе.

Ах, если бы только она могла увезти Августина из Линдридж-холла, если бы он не остался во власти непостижимого, тогда мальчик мог бы выжить! Она не испачкала бы руки в крови.

Подобное не должно повториться. Надо вернуть Августина в этот мир. Она уже не тот беспомощный ребенок, что в год смерти родителей. У нее все получится, мужа непременно удастся вырвать из лап этого заколдованного дома. Возможно, даже избавить его от пытки в виде встреч

с умершими пациентами и от тех огромных чудовищ, которых он считал таковыми, от их криков. В отсутствие в доме Августина она видела лишь вспышки в окнах. Все изменилось после того, как ей удалось проникнуть в подвал. Возможно, она как-то защищена и ей не стоит приближаться к мужу.

— В Линдридж-холл, — произнесла она, и сердце сжалось от страха. — Вдруг... мистер Лоуренс вернется.

Мистер Лоуэлл издал низкий горловой звук.

— Сегодня вечером я отправлюсь на его поиски по всем близлежащим фермам, мадам. Вдруг лошадь потеряла подкову, например. Много чего плохого может случиться в темноте.

Джейн вздрогнула.

— О, простите, мадам, не хотел вас пугать, но... Я не могу его бросить в беде. Вы понимаете.

— Понимаю. Спасибо вам.

Дальше они ехали молча. Джейн закрыла глаза и сразу увидела лицо Оррена — опустошенное, взгляд беспомощный. Пальцы похолодели, будто она держалась не за мистера Лоуэлла, а прикасалась к металлической поверхности скарификатора. В день смерти мистера Рентона Августин умолял ее не винить себя, но сейчас винить, кроме себя самой, было некого.

Джейн не следовала детально всем предписаниям Августина. У нее не было пиявок, она не умела их ставить, не было времени применить слабительное и давать пациенту лишь жидкую теплую пищу и больше витаминов. Она не смогла бы побрить мальчика налысо, хотя, вероятно, должна была. Возможно, у нее самой уже опухли миндалины. Она не доктор и не виновата в том, что у нее отсутствуют навыки. Но виновата в том, что не доставила Августина туда, где его ждали.

Что же будет, когда заболит следующий ребенок, а за ним следующий? Наверняка болезнь распространяется быстро,

со скоростью лесного пожара или выпущенного на улице газа. Ларрентон останется без доктора, если она все не исправит. Надо взять молоток и попытаться пробить стену в крипту. Она найдет Августина и освободит.

Они добрались до поместья, когда последние лучи солнца скрывались за дальним холмом. От робких предложений мистера Лоуэлла помочь Джейн отказалась наотрез и несколько минут смотрела, как он удаляется, а потом и вовсе исчезает в темноте.

Естественного света хватило ровно настолько, чтобы подняться на крыльцо, открыть дверь и войти в холл, где уже включили газовую люстру. Миссис Лутбrait и миссис Перл ушли, но, к счастью, оставили зажженными бра в коридорах. Джейн добралась до столовой. На столе на тарелке под колпаком ждал остывший ужин. Джейн приподняла колпак. От столь трогательной заботы на глазах выступили слезы. Несколько минут она стояла неподвижно, однако желудок, за весь день так и не дождавшийся еды, к удивлению, отозвался тошнотой. В следующую секунду Джейн поняла, что стол накрыт на одного. Тарелка предназначалась Августину, не ей.

Со звоном опустив колпак, она бросилась прочь из столовой. Поесть можно позже. Руки затряслись, в голове просветлело. Сначала надо заняться стеной, куском камня, появившимся в дверном проеме. Приблизившись к нему, Джейн, как и утром, положила на него ладони, широко разведя пальцы. Сейчас рядом никого нет, ей не придется таиться и прятаться.

— Августин!

Ответом стала тишина.

Из труб Линдридж-холла не доносились стоны, эхом, отталкиваясь от каждого камня, не разносились рыдания. Сейчас казалось, она не могла все это слышать, но точно

знала, что на этом месте находилась массивная дверь, а за ней лестница, подвал и стол.

— Августин, я здесь, — прошептала Джейн.

Едва уловимый звук — то ли стон, то ли обрывок молитвы богу, которого никогда не существовало. Может, это зов о помощи живого человека? *Августина.*

— Подожди немного, я к тебе приду. — Руки сильнее надавили на ледяной камень. Не раздумывая, Джейн отправилась искать молоток или кувалду.

И нашла во флигеле — полуразрушенной пристройке, готовой рухнуть при первом сильном порыве ветра. Вытащив кувалду из груды инструментов — грабель, ножниц, топоров, — Джейн с трудом подняла ее и пошла к дому по грязному двору, часто останавливаясь для отдыха. Руки горели, но это невеликая цена для столь большого дела.

Первый удар показался оглушающим, руки и плечи пронзила острая боль. Отдача была такой сильной, что Джейн отступила на шаг и согнулась под весом кувалды к самому полу. Джейн присела, тяжело дыша, чтобы прийти в себя. Но на стене не осталось и малейшего следа.

Следующий удар получился сильнее, даже кости заломило. На стене же вновь ни скола, ни вмятины. Не появились они и после четвертого и пятого ударов. Замахнувшись для шестого, Джейн отбросила кувалду в сторону и закричала во всю мощь легких. Звук прокатился по коридору и стих, будто растворившись между волокнами идеально отполированного дерева. Джейн, тяжело дыша, глядела прямо перед собой. Больше всего она желала увидеть результат своих усилий. Но ничего не изменилось... Перед ней был не просто камень. Он появился вопреки всем законам и, вероятно, состоял из особенного материала. Джейн вновь прижала ладони к поверхности и вздрогнула от боли, пронзившей до самых плеч.

— Августин!

Не слышно ответа. И теперь даже стопа. Мог ли его испугать стук кувалды?

Джейн пришлось признать поражение. Она помассировала плечи и побрела в гостиную. Опустившись в кресло, внезапно ощутила непонятную дрожь. То ли она замерзла, когда ходила во флигель, то ли причина в отчаянии, которое не позволяет успокоиться, подталкивает к действию. Воображение вернуло ее в дом на ферме, где у огня дрожал в лихорадке маленький Оррен. Она уронила голову на сложенные на коленях руки.

Хорошо, что Каннингемы уехали и не увидят, сколько вреда она причинила людям. Но когда-то до них все равно дойдут вести. Интересно, что они подумают?

Поднимая голову, Джейн приготовилась увидеть Элоди, наблюдающую из окна. Она осудила бы попытки Джейн, порадовалась неудаче. Мир за пределами комнаты должен был оставаться сейчас невидимым благодаря яркому свету газовой люстры. Но она не горела. Свет исходил из-за спины, лился на окровавленную юбку. Когда Джейн вошла в дом, ярко горели приборы, но сейчас освещали не они. Джейн медленно повернулась и посмотрела на разожженное в камине пламя.

Побелевшие руки сжали подлокотники кресла.

Она не разжигала камин, точно нет, хотя следовало сделать это сразу, переступив порог. И бра выключила не она. Потухший свет в холле — первый знак приближения призраков. Где же вы, привидения Линдридж-холла? Кажется, с каждой минутой они все ближе. Небо перечеркнула молния, через несколько секунд грянул гром. Джейн вышла из оцепенения и побежала в холл, в самую гущу тьмы, а там напрямик к выходу. Однажды она уже дошла до Ларрентона пешком, сможет и теперь. После заката в доме невозможно находиться,

она больше не желает видеть этих отвратительных духов. И вновь на улице дождь, вновь бушует гроза. Струи громко барабанили в стекла, когда она изо всех сил пыталась открыть дверь и вырваться на свободу.

Наконец дверь поддавалась, Джейн удалось вырваться на крыльцо. Перед глазами замелькали потоки воды, над головой — зарево от молнии. Подъездная дорога не высохла после предыдущего дождя и превратилась в грязное месиво — в точности как в день свадьбы. Над ухом послышалось испуганное ржание скользящей к обрыву лошади, Джейн попятилась, тяжело дыша, переступила порог и захлопнула дверь.

Контраст очевиден — дом поражал тишиной. Собравшись с духом, Джейн прошла к выключателю и повернула его, мечтая, чтобы люстра вспыхнула всеми рожками, наполнила пространство светом. Так и произошло.

В следующую секунду перед ней возник Оррен. Светловолосый мальчик с пустыми глазницами.

У него пошла горлом кровь.

Пронзительный визг Джейн эхом вознесся ввысь, к потолку. Она бросилась бежать без оглядки, однако на полпути к лестнице споткнулась и упала на колени. Сильная дрожь не позволила сразу подняться.

— Ты всегда спешишь, — раздался за спиной голос Оррена. Невысокий, мальчишеский, но надтреснутый, как бывает у человека, страдающего от жара. Кровь в горле заставляла говорить тише, но от этого слова казались более жестокими.

— Ты бы оставила меня умирать, но боялась, что скажут люди.

Августин уверял, что рядом с ними призраки мистера Рентона, мистера Этриджа, мальчика Мербека, но она видела не их, а лишь безликие фигуры. Полагала, что у мужа помутился рассудок или его околдовали духи. Но вот здесь Оррен, маленький Оррен, который мог бы остаться в живых, приди к нему не она, а настоящий доктор — Августин. Он не похож на те фигуры, он вовсе не бесплотен, как Элоди. Оррен скончался по ее вине и пришел отмстить.

Надо бежать. Скорее бежать.

Подняв юбки, она действовала осторожно, следя, чтобы не зацепить ногой ковер. И побежала неожиданно быстро вверх по лестнице. Оррен не отставал, он следовал за ней, ковыляя по лестнице, опираясь на перила. Кабинет, надо укрыться в кабинете! Она трижды находила там Августина глубокой ночью, — возможно, и ей удастся отыскать там защиту. Легкие разрывались от жара в груди, паника нарастала, приглушая остальные чувства.

Свернув за угол, Джейн метнулась к двери кабинета и одним ударом распахнула ее настежь. Захлопнув так быстро, как могла, она придвинула к ней тяжелое кресло и отступила на несколько шагов, стараясь выровнять дыхание.

С верхней полки на нее смотрели черепа, контуры их в полумраке казались размытыми. Собранные Августином диковинки давили, как никогда ранее, снаружи доносились шаги Оррена, потом он совсем по-детски захныкал и заплакал от боли. Сердце ее сжалось от ужаса и чувства вины. Неужели подобное испытывал Августин? Каждую ночь в течение многих месяцев?

Оторвав взгляд от двери, Джейн подошла к выключателю и повернула на максимум — в комнате ярко вспыхнул свет. Свет, свет — он помогал ощутить себя в безопасности, помогал держать под контролем страх. А еще поверить, что Оррена здесь нет. Огни замерцали, ручка двери повернулась. Что будет, если дверь не выдержит? Не сможет сдержать духа?

Оглядевшись, Джейн подошла к камину и взяла чугунную кочергу. Если Оррен станет нападать, как Элоди, она будет защищаться. Но сможет ли? Ведь он ребенок, к тому же умер у нее на руках. А сможет ли она ударить мальчика, даже ради собственного спасения? Сдерживая стон разочарования, она принялась продумывать другие варианты, краем глаза заметив, что из окна на нее смотрит Элоди.

Джейн отступила на несколько шагов, кочерга выпала из дрогнувших рук.

— Нет, только не ты, пожалуйста. — Слова непроизвольно слетели с языка. — Уходи. Пожалуйста. Оставь меня. Я теперь знаю его тайну, знаю, что он сделал с тобой, мне жаль, что так получилось, но тебе надо уйти.

Элоди не отвечала и не шевелилась. Не сделала ни одного жеста рукой, она по-прежнему не выглядела ни довольной, ни сокрушенной. Откровенно говоря, невозможно было уловить выражение ее лица; оно казалось зыбким, даже черты, стоило моргнуть, менялись. В какой-то момент голова представляла собой лишь голый череп с кровавыми глазницами, через секунду уже была похожа на Джейн, как родная сестра.

— Довольна, что он у тебя? — Голос предательски дрогнул. — Мальчик умер, потому что ты закрыла Августина в крипте, и мне... я...

В коридоре кто-то шагал медленно и ритмично. Элоди в окне указала куда-то вниз. Джейн проследила за ней и увидела рядом с валиком с промокательной бумагой раскрытую книгу. Учетные книги и математический трактат в Ларрентоне. Все появилось на столе всего мгновение назад. Джейн во все глаза смотрела на толстый старый гримуар. На левой странице тщательно очерчен круг, на правой записи крупным шрифтом — описание. Здесь указывалось, как сделать защитный круг из мела и соли.

— Зачем? — одними губами произнесла Джейн.

Элоди ей не ответила.

Ручка двери кабинета опустилась до упора, из коридора Оррен принялся толкать изо всех детских силенок. Похоже, ему вскоре удастся войти. Полотно двери прижалось к спинке кресла.

Прошлым вечером Августин повел ее в кухню для того, чтобы найти мел и соль, а вовсе не нож. Он собирался

совершить магический ритуал. Возможно, из этой самой книги. Следует ли ей поступить так же?

Пожалуй, нет, ведь невозможно представить, что Элоди ей помогает. Надо сражаться. Впрочем, кочергой призрака не победить, а мела и соли у нее все равно нет.

Опешив от ужаса при виде книги, Джейн не заметила, что одна сторона ее приподнята, а под обложкой явно что-то лежит. Склонившись ближе, неуверенно подняла ее и увидела кусок мела.

Этого не может быть!

Джейн перевела взгляд на Элоди.

— Почему ты мне помогаешь?

Вместо ответа Элоди пошла рябью и исчезла. Ножки кресла за спиной, сдвинувшись еще на пару сантиметров, царапнули пол.

От такого можно впасть в безумие; в голове промелькнули слова доктор Низамиевой. Однако Оррен приближался, да и магия в ее случае — это всего лишь несколько простых, но действенных манипуляций. Пробежав глазами описание ритуала, Джейн посчитала его вполне понятным. Все необходимое под рукой. Может, если она не рискнет, будет только хуже?

Времени удивляться происходящему и вызывать Элоди для расспросов не осталось. Ловушка это или подмога — уже неважно. Когда Джейн повернулась к входу, темнота коридора из приоткрытой двери зияла бездонной раной на теле дома.

Джейн решительно взяла книгу, подтолкнула мешавший диван, наклонилась и откинула ковер. Подойдя к камину, она подхватила юбку так, чтобы получился мешок, присела и собрала несколько горстей шелковистой на ощупь золы. Не соль, но, может, и она подойдет?

Поднявшись осторожно, следя за ношей, она вышла на середину комнаты, опустилась на колени и принялась чертить

круг. Воображение рисовало массивную каменную стену, выложенную по тому же кругу. Когда она замкнулась, Джейн принялась посыпать по всей длине золой, произнося бессмысленные слова из книги. Закончив, попыталась заверить себя, что заклинание помогло, она спасена.

Джейн дышала прерывисто и часто, голова немного кружилась, мир сузился до размеров комнаты.

Ножки кресла скользнули по полу, и дверь распахнулась настежь. Тьма из коридора ворвалась внутрь и поглотила свет. Под грудью что-то шевельнулось, закрутился вихрь, и нечто, похожее на утря, скользнуло меж ладоней. Она почувствовала себя маленькой девочкой, считающей все вокруг игрой, при этом потерянной, отчаянно желающей, чтобы любовь к матери могла сохранить той жизнь.

Вот он. Взгляд выхватил из темноты фигуру мальчика. Его голову. Послышался надрывный кашель. Потом тихая мольба.

Нельзя обращать внимание.

Губы Джейн шевельнулись, но с них не слетело ни звука. Кто-то вновь прополз между пальцами, и Джейн принялась думать о нарисованном круге и воздвигнутой мысленно стене. *Все хорошо. Мне ничто не угрожает. Триста шестьдесят градусов и ноль; все и ничего. Бесконечная линия в конечном пространстве.*

Осмысление помогло уловить определенную логику, отчего становилось легче, цифры складывались в столбцы, в голове все вставало на свои места.

Оррен остановился сразу за порогом. Вспышка молнии за окном осветила лицо с обращенными к ней глазами, в них стояли кровавые слезы. Если он что и сказал, Джейн его не услышала. Внешний мир отдалился, звуки и краски потухли. Она взидала на него сквозь ею самой установленную преграду. Внезапно в душе появилась уверенность, она

позволила ей расти, вытеснить чувство вины — ровно настолько, чтобы стало легко дышать.

Умерший ребенок стоял напротив, пристально изучая ее. От долгого сидения в одной позе болели колени. Джейн пошевелилась лишь для того, чтобы взять книгу и разложить перед собой. Строки влекли ее, будто сладостная песнь, больше всего сейчас хотелось читать дальше, находить логику в каждом действии и радоваться ей. Однако Джейн не осмелилась отвести взгляд. Она смотрела на Оррена до тех пор, пока он, сдавшись, не стал пятиться и вскоре не исчез в темноте коридора.

Она решила уравнение.

Джейн не сдвинулась с места, оставаясь в круге до самой глубокой ночи, и даже не позволила себе задремать. Гроза закончилась, и газовая люстра вспыхнула огнями, хоть и не в полную мощность. Надев очки, Джейн погрузилась в чтение, переворачивая страницы одну за другой, пока не наткнулась на заметки на полях, сделанные почерком Августина, — его мысли о ритуале воскрешения.

Руководство для совершения невозможного.

Августин привлек духов действиями, осквернившими тело Элоди. Он сделал семь надрезов на остывающей плоти: меж бровей, на кончиках средних пальцев, на пятках, горле и над пупком. В сердце он вонзил острую железную спицу и, вероятно, испытывал тогда облегчение, уверенный, что вскоре начнется возвращение к жизни. Он жег свечи и неизвестные Джейн травы, а потом сидел рядом с Элоди от заката до самого рассвета, нараспев читая строки песни, подробно описывающей жизнь в мире мертвых. Августин описывал ее в заметках — такого Джейн раньше читать не доводилось, ничего похожего на догмы бретанской религии или верования прошлого, о которых, впрочем, она знала мало.

Современные люди считали, что после смерти свет души гаснет, их ждет лишь холодная могила, оттого краткий период земной жизни становился еще ценнее, жестокость мира позволяла ощутить себя в полной мере живым. В тексте говорилось о стеклянной сфере, в тысячу раз превышающей размерами Вселенную, где обитали души, некогда живые, но не способные создать собственный благодатный мир.

В самом начале ритуала следовало оградить Элоди от остальных неприкаянных душ. Августин приступил к поиску мира, созданного самой Элоди на основании пережитого. Разумеется, на это влияло и то, как она умирала, — в боли и страхе, с искаленным, вскрытым при жизни телом. В заметках не уточнялось, о чем тогда думал Августин, но, вероятно, он мучился от всепоглощающей вины, просил прощения за содеянное; он всячески усугублял свои страдания, заставлял себя возвращаться к прошлому снова и снова, а не направлял душу своей возлюбленной. Он понял, что в мир мертвых можно погрузиться, лишь отбросив чувства мира живых. Она читала жесткие записи об очищении, видениях, приступах боли и страха. Он продлевал эти страдания, сосредоточиваясь на своих воспоминаниях о том, как он заставлял ее страдать. Он упивался своей виной. Неудивительно, что он притянул к себе всех пациентов, которым когда-то не смог помочь. Их влекли жертвенные страдания и муки, которые делали его более уязвимым.

Какой бы иной смысл Августин ни вкладывал в свои действия, он полностью провел ритуал, умоляя жену вернуться в тело. Поместил благовония в каждый надрез и зашил раны. Джейн будто наяву видела, как он уверенно делает ровные стежки.

А позже... позже, между начертанием круга и окончанием заметок, появились родители Элоди, увидели растерзанное тело дочери, над которым провели бесплодный ритуал.

Собственные родители нашли Августина рыдающим на грязном полу.

Он должен был понять, что не стоило пытаться. Должен был позволить Элоди обрести покой.

— Почему? — обратилась Джейн к притихшему дому. Августин был влюблен, считал, что повинен в произошедшем. Но почему пошел дальше, начал действовать в одиночку, подспудно зная, что вновь потерпит неудачу? Он врач и часто видел смерть.

Джейн поднялась на ноги, первые лучи восходящего солнца позволили разглядеть каждый предмет в комнате — памятники плодам учености, гению целительства.

Она все правильно сказала ему тогда в клинике. Он *эгоистичен*. Чрезвычайно эгоистичен.

Кем бы он мог стать, не перепутай ненависть к самому себе со смирением?

— Зачем ты так со мной? — спросила она, оглядывая полки. — С ней? С самим собой? Всему виной — твоя самонадеянность доктора, это чертово высокомерие! Вернись, Августин!

Она повышала голос с каждым словом и вскоре уже кричала:

— Вернись ко мне и все исправь!

Дом шевельнулся и, кажется, застонал. На секунду показалось, что на стене в коридоре появилось лицо мужа. Его удалось разглядеть благодаря открытой двери — открытой Орреном.

По щекам потекли слезы.

— Одной мне все это не вынести, — прошептала она. — Вчера я убила ребенка. Мальчика. И теперь со мной происходит все то же, что с тобой. Я могу думать только о том, что не спасла его.

Лица на стене не стало. Дом затих.

Джейн одна встречала рассвет в Линдридж-холле. Гроза закончилась, и сквозь вымытые стекла комнату заливал свет. Снизу донеслись звуки открывающейся двери, следом женские голоса — миссис Перл и миссис Лутбрайт. Нельзя, чтобы они застали ее в таком виде. Могли ли они слышать крики?

Вздвигнув, Джейн прижала к груди книгу и вышла из круга.

Удивительно, но при этом она ничего не почувствовала, не услышала хлопка, не ощутила, как лопнула мембрана или рухнула возведенная ею стена, в существовании которой она почти не сомневалась. Повернувшись, Джейн оглядела очерченный мелом круг, присыпанный золой, и нахмурилась. Подняв ладони, она ощутила только воздух. Никаких барьеров. Неужели все это реально?

Она поплелась в спальню, чувствуя головокружение, и легла в кровать — в его кровать, на которую раньше не могла даже смотреть. Обхватив себя за плечи, закрыла глаза, стараясь прогнать мысли об Элоди и Оррене. Доктор Низамиева назвала магию сфокусированным безумием. Наблюдая из-под полуопущенных ресниц, как в комнату входит миссис Перл с тазом горячей воды и сразу удаляется, не сказав ни слова, Джейн подумала, что сошла с ума. Несколько раз она проваливалась в сон, но встала через час. Долгое пребывание в постели вызовет много ненужных вопросов. Умывшись, она надела чистое платье и поправила прическу.

В столовой ждал завтрак — яйца всмятку и речная рыба на гриле. Несмотря на то что голод давно не давал о себе знать, Джейн съела все без остатка. Прежде чем снова искать возможность проникнуть в подвал, необходимо хорошо выспаться; кроме того, днем свои действия она никак не объяснит слугам.

Джейн раздумывала, не попросить ли миссис Перл разжечь огонь в библиотеке, потом дать ей какое-то несложное поручение, чтобы выгадать время на отдых. Скользнув взглядом по комнате, увидела в окно приближающегося к Линдридж-холлу всадника. Она поспешила на крыльцо, похолодев при мысли, что это может быть мистер Лоуэлл с сообщением о новом вызове. К счастью, это оказался лишь посыльный с корреспонденцией. Он не передал ни слова от мистера Лоуэлла. Джейн вернулась в кабинет, не зная, радоваться или огорчаться. Она, разумеется, не могла начать прием пациентов, но странно, что мистер Лоуэлл не осведомился об Августине. Неужели он сдался, отчаялся его найти?

В пакете обнаружилось несколько коротких посланий от друзей мужа, гостивших в Линдридж-холле на прошлой неделе. Каждый старательно избегал упоминаний о проведенном ритуале, как и о спешном отъезде, а также слал — не больше чем дань вежливости — приглашение посетить их с ответным визитом, как только они окажутся в Камхерсте. На одном конверте, привязанном к нетолстой тетради, стояла эмблема Учебной больницы Королевского университета. Джейн затаила дыхание и быстро разорвала конверт, даже не потрудившись взять нож. Прежде чем начать читать, несколько мгновений держала лист в вытянутой руке, любуясь красивым почерком.

Миссис Лоуренс.

Надеюсь, это письмо Вы читаете в добром здравии, а Ваша проблема благополучно разрешилась. Если же нет, рекомендую описание ритуала, который проводили несколько известных мне магов. Он ведет мага к пробуждению, за которое придется расплачиваться определенными лишениями. По всеобщему утверждению, он позволяет сконцентрировать все

имеющиеся оккультные знания и способности на достижении цели. Это весьма непросто, и я бы не рекомендовала Вам этим заниматься. Однако Вы просили о помощи, и это единственное, что в моих силах.

Лучше поручите проведение ритуала Августину, он уже привык к лишениям и погоне за невыполнимым. Если же практика не допускает некоторого его отсутствия или Вас толкают к действиям любопытство и желание узнать, что будет, если прикоснуться к неведомому, советую делать шаг осознанно и с конкретной, ясной целью.

Я же со своей стороны продолжу искать ответ на вопрос, как изгнать дух умершего, и предоставляю любую новую информацию. Но заранее прошу Вас учитывать, что она может оказаться ложной или вовсе выдумкой, ведь их так непросто отделить от настоящего знания.

Будьте осторожны, миссис Лоуренс.

Ваши добрый друг
доктор Авдотья Семеновна Низамиева

Джейн долго смотрела на строки, не веря глазам. Как это называли Хант и Винг? Принцип синхронности? Знак судьбы, имеющий, однако, для нее огромное значение. Она обратилась за советом к Низамиевой и получила ответ в тот момент, когда особенно нуждалась в участии.

Джейн начертила круг. Узнала, какой ритуал провел Августин. Теперь у нее есть все необходимое для следующего шага. Спасти себя. Город. Августина.

Думы ее разозлили, но не лишили здравомыслия. Гнев вызывали его поступки, его ложь, то, как он напал на нее, утверждая, что хочет спасти. Однако все намного сложнее, ее чувства не столь однозначны. Кроме того, Августина нет рядом, она не укажет ему на ошибки. «Смотри. Теперь ты

понимаешь, почему должен бороться?» Она злилась на себя, а кроме того, испытывала леденящий душу страх.

Она не собиралась потерять мужа, несмотря на все его недостатки; слишком скоро, она ведь только его нашла. Ей не удалось помочь матери, но, возможно, удастся спасти его. Этот враг не страшнее войны, хуже ведь быть ничего не может. Теперь произошедшее казалось ей благословением свыше. Судьба разделила их, потому что Августин никогда бы не последовал совету Низамиевой. Значит, это ее шанс. Она все исправит, пошлет к черту аргументы мужа, считающего себя обязанным страдать.

Джейн открыла тетрадь, куда доктор Низамиева выписала отрывки из большого трактата, обозначенного как «Учение Семи» за авторством Саймона Гинетта из Лурании. Впервые работу опубликовали двести семь лет назад. Страницу с описанием ритуала доктор заложила ленточкой и добавила записку, в которой советовала не пренебрегать советом и всем остальным для понимания контекста. Джейн невольно задрожала от осознания того, как хорошо Низамиева ее изучила.

Ритуал занимал семь дней. Все это время практикующему полагалось оставаться в доме. Какого размера, не указывалось, но Линдридж-холл, вероятно, подходил, если частное лицо действовало в своих интересах. Также следовало придерживаться диеты, употреблять конкретные травы, слабительные средства, избегать физических нагрузок и не спать. Первое выполнить легко, но прочее...

Клиника встретила тишиной. Джейн медленно отворила дверь, вошла и прислонилась спиной к деревянной поверхности, чтобы перевести дух. Мистер Лоуэлл, очевидно, отсутствовал, в противном случае Джейн услышала бы его. Уже минула половина дня, миссис Перл скоро закончит с покупками — поручением Джейн. Дороги не просохли, но оставались вполне сносными, однако обратно в Линдридж-холл необходимо вернуться скорее — до того, как начнется очередная гроза, что совершенно неизбежно.

Ей же самой надо многое собрать, ведь несколько дней предстоит оставаться в доме. Джейн отправила горничную за свечами, эфирным маслом розы и лаванды в магазины в центре Ларрентона. Также велела купить яйца и другие продукты, а траты записать на счет доктора Лоуренса и попросить о значительной отсрочке. Доставившая их карета уехала, поэтому вскоре предстоит искать экипаж для обратной дороги.

Джейн подчеркнула, что миссис Перл не стоит торопиться, она может поболтать с товарками. Учитывая сжатые сроки, она рассчитывала сама быстро управиться с делами.

Оглядев притихшие помещения, Джейн почувствовала, как щемит в груди. Скольким людям здесь отказали в помощи за последние полтора дня? Сколько раз мистер Лоуэлл извинялся и закрывал дверь? Даже один раз — уже много.

Итак, необходимо сосредоточиться. Она наизусть выучила рекомендации доктора Низамиевой, перед возвращением в Линдридж-холл придется потрудиться. Стараясь не шуметь, Джейн пробралась в кабинет на первом этаже, где написала письмо с просьбой прислать временную замену доктору. Запечатав конверт, направилась к лестнице, а потом наверх. В комнате Августина собрала все найденные книги по магии, стараясь при этом не смотреть на диван и не думать, что между ними некогда здесь происходило. Положила в багаж она и математический трактат, ставший талисманом в жизни, — единственное, что сочла позволительным. Ко всему этому добавила носильные вещи и очки для чтения.

В составленном в голове списке оставалось лишь кое-что из лекарственных средств, собрать их — самое простое.

От ее туфель и подола на полу кладовой остались следы болотного ила. Всему виной вязкая и топкая земля у болот на западном въезде в Ларрентон. Там несколько часов назад Джейн выходила из кареты, чтобы завестись мхом — двумя кусками размером с ладонь, плавающими в темной стоячей воде, — и несколькими горстями земли. Обувь так и не просохла.

Потом Джейн долго бродила по дорожкам городского кладбища, смущенно ожидая подходящего момента, чтобы взять необходимое, и остановилась, увидев свежую могилу и надгробную плиту с надписью:

НИКОЛАС РЕНТОН

Причина его смерти — желание познать силу магии. Увидев его впервые, она ничего об этом не знала, но сейчас при виде этой могилы осознала, что ее подталкивало к действиям то же чувство.

Джейн присела и расковыряла пальцами суглинок на поверхности. Требовался пласт с глубины десяти сантиметров. Джейн гнала от себя мысли о природе везения и принципе синхронности. Никто из зрителей ее не увидел, хотя они наверняка находились поблизости.

После всего пройденного последний пункт стал казаться совсем легким в исполнении, и она поспешила внутрь кладовой и оглядела полки в поисках настойки бензоина. Этот раствор смолы, по словам Августина, — прекрасный фиксатор бинтов, а согласно записям Низамиевой еще и укрепляет дух практикующего, успокаивает на пути к познанию нереального. Связаны ли два эти факта? Считать ли знаком свыше или простой случайностью, что средство, описанное магом несколько столетий назад, Августин использует и хранит в своей клинике?

Вот она, бутылка темного стекла, которую она заполнила на четвертый день ухаживаний мужа, когда похоронили мистера Рентона. Джейн положила бутылку в сумку рядом с болотным мхом и кладбищенской глиной, вновь повернулась к полкам и уставилась на склянку с кокаином. Ей предстоит провести семь дней без сна.

В следующую секунду отворилась входная дверь, по холлу гулко разнеслись тяжелые шаги мистера Лоуэлла. Джейн быстро схватила кокаин, набор со шприцем и прочие вещи, необходимые для приготовления раствора. Она запиховала все в сумку, когда на пороге возник мистер Лоуэлл.

— Миссис Лоуренс? — произнес он и нахмурился. — Значит, есть новости?

Она посмотрела на него, старательно растянув губы в вежливой улыбке, впрочем довольно слабой, задаваясь вопросом, удалось ли ей скрыть, насколько она разбита и измучена противоречиями.

— Нет, — негромко произнесла Джейн. — Пока никаких.

— Вы приехали, чтобы жить здесь?

Иное решение казалось ему бессмысленным. Во всяком случае, так следовало из тона. Мистер Лоуэлл был добр к ней в первые дни, обрадовался их браку. И вот теперь она, почти вдова, заявляет, что намерена уклониться от обязанностей.

Джейн решила скрыть истину за присущей женщинам впечатлительностью.

— Я не могу. Он ведь может вернуться в Линдридж-холл. Что, если...

Она замолчала, вспомнив о стене на месте двери в подвал, на которой даже кувалда не оставила вмятины.

Ее ничто не должно пугать в доме, если муж на самом деле просто исчез.

Мистер Лоуэлл не произнес ни слова. Только сейчас Джейн заметила, что он не снял ни шляпу, ни пальто. От задумчивости его нижняя челюсть выехала вперед, он скрипел зубами, о чем-то размышляя.

— Линдридж-холл — неподходящее для вас место, мадам, — наконец произнес он. — Вам лучше остаться здесь. Пусть делом доктора занимается магистрат.

— Магистрат?

— Вчера вечером я известил их о том, что доктор Лоуренс бесследно пропал. Мы все утро искали в горах и у склона.

Джейн чувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— И никаких следов?

— Нет. Совсем никаких. Вы... уверены, что вам больше ничего не известно?

— Он уехал во время грозы.

— На чьей лошади?

— Я... Я не... Я была в доме и не видела...

— Мадам. — Резкий тон мистера Лоуэлла заставил ее замолчать. Ноздри его раздувались, но он взял себя в руки. — Мне известно, что доктора не удержать от подвигов, я пытался чаще, нежели кто-либо из его окружения. Но я также знаю, что у вас двоих был, извините, период притирки. Вы узнавали друг друга, и все такое. Если между вами что-то произошло...

Период притирки. Ему известно, разумеется, что она оставалась в Линдридж-холле дольше, чем того желал Августин. Как и то, что, вернувшись в клинику, она помогала мужу с хладнокровием, которое не могло стать следствием страстного влечения, возникшего сразу после знакомства. Что же произошло, по мнению мистера Лоуэлла? Что заставило его обратиться в магистрат?

Кровь застыла в венах. Она изо всех сил сжала ручку сумки.

Неужели что-то в ней наводило мистера Лоуэлла на мысль о намерении навредить Августину? Он увидел в ней чудовище, о существовании которого она не подозревала?

— Я боюсь за мужа, — сказала Джейн, вцепившись в ткань юбки, чтобы удержать равновесие. — Понятия не имею, что с ним случилось, но виню себя в том, что он пропал. Если бы я не приехала к нему в тот вечер, может, он и сейчас принимал бы пациентов. Что еще вы от меня хотите? Увидеть мои слезы? Я не из тех женщин, что плачут по любому поводу. Ждете, что я наколдую, и он появится из воздуха? Это мне удастся не лучше, чем изменить цвет неба. Но мне необходимо быть в Линдридж-холле, потому

что он может туда вернуться. Прислуга не остается на ночь, вдруг он придет в полночь, кто тогда подаст ему тарелку еды? Кто омоет ему ноги? Там буду я, ведь только я виновата, я позволила ему уехать, осознавая, что в грозу может случиться несчастье.

Джейн задыхалась, захлебывалась льющимся потоком слов, но не сразу смогла заставить себя замолчать.

Мистер Лоуэлл выдержал долгую паузу, будто осмысливая.

— Я тоже очень хочу скорее его найти, — наконец тихо произнес он.

В голове мелькнула чуть не добившая ее мысль, что задуманное можно исполнить не одной. Но что, если ее почитают сумасшедшей?

— В кабинете я оставила письмо, — откашлявшись, сказала Джейн, — с просьбой прислать временную замену. Прошу, отправьте его. Ларрентону нельзя без врача, а доктора Лоуренса пока нет...

— Разумеется, мадам, — кивнул мистер Лоуэлл и вышел, оставив ее одну.

Джейн выбежала из здания, как только стихли его шаги. На противоположной стороне улицы сразу увидела миссис Перл и незнакомую женщину, они беседовали и улыбались в лучах заходящего солнца. Джейн нырнула в переулок и долго ходила кругами, прежде чем успокоилась и ощутила себя готовой к обратной дороге в Линдридж-холл.

Забравшись в карету, она заняла место напротив миссис Перл и вспомнила, что не спросила у мистера Лоуэлла об Абигейл Ю, даже не потрудилась выяснить, находится ли она по-прежнему в клинике. Щеки вспыхнули, на лбу выступил пот. Скорее всего, он непременно сообщил бы, возникни у Абигейл сложности с выздоровлением. Например,

обвинил ее или попросил остаться и помочь. Все лучше холодности, с которой он говорил в последний раз. Да, Абигейл определенно лучше, мистер Лоуэлл просто не хотел давать Джейн повод приписать заслуги себе.

— Миссис Лоуренс?

Скорее взять себя в руки, не стоит давать возможность прислуге видеть весь спектр эмоций, который мог отразиться на лице.

— Да, миссис Перл?

— Вы не получили известий о докторе?

Джейн мотнула головой.

— Мистера Лоуренса пока ищут. Мы послали запрос, чтобы прислали ему временного заместителя.

«*Вы не тревожитесь за него, мадам?*» — Джейн казалось, следующий ее вопрос должен звучать так, однако услышала она другое.

— Близится конец месяца. — Миссис Перл закусила обветренную губу. — Нам должны выплатить жалованье.

Джейн чуть не расхохоталась. Жалованье! Ну конечно! И ее, бухгалтера, задача — все подготовить. Она должна была выписать чеки, пока находилась в клинике. Об этом Джейн даже не подумала. На глаза навернулись слезы, заставшие ее врасплох. *Она забыла.*

Джейн поспешила закрыть ладонью рот и нос, чтобы женщина их не заметила, — бесполезно. Миссис Перл подалась вперед и вытянула руку, будто хотела успокоить, но потом убрала ее, отвернулась и принялась рассматривать в окно открывающийся пейзаж.

Слезы она утерла, но дрожь в голосе осталась.

— Простите, — прошептала она, не понимая, извиняется за оплошность или слабость.

— Я все понимаю, мадам. Всем нелегко после исчезновения доктора. Все волнуются.

Она представила, как мистер Лоуэлл с человеком из магистрата рыщут по окрестностям Ларрентона. Что бы они подумали, обнаружив в ее сумке мох и землю с кладбища? А еще странный набор продуктов в корзинах миссис Перл?

— Вас, наверное, удивило, почему я просила купить именно это. — Джейн украдкой вытерла несколько капель с щеки и чуть выше подняла голову, чтобы не появились новые. — Я уверена, миссис Лутбрайт спросит об этом. — Речная осока, тушеный в крови кролик — отвратительные блюда, необходимые для ритуала. Лучше разобраться со всем сразу, нежели быть застигнутой врасплох позже. — Это для обряда, которому научили меня родители, для того чтобы человек вернулся целым и невредимым.

Ложь далась ей легче, чем хотелось бы. К тому же это почти правда. Глаза вновь защипало от слез, и она принялась сжимать пальцами переносицу.

— А я пару раз делала любовный приворот, — призналась миссис Перл и посмотрела так, будто желала утешить.

Как замечательно, что колдовство она готова принять за оправдание.

— Держу пари, и миссис Лутбрайт тоже, — продолжала горничная, — хотя ни за что не признается. Хотите, я сама ей все объясню?

Джейн открыла рот, чтобы согласиться, но смутилась.

— А она приготовит необходимые блюда в любом случае?

— Конечно, мадам.

Джейн облизала пересохшие губы, стараясь унять биение сердца.

— Тогда не стоит ее посвящать, — произнесла Джейн. Нервы разыгрались, и голос прозвучал хрипло. — Мне очень неловко. Лучше ей не знать, раз объяснять я не обязана.

— Конечно, мадам. — Миссис Перл пожевала ртом и добавила: — Может, хотите, чтобы кто-то из нас остался с вами на ночь?

Предложение без энтузиазма — не для того, чтобы помочь, а из вежливости, и Джейн, не чувствуя себя обязанной, спокойно ответила:

— Благодарю, я бы предпочла остаться одна.

До Линдридж-холла они добрались за час до захода солнца. Джейн удалилась в кабинет со всеми добытыми материалами и для надежности заперла дверь. По инструкции она врезала в свечи витые фитили, пропитанные маслом, и вскоре ощутила в воздухе пьянящий аромат.

По ее же требованию прислуга удалилась, не беспокоя ее и не ставя в известность. Ужин им надлежало оставить в столовой на тарелке под колпаком; его предстояло съесть при свете звезд, холодным, настолько отвратительным, насколько только могут быть отвратительными тушенная речная осока с пророщенным зерном.

Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, Джейн собрала вещи и переместилась в библиотеку. На пороге она опасливо остановилась. Перед глазами замелькали образы с фотографий доктора Низамиевой, кольцо мистера Этриджа сдавливало палец. Но затем она вспомнила об Оррене, о том, как безопасно находиться в кругу, и о криках Августина из-за стены. Пусть только чувство вины подталкивало ее к действиям, это уже много. Оно пропитывало насквозь. Оно переполняло. Оно заставило сделать шаг и войти в комнату. Затем спешно убрать ковер и разложить необходимые принадлежности: мел и соль, свечи, несколько бутылок темного стекла с эфирными маслами, миску, болотный мох, остывшую золу из спальни на третьем этаже и глину с могилы мистера Рентона.

Пробежав глазами описание ритуала, она взяла в руку мел. Завязав на нем один конец веревки, другой она прикрепила к полу толстой шпилькой. Натянутая, как струна, веревка позволит начертить идеально ровный круг с равным расстоянием между мелком и центром — вставленной между половицами шпилькой. Прodelав это, Джейн принялась посыпать окружность солью, попутно мысленно возводя прочную стену. Положив руки на воображаемую поверхность, она прислушалась к себе. Прошло несколько мгновений, однако ничего не изменилось, но потом — вот оно, ставшее знакомым ощущение теплого скользкого угря, проползшего меж пальцев. Мир стал отдаляться. В прошлый раз это ее пугало, сейчас же в душе неожиданно появился благоговейный трепет, а следом пришла уверенность в действенности магических ритуалов. Это пугало, но одновременно пьянило и восторгало.

Джейн вытащила из пола шпильку, обмотала ее веревкой, отложила в сторону, а рядом поместила мел и соль. Развернувшись, опустилась на колени перед остальными принадлежностями. Вечерняя свежесть проникала в помещение и охлаждала воздух до самого стеклянного потолка, который, будто инеем, покрывался влагой из-за царившего внутри тепла — все благодаря миссис Перл, предусмотрительно поместившей вечером в камин тлеющие угли.

Время пришло.

Она зажгла длинной спичкой ритуальную свечу и произнесла:

— Пусть пламя этой свечи ведет меня на пути к знанию. — Собственный голос показался неестественным и робким. — Пусть пламя не гаснет в этот период вне времени, позволит душе моей пропеть свою песнь, а мне выполнить задание. Пусть сила его во всем сиянии ограничит

сферу, в которой я нахожусь, поможет сосредоточиться на задании, сделать все так, как должно.

Свеча разгорелась небольшим, но устойчивым пламенем.

Дрожащей рукой Джейн отложила потушенную спичку и взяла в руки первый пузырек — с розовым маслом. Его она нанесла на запястье правой руки, читая при этом с листа:

— Чувства тела человеческого несут свет во тьму, запах в чистоту, звук в пустоту, вкус в небытие, прикосновение в холод несотворенного. Чувства дают нам возможность познавать мир, благодаря им мы живем.

Второй пузырек — с маслом лаванды. Когда несколько капель упали на запястье левой руки, Джейн окружил сильный аромат.

— Умелое обращение с чувствами позволяет превратить мир в место, где можно исполнить задание.

На грудь она нанесла каплю эссенции из цветков лилии.

— Чувства связаны с невидимым, так же должны быть связаны и мы.

Миссис Перл, возможно, решила, что Джейн использует масла в качестве духов. Осуждала ли за траты денег мужа, когда с тем приключилась беда? Переосмыслила ли все позже, когда узнала от Джейн, для чего та купила их?

Позже. Обо всем этом она будет думать позже.

Джейн открыла последнюю бутылочку, смочила палец липкой настойкой бензоина и прижала ко лбу, чуть выше точки между бровей. В воздухе появился резкий пряный запах.

— Я нанесла масла на тело, и мое обоняние приступает к исполнению задания.

Голова сильно закружилась, каждый звук становился громче и будто оживал в бескрайних глубинах мироздания. Она ощутила себя стоящей на пороге чего-то важного, огромного по значимости и манящего. В сердце появилась

уверенность, что она справится, ей все под силу. Не только возвести стену.

Джейн взяла одной рукой горсть золы, другой столько же земли с кладбища, сыпала все в небольшую чашу, предусмотрительно принесенную с кухни, и принялась смешивать, водя пальцем семь раз против часовой стрелки, а потом убрала руки. Зола быстро потемнела, стала почти черной, земля впитывала выступившую влагу. Потянувшись, она погрузила в массу кончики пальцев обеих рук и принялась втирать ее в подушечки, наблюдая, как папиллярные линии становятся все четче.

— Зола, оставленную пламенем жалящим, и землю, покрывшую тело новопреставленного, я смешиваю, и мое осязание приступает к выполнению задания.

Полумрак довлел так, что это ощущалось физически. Нет ни фигур, ни призраков, и все же что-то появилось в комнате.

— Я зажигаю свечи в пределах круга, и мое зрение приступает к исполнению задания. Произнося эти слова, я звуками приступаю к исполнению задания.

Джейн разомкнула руки, взяла кусок мха и разорвала на части помельче. Одну она поднесла ко рту.

— Прикладываю мох сей к языку моему, так я вкусом присоединяюсь к выполнению задания.

В нос ударило зловоние, языком она ощутила отвратительный вкус, мелкие частички прилипли к небу, осели на зубах. Казалось, ее сейчас стошнит, но вместо этого рот сам расширился. Вкус болотной гнили смешался со слюной и заполнил весь рот. Удивительно, но Джейн не вырвало.

Вероятно, мох содержал некое важное для ритуала вещество, свечи вспыхнули ярче, вызвав расширение сознания. Может, ей кажется? Или это настоящее волшебство? Джейн переполняли внутреннее ощущение торжественности

происходящего и растущая сила, одновременно она чувствовала, что скользит куда-то вниз, как в первый раз рядом с доктором Хант. Будь то действие одурманивающих веществ или прикосновение к неизреченному, останавливаться сейчас нельзя. Резко выдохнув через нос, Джейн запрокинула голову.

Я встаю на путь ученичества. Я со всей полнотой отдаюсь выполнению задания и принимаю вызов. Стану обходиться без сна и усмирю потребности плоти. Разум сосредоточится лишь на задании, искушения потустороннего мира не станут для меня соблазном. Граница между этим местом и остальным миром отделит меня от мира внешнего. Я встаю на путь ученичества.

Она проникалась смыслом каждого слова; казалось, буквы выписывались огнем над ее головой. Скрипнула железная ограда. Прохладный ветерок коснулся пальцев. Она пошевелила ими, пытаясь отчетливее ощутить движение воздуха, но все вновь замерло.

Я покоряюсь силе задания, пойду туда, куда оно поведет меня. Я посвящаю себя заданию. Начертанный подо мной знак станет символом пробуждения. Знак начертан чернилами, которые нельзя смыть, что поможет не сбиться с пути.

Джейн положила перед собой лист с тщательно начерченными правильными многоугольниками, идеально вписанными один в другой. В описании ритуала от доктора Низамиевой говорилось о некой печати, которая должна помочь укрепиться, но как, объяснялось кратко и поверхностно. Объяснение отсылало к непонятным алхимическим формулам, буквам древнебрелтонского, некоторым незнакомым, некоторым перевернутым; в целом Джейн не улавливала ни смысла, ни логики.

Но эта фигура... Понятная, красивая... От нее исходила сила, она могла стать сильнейшим якорем, удерживающим от риска пропасть в неведомом.

Джейн провела по линиям кончиками пальцев, и плечи расправились сами собой, спина выгнулась, что-то шевельнулось прямо под ребрами. Это нечто извивалось, стремясь подняться выше.

«*Я встаю на путь ученичества*, — повторила Джейн, склоняясь все ниже, пока не прижалась лбом к строчкам на листе, старательно при этом подавляя шевеление под ребрами. — *Я встаю на путь ученичества*».

Речная осока и пророщенные зерна оказались отвратительными, чего и следовало ожидать, склизкими и безвкусными, — впрочем, могло бы быть хуже. Еда не потушила свечение внутри Джейн. Она отчетливо ощущала силу, которая поможет выполнить задуманное, и знала, что все по-настоящему, все получится. Возникло желание броситься вниз к Августину, прижаться к камню и еще раз прочитать заклинание. Разумеется, она сдержалась. Заставила себя посмотреть на снимок повисшего в воздухе мага и сразу ощутила, как затихает пульсация в венах, перестает гореть кожа. Джейн подумала о наставлениях доктора Низамиевой — нужно держать их в голове.

Августин. О нем тоже нельзя забывать, ведь она решила прикоснуться к нереальному ради него, а не себя. Особняк стал его тюрьмой, и она разрушит стены. Неужели для его освобождения понадобятся все семь дней?

Джейн начертила круг. Она отгоняла призраков. Сейчас ощущает уверенность и силу. Что же еще можно сделать? Что еще предстоит создать или разрушить?

Джейн заставила себя вымыть посуду. Нужно строго придерживаться необходимых действий, твердила она. Все

семь дней. Ведь цель — не только освободить Августина, но и обрести знания.

Фотографические карточки, от которых в жилах стыла кровь, Джейн убрала в ящик в гостиной и заперла его на ключ.

Прошла по коридору к двери в подвал и положила руки на глухую стену. Попыталась вспомнить деревянную дверь, но образы оказались обрывочными. Ни цвета, ни текстуры, ни даже оттенка серого замка и формы накладок с замочной скважиной. При каждой новой попытке вспомнить давление на диафрагму увеличивалось, для вдоха приходилось прилагать все больше усилий, грудь при этом вздымалась сильнее. Получись у нее нарисовать предметы в своем воображении, они точно проявились бы в реальности.

Впрочем...

Зачем ей детали существовавших некогда предметов, когда она может создать новые в собственной реальности?! Перед глазами появилась дверь магистрата, которую она разглядывала, ожидая церемонии. Доски из векового дуба, крупные железные петли, розоватые шляпки гвоздей — все напоминало древний мистический артефакт. Но Джейн не помнила ощущений от прикосновения, сомневалась, что вообще дотрагивалась до полотна. Джейн переключилась на другой образ — дверь своей спальни в доме Каннингемов. Она видела ее совсем недавно, потому детали всплывали в голове с идеальной точностью, вплоть до зазоров в стыках и плохо подогнанных деталей. Несколько поколений толкали дверь и отполировали эти места до блеска. Позже мода изменилась — на двери установили ручки, но потертости так и остались.

Только сейчас Джейн почувствовала, как скучает по этой двери. Она помнила все мелочи, каждый сантиметр ее поверхности, что уже странно и удивительно. Она чувствовала,

будто ладонь лежала на ней, и оставалось лишь повернуть ручку.

Открыв глаза, Джейн вновь увидела перед собой каменную стену. Сердце упало, воодушевление исчезло. Одним желанием мир не изменить. Мысль доктора Низамиевой предельно ясна: ритуал — это рельсы, по которым скользит разум мага. Действия надо совершать шаг за шагом, и в конце станет понятна логика. Эта стена не исчезнет лишь потому, что ей так хочется.

— Джейн!

Она замерла, как выслеженная мышь. Слабый голос доносился из подвала. Это точно Августин.

— Августин, я здесь. — Джейн замерла, ожидая, что завоют трубы, затрясется фундамент: так дом реагировал на крики боли и тоски. Однако стояла тишина, которую через мгновение нарушил всхлип Августина. Следом раздалось:

— Джейн, где я?

О Августин. Она представила, как он сидит, сгорбившись, на лестнице, испуганный и растерянный.

Она сползла по стене, опустилась на колени и прижалась к холодной поверхности щекой и ладонями. В горле встал ком.

— Джейн! — повторил Августин совсем слабо. Пугающе слабо.

— Ты в подвале в Линдридж-холле, — произнесла она, не вполне уверенная, что он сможет расслышать. — Я делаю все, что могу, я тебя освобожу.

— Здесь темно, Джейн, так темно.

Конечно, там ведь нет газового освещения, а свечи наверняка прогорели, превратились в лужицы застывшего воска на каменной столешнице. Но проблемы не только в темноте и призраках. Живот заурчал, переваривая

холодный ужин. Муж там уже два дня. Два дня без еды и питья.

— Августин, у тебя есть еда? — спросила она и затаила дыхание.

Ответа не последовало.

Будь она заперта в крипте на несколько дней, кричала бы изо всех сил. Умоляла помочь, колотила в дверь, рвала на себе волосы. Джейн хорошо знает, что может сделать с человеком ожидание в темноте ночи, которое в один момент начинает казаться бесконечным, но тогда, ребенком, она могла хотя бы выходить на свет днем. Мама была рядом, им хватало еды и воды.

Августин молчит, но это лишь означает, что он не похож на нее.

— Мне нужно семь дней, — заговорила она на этот раз громче. — У меня есть это время? Ты продержишься семь дней?

Она успела обойти не все помещения в подвале. Возможно, там хранились запасы, пусть и старые, но еще пригодные. Августин найдет их и выживет. Свернувшись на полу, Джейн вслушивалась в тишину, наблюдая, как дом погружается в темноту.

Возможно ли, что с ней говорил не Августин?

— Думаю, да, — наконец ответил он. — Но здесь так темно.

Джейн зажмурилась, сливаясь с каждым услышанным звуком. Точно ли это Августин? Дееспособный, живой. Значит, она все делает правильно.

— Джейн, а что ты затеяла?

— Магический ритуал, — прошептала она и добавила громче: — Я тебя вызволю. Потерпи немного, Августин. Жди меня.

На этот раз он ей не ответил.

Джейн шла по коридору в кромешной тьме.

Нельзя засыпать. Она исполняла все, что велено, голову туманило после прошлой бессонной ночи. Без скрипов ожившего дома, призраков и криков мужа мир терял реалистичность. Джейн четко выполняла все, что предписывал ритуал для первой ночи. Все только начиналось, и затраты и жертвы выглядели незначительными: несколько капель крови на камне в камине, вдыхание дыма трех сожженных петушиных перьев, хождение кругами и декламация заклинаний. Похоже на игру. Действия, не имеющие и не дающие силу.

В целом совершенно *бесполезные*.

Сейчас Джейн уже не сомневалась, что магия — не выдумки. Однако пьянящее осознание не захватывало ее всецело, его подпортила первая неудача с ребенком. Джейн не сломала каменную стену. Не накормила голодающего мужа.

За несколько часов до рассвета Джейн пришла в спальню, которую некогда делила с Августином. Остановившись у кровати, бесцельно разглядывала матрас, вмятины на нем. Большую часть времени он служил одному человеку, но теперь на нем появились едва уловимые следы присутствия второго. Матрас видел жаркие объятия, экстаз, знал об отчаянной вере обоих в несуществующее.

— С конкретной, ясной целью, — пробормотала она и отвернулась.

Доктор Низамиева выразилась предельно четко: необходимо сконцентрироваться на цели. Ее стремление помочь велико. Если смогла начать, сможет и закончить.

Краем глаза Джейн уловила шевеление на кровати.

Замерла, стоя вполоборота, не в силах повернуться и все хорошо рассмотреть. Увидит ли она Августина, каким-то образом выбравшегося из заточения?

Послышалось тяжелое хриплое дыхание, ткань простыни шелестела при каждом судорожном толчке ногами, голова металась из стороны в сторону из-за боли и страданий.

Джейн узнала эти звуки.

Абигейл Ю.

Тысячи ударов пронзили тело изнутри. Что делать? Упасть на колени и склонить голову к самому полу, бежать или кричать, дав выход страху, сделать вид, что не замечаешь, или взять мел и скорее начертить круг?

Вместо этого она оперлась рукой на угол шкафа и зашептала:

— Нет, нет, нет...

Только не Абигейл! Ее не должно быть здесь, ведь она не умерла! Неожиданно вспомнился вес подбородка больной в ее, Джейн, ладони, когда она поила ее бульоном. Затем пульс больной учащался, взгляд фокусировался на сиделке.

Джейн едва сдержала крик, подумав, что, будучи в клинике, так и не зашла в спальню. Призраки, тени принимают облик скончавшихся пациентов. Значит, Абигейл Ю умерла.

Если так, женщина мертва, и дух ее явился в Линдридж-холл, следовательно, нужно обезопасить себя, как в случае с Орреном. Но что делать? Да и зачем, ведь Оррен не нападал, лишь указал на известное, на то, что она боялась признать. И она нашла способ укрыться. Оттолкнула, снова его предала. Насколько же она бездушна и себялюбива, раз смогла поступить так же с женщиной, за которой ухаживала несколько дней?

Джейн заставила себя отойти от шкафа и повернуться к кровати.

Под простыней лежала Абигейл Ю. Грудь ее поднималась и опускалась рывками, из горла вырывались хрипы,

к потному лбу прилипли несколько прядей волос, а лицо казалось совсем белесым. Джейн вглядывалась в пальцы, лихорадочно сжимавшие одеяло. Накатил стыд и чувство вины.

— Боюсь... — прошептала Абигейл и замолчала.

Интонации напомнили об Августине, внезапно к горлу подкатила тошнота. Пятнышко крови на одеяле увеличилось на глазах. Опять кровь, очень много крови. В воздухе появилось зловоние. Преодолевая его, Джейн подошла ближе и откинула простыню. Тело Абигейл кровоточило, красные струи вытекали из живота. Она прижала ладони к ране, голова безвольно упала, словно под действием эфира.

— Боюсь, ты опять упустила важное, — прошептала Абигейл. — Ты всегда что-то забываешь. Убери это из меня! Достань это!

Но Джейн не могла пошевелиться. Видя это, Абигейл сама сжала ее запястье и потянула руку, стремясь поместить в рану на животе. Края ее разъехались, представляя взору череп, заполненный гниющей массой, кишачей червями. Пальцы Абигейл путались в блестящих кишках, большой палец бессознательно давил на пустую глазницу. Это была голова не младенца, а взрослого человека, мечтавшего прийти в этот мир, умершего еще до рождения.

Джейн рыдала и пыталась ухватить череп, вытянуть, освободить от него несчастную, но кости крошились при каждом прикосновении. У нее не получилось. Абигейл плакала и громко стонала, голова моталась на подушке, и Джейн невольно вспомнила саму себя, задышавшуюся от экстаза на этой кровати, почувствовавшая на теле умелые руки блестящего хирурга.

«Умоляю, — твердила она про себя, — умоляю, найди способ спасти ее. Бесподобный. Безумный».

Она взглянула в окно, но не увидела в нем Элоди. Окно оставалось черным.

Кровать тоже опустела.

Осталась только залитая кровью простыня.

Миссис Перл не должна знать, что произошло. Джейн посмотрела на кровать, перевела взгляд на окровавленные руки. Скоро взойдет солнце, придут слуги. Странные блюда и нарисованный мелом круг на полу можно объяснить, но такое... В голову не приходило никакого объяснение. По виду кровати и запаху можно сразу догадаться — здесь умерла женщина. А Джейн жива и вполне здорова.

Джейн сорвала простыню, ткань прилипла к ладоням, холодная и мокрая. Казалось, все происходит по-настоящему. Такими же реально существующими представлялись и призраки. И Абигейл.

Алые пятна уже виднелись на матрасе. Растерявшись, Джейн отбросила в сторону простыню, встала на колени и, просунув руки под матрас, ощупала обратную сторону — сухая и не холодная.

Ухватившись за край, потянула, чтобы перевернуть толстый матрас из конского волоса.

Ей удалось. Что ж, выход найден — и вполне приемлемый. До того дня, когда миссис Перл решит его перевернуть, Джейн что-нибудь придумает. Главное — выиграть время. Подхватив испачканную простыню, отнесла и бросила

в ванну. Кран выплюнул немного застоявшейся в нем воды, отвратительно пахнувшей плесенью. Правильно, основной вентиль еще перекрыт, ведь трубу в кухне не починили.

Опять ее упущение. Следовало напомнить миссис Перл вызвать мастера, когда они ездили вчера в город. Прежняя Джейн — благоразумная и предусмотрительная — непременно бы так поступила.

Простыню необходимо постирать или каким-то образом уничтожить. К счастью, на верхних этажах есть камин, которые почти не чистят, это шанс незаметно уничтожить улику.

Джейн вернулась в спальню, прижав простыню к груди, огляделась, пытаясь уловить шевеление или чье-то присутствие. Ни свежих пятен крови, ни пациентов... В окно негромко постукивал легкий дождь, доносились звуки лягушачьего хора, обосновавшегося на довольно большом расстоянии от дома.

Джейн прошла через ярко освещенный коридор и благополучно добралась до библиотеки. Угли в камине еще тлели, от подброшенной тряпки огонь разгорелся сильнее, и Джейн уселась на пол, прижав колени к груди. Золотое с красными всполохами пламя заползало в каждую складку и впадину, — впрочем, довольно медленно, будто неохотно. В тех сильно запачканных местах недовольно шипело и дымилось, выбрасывая в воздух запах страха. Джейн подтолкнула ткань вглубь и отодвинулась, когда рядом с камином стало жарко. Огонь уничтожает все, нужно лишь дать ему время, уметь с ним обращаться и тщательно следить. Яркий свет подсказал, что она испачкала и платье. Не раздумывая, Джейн сняла его и скормила всеядному огню.

Уничтожив все доказательства случившегося, Джейн спустилась в кухню. Там, в баке, куда стекала грязная и мутная вода после мытья посуды, тщательно оттерла руки.

Не думая о чистоте, плеснула себе в лицо и едва не потеряла сознание. Теперь все сожжено и смыто. Духи ушли. Ближился рассвет — пора заняться делом.

Джейн пошла за предметами для ритуала на восходе солнца: соль и куриное яйцо захватила из кухни, из кабинета — мел, настойку бензоина и толстую настольную свечу. Пришлось зайти в спальню, чтобы одеться, а затем вернуться в библиотеку.

Здесь еще сохранился запах горелой ткани, отчего Джейн заташнило, но она не собиралась уходить: расположение комнаты давало надежду, что прислуга доберется сюда не сразу и она завершит ритуал.

Джейн поставила внутрь круга, начерченного в сумерках, корзину, воткнула шпильку, удерживающую нить, и прочертила еще раз по уже существующей линии. Устроившись в самом центре, прислушалась к себе, ощущая вихрь, похожий на верткого угря. Дождавшись, в следующее мгновение увидела гниющий череп с червями, пальцы будто вновь увязли в разлагающемся склизком теле Абигейл. Вихрь исчез. Джейн попыталась вызвать его, но на этот раз ее отвлек треск поленьев в камине. В следующий раз ей помешали мысли об отчаявшемся голосе Августина за стеной.

«Надо спешить», — прошептала себе Джейн, вышла из круга и потянулась за свечой. На некогда гладкой поверхности она собственноручно вырезала витиеватые и прямые линии — в точности как указывалось в описании ритуала. Джейн втерла в воск настойку бензоина, поставила свечу перед собой и подожгла фитиль. Приятный аромат вскоре вытеснил запах гари, но вместо удовлетворения Джейн неожиданно испытала стыд за содеянное.

— Пусть этот свет ведет меня на пути к знанию, — произнесла она дрожащим голосом, уже понимая, что ничего не чувствует.

Но где же уверенность, восторг, которые охватывали раньше с первых слов заклинания? Сейчас Джейн ощущала себя нормальной. По крайней мере, больше, чем раньше. И еще... глупой.

Из коридора послышался гул. Нет, он появился не из воздуха, а исходил от самой стены. Из водопроводных труб, оставшихся без воды?

Августин. Он слышит. Он нуждается в этом, как и она.

Представив его лицо, Джейн вновь сосредоточилась на вихре. Сразу появился запах крови, она почувствовала прикосновение к червям, а затем к гниющей плоти, и на линию круга упали первые кирпичи. В груди закрутился вихрь энергии, и она едва не расплакалась от облегчения и радости.

Строка за строкой она читала заклинания уверенным голосом. Призывая в помощь очередное чувство, Джейн нанесла на кожу все, что следовало, и стала передавать в пространство поставленные цели: обрести знания, выйти за пределы ограниченного мира и спасти Августина. Низко поклонившись свече, она ощутила подбородком жар пламени. Как и в тот момент, когда сжигала простыню.

Джейн поджала под себя ноги и потянулась за яйцом.

— Тонкая скорлупа защищает внутреннее от угрозы; оно не способно выжить без посторонней помощи. Подобно этому ум человека оберегает неподготовленную душу от знания бескрайней Вселенной. Но скорлупе однажды суждено треснуть, ум отступит и позволит родиться тому, что зрело внутри, позволит дышать.

Джейн разбила яйцо в глубокую миску с блеклыми цветами по щербатому краю. Желток. Ярко-оранжевый желток стал вытекшим в белок ослепительным штрихом, с другой стороны потекло виднелось багровое пятно. Джейн погрузила пальцы в миску и принялась перемешивать массу.

Желток разлился, придав содержимому оттенок тусклого золота.

— Ум еще не готов отступить, — прошептала Джейн, подняла руку и пальцами, липкими от яйца, провела две линии ото лба по щекам и шее. — Я совершаю магические действия, синхронизирую разум и душу, готовлю себя к проявлению в жизни неведомого.

Она заставила себя поднять плошку и поднести к губам. Взгляд выхватил красное пятно. Воображение нарисовало сформировавшегося птенца с пушком по всему телу и косточками, такими хрупкими, что могли сломаться при неосторожном прикосновении. Это всего лишь пятно крови, она проглатывала такое раньше, и не раз, но чем дольше разглядывала теперь, тем отчетливее видела сетку сосудов и вен, живое существо, пока в зачаточной форме. *Синхронность*. Все сошлось, значит, заклинание работало, верно?

Сосредоточившись на двери, мысленно представив Линдридж-холл в целом, Джейн выпила содержимое.

Склизкая масса скользнула вниз по горлу, показалась неестественно, неправильно плотной и жирной. Желудок принял ее, последовал судорожный спазм, но она сдержалась, хотя миска едва не выскользнула из рук.

В следующую секунду мощная струя энергии стала подниматься по позвоночнику, наполняя все тело от кончиков пальцев ног до кончиков пальцев рук, и Джейн едва не задохнулась. Она ощутила в животе жар, но приятный, согревающий, обостряющий чувства. Тело просыпалось. Джейн просыпалась, бодрствовала, сейчас все казалось прекрасным, а в следующую секунду уже отвратительным.

Джейн стошнило в миску, и она принялась быстро-быстро глотать еще и еще. Ее мутило, голова кружилась. На зубах остался смешавшийся со слюной желток.

— Я принимаю путь ученичества, — произнесла она на выдохе.

Джейн успела расстелить ковер, чтобы закрыть нарисованный круг, и собрать вещи в корзину, когда снизу, издаലെка, донесся голос миссис Перл, который она теперь не спутала бы ни с чьим другим. Взглянув на свое отражение в окне, Джейн потеряла лицо обратной стороной подола платья. Волосы растрепались и спутались, взгляд пустой и неживой — хуже, чем у Августина после ночи страданий в поместье.

Хватит ли сил продержаться еще шесть ночей? Хватит ли миссис Перл терпения оставаться такой понимающей?

Джейн сползла вниз по лестнице, усилием воли протаскивая себя по всем коридорам. Хорошо бы привести в порядок прическу, это помогло бы выглядеть не такой измученной. На полпути к спальне она столкнулась с появившейся из-за угла миссис Перл. Женщины стояли и молча смотрели друг на друга.

— Завтрак вас ждет. — Горничная нарушила тишину первой. — Приготовили зайца, как вы и просили. — Она говорила вежливо и спокойно, но с вопрошающим взглядом, как тогда в карете.

Ах, конечно. Жалованье.

— Благодарю. Я сегодня отправлю письмо в банк по поводу оплаты.

Миссис Перл ответила не сразу.

— Прошу простить, мадам, но не лучше ли послать за экипажем? Так будет быстрее.

— Я... — В голову не приходило ни одно разумное оправдание отказа. Миссис Перл, безусловно, права, но ритуал не позволял ей покинуть Линдридж-холл, как и объяснить это прислуге. — Я не хочу, чтобы доктор Лоуренс вернулся в мое отсутствие. К тому же планировала сегодня заняться

наведением порядка в главной спальне, у меня будет много дел. Письмо — отличный выход.

Слабые доводы, даже на ее некритичный взгляд. А что подумает миссис Перл? Скорее всего, что глупыми отговорами она скрывает отсутствие денег. Или не уважает, в отличие от мужа, служащих у них женщин.

А это лишь первый день. Надо собраться и вести себя как-то иначе. Стараться контролировать себя.

— Конечно, мадам, — кивнула миссис Перл. — Дайте знать, если могу быть вам чем-то полезна.

Следите, чтобы я не уснула. Не держите на меня зла. И пошлите за мастером. Нет, нельзя допустить, чтобы в доме появился чужой человек, увидел ее такой и стал свидетелем безумных поступков. Или услышал крики Августина. Пока нельзя просить о помощи, надо все закончить. Миссис Перл не двинулась с места, и Джейн заставила себя улыбнуться, отчего заломило челюсти. Затем она прошла мимо горничной и стала спускаться на первый этаж, не потрудившись зайти в спальню, чтобы сделать прическу. В конце концов, она чисто одета, верно? И вполне готова к новому дню. Миновав холл, Джейн изо всех сил старалась не смотреть в сторону входа в подвал.

Джейн заняла свое место в столовой, не обратив внимания, что предусмотрительная — или суеверная — миссис Лутбрайт накрыла стол на двоих, и принялась жевать зайца, тушенного в крови со странными несочетаемыми травами. Теплое и питательное блюдо горчило. Джейн вспомнила о голодающем в подвале Августине, едва не поперхнулась, отложила вилку и поспешила на третий этаж.

Миссис Перл уже старательно убирала хозяйскую спальню, — видимо, серьезно отнеслась к словам Джейн. Она решила помочь горничной, но уже несколько минут стояла, задумчиво разглядывая пустой шкаф, требующий полировки,

а затем плотные пыльные гардины. Взгляд упал на камин, в котором миссис Перл нашла саквояж Августина. Женщины пыталась привлечь ее внимание, кажется, что-то сказать, но вышла из комнаты молча.

Джейн представила спальню в лучшие времена Линдридж-холла. Отметила, как неприятно дышать затхлым воздухом, как осыпалась штукатурка на потолке и появились разводы из-за протечек. Ничто не указывало на присутствие Августина.

Джейн бесцельно прошла по комнате и опустилась на пахнущий плесенью диван у стены. Бедром ощутила нечто твердое между подушек. В зазоре нащупала шершавый предмет — тонкий, длиной в несколько сантиметров. Джейн вытащила на свет небольшую тетрадь. Дрожащими пальцами открыла и увидела страницу, заполненную буквами ровными, аккуратными, выведенными не рукой Августина, к которой привыкла, а скорее женской, возможно его матери. Перелистнув вперед, прочитала фразу, от которой сжалось горло: *«Будь серьезнее, Элоди!»*

Устроившись поудобнее, Джейн положила дневник на колени и принялась читать.

«Как красиво звучит — Элоди Лоуренс» — так началась следующая страница. «Однако, по правде говоря, я пока не ощущаю, что это мое имя. Вероятно, Августин всегда будет считать себя скорее моим братом, нежели мужем. Правильно ли это? Я всегда знала, что мы поженимся. Совместное взросление, игры у ручья, беседы у камина в доме родителей — в такие моменты не думаешь о неизбежном будущем. Элоди Лоуренс. Мне придется к этому привыкнуть».

Сердце защемило, в голове пульсировала кровь. Невозможно представить Элоди обычной женщиной, для нее она призрак, чудовище, хотя и с трагическим прижизненным

прошлым. В ее сердце, истерзанном собственными переживаниями, едва нашлось место для Августина.

Джейн сунула тетрадь на прежнее место и выбежала из комнаты. Она решила укрыться в кабинете, сразу села за стол, надела очки и принялась составлять письмо в банк. Привычные мирские вещи, далекие от оккультизма, должны успокоить. Работа всегда помогала. Она не привезла с собой бухгалтерские книги, но письмо вернет чувство равновесия, пусть и временное. Однако усталость оказалась сильнее, чем предполагала Джейн. Несколько раз она роняла перо, не сразу смогла выполнить простейшее математическое действие — вычитание. А через некоторое время и вовсе поймала себя на том, что рассеянно оглядывает комнату, забыв, что собиралась сделать. Вспомнив о припрятанном кокаине и шприце, все же решительно отвергла эту идею.

Она не врач. Проколоть иглой собственную плоть — для нее невыносимо. Кроме того, можно легко ошибиться с дозировкой. Пойти на такое можно лишь в крайнем случае, а пока она лучше попробует другие способы. Затянет потуже корсет, закрепит прическу острыми шпильками, насыплет в туфли зерно, чтобы впивалось в еще не зажившие ступни. И непременно вернется к работе. Все это не даст заснуть. Однако Джейн вскоре закончила расчеты, составила письмо и передала его для отправки миссис Перл. Получается, остается только магия. Джейн взяла с полки одну из книг Августина — «Снимая доспехи», приложила трактат и блокнот, подхватила все и направилась в библиотеку. По дороге взяла стул из столовой, предварительно убедившись, что миссис Перл наверху, а миссис Лутбрайт занята. Объяснить поступок было бы несложно, только вот говорить совсем не хотелось. В библиотеке Джейн поставила стул в дальний угол, спиной к двери. Убрала мягкую подушку и взяла в руку подсвечник. Сидеть, не опираясь на подлокотник, неудобно,

и это очень кстати. Подсвечник легкий, чтобы рука не устала, но металлический: если он упадет, когда Джейн заснет, то наделает много шума и непременно ее разбудит. Положив фолиант Августина на колени, Джейн приступила к чтению.

Поползли часы. Миссис Перл двигала мебель в главной спальне и ругалась, несколько раз спускалась и поднималась по лестнице. На подъездной дороге за окном никто не появился. Джейн то и дело погружалась в дремоту; за мгновения до того, как уснуть, она роняла подсвечник и вздрагивала, всякий раз с трудом унимая биение сердца.

Наступил полдень. Джейн поела хлеба, запеченного с козьим молоком, и вернулась к прежнему занятию. Теперь она чувствовала себя лучше, сила внутри нарастала по мере того, как солнце завершало путь по небосклону. Подсвечник падал все реже. Ее увлекли истории о других мирах — совершенно правдивые, по утверждению автора, или, по крайней мере, содержащие правдивые факты. О мирах, где люди управляли реальностью одной мыслью и волей, существовали под небом с пятью солнцами и семью лунами. Выдумки. Ерунда. В некоторых местах, более правдивых, улавливалось сходство с древними рузканскими сказаниями и легендами еще более далеких земель. Какие-то она слышала от Екатерины, другие читала в школе. Здесь же все свалили в кучу и перемешали, вырвали факты из контекста.

Сколько часов осталось до заката? Она наконец останется в одиночестве и ощутит подъем энергии. Ах, как не терпится покончить с теорией и увидеть все по-настоящему! Спине внезапно стало жарко. Неужели от огня в камине? Но миссис Перл точно не заходила в библиотеку, она не видела даже, чтоб мелькнула ее юбка... Такое уже случалось однажды. Джейн поерзала на неудобном стуле и затаила дыхание. Все полки в комнате теперь были заставлены книгами. Толстые и тонкие тома в кожаных обложках, некоторые

из наспех скрепленных листов. В камине потрескивал огонь, освещая пространство. Дух захватывало от великолепия библиотеки. У камина на натертом до зеркального блеска полу стояли обитые плюшем кресла, намного более удобные, чем ее стул. Воздух наполнился ароматами дерева, масла для полировки и распускающихся бутонов. У двери стояла незнакомая женщина в мантии, как у доктор Хант, темные волосы спускались на плечи. В одной руке женщина держала ветку, в другой канделябр.

— Августин, — позвала она.

Джейн изо всех сил сжала подсвечник, уставившись на сидящего у огня Августина. Молодой, невероятно свежий, с короткой модной стрижкой, в дорогой красивой одежде.

— Значит, пора? — спросил он очень легко и приветливо. Он казался свободным, расслабленным, довольным собой и жизнью.

— Уже скоро. Почему ты не одет?

— Слышала о последней теории Джорджианы? — Он покачал ногой. — О передаче болотной лихорадки. Теорию миазмов как «заразительных начал» окончательно разгромили.

Женщина значительно старше Августина, но у них есть общие черты — осанка, овал лица. Может, это его мать? Бровь дамы удивленно приподнялась.

— Обсудим, когда все закончится. Идем, Элоди ждет.

Августин охотно согласился с улыбкой, которую Джейн теперь хорошо знала.

Я сплю. В панике она вскочила и осталась стоять, шатаясь, чуть наклонившись вперед. Никто из присутствующих не обратил на нее внимания. Августин покинул комнату и пошел вниз по лестнице. Не колеблясь, Джейн направилась следом, не выпуская из руки подсвечник.

От Линдридж-холла захватывало дух. Окна блестели, от ковров и новой обивки на мебели веяло свежестью — все комнаты выглядели красивыми и нарядными. Дом излучал удивительную энергию, каждый его неправильный угол, странная планировка теперь казались Джейн прекрасными. Здесь обитала гармония, дом и обитатели удивительным образом подходили друг другу.

Августин скрылся в спальне, и Джейн успела проскочить внутрь в последнюю секунду. Она бросилась к нему, когда он принялся снимать жилет.

— Августин. — Если она все испортила, нарушила ход ритуала, у нее хотя бы будет возможность поговорить с мужем. Прикоснуться к нему, поймать на себе его нежный, полный доброты взгляд. — Августин, это я, Джейн.

Он не ответил.

Попытка взять его за руку не удалась. Шагнув вперед, Джейн прошла сквозь его тело, не ощутив сопротивления, Августин не заметил ее. Казалось, она попала в зазеркалье, где выяснилось, что ее представления о мироздании весьма ошибочны, ведь Элоди всегда появлялась в зеркальной поверхности стекла. Могло подсознание теперь показать ей обратную сторону?

Джейн решительно подошла к Августину, снимавшему перед туалетным столиком рубашку и брюки.

— Августин! — выкрикнула она. — Нам надо поговорить. Я хочу так много тебе рассказать, ты должен это узнать и понять. Прошу тебя...

Он прошел в ванную и захлопнул за собой дверь.

Джейн оцепенела, но быстро пришла в себя и покинула комнату.

В холле миссис Лоуренс ждала сына в обществе двух мужчин и женщины. Одного, похожего на Августина, Джейн приняла за его отца, джентльмена с медной шевелюрой и его

светловолосую спутницу — за мистера и миссис Пинкком. А рядом с ними... пустота. Нет, не просто отсутствие человека — на месте дочери была пустота. Джейн, не в силах смотреть, отвела взгляд. Мать Августина подошла и протянула пустоте руки.

— Он, разумеется, был занят работой, — произнесла она с улыбкой. — Не тревожься, дорогая, он скоро спустится.

Пустота скрыла ее руки. Горло Джейн сжалось так, что стало трудно дышать.

Дама склонила голову, будто внимательно слушала, затем сказала с улыбкой:

— Ты должна научиться легко прощать ему подобное. Или ты в будущем станешь во всем от него зависеть.

Пустота — это Элоди.

Августин, одетый в темно-синюю мантию, отделанную блестящим зеленым шнуром, спускался по лестнице. Таким же шнуром одеяние затягивалось на талии. Сверху на плечах лежала накидка. Одежда напоминала старинную, но сшита из дорогой ткани и, несомненно, новая.

Джейн, затаив дыхание, смотрела, как Августин приближается к пустоте, прикасается губами почти к самому верхнему краю и что-то тихо произносит. Слов разобрать не удалось, но собравшиеся весело рассмеялись. Затем они вместе прошли к двери подвала, закрытой, но не запертой на замок. Отец Августина приблизился к ней первым, открыл и повернулся к остановившейся рядом пустоте.

— Элоди, дорогая, — произнес он голосом ниже, чем у Августина, но звучным. — Можешь ли ты сообщить нам, в каком порядке следует войти в помещение для проведения ритуала?

Ответом стала тишина, и она была не обычная, а давящая настолько, что Джейн тихо вскрикнула. Лоуренсы

и Пинккомы ничего не заметили, они с какой-то торжественностью вскинули головы. Некоторые черты делали их похожими на Хант с приятелями, но отличий все же было больше, — например, величие и грация, не выставляемые напоказ, но вполне естественные, а также серьезное отношение к происходящему, чего не скажешь о докторгах.

Словно призрак, Джейн двинулась следом. Миновав погребальный зал со стульями с вырезанными именами и длинным столом, они прошли в следующий, с концентрическими кругами и символами на полу. Вскоре свечи расставили на каждом пике многоугольника, а собравшиеся заняли места внутри фигуры.

Кровь на руках Августина не появилась. Ничего мистического и ужасного не случилось. Муж держал коробочку с цветным порошком, которым наносил точку на лоб каждого присутствующего и нараспев читал стихи, которые вскоре стали казаться набором бессмысленных слов. Джейн ощутила всплеск энергии вокруг, на своем языке и подалась вперед, чтобы уловить эту энергию, приобщиться к происходящему и *понять*. Голоса затихали, очертания фигур теряли четкость по мере того, как их стала отделять от Джейн выросшая по кругу стена, совершенно осязаемая, настоящая. Пустота осталась на другой стороне, став вдвое меньше, будто женщина опустилась на колени. Но почему она не с ними? Ведь еще далеко до того дня, когда Августин совершит непоправимое, она еще жива. Счастлива, любима и здорова.

Но вместо нее лишь пустота... Где же тогда Элоди? Пятно вернуло себе прежние размеры, решительно пересекло границу и заняло место в другой фигуре на полу. Внезапно картинка перед глазами Джейн начала покачиваться. Затем пустота поглотила появившийся из ниоткуда кинжал, на пол стала капать кровь, разъедающая камень.

Через секунду Джейн услышала только стрекочущих на краю лужайки сверчков. Глаза слепило от яркого после-полуденного солнечного света, в котором хаотично кружились пылинки. Следом донеслись шаги из коридора. Она по-прежнему сидела в библиотеке, окруженная шкафами с пустыми полками. Рывком подалась вперед и уронила лежащую на коленях книгу. Страшный сон. Ей приснился кошмар. Выходит, она спала? Неужели она нарушила ритуал и теперь ее отбросило на день назад, в самое начало?

Нет, подсвечник по-прежнему в левой руке.

Что же тогда произошло?

Дождавшись, когда уйдут слуги, Джейн отправилась на поиски Элоди. Обходя дом, она заглядывала в каждое темное окно, в каждое зеркало. Она звала, громко выкрикивая имя, даже достала спрятанный между подушками дивана дневник и прочитала вслух страницу. Продолжала надеяться. Она прочитала о событиях, которые совсем недавно видела воочию, — об обряде инициации, который провела семья Элоди. Девушка пребывала в предвкушении, была взволнована, возбуждена мыслями о предстоящем. В тот день не случилось ничего сверхординарного, ничего такого, что можно было бы счесть следствием применения магии, Элоди не могла бы даже утверждать, что все произошедшее реально, но не оставляла надежду. Она *верила*. Джейн пролистала дневник в поисках пятен, но имя Элоди не стерлось, все оставалось как прежде. Оно сохранилось и в пометках Августина о ритуале воскрешения. Вероятно, и в его блокноте с записями о трагах, что невозможно проверить, ведь его нет в доме. Все осталось неизменно, стерся лишь образ Элоди в прошлом — таковы последствия ее смерти.

В окне Джейн видела свое отражение, светящиеся рожки люстры, местами почерневший пейзаж по ту сторону

стекла. Удивительно, но у нее не появлялось желания отвести взгляд, как и ощущения, что реальность исказилась, что происходит нечто неправильное. Однако зияющая пустота определенно что-то значила. Почему же Элоди присутствовала в той сцене, что показала Хант во время их «игры» в библиотеке? И она появлялась в окнах с красными глазами, и в подвале, когда кровь стекала с ее тела.

— Она в ловушке времени, — прошептала Джейн, оглядывая смазанные контуры круга на полу. И Августин признался, что никогда ее не видел. Очевидно, что все это взаимосвязано, а для понимания не хватает важной переменной величины, необходимо выполнить некое действие... Джейн заставила себя несколько раз глубоко вздохнуть, заново начертила круг в самом центре комнаты и опустилась на колени. Это видение точно не станет последним. Возможно, появятся еще факты, и в будущем ей удастся понять больше.

— Элоди, я найду тебя, — отчетливо произнесла Джейн, обращаясь к Линдридж-холлу, поскрипывающему в темноте, будто вздыхая. — Я все решу. Все улажу.

Ответа не последовало, лишь ночь продолжала медленно, но уверенно менять облик мира. Утверждаясь в верности пути, Джейн опустилась на пятки, чувствуя пьянящее воодушевление, и потянулась к тетради с заклинаниями. Затуманенный мозг не мог объединить лишенные логики обрывки событий и фраз в единое знание, однако некоторые слова запечатлелись довольно ярко. Среди книг Августина Джейн нашла тетрадь всего с парой исписанных страниц и взяла себе, чтобы заносить туда мысли, наблюдения, описывать опыт и возникшие теории.

Все дело в круге. Нет сомнений, что он отпугивает призрака, заставляет уйти. Дух не мог пересечь границу, ходил рядом, как зверь, нацеливаясь на добычу, но сдавался, отступал. Это не что иное, как магия в чистом своем проявлении,

подобного Джейн еще не видела. Необходимо двигаться дальше к новым открытиям.

Бумага и чернила остались в библиотеке. Джейн почти все израсходовала, рисуя круги и доказывая теоремы из геометрии — какие помнила. Провела немало часов, пробираясь тропами логики, и пожалела, что под рукой лишь трактат с теориями второстепенной важности и нет грифельной доски. Но под исписанной бумагой есть чистый пол. Джейн взяла мел и продолжила писать на нем.

Когда и мел закончился, Джейн стала царапать пером по дереву. Глаза за стеклами очков горели и болели. В душе росла уверенность, что она близка к чему-то важному. Она составляла уравнения, пытаясь новым образом использовать ноль. Ноль, который также можно было считать кругом. Есть ли связь?

Тишину дома нарушил неожиданный крик — снизу, скорее всего из подвала. Расстояние чуть приглушило звук, казавшийся громче в холле, за счет своих размеров обладавшем хорошей акустикой.

Не раздумывая покинув сплетение кругов, Джейн выбежала в коридор и уже миновала половину, когда снова раздался истошный мужской вопль. Августин. Трубы завывали в унисон с его болью. Однако внизу, посреди холла, в центре очерченного мелом круга стоял совсем не муж, а другой человек. Молча, раскинув руки в стороны и запрокинув голову, он смотрел в потолок. Это был мистер Рентон.

Края раны стали багровыми, она разделяла живот пополам, внутри уже началось гниение — там, в глубине, где Августин сделал несколько надрезов, в глубине, которую Джейн удерживала разверстой. Расстегнутая сорочка и брюки запачканы могильной землей, кончики ее пальцев помнили, как мягка глина, ведь она собирала руками ее куски. Вновь послышался крик, но призрак не пошевелился, разве

что челюсть опустилась. Несмотря на муки в голосе, он напоминал увеличенную фотографию или каменное изваяние.

Изваяние.

За прошедшие часы она нарисовала немало кругов. Немного мела, пригоршня соли — и мистер Рентон к ней не приблизится. Все же она будет слышать его холодящие душу крики.

Она не сразу поняла, что призрак замолчал и смотрел прямо на нее, не моргая.

Глаза стали вылезать из орбит.

— Джейн Шорингфилд Лоуренс, — произнес Рентон.

— Откуда тебе известно мое имя? — прошептала она.

Во время операции Августин называл ее мисс Шорингфилд, но пациент не мог этого слышать.

— Где то, что из меня вырезали?

В банке. Выставлено на всеобщее обозрение в кабинете человека, до которого сейчас не добраться.

— Исчезло, — пробормотала Джейн.

— Нет, — протянул призрак, губы его неестественно оттопырились, обнажив желтые, местами сточенные зубы. — Я бы знал. Мы ведь связаны, я и каждая часть меня. Как практикующий маг и его ритуал. Если бы она исчезла, я бы почувствовал.

Практикующий маг и его ритуал. У его тела нашли мел и соль. Августин запаниковал. Вот и еще одно подтверждение — Рентон занимался магией. И заплатил за это высокую цену.

Из ее горла вырвался истерический смех. Перед ней, несомненно, дух, однако, похоже, не совсем обычный. Что-то особенное происходит с магами после смерти? Тем более когда они становятся неприкаянными призраками.

— Ее здесь нет. — Кто мог знать, что он потребует назад кишку? Да и как ее вернуть?

Впрочем, они могли похоронить кишку вместе с телом или уничтожить, как безжизненный плод из чрева Абигейл Ю.

Абигейл. Воспоминания о ней вызывали ощущения, схожие с прикосновением к клубку червей. Но что означал увиденный в ее чреве череп? Неужели Августин ошибся в определении причины проблемы? И она гораздо серьезнее?

Джейн перекатывалась с мыска на пятку и обратно, пытаясь взять себя в руки.

— Ты все исправишь, — опять заговорил Рентон. — Ты вновь сделаешь меня целым.

— Я... я не смогу...

— Получив что-то, нечто равнозначное надо отдать.

Руки невольно легли на живот. Джейн сдерживала болезненный спазм, вызванный нависающим над ней призраком.

— Я не понимаю, — пролепетала она.

— Нечто, появившееся не на своем месте.

Непроходимость кишечника. Смерть плода. Кости, растающие после неправильно произнесенного заклинания. Что же растет в ее теле?

— Получив ее, ты меня оставишь? Покинешь этот дом и упокоишься с миром?

— Сделай меня вновь целым.

В доме нет потрохов, которые можно ему отдать, но есть коллекция Августина. Там немало странных вещей, в том числе появившихся не на своем месте. Они похожи. Они все похожи.

— Пожалуй, я смогу, — произнесла Джейн. Желание скорее убежать при этом лишь усилилось.

Саквояж Августина замурован вместе с ним в крипте, но в кухне есть игла и нитки, которыми зашивали дичь перед запеканием, а также чинили одежду.

— И не забудь о могильной земле.

Откуда он знает, что она у нее есть? Понадобятся ему мох или бензоин? Хочется верить, что дух не придумал злую шутку, чтобы убавить ее запасы. Может, это необходимый следующий шаг к познанию, обещанному по завершении ритуала?

— Ты можешь двигаться? — спросила Джейн и заставила себя посмотреть призраку в глаза.

Тот сделал шаг, потом другой, будто кукла на негнущихся ногах, но все же он шел.

Джейн невольно отшатнулась, к горлу подкатил ком.

— Иди на второй этаж, встретимся у лестницы.

Рентон вышел из круга и принялся медленно подниматься. Она же поспешила в кухню за иглой и ниткой. Вдали от призрака дышалось легче, но все же она еще ощущала отвратительный трупный запах, который заставил ее задержаться на время, прежде чем направиться к лестнице.

Призрак двигался впереди. Остановившись на площадке, он вновь запрокинул голову и громко, протяжно завыл. Джейн не могла не заметить, что лицо его при этом не выражало никаких эмоций. Затем он наблюдал, как она откладывает немного земли и с большой осторожностью мох, и одобрительно кивал. Джейн выскользнула из спальни и поспешила в кабинет. Оглядела ряды черепов на полках, какие-то скрученные волосы, затвердевшие опухоли в банках и прочее и прочее, чему не могла дать название. На чем лучше остановить выбор? Что подойдет больше?

Череп внутри Абигейл находился не в должном месте, это была патология. Волосы точно не подойдут, но... вот

это... Взгляд упал на нечто странное, похожее на кусок ветки и на кишку мистера Рентона. *То, что нужно.*

Призрак покорно ждал на лестничной площадке. Смердный запах навалился с новой силой, но вскоре исчез, сменявшись чем-то дурманяще-дымным, манящим, в чем улавливались нотки бензоина, антисептика и розового масла. Запах ассоциировался у нее с магией и операционной.

Джейн подняла руку с сучком, Рентон коснулся его, словно благословляя.

Они прошли в спальню. К счастью, Рентон уместился в широкой и длинной ванне, но Джейн придется непросто, ведь у нее только две руки. Нет ретракторов, чтобы проникнуть вглубь живота. Внутренности Рентона сейчас напоминали отвратительное гниющее месиво.

Джейн приступила к делу, заметив, что плоть время от времени теряет плотность, будто перестает существовать в этом мире. Вот под ее рукой липкая влажная масса, а в следующее мгновение — нечто легкое, невесомое, словно шелковое полотно. Из-за отсутствия воды она промыла рану бренди из бутылки, которую оставила доктор Хант. Помещение наполнилось спиртовыми парами, а ванна — грязью. Сучок Джейн пристроила туда, где разглядела перекрученную кишку, сверху положила могильную землю и мох. Рентон заговорил, стоило ей взять иголку и начать зашивать рану.

— Ты чудовище, — прохрипел он.

Джейн вздрогнула и вонзила иглу в рваный край раны с неожиданной силой, проколов слишком глубоко.

— Что это значит?

— Ты не плачешь, не кричишь. Ты не плакала и не кричала, когда Августин Лоуренс резал меня на столе.

— Сейчас ты не настоящий.

— Разве?

Она надавила на рану и подняла на него глаза.

— Ты не человек. Уже нет, — добавила она после паузы. — Где ты был до того, как появился здесь?

Он молчал, будто ждал чего-то терпеливо и неподвижно. Джейн вернулась к работе, сделала еще несколько стежков. Они выходили не лучше, чем у неумелого ребенка, так сильно тряслись руки.

— За пределами этого мира есть другой, — наконец произнес Рентон. — Очень далеко. Он совсем другой.

— Мир мертвых?

— Не только мертвых, скорее всех вещей, ушедших из этого мира.

Дрожь сотрясла ее тело.

— Что было, когда ты умер?

— Боль. Боль и знание. Я занимался магией, потому и умер. Я умер и занимался магией.

— Ты можешь научить меня? — Голос звучал чуть громче шепота.

Рентон никак не отреагировал. Не улыбнулся и не рассмехался, не нахмурился и не отказал.

— Заканчивай свое дело, — произнес он.

Джейн сделала завершающие стежки и туго завязала нить. Она помогла мужчине выбраться из ванны. Живот его колыхнулся, но шов не разошелся. Оглядев свое грязное тело, он нашел результат удовлетворительным.

— Скоро рассвет. Покажи мне, что за ритуал.

Недолго думая, она завязала вокруг его талии свою старую ночную рубашку, чтобы кровь не капала на пол, и отправилась в кухню за яйцом и новой свечой. Рентону она велела дожидаться в коридоре у лестницы.

Очертив мелом круг и укрепив его солью, она подняла глаза на призрака, ожидая реакции, возможно подсказки или помощи, но тот затих, как труп.

Несмотря на промелькнувшую на лице тень досады, он по-прежнему пристально следил за движениями Джейн, за тем, как она бормотала себе под нос непонятные слова. Кончики пальцев покалывало от прилива энергии, она бежала по венам, но радости это не приносило. «*Ты ее видишь?*» — мысленно обратилась она к Рентону. Он не ответил.

Внезапно Джейн отчетливо поняла, что не желает проводить ритуал при свидетеле, не хочет, чтобы кто-то был рядом в такие моменты. Ритуалы, магия — это плохо. Именно из-за этого Рентон вспорол себе живот, осквернил тело и душу, из-за этого по коридорам Линдридж-холла бродят духи.

Возникло непреодолимое желание с криком выдворить его из комнаты, но любое действие или звук, не предписанный ритуалом, станут его нарушением. Рисковать нельзя. Между ней и призраком возведен круг, но она не чувствовала себя защищенной. Напротив, ей казалось, что она уязвима, лишена не только покрова одежды, но и кожи.

Рентон следил за ней настороженно и внимательно.

— Тонкая скорлупа защищает внутреннее от угрозы, — начала заклинание Джейн, голос дрожал и срывался. — Оно не способно выжить без посторонней помощи. Подобно этому ум человека оберегает неподготовленную душу от знания бескрайней Вселенной. — Похоже на философские рассуждения. Рассуждения, что тешат ум и душу. Утверждения, лишённые логики, не доказанные наукой. Джейн тяжело слотнула. Щеки и глаза горели сильнее. — Но скорлупе однажды суждено треснуть, ум отступит и позволит родиться тому, что зрело внутри, позволит дышать. — Слова теперь ее не трогали. Сила, кажется, уже ушла из нее, осталась лишь досада.

Наконец зашевелился стоящий за пределами круга Рентон. Беззубый рот открывался, словно он вторил ей. Одеревеневшее после смерти тело вновь стало мягким, как живое, члены сгибались, на лице появились эмоции. Получается, он ждал, надеялся, жаждал не того, что она уже достигла, а еще большего — того, что она могла достичь.

Джейн потянулась за яйцом и миской. Сжав слишком сильно, большим пальцем продавила скорлупу, поспешила разломить на две части и вылить содержимое, невольно ища глазами бордовое пятнышко. Слова стали обретать смысл. Плод в яйце развивается, сейчас он уже не такой, как раньше, то же самое происходит с ее пониманием мира. Что это? Принцип синхронности или влияние магии?

Внутри золотистого круга ей удалось разглядеть розовую фигурку с двумя точками глаз. Некстати вспомнился младенец внутри чрева Абигейл Ю. Желудок сдавило, к горлу подступила тошнота. Рентон увидит, как она его проглотит. Не станет ли он тогда считать ее чудовищем?

Большим пальцем она коснулась эмбриона, разрушив оболочку желтка, и принялась рисовать линии на лице. Потом поднесла тарелку к губам, и куриное яйцо — все еще куриное яйцо — перетекло в ее рот.

Она посмотрела туда, где стоял Рентон, надеясь увидеть в его глазах поддержку и одобрение. В эту секунду первые лучи восходящего солнца упали на пол комнаты. Рентон исчез. Он не оставил ей ничего, не передал и обрывка знаний. С диким криком она швырнула миску в дальний угол, где та разлетелась на несколько частей, все еще покрытых склизкой массой.

— Вы говорили с ним о магии?

Джейн сидела напротив каменной стены с пятнами желтка на лице и перепачканными руками. Солнце за ее спиной начинало свой путь по небосклону. Скоро появится прислуга. Но ни то ни другое ее не волновало.

— Этридж рассказывал тебе о том, что узнал за годы практики, о своих ошибках? — Безжизненная поверхность источала холод. — Или тебе не приходило в голову спросить? — Ее рука скользнула вверх-вниз в надежде нащупать хоть крошечную трещинку, но безрезультатно.

— Августин, поговори со мной, — с мольбой воскликнула она.

Ответа не последовало.

Помрачнев, Джейн вытащила из рукава мелок и мешочек соли и нарисовала на полу круг. Их всегда лучше иметь при себе, так спокойнее; их отсутствие вызывало почти физическую боль. Затем посмотрела туда, где раньше была дверь. Патология беременности Абигейл и кишки Рентона. Кости Этриджа. *То, что выросло не на своем месте.* Эта стена также появилась не на своем месте.

Откройся! Откройся!

Стена даже не дрогнула.

Джейн заколотила по ней, выругалась в сердцах и отошла на шаг. Слуги скоро будут здесь, осталось не так много времени, чтобы придать себе презентабельный вид. Но она обязана решить задачу и не успокоится, пока не добьется желаемого. Она чувствовала, что ответ где-то совсем рядом. Если бы Рентон остался... Но должен быть и другой вариант, верно? Ногти впились в ладонь. Подавшись вперед, она оказалась так близко, чтобы губы почти касались камня.

— Он меня обманул? — прошептала Джейн. — Он искал меня, чтобы уничтожить? — Не стоило доверять призраку. Но что остается, если нельзя принимать на веру все им сказанное? — Я хотела знать то же, что знает он. Я верила, что он откроет мне нечто важное. Получается, он обманывал меня? Он мне солгал? Августин, скажи, что я делаю, когда черчу круг? Августин! Объясни мне!

Голос ее стал похож на рычание. Дом заскрипел, застонал и стал шататься, словно готовился обрушиться ей на голову. Августин пытается ей ответить? Или этот дом слишком стар и построен в соответствии с нелепыми оккультными принципами? Скорее первое, но все же... все же...

— Объясни почему? — шептала Джейн. — Почему у меня получается? Ты много лет изучал магию, доктор Хант много лет изучала магию. Рентон, Этридж — вы все стремились, а нарисовать настоящий круг получилось у меня. Я провожу ритуал и ощущаю потоки энергии. — Она бесильно покачала головой. — Это самообман, Августин? Мне просто кажется, что получается то, чего я так хочу?

Она молчала и пристально разглядывала белый камень. В нем совсем ничего не изменилось, поверхность не пошла рябью, не дрогнула. Камень, просто камень.

Ну конечно! Миссис Перл должна была это заметить. Неужели нет? Вот и способ проверить, в какой она находится

реальности. Как только придет миссис Перл, надо будет спросить ее о двери в подвал. Только очень спокойно, мимоходом. Если горничная тоже видит камень, значит, он существует. Если же удивленно спросит: «А что случилось с дверью?» — тогда Джейн отправит ее на поиски Августина. Ведь подвалы под особняком опасны, муж сам говорил об этом...

Над ухом камень задребезжал. Джейн отпрянула и принялась искать глазами другой знак, но безуспешно. Сердечный ритм вскоре восстановился, и стало ясно, что это было видение, а она почти провалилась в сон. Спать. Спать нельзя. Явно ощутимая, как вчера, усталость сегодня трансформировалась в более легкую, подкрадывающуюся незаметно. Пошатываясь, как новорожденный жеребенок, она прислонилась плечом к каменной стене. Осмелившись на мгновение закрыть глаза, прошептала:

— Спасибо.

Вдруг это правда Августин ее разбудил? Оттолкнувшись от стены, Джейн поплелась в спальню. Булавок и тугих корсетов недостаточно, чтобы воздерживаться ото сна. Придется прибегнуть к средству Августина.

Дрожащими пальцами она достала из шкафа кокаин и шприц и положила на кровать. К счастью, миссис Перл перестелила ее и воздержалась от вопросов. Открыв блестящую коробочку, Джейн уставилась на шприц и лежащие рядом колбу для смешивания и латунные складные весы. Солнце светило все ярче; она с легкостью отмерила некоторое количество порошка и развела, добавив воды из таза, принесенного предусмотрительной миссис Перл. Закончив, умылась, отметив, что, к счастью, уже не видит следов яичного желтка.

Раствор кокаина она набрала в шприц, попыталась закатать узкий рукав, что не удалось. Тогда Джейн растянула

лиф и вытащила руку, затем вытянула шнурок из корсета и перетянула предплечье, как это делал Августин. Выпирающий больше обычного живот обнажился.

Нахмурившись, Джейн отложила шприц и провела по животу ладонью. Немного левее от центра, прямо над бедром ощутила болезненный укол. Совсем легкий, явный. Рука дрогнула. Внематочная беременность Абигейл. Патология кишки Рентона. Она отчетливо услышала голос Августина: *«Он нашел определенные книги и развлекался, проводя магические ритуалы, пока не ощутил, что в нем появилось и растет нечто новое»*.

Как быстро это нечто будет расти в ней?

Джейн убрала руку и взялась за шприц. Нужно собраться и отбросить страх. Она не ощущала себя больной, не чувствовала боли, пока не коснулась припухлости на животе, но поняла, что вызвало тревогу в день начала ритуала и вчера, когда занималась Рентоном. Ей надо проявить больше усердия, нельзя что-то испортить и прийти к необходимости начать сначала.

Джейн довольно ловко нашла вену, копируя действия Августина, и сразу успокоилась. Глаза подвели — четкость на несколько мгновений сбилась, но, несколько раз глубоко вдохнув, она заставила себя сосредоточиться, как в минуты, когда чертила круг. И ввела иглу в вену.

Кокаин оказался расплавленным металлом, растекавшимся по телу и готовым принять любую форму. Крик застрял в горле, она с трудом и тяжело дышала, а потом и вовсе затаила дыхание. Вскоре хватка ослабла, потом исчезла недавно появившаяся настороженность, затем вернулась уверенность, которой она лишилась еще вечером.

— Доброе утро, мадам, — послышалось от двери. — Вам письмо... О! О, милосердный Соз...

Джейн подняла голову, посмотрела на руку миссис Перл с письмом и поспешно влезла в платье, хотя и не застегнула его должным образом.

— Что за отвратительный запах? — Горничная поморщилась, заткнула нос и вышла в коридор.

Запах? Джейн не сразу осознала, что смрад доносится из ванной. Видимо, и от нее все еще пахнет смертью. Отбросив шприц на кровать, она вбежала в ванную, увидела перепачканную и залитую бренди ванну и с трудом сдержала тошноту.

— Простите, мадам, но вам надо ехать в город, встретиться с мистером Лоуэллом. — Говоря это, миссис Перл усиленно боролась с тошнотой. Джейн повернулась к ней и покраснела. Горничная активно махала рукой с конвертом. — Все это... внушает опасения. Боюсь, мадам, вы нездоровы.

— Совершенно здорова, — отрезала Джейн и покачнулась. Миссис Перл сделала шаг вперед, словно собиралась ее поддержать. — Давайте письмо. — Она подалась вперед, и женщина испуганно отступила. Прищурившись, Джейн разглядела почерк доктора Низамиевой.

— Это от доктора, она работает с теми, кто страдает психическим расстройством. Отдайте письмо, миссис Перл.

Та протянула его с видимой неохотой.

— Лучше бы доктор прислала медсестру вместо письма.

— Вы никогда не видели таким Августина? — фыркнула Джейн, вспомнив темные круги под глазами мужа, путанные лживые объяснения в начале их отношений. — Поглощенным собой, будто околдованным, растерянным, сбитым с толку? — Она вырвала письмо из рук миссис Перл, та ахнула, расправила плечи и нахмурилась.

— Никогда, миссис Лоуренс. — В голосе ее появились стальные нотки.

— Полагаю, вместе с почтой прибыло и ваше жалованье.

— Точно так, — кивнула миссис Перл. — Хотя вы и урезали нам часть.

— Этого не может быть.

— Мы с миссис Лутбrait все проверили. Это так.

Джейн отвернулась, прижав жесткий конверт к выпуклости на теле.

— Простите, — пробормотала она. — Моя ошибка, я все исправлю. Надеюсь, вы не станете держать зла и поймете, что сейчас мой ум занят другим.

Лицо миссис Перл чуть подобрело.

— Я пошлю за каретой, — произнесла она. — Вам будет лучше в клинике.

Гнев мгновенно вытеснил смущение.

— Нет. Я должна быть здесь. Мой муж ночевал только здесь, почему от меня вы не ждете того же?

— При хозяине в доме никогда не пахло смертью, — довольно громко произнесла женщина, но поспешила справиться с эмоциями. — Миссис Лоуренс, прошу вас, возвращайтесь в город.

Ни за что. Из-за него в доме не появлялась грязь, верно, только чувства стыда и вины. Впрочем, она испытывает их не меньше Августина. Однако он сдался на пути к познанию, покорился и терпел, ей же нужно больше. Разве нет? На мгновение уверенность ее подвела. Потребовалось некоторое время, чтобы Джейн-одержимая и Джейн-разумная договорились, но это случилось. Она поверит, если в письме доктор Низамиева назовет ее сумасшедшей, к ее мнению она прислушается.

Разорвав конверт, Джейн впиалась глазами в строчки. Ничего подобного там не было. Низамиева писала лишь о том, что поговаривали об исчезновении Августина, коротко выражала поддержку и желала удачи.

Я уверена, вы справитесь с достоинством, вы однозначно подходите для этой миссии.

— Я должна быть здесь, когда муж вернется, — произнесла Джейн, поднимая глаза на горничную. — Так что я останусь. Вы удовлетворены?

— Нет, миссис Лоуренс. Пройдемте вниз. Мы с миссис Лутбрайт будем дежурить в доме и ночью, но вы должны вернуться в клинику. Вам надо отдохнуть. Вы уже несколько дней не спите.

— Кто вы такая, чтобы следить, сплю я или нет? — бросила ей в лицо Джейн.

Миссис Перл открыла рот, совсем как мистер Рентон. Какая ей польза от горничной? Миссис Лутбрайт хотя бы готовила, и то лишь пищу для ритуала. Разжечь камин она способна сама и с домашними делами вполне справится без помощниц.

— Вы правы, меня не назвать хорошей хозяйкой, — продолжала Джейн, видя, как поникли плечи миссис Перл. — Недостающую сумму жалованья и выходное пособие я отправлю вам обеим домой. Оставьте ключи в кабинете.

— Но миссис Лоуренс...

— В ваших услугах здесь больше не нуждаются. Благодарю за все и прощайте.

Миссис Перл и миссис Лутбрайт сразу ушли. Джейн следила за женщинами из окна спальни, дрожа от радости и гордости за себя. Сердце трепетало в эйфории от ощущения свободы. Без этих двух наседок, кружащих рядом, она добьется большего. Днем, когда не беспокоят призраки, сможет посвящать время получению знаний, пробовать себя в чем-то новом. Все определено к лучшему. Почему она не сделала этого раньше?

Ее сдерживали стыд и страх. Именно страх позора не позволял Августину порвать связь с Линдридж-холлом. Джейн не должна давать воли подобным чувствам. В этом она превосходит мужа, она сильнее.

Впрочем, без прислуги дел у нее прибавится. Надо проверить, достаточно ли у нее мха и земли с кладбища, подготовиться к ритуальным приемам пищи. Интересно, тушеный заяц на сегодня уже готов? Большой ли в доме запас куриных яиц? Если каких-то продуктов недостает, надо найти способ послать за ними.

Первым делом Джейн затянула корсет и застегнула платье. Живот отозвался болью на дополнительное давление, и она свернулась на кровати, прижав руку к выпуклости.

Казалось, она стала больше. Ни толчков, ни шевеления внутри, как при беременности, это нечто казалось тяжелым и твердым. В какой-то момент Джейн ощутила вибрации живого существа (отклик на ее внимание), не похожие на пульс, постоянные и ритмичные.

Джейн задумалась, но так и не смогла дать точное определение ощущениям.

Спустившись в кухню, она сразу удостоверилась, что яиц более чем достаточно, нашла парное молоко и недавно выпеченную буханку хлеба. В центре обеденного стола стоял ее тушеный заяц, сервировка на одну персону. В леднике лежали водоросли и ничего больше.

Все хорошо. Сейчас она не голодна, съест немного, чтобы осталось на будущее. Главное — это ритуал и все, что связано с магией. Посещавшие ее по ночам призраки, несомненно, реальны. На матрасе остались пятна, а миссис Перл учуяла трупный запах Рентона.

Джейн умеет чертить круг, возводить стены и глотать яйца. Следующая задача — научиться влиять на окружающую действительность, сотворить нечто исключительное, что подтвердит ее силу. Стену не разрушить, нужно попробовать что-то другое — это станет первой вехой ее развития.

Джейн отправилась наверх. Стол в кабинете был завален книгами, из которых она отбирала нужные себе. Книги лежали и по углам, на полу у самой границы начерченного круга. Джейн встала в центр, медленно повернулась, оглядывая беспорядок.

Сможет ли она воздействовать на предметы силой воли? Возведение защитного круга теперь давалось легко. Джейн приняла ту же позу, что Рентон, — раскинула руки в стороны и запрокинула голову, замерла и сосредоточилась на ближайшей книге. Не гримуар, а всего лишь «*История брелтанской мысли*», бесполезная для нее вещь. Название

побудило Джейн просмотреть несколько страниц, но затем отложить книгу в сторону. Сейчас том лежал на полу, его надо вернуть на место. Вытянув руки перед собой, Джейн мысленно велела ему подняться. Никакого движения. Ничего и не должно было случиться. В голове мелькали слова доктора Низамиевой, обрывки многочисленных текстов, они смешивались с фрагментами, тезисами, выводами. Внешнее зависит от внутреннего. Все меняется каждое мгновение. Через секунду мир уже не будет таким, как секунду назад.

Книга на полке.

Нет, не на полке. Джейн смотрела на нее в упор, но та не шелохнулась. Она лежала на полу, да и как иначе? Джейн ее не перекладывала, даже не касалась, книга ведь не может перемещаться сама.

Она стала медленно поворачивать голову и вскоре видела лишь малую часть книги краем глаза.

Книга на полке. В это необходимо поверить. Нет, не поверить — она не должна сомневаться в этом ни на толику.

Книга на полке.

На полке стояла книга, на ее серый тканевый переплет падал свет, и удалось разглядеть зацепку у корешка. Вот и все — книга на полке.

Джейн смотрела на нее во все глаза.

Цвет обложки и толщина напоминали ту, что лежала на полу всего пару мгновений назад. Джейн опустила глаза — пусто, книга исчезла. Джейн зажала рот рукой, сдерживая крики и смех от восторга. Голова чуть кружилась, когда она выходила из круга. Губы сами собой растянулись в широкую улыбку, происходящее казалось сном.

Джейн горела желанием убедиться в реальности произошедшего и взяла в руки «Историю бретанской мысли». Книга существовала, тяжелая, со страницами с узором

букв — все такое, как Джейн помнила. Настоящая книга, которую удалось переместить в пространстве силой мысли. Ей удалось. Она научилась менять мир за несколько ночей, прошедших со дня начала ритуала. Оглядев страницу, Джейн попыталась прочесть первое предложение, но поняла, что не в состоянии. Попыталась снова — опять неудача. Перед глазами плясали буквы, сложенные в слова, но лишённые смысла. Она перевернула страницу — все то же самое. И на следующей. И на следующей. Сердце забило так сильно, что Джейн не выдержала и захлопнула книгу. Название написано верно — *«История бретанской мысли»*, — а имя автора... прежне ли оно? Имя ли это вообще?

Отбросив эту книгу, Джейн взяла другую. Текст можно прочитать и понять, каждое предложение наполнено смыслом. В следующей тоже все в порядке. И в следующей. Они остались прежними. За исключением той, которую она переместила.

Но ведь книга совершенно точно оказалась на полке. Почему же она изменилась?

Причина в знании.

Впрочем, это упрощенное определение. Об этом ли говорила Низамиева? Джейн вспомнила все о балансе и компенсации, о логическом доказательстве. Каждую переменную величину следует обозначить. Узнать каждый член уравнения. *Изменения, необходимые для воскрешения, представляют собой целый комплекс знаний, слишком сложных для человеческого ума.*

Джейн не переместила книгу в пространстве, просто знала, что там стоит книга. Не думала о содержании, о том, верно ли написаны слова. Таким образом, книга на полке отличалась от той, что лежала на полу.

Знание, что в пределах круга ей не грозит опасность, отличается от знания, как переместить книгу. Первое просто,

второе сложно, практически невозможно. Не обладая полным *знанием*, Джейн изменила предмет.

Необратимо.

Что же произойдет, когда она освободит Августина?

От одной мысли Джейн впала в ступор. Не издала ни звука, не заплакала. Кажется, даже сердце стало биться медленнее. Значит, любое желание могло стать судьбоносным, могло повлиять на все вокруг.

Дверь. Справиться с дверью проще, чем с книгой, верно? Ее не надо перемещать, она должна только открыться. Следует ли ей знать, что находится за дверью? Планировку подвалов и крипты, местонахождение Августина и его состояние? Что произойдет, если она невольно внесет значительные изменения? Существуют ли границы допустимого?

Джейн застонала.

Августин не вполне понимал, что делает, когда пытался спасти Элоди. Он сделал совсем не то, что задумал, причина в том, что ему не хватало знаний. Возможно, поэтому она не видела женщину в прошлом, поэтому вместо нее пустота? Августин вырвал ее из картины жизни и поместил в момент смерти в подвале, где она вынуждена оставаться. Он знал, что люди могут возвращаться из мира мертвых, что они и делают.

Вне зависимости от места смерти, они возвращаются в Линдридж-холл, связанные с Августином чувством его вины. Именно поэтому ей показались Оррен, Абигейл и Рентон. Кто еще ждет своего часа? Ее жизнь всегда была размеренной и спокойной, она мало с кем общалась и редко видела смерть. Каннингеми и их дети живы. Кроме них, есть только Августин и слуги.

Увидит ли она его, если ждать придется слишком долго? Найдет ли ослабленным, полуживым от холода и голода? Попросит ли он приготовить еду, а потом покинет мир

на закате вместе с солнцем? Если в этот раз не получится, ничто больше не поможет, даже магия. Джейн не под силу воскресить Августина, ведь она не смогла даже переместить книгу.

Всхлипнув, Джейн свернулась у шкафа в позе эмбриона. Деревянная доска основания давила на позвоночник. Возможно, разумнее всего все бросить; неизвестно, сколько у нее есть времени. Слева под ребрами что-то уверенно растет и будет увеличиваться по мере ее погружения в магию. Но что она без Августина? Сломленная женщина на грани безумия, узнавшая, что существует мир непознанный и что ей никогда его не понять. Очередная неудачница, она станет новым предметом исследований доктора Низамиевой. Возможно, доктор думала как раз об этом — новом объекте, новых данных, новом эксперименте. Она никогда не собиралась ей помогать.

Джейн чувствовала себя одинокой, лишенной поддержки. Сейчас даже больше, чем в тот день, когда сбежала из Линдридж-холла, или в тот, когда поняла, что жизнь предстоит изменить: либо вернуться в ужасный Камхерст, либо выйти замуж и остаться в Ларрентоне. Такой несчастной она не ощущала себя даже в детстве, когда лежала на кровати в доме Каннингемов, смотрела в потолок и думала, начнется ли бомбежка и скоро ли. Жива ли мама?

Рыдания стихли, сменившись резкими, жадными вздохами. Джейн повернулась лицом к полкам и прижалась лбом к корешкам книг. Такой домашний запах пыли должен был успокоить, но внезапно Джейн ощутила зловоние газа. Стены дрогнули, напомним о том, как дрожали здания Камхерста перед очередной атакой. Но, несмотря ни на что, Джейн отчетливо помнила прикосновения мамы, ее объятия, тихий шепот над ухом, чувство покоя, казавшееся странным, в моменты, когда вокруг рушился мир.

Происходящее по силе боли напоминало время войны; ужасной боли, такая бывает от старых ран, которые никогда не заживают. Ей хорошо знакома форма каждой, те ощущения, которые она вызывает. Так знают старого друга, с которым комфортно, несмотря на проблемы.

Джейн желала именно этого — успокоения и внутреннего комфорта. Вспомнив вновь о маме, она неожиданно порадовалась, что та умерла. Ведь в таком случае она может явиться в Линдридж-холл. Если прищуриться, то сумка на одной из полок похожа на противогаз мамы. Если представить, что ее ботинки стоят у дверного проема, они непременно там появятся; она до сих пор помнит, как от них пахло серой, помнит местами разъединенную зажигательной смесью кожу и то, как мама набивала в мысы мужской и не по размеру обуви тряпки. Воспоминание о каждой новой детали заставляло мир сужаться, биение сердца замедлялось. Можно призвать дух мамы, для этого лишь необходимо вновь начать винить во всем себя. Страданий и слез в душе достаточно, чтобы утопить целую армию.

Выполнить это просто; она считала себя повинной в гибели мамы много лет, с того дня, как пришла повестка. Она сожалела о своей уступчивости и послушании, о том, что не возражала маме, когда та отправляла маленькую Джейн в безопасное место. Если бы она кричала, плакала, капризничала, настойчиво сопротивлялась, тогда мама повезла бы ее в Ларрентон и осталась с ней.

Дыхание выровнялось, появилось некое подобие ритма. Пожалуй, она смогла бы содрать корку с затянувшихся ран, если бы это помогло встретиться с мамой. Вполне рабочий вариант, можно проверить, способна ли она желанием влиять на реальность.

Ведь она жива. Возможно, ей не хватает самообладания, но не жизненной силы. Пока она способна мыслить

и понимать, будет идти вперед снова и снова. Она готова отказаться от идеи встретиться с матерью; она виновата в том, что Августин в заточении, и, если не получится спасти его, она вызовет его дух. Результат будет стоить всех страданий, она увидит его, поговорит, сможет обмениваться мнениями, хотя бы в каком-то смысле он будет с ней. Мысль ранила, но с болью пришла уверенность. Все логично. И вот уже уменьшилось давление в груди, голова стала не такой тяжелой.

Джейн когда-то сказала Августину, что смерть всегда побеждает, однако теперь не столь уверена в этом; теперь она знает, что хотя бы в потустороннем мире все невозможное возможно. Смерть нельзя победить, но последствия можно подкорректировать, исправить. Впереди еще пять ночей. Августин не явился к ней, значит, он жив.

Джейн заставила себя сесть и расправила плечи.

У нее достаточно доказательств того, что магия работает, осталось лишь выполнить задуманное.

Джейн начнет с места, на котором остановилась прошлой ночью. Элементы ритуала, математические подсчеты, круги — все необходимое в неизменном порядке. Ночью может появиться Рентон. Или Элоди с очередной подсказкой. Даже противостояние и конфликты с ними могут принести пользу, позволить узнать новое.

Нужно лишь выполнять все в срок и не спать. Устроившись в библиотеке, Джейн прислонилась спиной к стеклянной стене в надежде, что холод взбодрит, и открыла трактат. Возможно, она найдет для себя что-то важное, учитывая перемены в жизни. Она читала философские рассуждения, поэтические зарисовки, раздражавшие всего неделю назад, что-то пролистывала; если не улавливала смысл доказательства, возвращалась и погружалась в детальное изучение. Прочитанные ранее эзотерические тексты обретали новый смысл, каждое утверждение имело свою вибрацию, отчетливо ощущавшуюся при внимательном взгляде на страницу. Автор соединил ноль с пустотой, которая не имела ни начала ни конца и длилась вечно. Бесконечность и ноль — одно и то же. Разница лишь в том, что бесконечность — величайшая вещь

в мире, а ноль — самая ничтожная. Две противоположности одного.

Определенно, в этом есть глубинный смысл. Кривые уравнений приближались к нулю, а составные части устремлялись к бесконечности. Другая кривая, сложноколеблющаяся, казалось, сходила с ума и, приближаясь к нулю, включала в себя все значения. Джейн пыталась уловить мысль автора, начертившего треугольники на всем пространстве страницы так, что не оставалось и дюйма свободного места. Причина, как выяснилось далее, заключалась в том, что для достижения нуля требовалось бесконечное число треугольников, даже если пространство для их размещения ограничено.

Это невозможно. *Невозможно.*

И тем не менее так было. Никакого изъяна, все логично.

Очень скоро Джейн ощутила, что острота восприятия, дарованная кокаином, исчезает. Переждав немного, вновь чертила на бумаге, пытаясь подтвердить идеи и, возможно, генерировать новые, но фигуры перед глазами расплывались. Голову удавалось удерживать с трудом. Перо то и дело падало на пол.

Вторая инъекция далась легче первой — в другое место; прикосновение к точке первого укола причиняло боль. Закончив, Джейн написала чернилами на руке рядом с укусом имя *Августин*, чтобы не забывать о цели. Сейчас это особенно важно, ведь думать приходилось о многом, а исследования масштабны и глубоки. Бессонница лишь усугубляла ситуацию.

В библиотеку Джейн вернулась полная сил. В голове роились несоответствия в математических расчетах. Она взяла перо и вернулась к прерванному делу. Вскоре на полу не осталось свободного места, и она перешла в коридор, принялась рисовать круг на стене, прорывая обои, когда

заканчивались чернила. Отступив, спиной она уперлась в оштукатуренную поверхность и представила круг, вырастающий из нее, как труба, тянущаяся к противоположной стене. Она зависла в пространстве и в разрезе ничем не отличалась от остальных нарисованных кругов.

Джейн тщательно все измерила три раза. Раскинула руки, расставила ноги и проверила, чтобы кончики пальцев касались линии изнутри. Затем сжалась, подобрав под себя руки и ноги, и еще раз убедилась, что диаметр круга превышает ее рост в три раза.

Она меняла способы визуализации стены, копала рвы, оборачивала себя листами металла. Прошла по внутреннему периметру и встала, замерев, в центре. Зажгла свечи и травы, с громким криком отшвырнула тетрадь, которая поскользился по полу коридора. Ничего из сделанного не привело к переменам ни внутри ни снаружи. И все же надежда жила. Круги... они статичны. Но в круге крипты под Линдридж-холлом были и другие фигуры. И что это меняет?

Медленно опустилась ночь. Джейн нарисовала три концентрических круга, стала возводить стены, и они образовались почти мгновенно, отчего даже закружилась голова. Что-то новое, необычное! Если бы не усталость, она бы плясала от радости. Остатки мха и земли Джейн теперь экономила, опасаясь снижения потенциала, но внутри ощущалась энергия мощнее прежнего.

Очевидный прогресс. Она добилась успеха.

Джейн сделала перерыв лишь на ритуальную еду, предварительно достав из ледника водоросли. Пальцы путались в них, проглотить удавалось с трудом, преодолевая боль в горле. «Учение Семи» дало ей лишь общие представления о структуре магических операций, но сомневаться в их действенности не приходилось. Тому доказательство — изменения, которые Джейн увидела в яйце на рассвете.

Пережевывая пищу, она размышляла, верно ли описание ритуала. Идеи из книг Августина представлялись полотном, сотканным из разрозненных нитей. Впрочем, возможно, правила остаются таковыми, их не изменяют обстоятельства. Ритуал лишь направляет энергию мага, в нем могут быть допустимые отклонения.

Некоторые возможности Джейн уже видела и воспользовалась ими, — например, порции болотного мха и могильной земли выбирала произвольно, день ото дня они становились меньше. Кроме того, придумала процедуру, замещающую нечто ей непонятное. Может, ей удастся ускорить процесс? Изменить ход времени, чтобы Августин скорее выбрался из западни, где страдает от жажды, голода и холода?

К полуночи Джейн спустилась в кухню пересчитать оставшиеся яйца — для предстоящих утренних ритуалов достаточно, значит, можно позволить себе эксперимент.

Цель и знания — это главное. Следовательно, надо быть очень внимательной, совершать действия осмысленно и не упускать детальное описание того, что должно произойти в конце. Джейн всегда держала перед глазами образ Августина (здорового и невредимого, желавшего поцеловать ее и обнять так же уверенно, как и спасти своих пациентов), особенно в моменты, когда готовилась к очередному этапу.

В кабинете остались вещи, воспоминания, на которые Джейн могла опереться; предметы на полках стали для нее предупреждением — идеальное место для выполнения задания.

Защищаясь от Оррена, Джейн отодвинула ковер, и он по-прежнему лежал у дивана, на полу остались полустертые очертания круга. Джейн провела мелом по старой линии, опустилась на колени в центре, с наслаждением вдохнула новый запах, ощутила вибрации новых энергий. Взяв зажженную свечу в ту руку, на которой написала имя Августина,

накрыла буквы другой ладонью. Внезапно вспомнила, как он удерживал ее руки под краном в операционной. Сохранив видение, она принялась читать заклинания. Разбивая яйцо, представила, что муж стоит в дверном проеме кабинета, покрасневший после их страстного поцелуя. Скорлупа развалилась на две части, и она увидела эмбрион цыпленка, его глазки навывкате, кожицу, на которой стал появляться пушок. Желток уменьшился и покрылся красной паутинкой.

— Да, да! — воскликнула Джейн, села на пятки и прижала ладони к губам. Еще один важный элемент занял свое место. Она закончит ритуал, смена дня и ночи не станет ей помехой, она скоро увидит Августина. Скоро!

Джейн бросила взгляд на часы на столе. Прошло меньше пяти часов, как она закончила процедуру, которую полагалось проводить на закате. Еще через пять она вновь положит в рот кусочек мха, и так повторится несколько раз, пока ритуал не завершится через сорок часов. Два дня. Меньше чем через два дня она закончит путь и увидит, к чему придет. Прошлые ошибки казались мелкими неудачами по сравнению с растущим внутри осознанием, открывающимся знанием.

Джейн проглотила птенца, еще не вполне сформировавшиеся лапки царапали пищевод, пушок на теле щекотал горло. Из глаз брызнули слезы, губы скривились. Еще немного. Немного...

— Джейн.

Ее имя доносилось не из водопроводных труб, его не заглушала каменная стена подвала. Голос Августина звучал отчетливо, в нем слышались нежность и усталость. Он стоял в дверном проеме, прислонившись к раме, одежда помялась после нескольких дней в крипте. Он ласково смотрел на нее, изможденную и бледную.

Но *как* это получилось?

Да, она проглотила полусформировавшегося цыпленка, но впереди еще четыре такие же процедуры. Из кабинета она не выходила, не стояла у стены с намерением ее разрушить. Как получилось, что Августин здесь, перед ней, и смотрит с радостью и одновременно отчаянием?

Ему нужна еда. Нужна вода. Но она не могла пошевелиться, не говоря о том, чтобы выйти из круга. Однажды она уже сталкивалась с подобным и понимала, что это могло означать. Если Августин здесь, а дверь в подвал так и не появилась, это означало одно: она опоздала.

— Не приближайся, — прошептала она, чувствуя, как по телу бежит дрожь, а желудок болезненно сдавливает спазм.

Августин поднял руки, сдаваясь, и сделал, как она просила.

— Джейн, — повторил он. — Ты еще здесь.

— Стой на месте и ничего не говори, — процедила она сквозь зубы.

Он растерянно моргнул, но кивнул.

Джейн внимательно проверила целостность защитной стены вокруг себя, сделала ее еще выше, хотя отчаяние жгло изнутри. Усилия привели к головокружению, кокаин не действовал.

Августин в стороне терпеливо наблюдал за ней, иногда болезненно морщась, и казался совсем настоящим. Он не умолял ее, не спорил, не настаивал, что заклинания не нужны, магия неуместна. Кажется, он тоже почувствовал, что стена по кругу стала выше. Уголки губ чуть приподнялись в улыбке, в глазах мелькнула гордость.

— Вот так, — сказала Джейн и встала. — Если ты дух, тебе до меня не добраться.

Но если он человек, сумевший каким-то образом освободиться без ее помощи, если подозрения ее беспочвенны и он жив, он сможет подойти и обнять ее.

Есть пример, доказывающий, что бесконечное в цифрах не может существовать. Солдат бежал вдвое быстрее пленного, которого преследовал, но у того была фора в сто метров. К тому времени, как солдат преодолел первую сотню метров, пленник пробежал еще пятьдесят. Солдат ускорился, сократил расстояние в пятьдесят метров, но пленник был на двадцать пять впереди. И так далее. Если опираться только на цифры, солдат никогда не догонит пленника.

Однако в жизни все устроено иначе; настанет момент, когда солдат приблизится к пленному на расстояние вытянутой руки и сможет его схватить. Да и пленный, теряя силы, вынужден будет когда-то остановиться. Реальность доказывает ошибочность математических расчетов, а также то, что бесконечность не может существовать, поскольку в какой-то момент шаг станет слишком коротким, а пространство слишком ограниченным, в нем нельзя будет передвигаться, не столкнувшись.

Августин приблизился медленно, будто боялся ее испугать, и остановился у линии круга. Его дыхание долетало до ее лица, она видела каждую пору его кожи.

Он поднял ногу.

Он переступил через линию.

Он настоящий. Он живой. Вся решимость, уверенность, в которые она обрядилась, будто в доспехи, исчезли, стоило ему коснуться ее локтя — едва ощутимо, но самым нежным и желанным жестом за многие годы. Отчаяние, изнеможение и одиночество толкали в его объятия, она обхватила Августина за шею и прижалась лбом к плечу.

— Прости меня, — шептала она. — Прости.

Она ощущала его твердое тело, ладони на своей спине, слышала равномерное дыхание. Колени подкашивались; казалось, внутри появилась тяжесть, которая тянула вниз. Возможно, это усталость и желание отдохнуть.

— Мне не следовало привозить тебя сюда, — тихо произнес Августин, удерживая ее от падения. Голос разносился в ее голове звонким эхом, словно струну щипкового инструмента потянули и резко отпустили.

Все закончилось.

Она победила.

Можно лечь спать, а утром жизнь наполнится новым смыслом. Ей откроется весь мир. Задрожав, Джейн осознала, что до сего момента все было иначе. Ее ограничивали стены, словно она находилась на крошечном острове из камня, стекла и металла. Линдридж-холл был отрезан от остального мира. Теперь она может уйти. Они вместе могут уйти.

Однако... Она совсем этого не хотела.

Августин поднял руку и коснулся ее щеки. Подняв глаза, она пригляделась и увидела, как он истощен и, вероятно, нездоров.

— Тебе надо в клинику, — сказал он. — И мне тоже.

Джейн тряхнула головой.

— У нас нет экипажа. И уже поздно.

— Сколько ночей ты не спала? Ты похудела. — Похожим тоном он перечислял ее симптомы желтой лихорадки, но выражение лица больше походило на то, с каким когда-то он перевязывал ей ноги в клинике. Заботливый, сочувствующий, сосредоточенный только на ней, не во власти духов или колдовских чар. Впрочем, Августин еще не набрал силу, еще предстояло доказать, что он свободен, но начало положено.

Джейн понимала, что сейчас не готова выйти в мир вместе с ним. Пока не готова.

— Тебе не стоит уезжать. Пожалуйста, не сегодня. Я готовлю ужин. Мы отдохнем. Поверь, Августин, я все улажу. Я научилась невозможному и непременно тебя освобожу. Магия существует, и я овладела кое-какими знаниями.

— Они придут за нами ночью. — Его дыхание ласкало губы. Сердце трепетало, внутри живота все сжалось. — Меня пугает то, что я сделаю. Что они сделают. Лучше нам покинуть этот дом.

И вновь она упрямо замотала головой.

— Судья и мистер Лоуэлл считают меня виновной в тво-
ем исчезновении.

— Мое возвращение тебя оправдает. Джейн, почему ты не хочешь уйти со мной?

Магия опьянила ее. Кроме того, нельзя нарушить ритуал. Она не желала отказываться от того, чему могли научить еще четыре дня. Даже два, если принять укороченный вариант. Но это объяснять не хотелось. Как и спорить. Положив ладони ему на талию, чуть склонив голову, она поцеловала его, предупреждая возражения. Этому она научилась у него. И сейчас чувствовала, что победила.

Элоди и призраки внесли разлад между ними, но сейчас она сильнее прежнего Августина. Она изменила реальность и спасла его из плена. Им ничего не надо придумывать, она сделает необходимое реальным.

Джейн опустилась на колени, Августин последовал за ней. Этот человек мог распороть ей живот, мог лишить жизни тогда в подвале, и все же она испытывала к нему влечение. Ее дурманило то, что он слабеет от ее прикосновений. Она с самого начала влияла на него, заставила изменить мнение, сделала так, что мир его рухнул, разбросав обломки вокруг них двоих. Она владела его сердцем безраздельно.

Потянувшись, Джейн принялась одну за другой расстегивать пуговицы жилета с высоким воротником. Дыхание его стало прерывистым, руки легли на ее бедра, а потом скользнули под юбку. Огрубевшие места на ладонях царапнули кожу голени, ответом тела стал неожиданный всплеск желания. Она чувствовала его мускулистое тело. Августин

совсем не призрак, он жив. Магия открыла путь к невозможному. Расстояние между ними ничтожно мало, страсть уничтожила и его, толкнув их в объятия друг друга.

Ей следовало опасаться, что он вновь набросится на нее, возненавидит за то, что оказался запертым в крипте, но его движения не внушали страха. Не было боли в каждом его вздохе, угрозы в том, как он навис над ней, лежащей на полу кабинета, и неуверенности в том, как она обхватила ногами его бедра.

Они напоминали спаривающихся диких животных, голод обоих свелся к необходимости насытиться друг другом, ощутить каждый миллиметр плоти. Ничего общего с теми робкими, но волнующими ласками в их первую ночь в постели Августина, что-то иное, чистое и возвышенное. Джейн не взглянула ни на окно, ни на дверь, она сосредоточилась лишь на запахе его тела, шелесте накрахмаленной сорочки и линии подбородка, когда он склонился для поцелуя. Она знала точно, что на коже его останутся следы от зубов и ногтей, ведь она намеренно не сдерживала рвущуюся изнутри дикую страсть.

Утром Августин исчез. Стена внизу не изменилась. Крипта замурована.

Джейн рыдала и кричала на весь дом так громко и долго, что у нее пошла горлом кровь.

Стены Линдридж-холла озарило солнце.

Джейн сидела в центре круга в надетом неаккуратно, наспех платье, ее поза подчеркивала выпирающий живот. Мел дрожал в пальцах, и линия получилась местами неровной, однако энергия и защита появились сразу — круг ожил. Прочитав заклинания, она разбила яйцо. Надежда не покинула ее, вопреки всему. Желток целый, однородного цвета. Оставалось лишь гадать, в том ли причина, что это второй утренний ритуал за день, или в том, что Джейн нарушила правило воздержания от плотских утех, к тому же заснула. Впрочем, так ли это важно? Вместо этого Джейн задумалась о том, как возводила круг в кабинете и почему Августин легко пересек черту, а Оррен даже не попытался. Августин тогда даже не дрогнул, не растворился в воздухе. Более того, прикосновения подсказывали, что он такой же живой человек, как она.

Но и Рентон считал, что существует. Как и Абигейл. Джейн ждала, что будет с первым, кто попытается войти в круг. Ей, несомненно, помогла Элоди, и Оррен отступил, значит, она победила.

Но Августин пересек черту, несмотря на замурованный подвал. Простейшая логическая цепочка: дух смог войти в круг; она ошиблась; Августин умер; она проиграла.

И что же теперь?

Покинуть Линдридж-холл? Идти в магистрат и признать-ся? Но в подвал никак не проникнуть, тело невозможно обнаружить. Она никогда не умела лгать, ей не сыграть роль скорбящей вдовы. У боли в груди появились клыки и когти, она разрывала изнутри ее сердце и легкие. Можно поехать в Камхерст к чете Каннингемов, они помогут найти способ зарабатывать на жизнь. Начать сначала, вести жизнь маленького человека, как до знакомства с Августином.

Но Джейн не хотела уезжать.

Не желала начинать сначала. Еда заканчивалась, оставшегося не хватит на семь дней, как и дров для обогрева помещений, водопровод сломан, нет воды и множества других необходимых для жизни вещей, но она не могла выйти из дома за покупками. Чувствовала ли она себя обязанной мужу, считала ли своим долгом спасти его? Или эгоистично желала триумфа, хотела достичь понимания необъяснимого, утопая при этом в ошибках, досаде и стыде?

Да, ошибка. Где-то в процессе она допустила ошибку. Есть ли способ вернуться в тот момент и все исправить, найти переменную и вместо нее вставить новую величину? Вдруг ее подвело не сомнение, а слабость? Желание прикоснуться к Августину как раз и помогло ему добраться до нее. Его следовало остерегаться, не доверять ему, в глубине души знать, что он явился причинить ей боль, но вместо этого... она сделала все, чтобы не увидеть очевидное. Закрывать глаза на боль.

Джейн оглядела неаккуратную линию вокруг себя, равномерно насыпанную соль — где-то кучками, где-то с пропусками. В этом дело. Вот отправная точка всех ее

проблем. Она вытянула руки, чтобы ощутить кончиками пальцев вихрь, и он скользнул по выстроенной стене. Она принялась возводить ее выше, добавляя камень за камнем.

Сила ее росла, от осознания этого стало немного легче. Она не выдержала, не закончила ритуал, возможно потеряла Августина навсегда, но у нее осталась *магия*. Стена становилась все выше и прочнее, действительность стала отдаляться и блекнуть. Комната наполнилась утренним светом, но уже не таким ярким. Очертания мебели утратили четкость, стены и потолок отдалились — настолько, что с трудом удавалось разглядеть линии, со стороны похожие на карандашный набросок. Созерцание умиротворяло и успокаивало. Внезапно щеки обожгли слезы. Мир исчезал, и она вместе с ним. Существовали ли всегда в этом пространстве ласковое утешение и сладостная пустота? Легкие привычно расширились и опадали, она знала, что получит нужную порцию воздуха, но и это, казалось, происходило не в ней. Нематериальное тело пребывало во власти экстаза, испытывало высшее наслаждение, идеальное по звучанию, затмевающее все остальные чувства.

Впрочем, нет, не все. Джейн ощущала движение внутри — так матери описывали толчки младенца в утробе. Стараясь отвлечься от болезненных ощущений, она вернулась к стенам, стремясь сделать их еще выше, получить больше наслаждения, стать ближе к источнику благодати. Вместо этого она ощутила мучительную боль. Масса внутри пульсировала, боль такой силы ей никогда не доводилось ощущать прежде. Она закручивалась и пронзала насквозь. Схватившись за живот, она упустила вихрь, и стена стала ниже на несколько футов. Следом утихла боль. Неизвестная масса внутри нее волшебная. Когда все вокруг меркло, клубок внутри оживал, двигался, издавал звуки вместе с ней. Интересно, почему боль нарастала по мере того, как становилась

выше стена, а мир отдалялся? Еще одна подсказка? Или новая переменная величина?

Громкий хлопок напугал ее, неторопливые шаги в холле и голоса заставили насторожиться. А потом в дверном проеме возникли миссис Лутбрайт и миссис Перл. Образы выглядели расплывчатыми, будто нарисованными наспех, без внимания к деталям. Она лучше чувствовала женщин, нежели видела. Миссис Перл отшатнулась в ужасе, увидев Джейн, и прошептала что-то для нее неразборчивое, миссис Лутбрайт же, напротив, решительно бросилась вперед со словами:

— Я не позволю этому продолжаться, миссис Лоуренс!

Она не видела защитную стену, потому прошла сквозь нее, и та не удержала женщину, не выгнулась, как околупленный пузырь. Словно кухарка переступила просто через линию из мела и соли. Мир вновь нахлынул волной и увлек в себя Джейн.

В следующую секунду ее стошнило.

Миссис Лутбрайт обошла лужицу, взяла ее за руку и потянула вверх.

— Пойдемте, мы привезли карету, — сказала она и довольно грубо потащила Джейн в коридор. Миссис Перл шла рядом, вытянув руки, будто готовясь поддержать, но все же стараясь не прикасаться.

— Женестьева! — рявкнула кухарка.

— Может безумие быть заразным? — послышался со стороны голос горничной.

Джейн пошатнулась, сил с трудом хватало в том числе на поддержание нити разговора. Слишком остро ощущались шум испытываемых эмоций и боль. Она завывала, сгорбилась и попыталась вырваться, но миссис Лутбрайт даже не ослабила хватку. Она слаба, слишком слаба для сопротивления. Только сейчас она поняла, что мышцы будто

свело судорогой, они отказывались работать в согласии, как прежде. С мольбой в глазах она посмотрела на миссис Перл:

— Прошу, отпустите меня! Я стараюсь вернуть его. У меня получится, я знаю, получится. Я должна его вызволить, должна...

Миссис Перл сделала несколько неуверенных шагов к ней. Надежда мелькнула, но сразу потухла, когда горничная сжала другую ее руку. Женщины поволокли ее к входной двери.

— Он в доме! — из последних сил выкрикнула Джейн. Они остановились.

— Милосердный Создатель, — прошептала миссис Перл, переводя взгляд с Джейн на кухарку и обратно. — Надо сообщить в магистрат. Он умер в доме?

— Вы должны помочь. Он в западне. Вы видели, что дверь в подвал исчезла, ее нет? Дом его не отпускает!

— Вам нужны отдых, еда и покой. — Миссис Перл бросила беспокойный взгляд на миссис Лутбрайт. — Вам мерещится несуществующее, мадам.

— Нет же! — взвизгнула Джейн и рванула изо всех сил. Ей удалось освободиться, но, не удержавшись, она упала на пол и стала отползать. — Я понимаю, что вижу! В этом доме полно призраков, однажды Августин солгал мне, но больше я не позволю. Этот дом проклят. Они забрали его к себе, убили, и только я могу освободить... его освободить. — На кончиках пальцев за несколько дней ритуала сохранились крупинцы мела и соли, потому она быстро очертила в воздухе полукруг. — Я не позволю! Вы меня не тронете!

— Миссис Лоуренс... — произнесла миссис Перл и в следующую секунду пропала.

Холл мгновенно уменьшился, дверь исчезла.

Джейн осталась одна.

Посреди холла от пола до сводчатого потолка возвышалась стена из уже знакомого необработанного камня, белого и прохладного. Ее, сама того не желая, каким-то колдовским способом создала Джейн. Не думала и не пыталась, как с книгой или кругами, однако сделала, хватило одного желания остаться в одиночестве. Все случилось в одно мгновение и потрясло Джейн.

Она долго сидела, глядя на камень и прислушиваясь к голосам по ту сторону, однако если миссис Перл и миссис Лутбрайт не ушли, то молчали. Скорее всего, их все же там нет, но они живы, она не навредила им совсем не благими мыслями.

Что же произошло с миром за пределами Линдридж-холла? Что она увидит, посмотрев в окно? Мягкие волны холмов по-прежнему существуют? А фермы на близлежащих землях, засыхающее дерево перед домом? Ларрентон, Камхерст и города за ними, которые она не только не видела, но и не слышала о них, — они существуют?

Страх мешал выглянуть в окно.

Он был иной природы. Джейн неотрывно смотрела на стену, ощущая, как страх растекается по конечностям,

утяжеляя их. Он способен задушить ее. Стена напоминала ту, что замуровала вход в крипту, и пугала. Вывод возник сам собой — это сделала сама Джейн. Испугавшись, она оградила себя от Августина. Она не стояла в круге, — возможно, аура магии, накопившаяся в доме за десятилетия, помогла Джейн запечатать подвал.

Появление слуг вызвало панику, они тащили, желали помочь, она же мечтала остаться в одиночестве и в безопасности. И появилась стена.

Августин умер, и это случилось из-за нее.

Появился соблазн во всем обвинить Августина. Он напугал ее безумным блеском в глазах и речами, отказом признать колдовское влияние духов. Они подпитывали самоуверенность опытного врача, оглушили его своими чарами. Но Джейн успела полюбить мужа, он изменил ее нежностью и трогательной заботой. Вина его и в том, что он ответил на ее чувства и, как всякий влюбленный, стал слабым и уязвимым, особенно когда пытался ее спасти.

И все же Августин не заслужил смерти. Она совсем не хотела его убивать.

Если страх пробуждал в ней силу, способную возвести стену, почему же теперь, справившись с ним, она не может ее убрать? Почему пришлось отказаться ото сна, чтобы узнать то, что, по сути, *не нужно*?

В голове сами собой всплывали тысячи ответов: потому что она не чувствовала себя уверенно, когда пыталась вернуть дверь, совсем не так, как когда воздвигала стену в холле; потому что остаться в одиночестве желала во сто крат сильнее, чем спасти Августина; стремление увидеть несоизмеримо слабее собственной вины, подталкивающей к действиям. Джейн вспомнила чувство счастья в объятиях духа Августина и возненавидела себя.

Наконец она заставила себя встать, колени сразу заныли, закружилась голова. Джейн провела в объятиях мужа всего несколько часов. Этого явно мало, чтобы разум передохнул. Она еще не скоро полноценно восстановится.

Джейн вновь подошла к тому месту двери и оглядела каменную преграду.

— Пытаться ли убрать ее, Августин? — спросила она так тихо, что звуки невозможно было услышать за границами помещения. — Есть ли смысл? Никто в этом мире не будет оплакивать ни тебя ни меня. По крайней мере, мы будем вместе.

Ответа не последовало. Дом не взревел, трубы не застонали. Она не слышала голоса, всхлипов, дыхания. Линдридж-холл безмолвствовал.

Струсив, Джейн отказалась от попыток разрушить стену. Направившись в гостиную, она задернула плотные шторы, чтобы в комнате воцарился мрак. Затем прошла в круг, опустилась на пол в центре, возвела стену камешек за камешком, а потом ее разрушила — неразумный поступок, безответственный эксперимент. Теперь ей постоянно сопутствовала усталость, но Джейн не думала о сне.

Джейн старалась не делать стену слишком высокой или толстой, чтобы не ощутить нечто большее, чем боль в животе. Слишком острая, лишаящая способности мыслить, она могла отвлечь, вызвать панику и заставить совершить недопустимое. Однако стена должна быть такой, чтобы разглядеть конструкции дома в ином ракурсе — структуру материала, совершенные по точности линии, углы, фигуры, вписанные одна в другую, последовательность связанных между собой чисел, организованные ряды которых продолжались до бесконечности. Джейн могла менять правила, по которым строились связи, достаточно лишь протянуть руку и выхватить ненужный элемент, и Джейн не терпелось

сделать это, однако она сдержалась. Слишком мало знаний, чтобы менять скелет реальности, не навредив ей. Стена по кругу растворилась, и Линдридж-холл вновь стал просто домом.

Из задумчивости ее вывел знакомый кашель за спиной: мистер Каннингем курил сигару. В комнате посветлело от яркого огня в камине, который Джейн не разжигала. От ужаса она прижала к лицу ладони, не желая видеть изменившуюся картину.

Нет, пожалуйста, нет. Этого она не вынесет. Печаль и утомление не способствуют выносливости.

Это сон, сон наяву. Может такое случиться с тем, кто не спит?

— Ну же, Джейн, — произнес мистер Каннингем, — выпей с нами бренди.

Казалось, она заплачет, но нет, — видимо, выплакала все слезы несколько дней назад. Во рту пересохло, сухость распространилась по всему телу, по каждой мышце и кости, как будто они сделаны из пыли.

Каннингемы могут появиться здесь в одном случае — если они мертвы. Воздействие Августина на реальность, изменение им структур смерти привлекало в это пространство духов.

Но она бы точно знала, случись с опекунами нечто страшное. Ей бы отправил письмо... кто-нибудь.

«Никто, — пронеслось в голове. — Нет в мире человека, который был бы связующим звеном между вами. Ушла ты, теперь они». Они были для нее всем, а она лишь малой частью их жизни. Пятнадцать лет она находилась под их опекой, но никогда не перетягивала на себя столько внимания, сколько им пришлось потратить за сорок лет на воспитание родных детей и развитие карьеры мистера Каннингема. Она столь многого не получила...

Внезапно стало невыносимо больно, как и в день, когда она стояла в их пустом доме. Она всегда поступала с ними порядочно, например решила остаться в Ларрентоне, чтобы избавить от расходов на ее содержание в Камхерсте. Она была хорошим ребенком, никогда не создавала проблем. Ей понятна боль, причина которой в горе потери, но не раздвлевшее их расстояние.

— Джейн. — Голос мистера Каннингема вернул ее в реальность так резко, что она покачнулась. — Посиди с нами.

Она медленно повернулась. Настоящие, такие, как она их помнила, вплоть до мельчайшего пигментного пятна, до морщинки у глаз. Знакомый, плетеный на коклюшках кружевной воротник платья миссис Каннингем, едва уловимый запах кедра от пальто мистера Каннингема: на лето верхнюю одежду убрали и хранили, переложив кедровыми вкладышами. Не сводя с нее глаз, он подошел к самому краю круга и нахмурился.

— Почему ты сидишь на полу, дорогая? Давай же, поднимайся, дай мне посмотреть на тебя. Расскажи, что случилось?

— Он умер, — прошептала она в ответ и неожиданно разразилась громким истеричным смехом. — И вы умерли.

Как это несправедливо и жестоко. Почему Каннингемы ушли из жизни так скоро после переезда в Камхерст? Даже болезнь редко забирает так быстро. Авария на дороге? Забравшиеся в дом грабители-убийцы?

— Джейн. — Миссис Каннингем посмотрела с укором. — Что за глупости? Ты больна? У тебя жар? Полагаю, стоит лечь в постель.

— Вас не должно здесь быть, вы не можете. Вы уехали в Камхерст... — Джейн принялась перебирать факты.

— Разве мы не можем приехать с визитом? Подойди же, посиди рядом хоть немного. — Женщина вытянула руку, и Джейн впиалась в нее глазами. Эту сцену она представляла вчера в кабинете. Но вместо миссис Каннингем должна быть мама. Образ ее чуть потускнел в воображении, но по-прежнему оставался дорогим и близким. Но появились Каннингемы, которые тоже умерли.

Можно отвергнуть их теплое, заботливое отношение и сгореть со стыда или устроиться рядом и греться в лучах их доброты, пока сама не умрет от голода. Выбор несложный.

Джейн переступила белую черту и взяла миссис Каннингем за руку. Невидимые стены рухнули, падение отозвалось вибрацией в голове.

Женщина с улыбкой провела ее к дивану. Твердая плоть, прохладная кожа, щеки покраснелись, как у человека, только вернувшегося с прогулки в осеннем парке.

— Ты хорошо выглядишь, — произнесла миссис Каннингем, усаживаясь и не обращая внимания на смущение Джейн. Положив руку на ее выпирающий живот под натянутой тканью платья, широко улыбнулась. — Большая радость — забеременеть вскоре после свадьбы.

— Нет, — помотала головой Джейн, садясь рядом. — Вы неправильно поняли.

Августин не сказал об опухоли ни слова, из этого следовал вывод, что с ней не все в порядке. Будь миссис Каннингем права, он был бы заботливым и нежным — неважно, дух он или живой человек. Интересно все же, кем он был? Одна мысль вызвала тошноту.

— Право, Джейн, не стоит говорить так о благословении свыше, — произнес сидящий в кресле у камина мистер Каннингем.

— Нет, это не... — начала она, стыдливо потупилась и замолчала.

— Ты вышла замуж и полагаешь, мужчина не будет требовать родить ему ребенка? Неужели ты считаешь себя настолько выше людей противоположного пола, что будешь отвергать саму суть брака, отказываться от выполнения супружеских обязанностей и настаивать на самоудовлетворении потребностей?

— О чем вы? — Брови Джейн поползли вверх. Он никогда не был жесток с ней, даже в детстве, когда она после пережитых ужасов войны и шока бывала несдержанной на слова и поступки. Каннингемы относились по-доброму, хоть и без нежности, и, несмотря на их отстраненность, она отогрелась рядом с ними. Очень давно, до того как научилась дорожить опекунами, она представляла, за что могла бы ненавидеть их, но жестокость даже не приходила ей в голову. Произнесенное из его уст звучало странно; впрочем, нельзя забывать, что перед ней дух. Оррен и Абигейл обвиняли ее в том, в чем и она сама, хотя с той стороны завесы между мирами все должно видеться яснее. И все же что-то не так. Она это чувствовала. И зачем Каннингемам быть здесь?

— Зачем ты осталась в Ларрентоне, если не хотела такой жизни? — вступила в разговор миссис Каннингем. Она говорила спокойнее, мягче мужа. — Мы знаем, тебе сложно вернуться в Камхерст, но, оставаясь с нами, ты могла бы поступить в университет. Заняться чем-то новым для себя. Развивать свой талант, вместо того чтобы вести чуждую тебе размеренную жизнь.

От услышанного у Джейн разболелась голова. Оба, словно сговорившись, завели разговор о том, что она скрывала от них, о чем она часто думала после их отъезда, о желании учиться после знакомства с язвительными коллегами Августина. Она представить не могла, что они догадывались об этом.

— Мне казалось, ты хотя бы сделаешь вид, что рада возможности пообщаться с нами, — вздохнул мистер Каннингем. — Думается, мы не настолько плохо тебя воспитали.

Джейн замерла, как мышь-полевка, увидевшая тень ястреба. Каннингемы никогда не знали самых потаенных ее мыслей, их и свой скудный внутренний мир она научилась скрывать за серьезным взглядом или разговорами на отвлеченные темы. Все, что они сказали, — это ее личные претензии к самой себе, представленные по ее же воле в довольно грубой форме. Только она знала об этом, никто не мог вытянуть это из глубинных тайников.

— Ты не можешь контролировать все, — добавила миссис Каннингем приглушенным голосом.

— Я просто не хотела ничего усложнять, — пролепетала Джейн, втянув голову в плечи.

— Но смотри, к чему это привело. — Мистер Каннингем стряхнул пепел сигары на пол. — Ты заставила мужчину жениться на тебе, чтобы вы оба вели ничем не примечательную жизнь, а потом и убила его из-за того, что он не потакал твоим желаниям. Но хуже всего, что ты испортила жизнь всему Ларрентону. Нам не следовало брать тебя в дом.

— Но я не... я не сказала, что убила его...

Мистер Каннингем фыркнул и перебил ее:

— Что же еще могло произойти? У тебя эгоистичная натура. По-моему, причина в том, что еще в юном возрасте ты сочла себя исключительной, ведь смогла выжить там, где многие погибли. Ты изначально порочна.

— Зачем вы так? — с мольбой в голосе спросила Джейн.

Сидящая рядом миссис Каннингем коснулась ее плеча и улыбнулась очень по-доброму.

— Причина в том, моя дорогая, — сказала она, — что мы голодны. Но наш голод, в отличие от твоего, не утолить и за вечность.

Лицо ее стало разглаживаться, теряя черты, над щеками проявился белый камень, а ниже — иссохшие челюсти, обнажавшие зубы.

А потом миссис Каннингем вновь стала такой, как прежде.

Джейн подалась вперед и напряглась так сильно, что помутилось в глазах, но видела только миссис Каннингем. Та удержала Джейн за руку. Нужно подняться, от ужаса трудно дышать.

— Успокойся, моя дорогая. Наш промах, следовало лучше подготовить тебя к жизни. — Полуулыбка и легкая насмешка в голосе, она словно хотела поддеть женщину, которая вырастила Джейн.

— Ты исчадь ада, отпусти меня, — прошептала она.

От неожиданности миссис Каннингем разжала пальцы.

— Исчадь ада? О Джейн...

— Довольно. — Она повернулась к мистеру Каннингему. С его лица исчезла суровость, а вместе с ней и уверенность Джейн. Может, ей почудилось, а он ничего не говорил? *Голод* — миссис Каннингем говорила о голоде. Чего может желать призрак?

Мысли не отпускали, вытягивали последние силы, она уже и так на ногах не стояла от усталости. Опекуны мертвы, их больше не будет в ее жизни, как и Августина, и...

Миссис Каннингем не переступила через круг, верно?

— Уходите, — хрипло произнесла Джейн. Так больше не может продолжаться, ей необходимо пространство, здесь

не хватает воздуха. — Вам лучше уйти. Я не хочу вас видеть. — Она сосредоточилась, пытаясь вспомнить, как стояла на коленях у края круга. Миссис Каннингем подошла и протянула ей руку, но переступила ли она черту?

— Сядь, дорогая, — будто нараспев протянула миссис Каннингем.

Нет, ее рука не пересекала границу. Джейн сама протянула ей руку. Значит, она не входила в круг. Как и Оррен. Кем бы ни был Августин, он отличался от опекунов.

Джейн вцепилась в волосы, отступая на шаг... другой... Головная боль становилась непереносимой.

— Ты так и не оправилась от потрясения. Тебе мерещатся странные вещи, надо послать за доктором.

— Нет! — Стоило только представить, что эти создания, нацепив личину доктора Низамиевой, появятся в доме, как непонятно откуда взявшаяся внутренняя сила заставила Джейн встать на ноги и понесла ее ноющее, измученное тело прочь из холла. Они пустились за ней, словно гончие, почуствовавшие добычу.

Разделенный стеной надвое холл остался позади, когда она ступила на лестницу. Спотыкаясь, положив руки на перила, она все же смогла подняться.

— Что за ребячество, Джейн! Довольно уже! — Отрывистые звуки голоса миссис Каннингем эхом отразились от сводов потолка. — Такое поведение не пристало юной леди! И молодой жене!

— Ты не она! — выкрикнула в ответ Джейн и повалилась на площадку второго этажа. — Может, ты умерла, как и она, но теперь ты не она. С тобой происходит что-то странное!

— Наша девочка сошла с ума, — сокрушенно произнес мистер Каннингем. — Пошлю за доктором Низамиевой.

— Откуда вы ее знаете? — ошетинулась Джейн и рванула вперед. Необходимо скорее добраться до безопасного

места, где она сможет остаться одна. Но где такое место? Ей не возвести стены круга так высоко, чтобы не слышать их голосов.

Она преодолела еще два пролета и оказалась на третьем этаже дома. Они не бежали, а шли неспешно следом, взявшись за руки, словно прогуливались по берегу реки, и значительно отстали. Рывок дал Джейн небольшое преимущество, всего в несколько минут. Необходимо найти способ изгнать их. Эти голодные существа, духи умерших, явно пребывают в измененном состоянии, и причина в Элоди. Все началось с нее. С обряда над ее умирающим телом. Необходимо найти ее, потребовать дать ответы, представить возможные решения.

Впрочем, Элоди не появлялась уже несколько дней; с той поры, как ее место в видении заняло ничто, ни в одном окне не появлялась светловолосая женщина с красными от крови глазами. *В чем же причина?*

Похоже, все происходящее взаимосвязано. Определенно.

Джейн бежала в спальню на третьем этаже, изредка останавливаясь лишь для того, чтобы включить газовые бра на полную мощность. Именно здесь она обнаружила дневник Элоди — единственное, что осталось от нее во всем доме. Если и можно увидеть ее где-то вне крипты, то, скорее всего, здесь. В комнате никого не было, а на окна Джейн не смотрела, опасаясь увидеть что-то, кроме полей и домиков фермеров. В ярком свете особенно отчетливо ощущалась близкость помещения, ни стены, ни пол с потолком, ни мебель — ничто не хранило следов хозяев. Джейн поняла, что стоит напротив огромного напольного зеркала и беспомощно смотрит, надеясь вызвать образ Элоди.

— Элоди, явись, — сказала она собственному отражению. — Явись ко мне!

В ответ лишь собственный напряженный взгляд. Неудивительно, ведь Элоди и раньше приходила только по своему желанию и никогда по зову. Интересно, где она существует, когда уходит?

Джейн попробовала упорядочить собственные мысли и продумать каждую с особой тщательностью.

Первое. Элоди умерла, и над ее телом Августин совершил обряд, возвращающий дух ушедшего обратно в мир живых.

Второе. Тела магов менялись, в них начинало расти что-то неуместное. Явления и предметы меняли свою природу под воздействием магии.

Третье. Наблюдая сцену из жизни Элоди, Джейн увидела вместо нее пустоту. Но в сцене смерти Элоди образ ее сохранился. И потом ее дух являлся в выбранном им месте в ему угодное время.

Из всего этого можно сделать вывод, что присутствие Элоди как-то связано с магией, а вот и решение: с помощью магии Элоди можно заставить вернуться, а Джейн владеет магией.

Соль и мел не могли удержаться на зеркальной поверхности, потому Джейн вытянула из прически шпильку и принялась чертить круг, царапая стекло. Звук оказался таким громким, что хотелось закрыть уши. Оторвав кусок тесьмы от платья, она прижала край к поверхности зеркала в том месте, где должен быть центр, чтобы сделать круг идеально правильным. Несколько раз ее пугало выражение собственного лица. Спутанные волосы торчали в разные стороны, в них застряли клубки пыли, сосуды глаз полопались из-за бессонницы и уколов, и они стали почти такими же красными, как у Элоди. Губы бледные и потрескавшиеся, а пальцы — опухшие и перепачканы чернилами. И все же приятно видеть отражение себя на фоне стен и мебели: значит, она еще жива, она существует.

Замкнув круг, Джейн уколола булавкой большой палец и принялась выдавливать кровь в бороздку, но та растекалась по поверхности, и приходилось повторять снова и снова. Закончив, Джейн села и стала отползать, пока все ее отражение не уместилось в круге, затем переместилась так, чтобы оно располагалось по центру. Прижав колени к груди, вытянула руки, чтобы ощутить вихрь. Он скользнул по рукам, жаждая крови.

Джейн возвела две защитные стены — вокруг своего отражения и по другую сторону зеркала. Мысленно выстроила тоннель и услышала в нем нарастающий гул. Что это? Она слышит, как несутся по венам потоки крови? Или за окном началась буря?

Это течет энергия. Энергия, дающая силу.

Джейн видела в зеркале красные глаза и спутанные волосы. Она сама уже похожа на Элоди. Осталось лишь понять, когда появится именно она. Приготовившись произнести заклинание, помедлила. Элоди может прийти, но вдруг ей известно не больше самой Джейн? Вдруг Элоди сначала займет место отражения, а затем заполнит и все ее тело? Предчувствия, мешавшие смотреть в окна Линдридж-холла, боязнь узнать правду останавливали ее и сейчас. Вероятно, то же самое мешало открыть дверь крипты, когда Августина еще можно спасти, — страх наколдовать, вопреки желанию, совершенно ненужное.

Впрочем, у нее не осталось выбора: негромкие шаги в коридоре говорили, что чета Каннингемов приближается.

Каждое действие должно быть четко выверено, границы определены. Ей не угадать, как мыслит Элоди, они разные, но женщина приходила раньше, и у нее, вероятно, были на то свои причины. Но какие? Этого ей знать не дано.

Джейн взглянула на свое отражение и поняла, что Элоди появилась. Из зеркала на нее смотрела она. Черты сразу исказились. Она приняла ее в себя. По лицу потекла кровь, платье походило на рваную тряпку, грудь поднималась при каждом вдохе. Комната изменилась, пол потемнел, как в крипте, на него рядом с Джейн падал свет газовой лампы.

Глоток воздуха застрял в легких, сердце подпрыгнуло, ощутив давление.

Крипта.

— Августин жив? — Единственный вопрос, который легко сформировал уставший мозг.

Элоди промолчала. Держаться не хватало сил. Джейн обмякла и повалилась на пол, зарывшись пальцами в волосы. Она с трудом хватала ртом воздух, но через некоторое время ей удалось успокоиться и даже выровнять дыхание. Она считала его мертвым. Думать об этом вновь не так больно, как в момент осознания. И все же ее не покидала надежда, от которой почти ничего не осталось.

— Ты была рядом, когда он умирал? — Пальцы сжали ткань юбки. — Ты поэтому не приходила?

Элоди вздрогнула и, кажется, кивнула. Джейн закричала от боли, но Элоди не шевельнулась и, как всегда, не издала ни звука. Переменная изменилась. У притихшей и сосредоточенной нынешней Элоди немного общего с той, из подвала. Неизвестно, чем Августин привлекал призраков, но с Элоди все иначе. И на голодную она совсем не похожа.

Сухим, как бумага, языком Джейн облизала потрескавшиеся губы и все же рискнула спросить:

— Я могу как-то это исправить? Спасти его?

Ведь Элоди не кивнула, услышав ее первый вопрос, а молчание не всегда можно расценивать как утвердительный

ответ. Ухватившись за эту мысль, Джейн принялась ждать. Прошла, кажется, вечность, прежде чем Элоди все же кивнула.

Да.

От восторга сердце подпрыгнуло в груди.

— Ты мне подскажешь? — Голос звучал чуть громче шепота. И опять Элоди кивнула. — Что? Скажи, что мне делать?

Женщина открыла рот, но не произнесла ни звука. Она не может говорить, поэтому ответ будет только «да» или «нет». Впрочем...

Дневник Элоди находился в другом месте, но стоит представить, что он под рукой, и он уже здесь, а рядом перо. В конце концов, написанное Джейн не интересно. Дневник надо лишь показать Элоди, чтобы она сделала новую запись.

— Что я должна знать, — спросила Джейн, подталкивая тетрадь и перо к коленям своего отражения в зеркале, — чтобы помочь ему?

Элоди взглянула на перо, и в зеркале оно поднялось, хотя рядом с Джейн оставалось по-прежнему лежать на полу. Затем Элоди взяла дневник и открыла на чистой странице. Мир отступил, Джейн во все глаза смотрела на печальную молодую женщину в перепачканной кровью одежде. Элоди оставалась неподвижной, только мелко тряслись пальцы. Они внутренне так похожи! От этого на глаза навернулись слезы. Как прекрасно было бы встретиться при других обстоятельствах, возможно в другой жизни. Джейн хотела бы понять, что заставило молодую женщину нападать, почему они обе настроены враждебно? Элоди помогла ей в ту ночь, когда появился Оррен. И она не являлась Августину. Их обоих что-то связывает, нечто пока непонятное. Возможно, непостижимое.

Элоди начала писать.

Джейн затаила дыхание, закрыла глаза и взяла в руки тетрадь. Провела большим пальцем по стержню пера. Надо прогнать надежду, она должна не надеяться, а знать. Открыв глаза и тетрадь, она увидела три слова: *«Призраков не существует»*.

Перечитав их снова, резко подняла глаза на зеркало. Но увидела в нем только свое отражение. Даже когда, вскочив, она подбежала к нему и вцепилась в гладкие края с фактурой.

— Я не понимаю! — кричала она и трясла его, как трясла бы за плечи Элоди. — Вернись! Этого мало! Я ничего не поняла!

Призраков не существует. Слова эхом вновь и вновь проносились в голове. Она видела камень на лице миссис Каннингем. Видела странные фигуры в доме. Слышала, что говорила доктор Низамиева о смерти и воскрешении, составила собственное мнение о том, как Августин изменил своими действиями реальность.

Каннингемы появились вместе, хотя вероятность того, что они умерли вместе, ничтожно мала, и вины Джейн в этом быть не могло. Если призраков не существует, кто те существа, надевшие маски Каннингемов и вытягивающие мысли из ее головы? Если призраков не существует, с кем она спала, если не с Августином? Если призраков не существует, можно ли утверждать, что Августин умер? Эти существа следовали определенным правилам, они появлялись только после наступления темноты, а с восходом солнца исчезали.

Им не удавалось зайти в ее круг. Кто бы ни пришел к ней в облике Августина, это не он и не его дух. Значит, он может быть жив.

— Вернись! — закричала изо всех сил и упала на колени перед зеркалом. Пальцы так надавили на стекло, что оно

подернулось паутиной трещин. Элоди исчезла. — Скажи мне, что он жив! Скажи, что он страдает, я готова, ведь тогда буду знать, что он еще дышит!

Если он жив, если она не совершила ошибку... Теперь она знает, как возводить стены и вызывать духов...

Она вернет дверь. И освободит Августина.

Каннингемам оставалось всего несколько шагов до спальни, когда Джейн вышла в коридор. Оба выглядели сосредоточенными и озабоченными, такими она видела их только во время встречи с наиболее требовательными и сложными клиентами. Сердце кольнула досада, и Джейн попыталась представить, сможет ли разойтись с ними, но, к сожалению, для этого коридор слишком узкий, а пара заняла почти все пространство. Растерявшись, Джейн отступила на шаг, потом еще на один.

— Джейн, прошу тебя, — заговорила миссис Каннингем. — Подойди к нам, милая. — Она протянула старческие руки с пигментными пятнами, артритными суставами и пухлыми запястьями. Джейн невольно отшатнулась.

Страх, праведный гнев и ярость — она их сдерживала, хотя это давалось непросто. Руки дрожали, пришлось оторвать их от груди и сжать пальцами ткань юбки. Следует быть рациональной, спокойной и собранной — такой, как Августин в операционной. Ведь от нее тоже зависит жизнь.

Однако усталость давала о себе знать все сильнее. Джейн отступила еще на шаг, и нога неожиданно подвернулась.

К счастью, она устояла, но инстинктивно опустила глаза и увидела круги, которые нарисовала на полу в огромных количествах. Теперь они могут принести пользу.

Расправив плечи, Джейн заставила себя взять руки миссис Каннингем, испытывая отвращение от того, что прикосновения успокаивают, несмотря на сухость и сдержанность. «Призраков не существует», — напомнила она себе и спешно отбросила эту мысль. Сейчас нельзя позволять себе испытывать ужас. Не сейчас...

— Уйти — всегда проще. — Она заставила себя заговорить первой.

Миссис Каннингем, точнее существо, укравшее ее внешность, улыбнулась и пожала руки Джейн.

— Начнем сначала, — сказала она и взглянула на мужа, словно искала поддержки. Тот согласно кивнул.

— Я требую извинений, — заявила Джейн, делая шаг вперед. Каннингемы одновременно сделали шаг назад — со стороны могло показаться, что они танцуют. Пара замерла у границы круга, начерченного не мелом, а чернилами и металлическим пером.

— Извинений? — переспросил мистер Каннингем. — Роль родителя, опекуна — указать ребенку, что он сбился с пути. Я лишь стараюсь тебе помочь.

— Вы проявили жестокость.

— Жестокость помогает привлечь внимание к самой сути вещей. — Мистер Каннингем вскинул голову. — Наверняка ты уже это усвоила.

Оба улыбались и смотрели с любовью, если не замечать скрытого в глубине глаз отчаяния. Джейн ощущала их голод.

— Вы правы. — Она положила руки им на плечи. — Я усвоила.

Вытолкав пару за пределы круга, она возвела стену. Неизвестно, чего от них ждать, они могут начать браниться,

кричать, даже нападать, потому Джейн сделала стену безрассудно высокой и работала быстро. Камни в кладке держались плохо, некоторые покачивались, грозя упасть. Живот отозвался неистойвой болью. Каннингемы стояли не шевелясь, лица их будто застыли, все эмоции стерлись. А потом по телам пошли трещины, словно кракелюрный лак нанесли на кожу и одежду. Потом они стали распадаться на части, большие и маленькие, в сторону отлетали хлопья, что добавляло сходства с прогорающими поленьями в камине. Исчезали изгибы и формы, из-под привычного облика опекунов проступал белый камень. Фигуры вытягивались, становясь тонкими, полупрозрачными, головы приобретали форму полумесяца, обращенного рогами вниз. Джейн заставила себя наблюдать за происходящим.

Это не Каннингемы. Призраков не существует. Известно, умерли опекуны или живы, явление существ ничего не значит. Если они и говорили, Джейн не слышала, лишь видела, как головы склоняются, тела скользят по полу. Она увеличила высоту стен, достроила потолок и пол. Тела существ чуть исказились, они будто скрючились. Затем оторвались от земли и повисли в воздухе. Формы их менялись, пока они не стали походить на людей со снимков доктора Низамиевой — магов, заключенных в тюрьму собственных тел. Джейн не сразу поняла, что готова встать в ряд с этими безумцами. Если бы не появилась прислуга, она вполне могла бы, несмотря на боль в животе, возвести стены очень высоко и тогда наверняка стала бы одним из пациентов клиники доктора. Окаменевшую, бесчувственную — ее приняли бы любую.

Не отводя взгляда от своих бесплотных мучителей, она стала пятиться. Прекратила силой энергии удерживать стену, но та не рухнула, даже не качнулась, ни один камешек не выпал со своего места. Существам к ней не подобраться.

Они обездвижены, они в западне, словно мухи в каплях янтарной смолы, и это позволило Джейн покинуть коридор без страха и отчаяния. Собрав все необходимое для ритуала — новый кусок мела, свечи, соль, — Джейн сложила их в котомку, сделанную из брошенного здесь же фартука миссис Лутбрайт. Несколько торопливых, лихорадочных минут, в каждую из которых она прислушивалась и бросала взгляд на лестничную площадку третьего этажа, — ни движения, ни голосов.

Наконец Джейн оказалась на месте бывшей двери в подвал. Она сама заменила ее стеной, на которую теперь вынуждена смотреть. Первым желанием было шагнуть, представить, что преграды нет и в крипту легко попасть. Однако теперь Джейн знала, что спешка — проявление слабости. Из-за одной ошибки дом рухнет и погребет под собой подвал. Способна ли она управлять желанием и силой так, чтобы не изменить реальность к худшему?

Заклучив существ в круг, Джейн увидела их истинными. Будь возможность начертить его здесь, она бы разобрала камень на элементы и составляющие, возможно написала уравнение или нашла с помощью геометрии решение, как все изменить.

Но круг не обязательно чертить так, чтобы заменивший дверь камень находился в центре. Возводя стены выше обычного, Джейн в какой-то момент заметила, что мир за его пределами меняется: явное блекнет, а тайное выходит на первый план. Она видела скрытые конструкции дома, улавливала их смысл. Реальность можно изобразить. Стена — линза, а не несущая конструкция. Главное — понимать, откуда смотреть.

Джейн нарисовала в воображении стены, потолок, обращающая внимание на их структуру, довольно толстые, чтобы они не сливались с реальностью. В животе вновь появилась

боль, но ее удалось унять, и она принялась изучать гладкую плиту перед собой. Идеальные углы в девяносто градусов... В реальном мире такое невозможно. Края приглушенно светились. Кончики пальцев покалывало оттого, что процесс создания не имел ничего общего с привычным процессом с использованием пера и бумаги.

И Джейн потянула стену вниз.

Камень поддался.

Стена покосилась, сила тяжести увлекала вниз, ее появление здесь противоречило привычным законам, поэтому она рассыпалась в прах. Джейн оперлась на обломки, существующие лишь в ее воображении, и почувствовала, как и они исчезают. Круг занял свое место. Мир обрел плотность и цвет. Джейн с трудом поднялась на ноги и увидела перед собой темную зловещую дыру. Голова закружилась, тело заполнила раскаленная масса. Держась за дверную раму, она вставила свечи в канделябр и зажгла. Только потом, переведя дыхание, переступила порог подвала.

Свечи мерцали, несколько из них погасли, когда она прибавила шаг. Прохладный влажный воздух окутывал со всех сторон, но она старалась не обращать на это внимания и не думать о том, что на ее пути могут встать призраки. Добравшись до длинного стола со стульями, она отчетливо ощутила на себе пристальные взгляды, но, оглянувшись, не увидела ни единой тени на стенах или у входа. Остановившись, чтобы прочитать имя Элоди на сиденье, она двинулась дальше.

— Августин! — Голос прозвучал неожиданно сильно, эхо разнесло звуки по всему коридору, в котором она стояла. — Августин, я здесь! — На мгновение стало страшно, что звуки стихли и наступила тишина. Страшно, что она не услышит того, что так ждала. Джейн затаила дыхание. И пошла вперед, медленно оглядываясь, надеясь увидеть если не

человека, то хоть что-то — пятно, след на полу. Но ничего. Лишь белоснежный камень. Коридор казался бесконечно длинным, от него уходили в стороны другие, они, в свою очередь, тоже имели ответвления, некоторые вели в обратном направлении — подвал представлял собой лабиринт. Как его построили? Неужели никто не задался вопросом, почему каменные плиты состыкованы идеально, без зазоров? Построили в стародавние времена, когда мастера все угадывали по геометрической форме объекта, или его создавали частями так, чтобы никто, кроме зодчих, не представлял, каков будет конечный вид?

Лабиринт явно выходил за границы Линдридж-холла. Хотя магия ритуала доктора Низамиевой не действовала еще в полную силу, она разрывала тело Джейн изнутри. Она почувствовала это еще в тот момент, когда переступала порог.

И все же Джейн шла вперед.

Не прошло и нескольких минут, как в конце коридора перед ней выросла глухая стена. Испещренная линиями поверхность, будто кто-то хотел нанести рисунок и надписи. Джейн поводила по ним пальцем, но не уловила смысл. Наверняка это связано с эзотерическими знаниями, верованиями прошлых поколений, она ничего об этом не знает. Несколько минут Джейн стояла и смотрела на стену. Ноги болели от усталости, кричали, молили об отдыхе. О животе она старалась не думать, ведь боль становилась нестерпимой, когда магической энергии в теле было очень много. Можно остановиться, но это не поможет: чем дольше находишься без движения, тем сложнее сделать шаг. Это Джейн знала наверняка, усвоила за время долгой дороги в Ларрентон, когда очутилась в пугающей пустоте дома Каннингемов. Она заставила себя повернуть обратно, хотя свечи догорали, а холод сковывал движения, сокращая время бодрствования.

Здесь кто-то есть.

Расстояние позволяло разглядеть в свете очертания человека. Джейн рванулась вперед и замерла на месте, разглядев тонкую фигуру, изгиб шеи, одежду. Это не Августин. И не Элоди.

Это мама.

Мама стояла к ней вполоборота в форме резервиста. Еще до того как Джейн отослали, мама стала добровольцем, как отец и его товарищи. Они помогали людям выбираться из-под завалов разрушенных домов, оцепляли районы, опасные для жизни после бомбежки. Кожаный противогаз на шее, одежда, коротко стриженные волосы — она выглядела несуразно, нелепо, но именно такой ее запомнила Джейн. Перед ней совсем не та мама, которую она пыталась вызвать. Этот образ произвольно вырван из памяти. Образы родителей давно потускнели, остались лишь очертания, общая канва, но стоило подумать о маме, и сразу представлялась женщина с длинными волосами. Расплывчатое лицо излучало любовь и счастье.

Сейчас же... Джейн видела маму такой, как в их последнюю встречу. Джейн думала, что забыла ее черты. Оказывается, она помнила даже мелкие морщинки у глаз, едва заметные, только начинавшие формироваться. Изогнутые белесые ресницы, курносое лицо. Такие детали ребенок запоминает в счастливые времена, они остаются в памяти и хранятся надежно, не хуже, чем запечатленные на фотографической пленке.

— Не надо так, — пролепетала Джейн дрожащим голосом и рухнула на колени.

Мама не ответила, словно не слышала. И хотя Джейн понимала, что это не мать, а лишь призрак в ее обличье, это тихое безразличие доконало ее.

— Я забыла тебя. — Джейн застонала и упала на колени. — Я хотела тебя забыть.

По-прежнему никакого ответа. Найти верную тактику поведения легче в случае приветливого, ласкового отношения или, напротив, жестокого, как в случае с Каннинггемами. Она бы заключила призрака в круг с сильной защитой.

Но такое безразличие... Джейн потянулась к ней и отдернула руку.

Призраков не существует, перед ней не мама, но отчего так бьется сердце, отчего она ощущает тоску и одиночество еще острее? На что сейчас важнее обратить внимание? Все же уйти она не сможет, ведь другого шанса увидеться не будет.

— Прошу, посмотри на меня.

Мама шевельнулась, и сердце Джейн подпрыгнуло: неужели собирается уходить? Она подалась вперед, схватила маму за плечи и развернула к себе, надеясь вблизи увидеть знакомое выражение глаз. Тело ее оказалось твердым и теплым, такие родные черты самого дорогого человека. Будь у нее желание, могла бы считать это существо матерью, поверить, что перед ней действительно она.

Несомненно, магия могла воссоздавать любые порожденные ею образы.

Сопротивляться искушению не оставалось сил, и Джейн прошептала:

— Я твоя дочь, Джейн. Я здесь.

На лице мамы мелькнуло раздражение, она повернулась, впиалась в нее глазами так, что перехватило дыхание, но затем

взгляд скользнул в сторону и сосредоточился на чем-то за ее спиной. Выражение лица, взгляд, манеры — во всем безразличие, отсутствие интереса, словно мама не узнавала ее. Неудивительно, Джейн и сама давно отгородилась от воспоминаний о ней. Но сейчас старый шрам разошелся, рана, не дававшая о себе знать почти два десятка лет, стала болеть и кровоточить, а Джейн уже не помнила, как с этим справляться.

Она не могла совладать со слезами. Лежащая на плече мамы рука шевельнулась, пальцы коснулись щеки — теплой, будто живой, настоящей. Она провела по линии роста волос, находя на этом лице черты самой себя. Невольно отметила едва заметную выемку на подбородке.

Разум не желал мириться с ошибкой, даже понимая, что за этой выемкой темный гранит; его вес мог стать для нее якорем в реальности, угрожающей исчезнуть, поэтому она надавила на него пальцем. Как заманчиво поверить, что мечта, возникшая в минуты тоски и боли несколько дней назад, сбылась: мама здесь, с ней! Но Джейн преодолела печаль, сорвала фальшивый покров ради того, чтобы добраться до правды.

Ради правды она отказалась ото сна. Ради нее ела только тушеного зайца, траву и сырые яйца. Она временами походила на помешанную, погрузилась с головой в ритуалы, открывающие видение иных миров, и вот это случилось. Покров лопнул, будто прорвалась кожа на барабане.

Фигура вытянулась, но смотрела по-прежнему глазами матери. Так бывало и раньше.

«*Почему ты не желаешь нас кормить?*» — спросило существо. Слова звучали очень странно, такого Джейн не доводилось слышать. Вместо простых звуков лились потоки, струи нот разной высоты, связанные одна с другой, и они извивались, касаясь уставшей плоти и костей.

«Накорми нас, и мы выведем тебя отсюда».

Миссис Каннингем тоже говорила о голоде. Похоже, получая отказ, эти создания впадали в отчаяние, это воодушевляло.

— И чем вас кормить? — спросила Джейн, сделала шаг назад и гордо вскинула подбородок.

«Своим чувством вины».

Она вспомнила Августина в кухне, его затуманенный взор, когда он утверждал, что глаза ее налились кровью, а тело заражено болезнью. Как ни странно, досада тогда успокаивала остальные чувства; как ни парадоксально, дарила облегчение. Увидев маму, Джейн ощутила острое желание все исправить. Скончавшиеся пациенты показывали Августину, как их можно было спасти, что он должен был, но не сделал.

Как же все просто. Невероятно просто. К нему приходили не духи мертвых, а голодные существа иного мира, принявшие образы, сохранившиеся в его же сознании, самые яркие, потому что причиняли больше всего боли, ведь они охотились именно на такие чувства и точно определяли жертву.

Джейн хмыкнула и обнажила зубы в улыбке, похожей на оскал.

— Я не испытываю ничего подобного.

«Без нашей помощи ты здесь умрешь». Совсем не угроза, нет — констатация факта, правда, которую Джейн, отвергая, принялась разрывать зубами и ногтями, словно паутину, из которой хотела выбраться.

— Я буду бороться, — выкрикнула она.

Здесь нет круга, в который она может загнать существо. Можно ли начертить его в воздухе и заключить туда фигуру? Проблематично, если учесть ее размеры. Тогда надо защитить себя кругом.

Джейн попыталась присесть, ноги подкосились, и она упала на колени от усталости, но заставила себя собраться. Воображение заработало, рисуя вихри и стены.

«Ты гораздо сильнее него», — произнесла фигура. Слова будто сразу проникали внутрь мозга, растекались между извилинами. **«Ты выносливее. А его всегда переполняли вина, сожаления, досада. Потому отданное тобой даже слаще».**

Джейн изогнулась и сомкнула круг за спиной.

«Ты стремилась к жизни маленького человека, Джейн Шорингфилд Лоуренс. Старалась ни о чем не сожалеть, хотела все контролировать, и вот ты здесь, тебя переполняет чувство вины. Сколько человек умерли из-за тебя?

Потому ты вышла замуж за того, кто не желал брака, потому заставила его беспокоиться настолько, чтобы лгать тебе, а потом из-за тебя оказаться лицом к лицу с этой ложью?»

Существо говорило правду. Настолько тяжелую, что она прибавала к земле. Джейн легла на бок и сжалась, прикрывая пульсирующий комок в животе.

«Чего лишилась ты, — спросила фигура, — преодолев всего-то сантиметр на пути к познанию невозможного? Ты напугала многих, навязывала свою заботу, заставляла себя бояться. Ты разрушила больше жизней, чем погубила людей».

— Нет, — прошептала Джейн. — Я не стану винить себя за это. Ни о чем содеянном жалеть не буду. По крайней мере, до его спасения. — Она подняла голову и решительно посмотрела на возвышавшуюся перед ней фигуру. Та не шевелилась, будто замерла и внимательно рассматривала Джейн. Вытянутая голова в серповидном уборе не покачивалась, одежды не развевались.

«Тогда вспомни прошлое, как падали и разрывались бомбы. Вспомни страх и чувство вины из-за того, что люди рядом умирали, а ты жила.

Этой пищи мне будет довольно, и я отпущу тебя».

Она почти почувствовала шипение проникающего в подвал газа, жар пламени, холодный пол, на котором она лежала и дышала сквозь ткань маминой юбки. Каждое утро выходить на улицы разбомбленного Камхерста. Воспоминания вернулись и стали ярче. Сердце сжалось от ужаса, страданий, мыслей о погибших за столько дней войны.

Перед ней нижняя часть фигуры превратилась в кусок ткани, которой мама закрывала ей лицо, чтобы спасти от газа. Под ней содрогнулся каменный пол, как во время бомбежки. Джейн смотрела на него во все глаза. Не земляной пол или грязные камни, а белый и холодный, такой не встречается в зданиях Камхерста. Камхерст далеко, а Ларрентон и вовсе в глубине страны, здесь она в безопасности. Сюда война не добралась.

Необходимо, чтобы правда закрепилась в мозгу. Если она допустит мысль, что находится в подвале в Камхерсте, сразу окажется там.

Она в Линдридж-холле, где и хочет оставаться.

Джейн подняла глаза на гранитную статую перед собой. Джейн возвела стены так высоко, что в тусклом помещении вспыхнул яркий свет, все вокруг выглядело нарисованным на листе бумаги. Живот разрывало от боли. Джейн сжала контур каменной фигуры, тянула, закручивала, рвала, пока не остались только черные спутанные линии. За спиной нечто тяжелое и плотное с грохотом повалилось на каменный пол. Джейн выдохнула с облегчением, скривилась от боли и вытолкнула себя из круга в реальный мир.

Поднялась, подумала об Августине и снова шагнула в темноту.

Дальше — ни фигур, ни гранитных статуй. Один пустой зал сменялся другим, там не было ни Августина, ни склепов с покойниками, не было даже ее самой. Пошатываясь от изнеможения, Джейн свернула в другой коридор. Свеча в руке догорала, энергии в теле оставалось все меньше. Прохладный воздух освежал хрупкое тело — то, что осталось от прежней Джейн Шорингфилд Лоуренс.

Но вот наконец новое нечто. Очертания чего-то, частички скрытого тенью. Куча мусора или сидящий сгорбившись человек. Августин. Надежда захлестнула ее, Джейн опустилась на колени и поползла. Живот пронзила боль, в следующую секунду свеча потухла. Отбросив канделябр, она продолжала двигаться, нащупывая путь рукой. Вскоре боль стала нестерпимой, она не позволяла двигаться, усталости все же удалось сломить ее волю. Внезапно она почувствовала тепло, рука легла на плечо, вторая на спину — трясущиеся от страха и голода руки человека, запертого в темноте на шесть дней. Следом в нос ударил неприятный запах грязного тела и антисептика.

Как же холодно.

С этой мыслью Джейн пришла в себя. «И больно», — следующая мысль. Живот будто наполнился лавой, не удавалось даже пошевелить пальцами ног. Джейн застонала и прижалась к поверхности, но это не помогло. Вокруг царил крошечный мрак.

Но вдруг... Внезапная вспышка света. Пламя свечи появилось там, где не должно было, — над самым гнездом канделябра. А рядом лицо, которое она помнила так хорошо, что могла представить черты в любую минуту. Рядом сидел Августин: локти упирались в колени, пальцы вцепились в волосы.

Он жив.

«Не торопись», — сказала себе Джейн. Как это проверить? Он ведь и раньше входил в ее круг. Как убедиться, что он жив, дышит по-настоящему? Единственная надежда, что он почувствует ее боль, увидит на лице, поймет, как велики страдания. Все будет не так, как в ту ночь в кабинете. Он будет тревожиться за нее и бороться.

Внезапно стало страшно. Тогда он хотел убить ее, думая, что спасает.

Джейн огляделась. Августин сидел на каменном стуле с высокой спинкой, она лежала рядом на чем-то холодном и твердом. Знакомое помещение. Знакомая каменная столешница. На ней умерла Элоди. Руки мужа внутри ее грудной клетки. Более того, именно здесь сама Джейн едва не перенеслась в мир мертвых. Губами она ощутила прикосновение пропитанной эфиром тряпки. *Надо бежать. Спрятаться.* Выбежать из подвала, закрыть эту дверь и...

Джейн попыталась поднять руку и застонала от боли. Так осторожно, что сама не поняла, шевелилась ли, так тихо, что сама не поняла, издала ли звук. Глаза обратились вверх, туда, к крыше, за которой находилось небо. От свободы Джейн отделил всего один лестничный пролет. Почему Августин принес ее сюда, а не в спальню? Не перевез в клинику? Хорошо, что от него не исходит угроза, он молча сидит, обхватив руками голову, будто уже оплакивает ее.

— Августин, — тихо позвала Джейн, приложив всю силу воли, чтобы издать так много звуков сразу.

Августин поднял голову, удивленно распахнул глаза, губы растянулись в улыбку, но он заметил боль на ее лице и нахмурился.

— Дыши медленнее, Джейн, спокойнее, — говорил он, уже стоя рядом, поглаживая волосы и щеку.

В руке нет скальпеля. Нет пузырька со слабительным на столе рядом. Нет лихорадочного блеска в глазах, как в день, когда он готов был убить ее.

Этот Августин был таким, как при их первой встрече, а не последней, когда напугал ее настолько, что она замуровала его в крипте. Тот самый Августин, которого она пришла спасать. Перед ней был настоящий доктор и муж, словно не смеющий надеяться, что она настоящая, хотя и ощущал пульс под кончиками пальцев.

— Джейн, — пробормотал он. — Джейн, ты вернулась за мной.

Вернулась за ним. Она громко рассмеялась, спровоцировав новую волну боли. Вернулась, но какая от нее польза, если она не может пошевелиться? Последние силы потратила на уничтожение воспоминаний о маме, для Августина ничего не осталось.

— Прости меня, — прошептала она. — Из-за меня ты оказался замурованным здесь. Стена... я ее выстроила.

Августин нахмурился, оглядел лестницу и коридор за ней.

— Нет же.

— Поверь, я не хотела, мое желание спрятаться ее создало. — Голос срывался. — Я уберу ее. Мы уйдем.

Августин склонился к ней, на лице мелькнули ужас и отчаяние. Как после операции Абигейл Ю, когда он считал, что пациентка не выживет. Ей было тогда тоже очень холодно.

— Вот это, — произнес он, кладя ладонь ей на живот, будто не слыша ее извинений и признаний. — Когда ты заметила рост?

Теперь она видела в нем только врача; его присутствие, знакомое, родное, успокаивало. Однако Джейн не позволила себе поддаться искушению расслабиться.

— Я теперь занимаюсь магией, Августин. Как Рентон. Как Этридж. Я изменила реальность и... кое-что в своем теле.

Похоже, новость его совершенно не обрадовала, а ведь теперь Джейн могла понять его гораздо лучше, принять то, что раньше отказывалась.

— Это тебя убивает, — произнес он, печально склонив голову.

Нет. Она не умрет. Она не хочет умирать и никогда не сдастся. Сухие слезы обожгли глаза, вызвали внутреннюю дрожь.

— Ты и раньше говорил, что я умираю, — прошептала она. — Хотя я была здорова. Ты тогда видел то, чего боялся, духи дома показывали тебе это. Они истязали тебя и меня, но я научилась их сдерживать, защищаться от их атак. Я не умираю, Августин.

Он не стал спорить, лишь посмотрел с грустью и убрал прядь волос с лица.

Возможно, он прав, уже поздно что-либо делать: то, что росло в ее животе, стало слишком большим; ей с трудом дается двигаться, она дрожит от холода.

Ведь так легко взять время взаймы у будущего.

— Джейн. — Августин положил ее ладонь на выпуклый живот. Боль пронзила все тело. Сейчас ее не пытаются сбить с толку духи. Именно это станет причиной ее смерти. — Опухоль давит на внутренние органы. Она растет с чудовищной скоростью. Я не могу никуда перенести тебя. Это опасно.

— Тогда пошли за помощью, — предложила она. Слова легко слетали с губ, облачками повисали в воздухе и мгновенно растворялись. Она не знает наверняка, существует ли еще мир за пределами Линдридж-холла, в том числе Ларрентон. Может, Августин сам выстроил еще стену и теперь не уверен, что сможет уйти. Она обрекла на муки их обоих. — Есть же мистер Лоуэлл. И присланный на замену врач. Он поможет на операции...

— Джейн. — Он нежно взял ее лицо в ладони, выдержал безумный взгляд. — Я не хочу сделать хуже. Не уверен, что смогу тебе помочь.

— Но почему? — воскликнула она.

— Я мог убить тебя, когда считал, что помогаю. Потому и оказался здесь запертым на столько дней. — Он прижался лбом к ее лбу и вздохнул. — Ты права, смерть всегда побеждает. Самонадеянно было думать, что я совершил

ошибку, я повинен в смерти. Иногда... это единственный возможный исход.

— Но я сама прошу тебя спасти меня.

Он вздрогнул, быстро отстранился и ничего не сказал.

Единственная цель в ее жизни в последнее время — спасти мужа. Джейн временами ощущала помутнения в сознании из-за отсутствия сна, глотала несформировавшихся цыплят, беседовала с призраками, кричала во весь голос, рыдала без причины, но только сейчас, когда была так близка к цели, впервые задумалась о будущем. Раньше она не утруждала себя мыслями о том, что произойдет, когда подвал откроется, что она может не выйти за мужем, что может умереть. Прижав ладони к животу, Джейн зажмурилась от сводящей с ума боли и затуманенным разумом стала искать решение. Она — начинающий маг, это ее первый ритуал, она дисциплинированная, привыкла к трудностям, рядом муж, хирург, также знакомый с основными принципами магии. Они оба видели, как по неопытности люди вредили себе, изменяли собственные тела, теперь это произошло и с ней. Под ней каменная столешница, на которой умерла молодая женщина. Смерть Элоди изменила реальность в доме, повлияла на дальнейшие события, привела сюда Джейн, чтобы здесь с помощью математики она постигла то, что представлялось невозможным, поняла, как ноль помогает доказать это, найти ответы, как с помощью геометрии защитить себя, создать линзу, позволяющую заглянуть внутрь предметов, а затем и всего сущего в мире.

Жизнь собрала их всех в одном месте, каждый из них запачкан кровью в том или ином смысле.

Принцип синхронности.

— Где твоя медицинская сумка? — спросила Джейн. Она уже чувствовала запах крови Абигейл, мистера Рентона и ее собственной, капли которой падали на пол. Эфир,

скальпель — предметы, наводящие страх, но сейчас они необходимы.

— Она со мной, — отозвался Августин. — Там, где я видел тебя в последний раз.

— Вырежи из меня эту штуку.

Он в ужасе отшатнулся.

— Нет, Джейн, я не могу. Для операции необходимы ассистент, хорошее освещение, антисептик. Я не могу...

— У нас нет выбора, — перебила его Джейн, заставила себя пошевелиться, подняла руку и сжала запястье Августина. Теплое и твердое. Живое. — Ты хочешь оставить меня здесь умирать, а потом жить в доме, каждый день вспоминать об этом и мучиться? Хочешь еще и это добавить к своим грехам? Тебе мало чувства вины, которое тебя уже гложет? Хочешь меня потерять?

— Нет-нет, но...

— Если только скажешь, что это станет твоим наказанием, я закричу.

Августин опустил голову, он дышал тяжело, с трудом, едва сдерживая слезы.

— Ты лучший врач, — ласково произнесла она нараспев. — И лучший маг. Я понимаю, операция опасная, у нас может не получиться. Но это не обычная операция. Это ритуал. Ты хотел найти способ спасти пациентов, я сделала это для тебя. Тебе нужен шанс искупить свою вину за неудачи, освободиться. Ты желал узнать, что еще тебе уготовано судьбой. Мы сделаем все здесь и сейчас, объединим ритуал и операцию.

Джейн вглядывалась в его лицо, пытаясь увидеть понимание, согласие. Она должна увидеть, иное невозможно, ведь она произнесла вслух то, о чем он мечтал, что не осмеливался надеяться воплотить в жизнь ради ее спасения.

Августин покачал головой и крепко сжал ее руку.

— Все эти разговоры о магии... Моя вина, я забил тебе голову ерундой. Джейн, магия не сможет тебя спасти. Ее вообще не существует.

— Но ты ведь сам...

— Игра воображения. Принятие желаемого за действительное.

Она отшатнулась, глядя на него во все глаза. Почему он больше не верит? Почему так легко готов отбросить то, что разрушило его жизнь? Вероятно, что-то случилось. Уже здесь, в крипте. Она не понимала, что это могло быть и как к этому относиться.

— Я здесь уже... так долго. — Брови Августина сошлись у переносицы. — Мне хватило времени. Времени подумать. Моя одержимость совершить невозможное привела к смерти Элоди. Я едва не погубил тебя. И все из-за призрачных убеждений.

— Но ты же видел духов. И считал, что я заболела, хотя это не так.

Он вздрогнул и помрачнел еще больше.

— Я... Я...

— Ты видел, они тебя мучили.

— Это чувство вины. Дело не только в нем. Возможны и другие объяснения, Джейн. Давай пошлем за доктором Низамиевой. Она нам поможет.

— Если магия — всего лишь выдумки, — произнесла Джейн на выдохе, уцепившись за последний спасительный довод, — куда делась дверь? И почему ты не умер от жажды? Прошло шесть дней, Августин.

Тело его содрогнулось, по коже прошла рябь. Джейн оттолкнула его руку и закричала, решив, что он исчезнет, как очередной дух, плод воображения или заклинания, но нет, он по-прежнему рядом.

Августин яростно тряс головой, едва слышно бормоча:

— Джейн, Джейн...

— Ты должен сделать это, других вариантов у нас нет. Прошу, посмотри на меня.

Он поднял на нее глаза. За пеленой слез она разглядела страх, парализующий его изнутри, смятение, хаос мыслей. Как же быть? Как его успокоить? Доктор Низамиева определенно подсказала бы.

В голове что-то щелкнуло.

— Ты должен кое-что мне обещать, — она вспомнила, что сказала Низамиева. Теперь она видела в словах заклинание.

Установку.

— Все что пожелаешь, — согласился Августин.

Она улыбнулась, борясь с дрожью.

— Ты безоговорочно будешь считать верным все, что я тебе сейчас скажу. Это будет непросто, но должно стать первым шагом в познании нового мира, иначе мое время будет потрачено зря.

Молчание. Она чувствовала, как он затаил дыхание. И наконец:

— Обещаю.

— Магия, — заговорила Джейн, глядя многозначительно, — однозначно существует.

Августин поднял глаза, из них исчез страх. Все так просто. Просто и ужасно. У нее нет времени вспоминать, что происходило с ней тогда, в гостиной, когда напротив сидела специалист по безумствам.

— Вот так, — воскликнула Джейн, ликуя в душе. — Вспомним все события, вплоть до того момента, как ты держал на руках умирающую Элоди, понимая, что не сможешь ее спасти. Но ты можешь спасти себя. Эта опухоль — сама магия. Мы удалим ее, это и станет заклинанием, не отказываясь, прошу, ведь так ты обретишь свободу. Духи,

которых ты кормил, ушли. Зависимость от дома, болезни — ничего больше нет. Ты получишь свободу и сможешь помогать людям спасать жизни других.

— А ты?

— Ты ведь сам сказал, я в любом случае умру. Хотя, возможно, шанс есть. Главное — знание. Сделай операцию, я буду знать, что могу жить, и посмотрим, что будет потом. Уничтожь последствия работы магии, которые меня убивают.

Августин долго смотрел на нее, но все же кивнул.

— Хорошо, я все сделаю.

В канделябрах на стенах у лестницы стояли свечи. Августин собрал их и зажег от затухающего огарка. Подрагивающая вместе с языками пламени картина перед глазами становилась все ярче. Они в банкетном зале, погребальной комнате, музее эзотерики, построенном Лоуренсами.

И они не одни.

За пределами помещения собрались тени — неподвижные фигуры с серповидными головами. Поглядывая на них с опаской, Августин соскоблил засохший мел с яичным желтком с кончиков пальцев Джейн и очертил им тончайшую окружность, включив в него стол. Джейн возводила стены до тех пор, пока не закричала от боли. Августин вмешался, сам поднял их еще выше, избавив Джейн от нагрузки и мук.

Затем снял с нее грязное рваное платье и задрал сорочку, обнажая живот. Фигуры скользнули по полу и подошли к самому краю круга, но Джейн следила не за ними, а за реакцией мужа. Увидев их вблизи, он вздрогнул. Что ж, он должен когда-то осознать правду.

— Ты видишь их одежды? — спросил Августин.

Да, и очень хорошо. Все в белоснежных хирургических халатах, на которых заметна каждая капля крови.

— Это форма хирургов и медсестер в операционной, — удивленно протянул Августин. — Они пришли посмотреть, для них это будет зрелище.

— Им интересно, что мы делаем.

— Им интересно стать свидетелем очередной моей неудачи.

Джейн нахмурилась, но не стала возражать.

— Обещай не винить себя, если не получится. Иначе ты только подкормишь их.

Августин кивнул и, отвернувшись от зрителей, принялся ощупывать живот Джейн.

— Думаю, опухоль яичника, — заключил он, — расположена над кишечником. Все не так плохо. С эфиром...

— Никакого эфира, — отрезала Джейн.

— Но без эфира тебя может убить болевой шок.

— С эфиром я не смогу помочь тебе с заклинанием.

— Тебе будет очень больно. — Он погладил ее по щеке. — Самая сильная боль в жизни. Ты уверена?

Августин принялся укреплять выстроенные ею стены. Он сильный маг, был таким всегда или стал только сейчас, поверив в себя. Он сделает операцию, справится в одиночку.

Джейн хорошо себя знала и понимала, что эфир вызовет панику, как в прошлый раз, вне зависимости от того, доверяет она Августину или нет. Эта паника жила внутри нее и появлялась всякий раз против воли, когда считала, что может помочь. Объяснить подобное невозможно, но это факт.

— Уверена, — произнесла Джейн.

Августин кивнул, быстро коснулся губами ее лба и отошел в сторону, чтобы взять саквояж.

Он аккуратно разложил все необходимое на столе: скрученные кожаные ремни, скальпели, изогнутые иглы,

кетгутовую нить, бензоин, лауданум. Эфир и губку оставил в сумке.

— Мне надо будет тебя привязать, — тихо произнес он.

Кося глазом на полупрозрачную публику, Августин ловко просунул ремень под стол и закрепил на запястье Джейн. Затем проделал то же самое с ногами в лодыжках и у бедер.

Джейн воспользовалась моментом покоя, чтобы еще раз утвердиться в мысли, что перед ней живой, настоящий Августин, ее Августин, и у него все получится.

Он закрепил последний ремень на ее плечах и взял скальпель.

Приготовься, Августин. Приготовься, Джейн.

— Я делаю разрез, — произнес Августин спокойным голосом учителя, комментирующего действия для студентов. — Я разрезаю плоть, она разделяет мир внутренний и внешний.

Лезвие проникло в тело, Джейн дернулась, ремни натянулись. Боль невероятная, ослепляющая. Следом Джейн ощутила руку Августина на коже. Боль вспыхивала там, где он касался плоти. Испытывал ли подобное Рентон, когда вспорол себе живот? Всепоглощающую, всеобъемлющую боль? Плоть расходилась при каждом новом надрезе, будто ее разрывали.

Августин не остановился, хотя она слышала, как кричит, молит все прекратить.

Внезапно появился страх, но не связанный с инстинктом борьбы за жизнь, нет, другой. Он существовал дольше ее самой, появился откуда-то из темноты, при этом казался знакомым. Это не ее страх. Элоди перенесли, полумертвую, в этот подвал, чтобы охладить тело и дать Августину больше времени на ее спасение. Она не понимала, что он пытается сделать. Она не сопротивлялась, потому что доверяла, но очень боялась.

— Внешний мир тела формирует внутренний, — продолжал он.

От боли слух притупился, но энергия каждого слова пульсировала в голове.

— Коррекцию разрывов в мире внутреннем можно использовать как руководство, чтобы исправить степень отклонения от истины в мире внешнем.

Джейн чувствовала страх Элоди, значит, заклинание работает, она не ошиблась. Пусть давление усиливается, надо терпеть. Мысль укоренилась так же, как боль, как страх Элоди. Цель воздействия скальпелем мало чем отличается от затянутого корсета и шпилек в волосах, оно лишь сильнее, в этом разница.

— Я бодрствую, чтобы исполнить задание, — произнесла Джейн. — Мир засыпает, а я нет. — Она приложила все усилия, чтобы держать глаза открытыми, принялась разглядывать каменный потолок, стены, проникая внутрь предметов и отмечая особенности геометрии постройки. Все здесь было идеально, будто задумал и создал талантливый маг.

Живот Джейн поднимался и опускался, когда пальцы Августина проникли в полость, принялись давить и тянуть. Она вжалась спиной в камень под ней, словно это могло помочь отстраниться от боли. Подавшись вперед, словно желая вырваться, она закричала во всю мощь легких. От этого разрезанные мышцы брюшной полости разошлись, причиняя больше страданий. Августин тихо выругался, убрал руку и приложил ее, окровавленную, к виску Джейн, видимо желая поддержать, успокоить, но облегчение не наступило. Он взял другой инструмент и вернулся к работе. Здесь ему не воспользоваться помощью мистера Лоуэлла или ее самой, завершится ли все благополучно?

Джейн снова опустила голову на камень. Боль не становилась слабее, но она отдалялась вместе со всем миром.

«Прочувствуй, — велела она себе. — Прочувствуй все в полной мере». Сдаваться нельзя, и она не сдастся.

Она все исправит. Ради них. Ради Элоди, некогда лежавшей на этом столе, растерянной, испуганной, плывущей навстречу смерти, но сдерживаемой руками мужа лишь для того, чтобы вместо облегчения показать, что страх бывает еще сильнее. Ради Августина, на котором кровь обеих жен и груз ошибок и неудач. Ради самой себя, своих стремлений проложить путь в новый мир, собрать осколки старого, отвергшего ее.

И тьма поглотила ее.

Джейн стоит во главе стола в крипте и оглядывает подвал Линдридж-холла. Боли нет. Живот — сплошная зияющая рана, кровь и пустота, совсем иное, не то, что на безжизненном теле, лежащем перед ней. Это удивляет лишь на мгновение, заставляет задуматься, но внимание быстро переключается.

Стены Линдридж-холла перед ней — сетка строительных лесов, начерченных карандашом тонкими, едва видимыми линиями. Связки словно атрофировались, потеряли эластичность и гибкость. Ее окружают лица умерших здесь, их сотни, они наслаиваются друг на друга, никто не выступает на передний план.

Августин тоже здесь, его руки внутри ее брюшной полости. Он замер и безмолвствует.

Склонившись, она пытается заглянуть себе в лицо. Больно ли ей? Нет, она ощущает лишь покой и безмятежность, а еще отстраненность от мира — обо всем этом она мечтала всю жизнь.

Но и в моменте смерти есть более важное — многообразие, скрытое многообразием, оно множится до тех пор, пока не превращается в ничто. Она сама трансформируется, преобразуется, объединяется, сливается.

Время похоже на слои луковичной шелухи, они указывают на места, задействованные в сцене пьесы. Вокруг нее некопаная земля с червями, грязью, застоявшейся водой. Мужчины и женщины движутся по лабиринту комнат, рисуют круги, едва слышно произносят заклинания, слова которых сразу стихают. Инициации, задания, детские игры. Рабочие укладывают тяжелые плиты белоснежного камня. Заклинания проникают в скелет мира, разрушают и создают реальность, она меняется и рябит, словно гладь озера.

Она лежит без сознания в одном из коридоров, где встречает маму. Впервые прикасается к двери подвала, тело охватывают холод и боль. Наблюдает, как пламя сжигает окровавленную простыню, как она целует мужа, работает, ведет подсчеты.

Вот она сидит в кресле в гостиной, счастливая молодая жена, еще мечтает о том, какие возможности откроют ей перемены в жизни, даже не представляя, что вскоре произойдет. Но в глубине сознания уже появляются первые ростки, всходы недоверия и смятения. Имя Элоди ей еще незнакомо, но уже известно лицо, которое беззвучно появляется в окне и смотрит на нее.

Сейчас окна черны.

Тот самый вечер? Или другой? Немало ночей она провела в кресле, глядя в темные окна.

Во рту нет вкуса травы и пророщенного зерна. Одежда не порвана, нет дрожи от усталости. Она еще занимается только бухгалтерией, не собирается увольнять прислугу, чтобы быть предоставленной самой себе и получить контроль над тем, что пока неведомо и находится за гранью.

Впервые за вечность, за годы жизни, за миг, когда успела лишь моргнуть, Джейн счастлива, несмотря на то что ей известны события, связанные с появлением Элоди. Но ее нет, она не приходит, вместо нее разверзлась белая пустота,

которую Джейн никак не преодолеть. На другой стороне что-то есть. Но это не дает ей надежды, ведь надеяться — значит фантазировать, представлять новые миры, она же свернулась в объятиях матери, Августина, и прошлое кажется будущим, словно время отражается в зеркале. Она чувствует себя любимой, целостной, и оттого на душе спокойно. Возможно, такова жизнь по ту сторону.

Однако белое ничто не исчезает. Более того, оно разрастается. Джейн в столовой Линдридж-холла, Элоди нет. Мир за окном тоже исчез. Она видит Августина, его родителей и Пинккомов в высеченной в камне комнате, но никаких признаков Элоди. Белая гладь распространяется, уже невозможно понять, где она заканчивается, а где начинается ее собственная парадоксальная сущность.

Становится страшно.

Джейн измеряет себя, определяет свои границы, размазывает клубок, убирая многочисленные нити собственной сущности одну за другой. Моток меняет форму, кривится в одну сторону, грозя развалиться. Отсутствие Элоди в оконном стекле Линдридж-холла не позволяет верно оценить обстоятельства. Они обе — примеры того, чего в понимании людей не существует, они исчезают и появляются, сходятся в схватке.

Всего шаг — и она тоже в оконном стекле. Совсем близко. Глаза красные от бессонных ночей, волосы растрепаны и спутаны, платье местами порвано. Живая Джейн отрывается от тарелки на обеденном столе, окидывает ее взглядом и спешно отворачивается. Убеждает себя, что это пустяки, ей показалось. Джейн мертвая идет дальше искать Элоди.

Фигуры неподвижно застыли в холле. У них нет лиц, как и ничего человеческого, кроме, пожалуй, выпрямленных, хоть и слишком вытянутых тел. Сейчас они едва видимы, будто растворяются в пространстве.

Августин готовит себя к предстоящим трудностям. Она же сидит в библиотеке с книгой, представляющей теорию невозможного.

Элоди не появляется.

Белое ничто растет.

Джейн приближается к нему, на этот раз ее охватывают беспокойство и страх. Все распутывается, обнажается разгадка ее смерти. Следует запомнить момент, если она хочет все исправить. Необходимо разобрать луковицы, разложить по порядку, найти допущенные ошибки.

Она идет за тенью вниз по лестнице в кабинет. Августин берет ее на руки и кладет на кровать, укрывает с любовью и удаляется, чтобы встретиться с открытым лицом призраков, считает это проявлением смелости, не понимает, что его подталкивает страх.

Но где же Элоди?

Ее нет и в темной крипте. Джейн не встречает ее в бесконечном лабиринте, не видит, когда лежит на столе. Где же она? Предполагалось, что они встретятся, но ее нет ни по эту сторону ни по ту, в окне.

Странно. И не потому, что Джейн желает Элоди страданий или, напротив, избавления от них. Дело в том, что без духа Элоди нет ни смерти, ни жизни, ни самой Джейн. Без Элоди она потеряется, лишится во сто крат большего. Время — величина непостижимая, сложная, оно рассыплется в прах.

Что произошло? Что пошло не так?

Инициация Джейн. Ее видение. Необходимо восстановить его в той чертовой реальности с кровью и криками, изучить досконально, чтобы найти ключи к пониманию. Джейн вырывается из потока времени, полотно жизни закручивается само собой. Она видит Элоди на мраморной плите, ее сердце в руках Августина, а потом — ничего.

Элоди исчезает.

Ни в прошлом, ни в будущем ее нет. В прошлом пустота, занявшая ее место, становится больше. Как это неправильно! Это окончательный разрыв. Джейн подносит руку к краю очертаний Элоди и чувствует холод, ощущает, как исчезают кончики пальцев. На их месте переливается вина. Джейн отдалается, ошеломленная, но снова поворачивается к себе. Ей удается сдерживать белое ничто изменениями в размышлениях, разрастание его замедляется. Необходимо найти другую переменную величину, не Элоди. Реальность на месте пустого пятна в нескольких местах в прошлом, закрытая для Джейн, должна быть восстановлена. Значит, она сама существует там, когда приходит Элоди, — невидимая. Интересно, она старается находиться за пределами зрения Джейн или скачет по времени, стирая за собой каждый момент пребывания?

В окне нет пустоты, Элоди там просто не показывается.

Джейн продолжает ее искать. Она прячется в кабинете, когда ее преследует существо, надевшее обличье преждевременно умершего мальчика. Находит для себя текст Августина. Чертит круг, учится магии, идет и вновь спотыкается. Столько мгновений грозят разрушиться до элементарных частиц, даже те, в которых не было Элоди. Саквояж доктора, который погубил ее, никогда не бросали в камин на третьем этаже. Она видит, как Винг просто оставляет его и уходит, — неизвестно, тот это или другой, просто похожий. Но она все равно берет его. И пытается сжечь. Скальпелем ранит палец, в нос бьет эфир, юбка мамы закручивается вокруг нее.

Джейн убегает, по руке течет кровь. Августин бросается следом. Не быстро, но все же достаточно проворно. Он схватит ее, приведет обратно сюда, она будет смотреть на него и видеть вину в глазах, это совершенно реальное, живое существо, оно извивается, окутывая его сердце, вгрызается в позвоночник.

Этот момент проходит неправильно. Она его изменит. Рассчитает заново.

Впрочем, следует ли? Белое ничто не приближается, оно держится на расстоянии и кажется очень спокойным. Похоже, она сделала достаточно. Похоже, здесь ей удастся исправить то, что произойдет позже, по-настоящему исправить. Если она попадется в руки Августина, если позволит утащить себя в подвал, то никогда не разрушит камень, замурававший вход.

Она может умереть. Взгляд Августина как у помешанного. Духи, питающиеся его чувством вины, довели его до крайности, ведь нет ничего ужаснее, чем заставить человека поверить, что он спасет свою новую жену, став неоспоримой причиной ее смерти. Утром, когда дурман развеется, он возненавидит себя.

Ужасно, чудовищно, но при этом гениально. Она должна остановить Августина ради него же самого.

Она кричит, зовет его.

Он останавливается, будто охваченный сомнениями.

Джейн бежит к двери и захлопывает ее.

Августин оглядывается через плечо, ищет глазами источник крика, который на мгновение отвлек его, но отворачивается, никого не увидев. Он бьется в дверь, кричит:

— Джейн! Джейн, открой дверь!

По ту сторону Джейн без сил сползает по стене, шевелит губами, что-то нашептывая.

— Джейн, умоляю! — не унимается Августин.

Я не больна. Фраза звучит одновременно в крипте и в холле.

И вот она падает. Она слишком слаба, чтобы сопротивляться.

Дверь не исчезла. Ее знания малы, их недостаточно, чтобы возвести стену. Она даже круг не умеет чертить.

Это правда?

И да и нет.

Она знает достаточно. И может создать круг. Ей известно, что произойдет, если она не возведет стену, не запрет Августина. Джейн вытягивает руку, изъявляет желание, чтобы вместо двери появился камень. Белое ничто неизвестного будущего начинает рушиться.

Она обрекает Августина на страдания.

Он отступает, долго смотрит на камень, затем отворачивается. Он видит ее у лестницы и замирает от шока. Он в отчаянии. Он в замешательстве. Он понимает: происходит нечто странное. Наконец он подходит к ней.

— Джейн? Джейн, но я же видел. Видел, как ты ушла. — Он опускается на пол, смотрит на нее снизу вверх. — Я не понимаю.

Джейн, лежащая на полу холла, медленно впадая в забытие, слышит его голос, он то отдаляется, то приближается. Он рвется к ней. Она его не видит. Она наблюдает за всем происходящим. Потом она убегает, не желая оставаться с Августином наедине, она боится, боится за себя.

Лабиринт крипты закручивается, поглощая ее. Она видит фигуры, вглядывается в их лица, старается не думать об оставшемся позади Августине.

Он лежит, истощенный, не издавая ни звука. Она смотрит ему в глаза, видит, как он страдает от голода, свирепого и терзающего постоянно, он выкручивает кишки, пульсирует красным светом на пересечении линий мира. Он пытается применять магические заклинания. Пытается накормить себя, сделать так, чтобы появилась вода, в помещении стало теплее. У него не получается, ведь ему неизвестны все элементы ритуала. Сотворенное начинает управлять им, хотя оно и создано человеком, а магия — нет, это Джейн знает точно.

Он слабеет. С ним и Джейн. Она держит его на руках, он прижимается, шепча ее имя. Она гладит его по голове, баюкает, обнимает крепче, когда он дрожит; она не живая, она не может помочь, не может согреть.

Он умирает.

Он умирает в страхе. Тело остывает. Он продержался совсем недолго. Она чувствует запах дыма пропитанной кровью простыни, сожженной в камине библиотеки.

Так быстро.

У Джейн изначально не было шанса спасти Августина. Он был мертв, когда Джейн открыла каменную дверь, надеясь спасти себя прежнюю, не придавая значения последствиям. Это было только что? Или прошла целая жизнь? Она смотрит на тело, которое держит в объятиях.

И все же он приходит к ней в кабинет. Она чувствует, как он проникает в ее тело. Его рука в ее теле. Жаркие губы касаются щеки. Но нет, это не он.

Она смотрит и видит фигуру, принявшую облик Августина, ее черты просматриваются под линиями тела. В некоторых местах — например, на его руках, на лице — сложные детали переданы точно, искусный набросок на доске. Но на груди, на ногах есть зазоры. Огромные дыры, где магия не сработала, потому что Джейн еще плохо знает мужа.

Она неотрывно смотрит на него. Он хмурится. Она касается груди Августина, который ее оперирует, и груди Августина, нервничающего в их первую брачную ночь. И то и другое тело твердое и теплое, но все же они разные.

Виноват ли хирург? Ее убило то, на чем она сама же настаивала? Может ли он выбирать, уйти или остаться, или же исчезнет с рассветом? Она так этого не хочет. Желает, чтобы он был настоящий. Ей необходим шанс на успех.

Августин мертв. Августин жив.

Здесь, в мире мертвых, верны оба утверждения. Она хотела, чтобы так было и в другом мире. В мире живых время линейно. События происходят одно за другим, этого не изменить.

И вот появляется Рентон.

Он завис в полуметре над полом, конечности перекручены, как и кишечник, проблемы с которым его убили. От него исходит запах гнили, очень резкий и похожий на настоящий, в отличие от запаха горячей простыни. Голова закинута назад и лежит на согнутой руке. Он спокойно смотрит на Джейн.

Он не из тех белых фигур. Рядом с ним нет ни пустоты, ни белого ничто, нет и вины, которая ассоциируется у нее с профессией Августина.

Джейн хмурится.

— Я ТЕБЯ ЗНАЮ.

Ее голос — это вовсе не голос, не звуки, нечто иное, пульсирующее в пространстве, расширенном и сжатом одновременно, пространстве, которое является и одновременно не является Линдридж-холлом. Они глубоко в необработанной земле. Они внутри ярко освещенного ритуального пространства. Они нигде.

— ПРИЗРАКОВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, — говорит она.

Несмотря на логичность заявления, Рентон не исчезает.

— ДА, ИХ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, — соглашается он.

— КТО ЖЕ ТЫ?

— ОТЗВУК. Я ЗАСТРЯЛ ГДЕ-ТО МЕЖДУ МАГИЧЕСКИМИ РИТУАЛАМИ ТВОИМ И АВГУСТИНА. Я В ЛОВУШКЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА.

— РАЗВЕ ЭТО ПЛОХО?

— ТОЛЬКО НЕ ТОГДА, КОГДА ИМЕЕШЬ ФОРМУ.

Она готова поймать его на слове? Что же там еще?

— ИЗ-ЗА ТОГО ЧТО Я ЗАНИМАЛАСЬ МАГИЕЙ?

— ЭТО СДЕЛАЛО МЕНЯ ВИДИМЫМ.

— А ОСТАЛЬНЫЕ?

— ИЗ-ЗА ЗАНЯТИЙ МАГИЕЙ Я ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ.

АВГУСТИН ПРИВЛЕК МЕНЯ СЮДА, В ЭТОТ ДОМ, Я ЗАСТРЯЛ МЕЖДУ ЕГО ВИНОЙ И ТВОЕЙ. ТВОЙ РИТУАЛ СДЕЛАЛ МЕНЯ ГОЛОДНЫМ И БОЛЬШЕ ЧЕМ БЕСКОНЕЧНЫМ.

— ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ТЫ НЕ ТАКОЙ, КАК ЭТИ БЕЛЫЕ ФИГУРЫ?

Он кивает. Это тревожно.

Она смотрит на него, осмысливая. Он появился из-за ее ритуала. Она поворачивается и оглядывает Августина, в котором есть и настоящее, и нарисованное.

Рентон следит за ее взглядом. Пожимает плечами.

Намного хуже, чем просто тревожно.

— МЫ ВО МНОГОМ ПОХОЖИ. ТЫ ХОРОША В ПОНИМАНИИ, КАКОВЫ ВЕЩИ НА САМОМ ДЕЛЕ. МНЕ ЭТО НЕ УДАВАЛОСЬ. Я ОШИБАЛСЯ В СВОИХ ЗНАНИЯХ.

— А ЭТО НЕ ОШИБОЧНО? — спрашивает она, и они оба поворачиваются к Августину, вырезающему нечто из ее брюшной полости. Нечто имеет волосы. Зубы. И один зеленый глаз.

Это хуже всего.

— ВСЕ ПРЕДРЕШЕНО, — отвечает Рентон.

Джейн хмурится и подумывает задать вопрос, но ее прерывают. (Прерывают. В тот ли момент? Сейчас есть время, наложенное на отсутствие времени. Джейн в замешательстве, и оно растет.)

— Элоди, явьсь!

Ее собственный голос, но из другого временного отрезка.

Джейн поднимает голову. У дальней стены комнаты откуда-то взялось зеркало. В нем появляется Джейн. Она вся в крови.

Джейн помнит этот момент.

Без Элоди Джейн не открыть крипту. Белая пелена парадоксального будущего вновь начнет расти, она станет безграничной. В ней заключено ничто, все сделанное Августинном, ничто вместо Элоди, и она будет проникать всюду, подобно метастазам.

Джейн не дано знать, что будет дальше, она существует в шаткой реальности последовательности событий, переплетенных так, что ей не под силу распутать.

Если Элоди не появится...

Джейн в зеркале фокусирует взгляд. Она знает, что ее отражение — Элоди. Джейн из мира мертвых смотрит на зеркало с надеждой. Она надеется, что здесь появится Элоди, что она вызвала Элоди из небытия, что та, возможно, сделает то же, что и Джейн, вернется в прошлое, заполнит пустые места.

Но Элоди не появляется... Вместо нее зов чувствует Джейн, ее будто тянет куда-то.

Она смотрит на перекрученного Рентона, на его нереальную плоть в нереальном пространстве.

— ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ? — спрашивает она.

Он ничего не говорит.

Она не хочет умолять его ответить; раз он молчит, она его оставит. Она проходит к зеркалу. Садится. Смотрит на себя.

Джейн сосредоточивается, сгибается от изнеможения и ужаса и начинает раскачиваться. Джейн помнит, как следовала указаниям, ограничивая себя, ограничивая свои знания. Сыграло ли это роль?

Она хотела, чтобы появилась Элоди, но Джейн ведь не Элоди.

Она ищет себя. Это она меняется? Она превратится в Элоди? Так все займет свои места, станет правдой, тем, что понятно Джейн?

Внутри ничего не меняется.

— Августин жив? — шепчет она себе.

Она изо всех сил старается совладать с выражением лица, но знает, что выглядит огорченной до боли. Августин по-прежнему лежит у нее на руках.

— Ты была рядом, когда он умер?

Сто раз да. Умирая, он знал, что рядом она. Ей не нравится думать об этом моменте, иначе ее немедленно повлечет туда, а ей надо остаться здесь.

— Я могу как-то это исправить? Спасти его?

Нет.

Джейн смотрит на стол, где над ее телом склонился не тот Августин. «Но ты считаешь, что я могу», — готова произнести она. Ты будешь верить, что спасла его, но нет, это не так.

И все же...

И все же, кто такая Джейн, чтобы сделать такой выбор для себя живой? Этот момент придал ей сил для дальнейших действий и преодоления трудностей, она почувствовала, что искупила вину. Стена разрушена. Августин с ней. То, что он мертв, не имеет значения, ведь Джейн тоже мертва.

Наконец Джейн кивает.

— Можешь мне сказать. — Она вновь кивает. — Что? Что мне сделать? Как все исправить?

Ничего уже не исправить. Это невозможно. Существует лишь путь к этому моменту, и Джейн рада, что он есть. Рада, что Элоди больше нет, что ей не пришлось оставаться здесь многие годы, страдать, мучиться, ждать, тосковать. Она рада, что призраков не существует.

И она понимает, что всегда была Элоди.

Нет. Не всегда. Она вышла замуж за Августина и умерла на столе в крипте, но не она первая. Элоди существовала, и она умерла. Августин вырвал ее из ее временного периода и навсегда зафиксировал в моменте смерти, по крайней мере в ее отзвуке. С тех пор Элоди пропала. И к Джейн приходила не она. Элоди тогда уже не было, это всегда была она сама.

Нет, она вовсе не заменила Элоди. Это ошибка, разрыв, но это в прошлом.

Призраков не существует.

Нужно записать эти слова. Три слова изменяют все. Их достаточно легко произнести. Они подсказывают, что Элоди — вовсе не Элоди. Абигейл с разлагающимся в животе черепом не так сильно страдала. Каннингемы не умерли, фигуры, надевшие их образы, не имеют силы. Они много сделали для Джейн, они освободили ее, дали возможность идти дальше, чтобы победить, достичь момента прозрения.

Если призраков не существует, то и Августин не призрак, а нечто иное. Возможно, живой человек. Она должна узнать, так ли это.

Она берет тетрадь, записывает фразу и кладет к зеркалу, к самому отражению живой Джейн. А потом наблюдает, как она успокаивается, расправляет плечи и берет тетрадь. Наблюдает, как читает.

Этого почти достаточно.

Джейн отходит от зеркала. Рентон исчезает. Она стоит в толпе фигур, окруживших операционный стол, и смотрит, поражаясь яркому цвету своей крови. Внутренности тела кажутся беспорядочной кучей, хотя ясно, что каждый орган занимает свое место. Вид пугает меньше, чем представлялось. В тусклом свете увиденное похоже на пятно чернил, разлитое в стоячей воде. На абстрактную картину. Нечто изысканное, утонченное и яростное, неистовое одновременно.

То же можно сказать о самом Линдридж-холле. Она пережила в нем немало, процесс похож на формирование цыпленка в яйце.

Призраков не существует. То, что влияло на нее после смерти, — вовсе не призрак. Существо, которое пытается достать спутанное нечто из ее живота, — не призрак. Все предрешено. Впервые появление внутри тела чего-то иного она ощутила при встрече с Элоди в крипте. Это единственный момент, который она не исправила, не пересмотрела.

Она оглядывает Августина — Августина настоящего. Потом начинает проникать в его тело, исследуя слой за слоем. Первая косточка заложена, когда Августин прошлый еще жив, когда он бродит, потерянный, и не слышит голоса Джейн. На ее зов, крики из холла отвечает именно новая сущность, потому что *он* ей нужен. Эта новая сущность спрашивает ее: «Где я?» — и оживляется, получив ответ: «Ты в подвале». В то самое время Августин-человек отходит, он не в силах пошевелиться, он лежит у нее на руках и ждет смерти. Другой же Августин создается по частичкам. Джейн не понимает, что это игра, — он спрашивает, а она отвечает. Он добр. Он нежен. Лучшего хирурга не видел мир. Он не верит в магию, потому что только в этом случае всего произошедшего можно избежать.

Ей не нужно его создавать, ведь она уже сделала его. У нее живой есть знание за пределами мысли, знание вместо желаний. И вот этот новый Августин подходит к ней, пересекает границу круга, потому что призраков не существует, и он не призрак, точнее не совсем.

Он сущность, созданная магией. Она может сделать так, чтобы его не стало. Ей не нужно, чтобы он существовал, если она мертва. Но она смотрит на него, любит его творением. Материал она черпает не только из мыслей, но и получает от дома, сам Августин берет их из собственных

воспоминаний о прошлом и заполняет каждую трещинку, каждую щель. В нем еще живет одержимость магией, он обращается к ней, потому творит себя вместе с ней.

Она вышла замуж и полностью изменила мужчину, сделала его таким, каким мечтала видеть. Тонкий, оригинальный узор; он стал лучшей версией себя. Впрочем, возможно, не лучшей, но более ей подходящей.

Он мог бы одобрить ее работу. Предпочел быть стать самоуверенным, гордым и беспечным — Августином, которому нечего скрывать, который не стоит на зыбкой почве, увязая в чувстве вины и беспрестанных мыслях.

Ее создание не безупречно, она не знает, каким он будет, но слабость можно преодолеть.

Или это его творение?

Неважно чье, оно удивительное и ужасное. Однако он человек, и уничтожить его — значит убить. Он немного отличается от настоящего человека — в некоторых деталях, — но он живой. Уничтожить его невозможно, это ужасно. Она не сможет этого сделать.

Но она может довести его до совершенства, отшлифовать его — зажечь в нем настоящую жизнь.

И надеяться, что он никогда не узнает, что она натворила.

В тот день, когда гости уходят, а Джейн спускается в подвал, она находит там себя. Она умоляет Элоди, ничего не зная, не понимая, не имея возможности объяснить, что происходит.

Джейн нападает на самое себя, истязает себя, ломает, понимая, к чему это приведет, как сильны будут боль, гнев и ненависть. Но это необходимо.

Она бросает семя, пытается ускорить созревание плода в яйце, поместить в иной временной период, придать иной смысл, поменять последовательность упорядоченных действий. Берет часть у Августина, умершего у нее на руках,

и передает растущей опухоли. Поэтому у нее его волосы, зубы, глаза. А потом наблюдает с одержимостью, как она впитывает знания, по мере того как Джейн делает шаги к их получению. Когда Августин извлечет опухоль из ее тела и сожжет в ритуальном подношении, она изгонит его призраков, заменит оставшееся после него ничто, оно станет недостающей частью его самого. Найдет все ответы.

Белое сияние жизни, которое не могло стать бытием Джейн, сожмется до точки, похороненной в его сердце, потому что все их действия ведут именно сюда.

Он — ее великолепное творение.

И вот Джейн Шорингфилд Лоуренс закрывает глаза и впервые за много недель принимает данное жизнью.

И умирает.

Вздох.

— Джейн?

Джейн. Джейн. Джейн в теле, которое имело вес, ощущало боль, дышало. Оно уже не лежало на холодном камне. Она задышалась, воздух устремлялся в легкие обжигающе ледяным потоком, а потом она падала без сил, падала в объятия Августина. Картина мира стала блеклой, расплывчатой, отчетливо Джейн видела лишь темные фигуры с серповидными уборами на головах. На них белые одежды, забрызганные кровью, они отступали, расширяя круг, и начинали распадаться. Казалось, будто они сделаны из камня, который крошился. Куски его падали на пол, камень ударялся о камень. Сначала мелкие, как галька, за ними побольше.

Развалились и серповидные головы — реальность вышвырнула их.

Чувство вины, а потом пустота, ничего. Она слышала громкий плач Августина, чувствовала спиной прикосновение его рук.

— Августин, — прошептала она, пошевелиться не позволила слабость.

— Держись, — произнес он и победил.

Мир стал расширяться, и она поняла, что находится в крипте, ей очень холодно. В воздухе витал запах крови и опаленных волос. Вцепившись в Августина, Джейн приподнялась и заглянула ему через плечо, желая увидеть стол, на котором умерла, но увидела стол, на котором *не умерла*. Ее взгляд упал на чашу с темной массой из ее живота, и охватившее ее пламя затухло. Обручальное кольцо тлело рядом, как еще одна вещь, появившаяся не на своем месте и принесенная в жертву ради их свободы.

Пыль кружилась под сводчатым потолком, медленно оседала на предметах. Дом рушился, распадался на части, как и его призрачные обитатели.

Августин несясь вверх по лестнице в холл, она затаила дыхание, вспомнив о стене, разделившей его пополам, но та чудесным образом исчезла.

Наверху стонала кровля, взвизгивали, разрушаясь и крошась, металл и стекло — библиотека рухнула. К счастью, они уже добрались до входной двери. Рама ее покосилась от сместившегося веса, каменная стена пошла трещинами. Августин выбил дверь ногой, и они сбежали по ступеням на размытую грязь дорожки.

Линдридж-холл обрушился за спиной.

Огромное облако пыли, смешанной с энергиями дома, ударило в спины, подталкивая вперед, заставляя бежать быстрее. Ее зашитый живот жгло от нестерпимой боли, ее заглушила какофония падающих на землю обломков. Издалека доносился треск пожара. Изумленная, Джейн огляделась, но не увидела ни дыма ни огня. Затем почувствовала прикосновение руки и сжала ее так крепко, как только смогла.

Звуки угасали и вскоре свелись к приглушенному шипению, как будто от загорающего костра, и протяжным грохочущим звукам перекачивающихся кусков металла и камней.

— Все закончилось? — спросила она. — Я видела, как рушились фигуры, как горел жертвенный огонь...

— Все закончилось, — прошептал он. — Заклинание сработало. Только вот, Джейн... ты умерла. Я чувствовал, что ты умерла. Я видел.

И я видела, как умер ты.

Это было предрешено. Она приняла смерть.

Раз она не умерла, значит... что?

Значит, Августин совершил не один обряд.

— Да, я умерла, — согласно кивнула Джейн.

Он поцеловал ее в лоб.

— Надо выйти на дорогу. Дождаться кареты. Нас обязательно найдут, ведь кто-то наверняка услышал, что особняк разрушился.

Разрушился. Дома больше нет. Хотелось смеяться от радости и плакать. Разумеется, дом должен был рухнуть, когда подействует заклинание, а хозяин умрет. Дома нет, с ним исчезло и все наколдованное ею, каждая стена, каждая ее частичка.

— Судья арестует меня, — произнесла Джейн.

— Я ему не позволю.

— Я дала понять слугам, что убила тебя.

— Но я здесь. Давай, надо идти, из-за протечки в газовой трубе огонь скоро вспыхнет сильнее. Здесь опасно оставаться.

Августин сделал несколько шагов, прихрамывая на одну ногу, и потянул Джейн за собой. Она не могла идти. Не могла стоять, так болели швы на животе. Она закрыла глаза и заплакала уже не от радости, а от боли, огорчения и облегчения тоже.

Но все же в некотором смысле они живы. Возникшие из пелены тумана звуки донеслись до них одновременно. Топот копыт, обмен словами, мистер Лоуэлл, укрывающий

ее плащом, затем руки его и Августина, поднимающие ее в карету. Она слышала, как они спорили, ругались, умоляли друг друга, затем Августин появился на подножке, и карета тронулась. Он сел напротив нее — так же, как в день их свадьбы, в тот день, когда все пошло не так.

Она начертила небольшой круг на диване, приложила усилия, чтобы выстроить стену. Улыбнулась, когда ничего не вышло, и заснула.

Последующие четыре дня Джейн по большей части находилась без сознания. Изредка приходя в себя, видела лежащего рядом мужа. Обломки Линдридж-холла повредили ему ногу, но это не мешало устроиться рядом и не выпускать ее из объятий. Нога с наложенной шиной прижималась к ее бедру, и вскоре Джейн обнаружила, что дыхание и тепло Августина дарили не меньшее облегчение, чем опиум от болей в животе.

С визитом приходили из магистрата, слуги и даже Абигейл Ю, желавшая увидеть выхаживавшую ее женщину. Джейн пряталась ото всех в спальне, не готовая управлять чувствами и эмоциями, а также предстать перед людьми во всей силе. Встреча с мистером Лоуэллом, однако, стала неизбежным исключением, ведь, несмотря на благополучный исход, он ей не доверял. Она часто слышала, как он бродит по коридору, недоумевая и задаваясь все новыми и новыми вопросами. Он приносил еду, но ни разу не произнес ни слова. Августин предложил заменить его кем-то, кто будет относиться не столь предвзято, но Джейн отказалась. Она заслужила его сомнения и осуждение.

Августин проводил все ночи в клинике, но чувствовал себя хорошо. Джейн радовалась этому больше, чем он сам;

казалось, он забыл недавнее прошлое, хотя с удовольствием вспоминал учебу в университете. О клубе магов, Хант и друзьях упомянул вскользь, но подробно рассказал об Элоди, родителях, радостях и потерях юности, жизни до того, как все в ней рухнуло.

Поначалу Джейн воспринимала лишь половину им сказанного, но с каждым днем все больше крепла. Инфекции удалось избежать, швы не гноились и зажили быстрее, чем можно было надеяться, хотя на коже, конечно, останутся шрамы.

Через неделю после смерти Джейн уже сидела в постели и читала справочник фармацевтических препаратов с указанием состава. Внизу Августин принимал пациентов. За окном солнце опускалось к горизонту, хотя до наступления темноты оставалось не меньше часа. С каждым новым закатом и рассветом ощущение скребущих по горлу когтей становилось не таким явным. С дороги послышался стук колес о каменную мостовую, показавшийся неожиданно близким и громким.

Джейн напряглась, предчувствуя катастрофу, но сдержала возглас, когда входная дверь открылась.

В дверях появилась Авдотья Семеновна Низамиева. Она почти не отличалась от той, какой Джейн ее запомнила: стройная, темноволосая, с резкими чертами лица. И она не сводила глаз с Джейн. Не дожидаясь приглашения, сразу прошла к постели.

— Где мой муж? — спросила Джейн. Не готовая к встрече, она растерялась.

— Внизу с пациентом.

Доктор Низамиева опустила в кресло, которое принес сюда Августин.

— Он послал за вами?

— Нет. Ваша экономка написала мне после того, как вы ее выгнали из Линдридж-холла. Сказала, что обнаружила

вас голой, перепачканной грязью, и за это вы ее уволили. Она пришла отвезти вас к врачу, а вы кричали, что убили мужа.

Джейн вздрогнула, смущенно отвернулась и посмотрела на дверь, ожидая увидеть санитаров клиники, но доктор Низамиева, похоже, явилась одна.

— Все было не совсем так, но мне понятны причины ее огорчения. Мы прошли тяжелые испытания.

Джейн надеялась на понимание Низамиевой, полагала, что доктор напомним о ритуале, описание которого сама же прислала, осведомится, как он прошел.

Вместо этого женщина достала небольшой блокнот.

— И почему же так случилось? — Спокойный тон заботливого, внимательного врача, пытающегося составить список симптомов для постановки диагноза.

— Я была в отчаянии, — смущенно признала Джейн. — Нездорова. Доктор Лоуренс объяснил, что новообразования, такие как у меня, вызывают перегрузку всех систем организма.

Вместе с недостатком сна, скудным питанием, постоянным напряжением, которое требовалось для дела. Доктор Низамиева не могла этого не понимать.

— Горе, безусловно, тревожит разум. — Доктор нацарапала несколько строк. Джейн за это время пришла к выводу, что манера разговора ее значительно отличалась от прежней. В последнюю их встречу, несмотря на резкость, назидательность тона, проглядывала очевидная заинтересованность, которую сейчас сменила отстраненность. Низамиева не упомянула о своей роли, об «Учении Семи», как и о своих предупреждениях и наставлениях.

— Тем вечером в Линдридж-холле, — осторожно начала Джейн, — вы просили меня считать верным все, что скажете. Я повторила это мужу, и он внезапно вспомнил,

что верит в существование магии. Слова что-то изменили в его сознании.

«*Все предрешено*», — зазвучал в голове голос Рентона.

Доктор Низамиева растерянно огляделась.

— Я просила?

Сердце екнуло. Джейн отчетливо помнила этот их разговор — лучше, чем все прочие. Пожалуй, стоит внимательно подбирать слова, не делать резких движений, когда реальность напоминает зыбкий песок. Но Низамиева точно знает, что случилось.

— Вы ведь не только врач, правильно? — прошептала Джейн.

— Я занимаюсь разными вещами, помимо профессии. Выражайтесь конкретнее, миссис Лоуренс.

— Вы не признавали себя ведуньей, говорили, что не занимаетесь магией.

— И это правда.

В горле пересохло. Живот схватило от испуга и досады.

— Вопрос семантики? Я подобрала неверное определение? Вы...

Джейн замолчала и вцепилась пальцами в одеяло. Нельзя показывать тревогу и волнение. Один глубокий вздох успокоил, и она продолжала:

— Вы не участвуете в тех играх, которыми так увлечены доктор Хант и ее друзья, но не отрицаете, что магия существует.

— Если и так, это вовсе не вопрос веры, — ответила доктор Низамиева.

Пожалуй, но в каком смысле лично для нее?

— Хотите сказать, что занимаетесь магией, миссис Лоуренс?

Низамиева — человек рациональный. Джейн знала, как ответить: как здравомыслящая женщина.

— Нет. Конечно, нет. Магии не существует. — Она выдержала пристальный взгляд Низамиевой, не дрогнула, не сдалась.

Среди людей есть маги, но они обе не принадлежат к их числу. Разумеется, нет. Если Джейн в какой-то момент снова в этом уверится, непременно потеряется в глубинах мироздания. Будь она раньше уверена, что магии не существует, все давно бы закончилось. Она уже не могла возвести стены по кругу, духи не появлялись в ее жизни, а муж стал обычным человеком, как все мужчины, — отчего же ее влекло к вымышленному?

Из-за его пользы? Из-за доли содержащейся в нем правды? Но правда есть и в другом.

— А ваш муж?

— Он давно не участвует в этих играх.

— Извините, но я уточню: вашему мужу известно, что с ним произошло?

Грудь Джейн сжалась, не позволяя вздохнуть.

За долгие, слившиеся в один дни выздоровления она забыла о том, что пережила в том сумрачном, призрачном мире, граничащем со смертью.

Зияющие прорехи на теле Августина, доказывающие, что перед ней не тот человек, за которого она выходила замуж. Воспоминания, нахлынувшие, словно дурман видений. А следом картины последних дней ритуала, безумное лицо с взлохмаченными волосами, разрастающаяся инородная ткань, способная уничтожить их обоих, но давшая обоим свободу. Легче всего поверить, что она одержала победу или вовсе не пережила никаких испытаний. Ведь человека нельзя вернуть из мира мертвых, а муж здесь, рядом с ней, теплый и настоящий. Неужели все опять не такое, каким кажется?

Кое-что ее настораживало. Тень, мелькнувшая в зеркале. Провалы в памяти Августина.

Нечто, способное доказать, что перед ней не прежний Августин, а другой.

Могла ли доктор Низамиева понять это по одному беглому взгляду на него в коридоре?

— Не понимаю, о чем вы, — наконец произнесла Джейн, не справившись с дрожью в голосе.

— О его долгом отсутствии. Где он был?

Еще один наводящий вопрос, подталкивающий к краю пропасти. Джейн хотелось раскричаться, осыпать Низамиеву оскорблениями и вытолкать за дверь. Но через мгновение все прошло. Они с Августином уже продумали объяснение для всех.

— В подвале, — ответила Джейн. — Лабиринты его коварны, он заблудился и оказался в западне. Он сломал их стены, отчего рухнул весь дом. Разве вы об этом не слышали?

— Он отправился в подвал вместо клиники, где его ждали пациенты? Не понимаю... — произнесла доктор и продолжила: — Насколько мне известно, вы утверждали, что Августин покинул дом и вы тому свидетель. Но мистер Лоуэлл говорил, что люди из магистрата обыскиали окрестности.

— Я ошиблась. Из-за усталости. Августин собирался уходить, но я уснула прежде. Должно быть, он спустился в подвал за книгами, которые там хранил. По медицине. Конечно, находиться там опасно, но в помещении не так сыро, как в комнатах.

Доктор Низамиева бывала в кабинете Августина. Лождалась Джейн легко, в глазах собеседницы она не уловила и намека на сомнение. Как и доверия.

— Прошу меня простить, — продолжила Джейн, прежде чем услышала еще вопрос, — но боюсь, придется просить вас оставить меня. Вы понимаете, после операции я обесилела.

— Разумеется, — кивнула Низамиева и встала. По темной юбке пробежали волны. Блокнот она закрыла и убрала в карман. — Перенесенные вами испытания весьма серьезны, я рада, что вам удалось выбраться на другую сторону.

— Благодарю. Я тоже рада; а больше всего тому, что Августин со мной.

Доктор Низамиева кивнула в знак прощания и направилась к двери, но в шаге от нее остановилась и вновь повернулась к Джейн.

— Не старайтесь от всех отстраниться, миссис Лоуренс. Возможно, через несколько недель или месяцев вы поймете, что одна не справляетесь. Если понадобится моя помощь, не раздумывая обращайтесь.

А потом она ушла — приглушенный стук каблуков дошел с лестницы. Джейн дождалась, когда откроется и захлопнется входная дверь, и только тогда дала волю слезам.

Стало легче. Но лишь оттого, что Низамиева не задержалась в доме, чтобы поговорить с Августином. Это лишнее доказательство, что доктор приходила посмотреть *на нее*.

— Джейн, — донеслось от входа. Она подняла голову и увидела в дверном проеме мужа, смотрящего на нее озабоченно. — Что с тобой?

Интонации Августина мгновенно иссушили слезы. Легкий приступ паники прошел. Совсем недавно Джейн мучали кошмары, но Августин всегда был рядом, сидел у ее кровати, гладил по голове — она доверяла ему. Сейчас даже больше, чем две недели назад.

Ее уже не влекло постижение невозможного. Пришло время отказаться от своей алчной, неумейной, самонадеянной натуры, от себя прежней, желавшей большего, не только спасения мужа. Известно, к чему это привело. Доктор Низамиева оказала ей услугу.

Интересно, *намеренно* или случайно?

— Все хорошо, — ответила она, улыбнулась и коснулась губами его ладони.

Он улыбнулся в ответ, ничего не сказав о недавней гостье. Мог он не знать, что она приходила сюда? Джейн смотрела, как он снимает обувь, и решила, что не станет спрашивать.

— У тебя нет пациентов?

— Я просил мистера Лоуэлла закрыть на несколько часов клинику. Мне нужно отдохнуть. — Он забрался в кровать и лег рядом. — Сегодняшние думы меня утомили.

— Думы? О чем?

— Что ты скажешь о переезде в Камхерст?

— В Камхерст? Зачем?

— Ты могла бы поступить в университет, изучать математику. Винг прислал мне сообщение об открывшейся вакансии хирурга. Мы можем уехать из Ларрентона, забыть о Линдридж-холле и всем остальном. Можем начать сначала.

Джейн напряглась, вспомнив о бомбежках, подвалах, кусках мрамора, падающих на деревянный пол, — теперь страхи терзали ее значительно меньше. Она подумала о магах — парящих и запертых в клетке тела. О том, что придется жить совсем рядом с доктором Низамиевой. Но ведь она больше не занимается магией и будет молчать. Опасности нет.

— Думаю, это прекрасная мысль, — воскликнула Джейн.

Августин поцеловал ее и прижал к себе так, чтобы не давить на живот.

Она обняла его, закрыла глаза и поняла, что абсолютно счастлива.

И огни погасли.

Я начала писать книгу «Призраки Джейн Лоуренс» почти пять лет назад. В течение этого времени она постоянно менялась, в результате в ней стало больше мистики, крови и личного. Некоторые части оставались вполне узнаваемыми, иные же изменились кардинально, если сравнивать с первоначальным вариантом. Пять лет — долгий срок для работы над одной книгой (по крайней мере, для меня), но я трудилась и не сдавалась. Впрочем, едва ли вы держали бы ее в руках, если бы мне не оказали огромную помощь.

Итак, начну с благодарности моим первым читателям. Эллис Брей и Кики Нгуен, ваш вклад неоценим, ведь вы помогли мне увидеть основную ошибку в первой версии романа. Августин не будет прежним благодаря вам двоим. Эмма Миеко (Воющий Распятый Рентон) Кандон и Шайла Сандерс, вы обе прочитали множество версий, сидели со мной допоздна, слушали мои разглагольствования и теории, и мы вместе пришли к окончательному варианту. Спасибо, что стали для меня в нужное время и жилеткой, и психологом.

Спасибо всем, кто подбадривал меня, поверьте, в этом я нуждалась больше, чем вы можете представить.

Неме, Тея, Эль, Кейси, Вэл, Сет и Кейтлин, со звериным чутьем вы предоставляли мне опору в самый нужный момент, без вас этот путь пройти было бы гораздо труднее.

Я научилась писать благодаря текстовым ролевым играм, потому хочу сказать спасибо всем, кто составлял мне компанию в эти годы. В частности, Кристал Ло и Дэну Роджерсу — наши игры помогли мне придумать и детально проработать доктора Авдотью Семеновну Низамиеву. Очень благодарна вам за то, что вы есть.

Спасибо моему агенту Кейтлин Мак-Дональд. Именно вы подвели меня к тому, чтобы сделать книгу настолько хорошей, насколько я могла, а затем распорядились ею наилучшим образом. Спасибо, что выслушивали меня всякий раз, когда я рыдала и рвала на себе волосы, всякий раз, когда упиралась в стену. С потом и кровью, пролив немало слез, я все же дошла с вашей помощью до финиша.

Спасибо моему редактору Сильвану Крикмору за то, что он увидел именно то, что мне так нравится в этой книге, и тоже полюбил ее. Именно благодаря вам это произведение стало лучшей версией себя.

Спасибо тем, кто отвечал за полиграфические и технологические процессы, благодаря этому у книги великолепный дизайн. Также хочу отметить работу всей команды SMP, которая помогла книге попасть в руки читателей по всему миру.

Спасибо моей тете, доктору Кристин Каупертуэйт, за подробный ответ на совершенно неожиданный вопрос о том, что могла представлять собой абдоминальная хирургия в Викторианскую эпоху. Услышав мои нелепые рассуждения о том, что мог чувствовать пациент, ты подробно рассказала все о методах и рисках, а также придумала фразу «местоположение магического поражения»,

которой я восхищаюсь и очень дорожу. Ты крутая, спасибо тебе. Надеюсь, описывая операции, по поводу которых не консультировалась с тобой, я не допустила много ошибок.

Эльза Сьоннесон, ты одновременно и потрясающий редактор, и замечательный друг. Я рада, что мы работали над этим проектом вместе.

Своим пониманием, почему ужасы в готическом стиле так привлекательны, я обязана Жанетт Нг: она напомнила мне о том, что не стоит сдерживать основные инстинкты.

(Спасибо также Дональду Маасу, которому за время, потраченное на кофе, удалось решить мою проблему с третьей сценой, не прочитав при этом ни страницы книги.)

Моему мужу Дэвиду Холю — спасибо, что не только поддерживал меня в период создания книги и вихря публикаций, но и что не убежал с криками, узнав, что я сделала с мужем Джейн. У нас с ней много общего, но я обещаю, что не стану пытаться наколдовать лучшую версию тебя. И все же будем обходить стороной дома с подвалами. На всякий случай.

Спасибо моим родителям, Дэвиду и Стейси Старлинг, за то, что всем рассказывали про меня и поддерживали на каждом этапе. Я бесконечно признательна своей двоюродной бабушке Линн Нарасимхан, всегда готовой выслушать меня и поднять бокал виски, когда есть повод отпраздновать. Она также приютила нас на период учебы в аспирантуре, выпавший на пандемию.

Спасибо моим родственникам Дэйву и Сьюки Холь и всем остальным членам семьи с обеих сторон за восторженные отзывы о том, что я делаю. Надеюсь, чтение этой книги не очень вас травмировало.

Также благодарю всех моих читателей, которые доверяли мне во всем, приняли как высокотехнологичные детали, так и созданные в древние времена лабиринты в доме в псевдоанглийской местности. Надеюсь, вам понравилось и вы с любопытством ждали, что произойдет на следующей странице.

МИО Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

Литературно-художественное издание
Red Violet. Жестокие уроки

Старлинг Кейтлин

Призраки Джейн Лоуренс

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Наталья Довнар*

Литературный редактор *Дарина Никонова*

Арт-директор *Вера Голосова*

Иллюстрация обложки *Selcha Uni*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Наталья Воробьева, Елена Сухова*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

ГОТИЧЕСКИЙ ФЭНТЕЗИ-ХОРРОР

АВТОР НОМИНИРОВАН
НА ПРЕМИЮ БРЭМА
СТОКЕРА И «ЛОКУС»

Умная и практичная Джейн решилась на брак по расчету, чтобы сохранить независимость и положение в обществе послевоенной Англии. Ее избранник — хирург Августин Лоуренс — согласился с одним условием: Джейн никогда не останется в Линдридж-холле, фамильном поместье за городом. Однако в ночь после свадьбы непроглядный ливень заставляет их укрыться в этом жутком полузаброшенном особняке. Августин меняется на глазах, в поместье творится что-то странное, и вскоре Джейн уже не может отличить реальность от кошмара.

«Напряжение и интрига! Как “Джонатан Стрендж и Мистер Норрелл”, но с “Мексиканской готикой” и “Багровым пиком”».

BookRiot

#ПризракиДжейнЛоуренс

Иллюстрация на обложке — Selcha Uni

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks